

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2021

№ 61

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Шербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сухушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглеzneв В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Шербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия), кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Вяткина Н.Б.** (Институт философии НАНУ, Киев, Украина); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопап Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Shcherbinin A.I.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Skochilova V.G.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Political Science); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Viatkina N.B.** (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Lobovikov V.O. Epistemic Modal Logic, Universal Philosophical Epistemology, and Natural Theology: God's Omniscience as a Formal-Axiological Law of the Two-Valued Algebra of Metaphysics as Formal Axiology (Demonstrating the Law by "Computing" Relevant Evaluation-Functions).....	5
Андрушкевич А.Г. Семантический анализ аскриптивных выражений.....	14
Филипенко С.А. Два способа самосознания в структуре сознания.....	21
Целищев В.В., Хлебалин А.В. Понимание в математике и следование правилу Витгенштейна	29

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Mikhailov I.F. Computational Treatment for the Life Science	38
Наумова Е.И. Дискуссии о сущности капитализма в русской общественной мысли конца XIX века.....	47
Петрова Г.И., Петренко В.В., Петров Ю.Л. Доверие как иррациональная компонента ratios: значение в конструировании личностной идентичности.....	54
Рахманинова М.Д., Гончарко О.Ю. Между «немощью» и «свободой»: к политической истории понятия «акратея» (ἀκράτεια).....	62

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Stasiulis N. The Ontologico-Political Aspect of Heidegger's Thought.....	80
Берестов И.В. Анализ критики Платоном и Аристотелем парменидовского единства сущего.....	87
Корнилаев Л.Ю. Философия права Эмиля Ласка.....	97
Мёдова А.А. Гуссерль и Фреге: траектории сравнительных исследований	105
Федянина В.А. Философско-методологические основания периодизации японской истории в работах монаха Дзиэн (1155–1255).....	117
Хромченко А.С. Различия в понимании природы математических суждений у И. Канта и Г. Фреге.....	126

СОЦИОЛОГИЯ

Батуренко С.А. Феминистские/анtifеминистские идеи М.М. Ковалевского	135
Воронцов В.С., Зворыгин Р.В. Современная религиозная ситуация в Удмуртской Республике: конфессиональная идентификация жителей и состояние межконфессиональных отношений	148
Емельянов Д.Н. Хозяйственная этика российских духовных христиан-молокан в свете современных реалий.....	162
Исаев Д.П. Образы профессиональной династии в современной российской научной среде	172
Матецкая А.В. Особенности постсекулярного общества в России	180
Швиндт У.С. Стрит-арт и его фундаментальные коммуникативные особенности	190

ПОЛИТОЛОГИЯ

Денисова Г.Л. Репрезентация концепта ПОРАЖЕНИЕ ЗАХВАТЧИКА в карикатурах Великой Отечественной войны	204
Кочетков А.П. Администрация Байдена и возрастание угроз безопасности России со стороны США	216
Маклашова Е.Г. Реализация государственной национальной политики России на муниципальном уровне в дифференцированных этнокультурных локальных сообществах (опыт Республики Саха (Якутия)).....	225
Матюсова А.И. Особенности личностей губернаторов – «старожилов» в контексте специфики функционирования института губернаторства.....	238
Подшибякина Т.А. Диффузия политики: теории, понятие, практики	254
Соловьев А.И. Конфликтные грани культурного поля политики.....	263

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Барышников П.Н. Может ли математика быть подобной холестеролу? (Рецензия на книгу: Хакинг Я. Почему вообще существует философия математики? / пер. с англ. В.В. Целищева. Сер. Библиотека аналитической философии. Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 400 с.).....	272
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	279

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Lobovikov V.O. Epistemic Modal Logic, Universal Philosophical Epistemology, and Natural Theology: God's Omniscience as a Formal-Axiological Law of the Two-Valued Algebra of Metaphysics as Formal Axiology (Demonstrating the Law by "Computing" Relevant Evaluation-Functions).....	5
Andrushkevich A.G. Semantic Analysis of Ascriptive Expressions.....	14
Filipenok S.A. Two Modes of Self-Consciousness in the Structure of Consciousness.....	21
Tselishchev V.V., Khlebalin A.V. Understanding in Mathematics and Wittgenstein's Rule-Following	29

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Mikhailov I.F. Computational Treatment for Life Science.....	38
Naumova E.I. Discussions on the Essence of Capitalism in the Russian Social Thought of the Late 19th Century.....	47
Petrova G.I., Petrenko V.V., Petrov Yu.L. Trust as an Irrational Component of Rationality: Role in the Construction of Personal Identity	54
Rakhmaninova M.D., Goncharko O.Yu. Between "Lack of Power" and "Freedom": On the Political History of the Concept of Acrateia (ἀκρατεία)	62

HISTORY OF PHILOSOPHY

Stasiulis N. The Ontologico-Political Aspect of Heidegger's Thought.....	80
Berestov I.V. Analysis of Plato's and Aristotle's Criticism of Parmenides' Unity of What-Is.....	87
Kornilaeu L.Yu. Emil Lask's Philosophy of Right.....	97
Medova A.A. Husserl and Frege: Trajectories of Comparative Studies	105
Fedianina V.A. Jien's Periodization of the History of Japan: Philosophical Underpinnings.....	117
Khromchenko A.S. Differences in Conceptions of the Nature of Mathematical Propositions in Frege and Kant	126

SOCIOLOGY

Baturenko S.A. Feminist/Anti-Feminist Ideas of Maksim Kovalevsky	135
Vorontsov V.S., Zvorygin R.V. Current Religious Situation in the Udmurt Republic: The Confessional Identification of Residents and the State of Inter-Confessional Relations	148
Emelyanov D.N. Economic Ethics of Russian Spiritual Christians-Molokans in the Light of Modern Realities	162
Isaev D.P. Images of a Professional Dynasty in the Modern Russian Scientific Environment.....	172
Matetskaya A.V. Specific Features of the Postsecular Society in Russia.....	180
Shvindt U.S. Street Art and Its Fundamental Communication Features	190

POLITICAL SCIENCE

Denisova G.L. Representation of the Concept AGGRESSOR'S DEFEAT in Cartoons of the Great Patriotic War.....	204
Kochetkov A.P. The Biden Administration and the Growing Threats to Russia's Security from the United States	216
Maklashova E.G. Implementation of Russia's State Ethnic Policy at the Municipal Level in Differentiated Ethnocultural Local Communities (Experience of the Republic of Sakha (Yakutia)).....	225
Matiusova A.I. Features of "Old-Timer" Governors' Personalities in the Context of the Specifics of the Governorship Institution Functioning.....	238
Podshibyakina T.A. Policy Diffusion: Theory, Concept, Practice.....	254
Solovyev A.I. Conflict Facets of the Cultural Field of Russian Politics.....	263

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Baryshnikov P.N. Can Math Be like Cholesterol? (Book Review: Hacking, I. (2020) <i>Why Is There Philosophy of Mathematics at All?</i> Translated from English by V.V. Tselishchev. Kanon + ROOI "Rehabilitation". 400 p.).....	272
---	-----

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS	279
---	-----

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 16 + 2 + 17 + 51-7 + 512

DOI: 10.17223/1998863X/61/1

V.O. Lobovikov

EPISTEMIC MODAL LOGIC, UNIVERSAL PHILOSOPHICAL EPISTEMOLOGY, AND NATURAL THEOLOGY: GOD'S OMNISCIENCE AS A FORMAL-AXIOLOGICAL LAW OF THE TWO-VALUED ALGEBRA OF METAPHYSICS AS FORMAL AXIOLOGY (DEMONSTRATING THE LAW BY "COMPUTING" RELEVANT EVALUATION-FUNCTIONS)¹

The method of constructing and investigating discrete mathematical models is applied to the problem of Omniscience-by-God, which is located at the intersection of epistemology, theology, and epistemic logic. For the first time in epistemology and philosophical theology, the tenet of God's Omniscience is formulated by the artificial language of two-valued algebra of metaphysics as formal axiology, and demonstrated as a formal-axiological law of that algebra by "computing" relevant evaluation-functions.

Keywords: empirical-knowledge, a-priori-knowledge, God's-omniscience, algebra-of-metaphysics-as-formal-axiology, formal-axiological-law

If controversies were to arise, there would be no more need of disputation between two philosophers than between two accountants (*Computistas*). For it would suffice to take their pencils in their hands, to sit down to their slates (*abacos*), and to say to each other.... Let us calculate (*Calculemus*).

G.W. Leibniz

Introduction

The problem of God's omniscience has been known since ancient times: Plato [1], Augustine [2], Aquinas [3]. To introduce a logic contradiction making the problem let us consider two representative citations. The first one is from the dialogue "Parmenides" by Plato: "Would you, or would you not say, that absolute knowledge, if there is such a thing, must be a far more exact knowledge than our knowledge; and the same of the beauty and of the rest?"

Yes.

¹ **Заголовок (рус.):** Эпистемическая модальная логика, универсальная философская эпистемология и естественная теология: всеведение Бога как формально-аксиологический закон двузначной алгебры метафизики как формальной аксиологии (Обоснование этого закона «вычислением» соответствующих ценностных функций)

Аннотация (рус.): Метод конструирования и исследования дискретных математических моделей применяется к проблеме всеведения Бога, находящейся на стыке эпистемологии, теологии и эпистемической логики. Впервые в эпистемологии и философской теологии догма всеведения Бога формулируется на искусственном языке двузначной алгебры метафизики как формальной аксиологии и обосновывается в качестве формально-аксиологического закона этой алгебры путем «вычисления» соответствующих ценностных функций.

Ключевые слова (рус.): эмпирическое знание, априорное знание, всеведение Бога, алгебра метафизики как формальной аксиологии, формально-аксиологический закон

And if there be such a thing as participation in absolute knowledge, no one is more likely than God to have this most exact knowledge?

Certainly.

But then, will God, having absolute knowledge, have a knowledge of human things?

Why not?

Because, Socrates, said Parmenides, we have admitted that the ideas are not valid in relation to human things; nor human things in relation to them; the relations of either are limited to their respective spheres.

Yes, that has been admitted.

And if God has this perfect authority, and perfect knowledge, his authority cannot rule us, nor his knowledge know us, or any human thing; just as our authority does not extend to the gods, nor our knowledge know anything which is divine, so by parity of reason they, being gods, are not our musters, neither do they know the things of men.

Yet, surely, said Socrates, to deprive God of knowledge is monstrous" [1. P. 490].

The second citation is taken from "Summa Theologica" by Thomas Aquinas: "*Whether God Knows Things Other Than Himself by Proper Knowledge? <...> I answer that, Some have erred on this point, saying that God knows things other than Himself only in general, <...> But it cannot be. For to know a thing in general and not in particular, is to have an imperfect knowledge of it. <...> Hence it is manifest that God knows all things with proper knowledge, in their distinction from each other*" [3. P. 80–81].

The above citation from Plato's dialogue "Parmenides" produces a very strange impression as it manifestly establishes an unbridgeable gap between divine (absolute) knowledge and human (imperfect) one. From the classical philosophical theology viewpoint, the dualism between the mentioned kinds of knowledge is "monstrous". Certainly, it must be rejected. But how can one overcome the dualism, if existence of absolute knowledge is admitted and existence of its significant difference from the relative (human) one is admitted as well? Effectively to span the two contrary kinds of knowledge one has to have a *universal (common) for absolute and relative knowledge*. This universal is to be more general than the two particulars. The abstract concept of "knowledge in general" is to be a genus in relation to the species "absolute knowledge" and "relative knowledge". In the above citation from "Summa Theologica" not two but three different meanings of the word "knowledge" are mentioned: the *perfect* one; the *imperfect* one; and the general knowledge or knowledge-in-general [3. P. 80–81]. If, in addition to writings by Plato and T. Aquinas, one takes into an account also I. Kant's discourse of *a priori* and *a posteriori* knowledge [4, 5], then the one can arrive to the conclusion that in philosophical literature the word-homonym "knowledge" has at least three significantly different meanings, namely:

(K-1) *a priori* knowledge, which is perfect (proper) knowledge (absolute one);

(K-2) *experience* knowledge, which is imperfect (improper) knowledge (relative one) and typical for human creatures (this meaning is subject-matter of *evolutionary* epistemology and *empiricist* theory of cognition);

(K-3) general knowledge or knowledge-in-general (this meaning ought to be subject-matter of epistemic modal logic).

But, in my opinion, the so-called *normal* epistemic modal logic has missed its target as instead of studying the meaning K-3, it studies the meaning K-1. Thus, it has missed its goal because its theorem (or even axiom) “If person knows that q, then q” is valid not for any knowledge in general, but only for perfect (absolute) knowledge *a priori*. It is true that if God knows that q, then q, but it is not valid that for any q, if a human creature has a knowledge by experience that q, then q. A critique of the so-called *normal* epistemic modal logic from the viewpoint of *evolutionary* epistemology can be found, for instance, in [6]. But this remark of the *so-called normal* epistemic modal logic is not related to the problem in question directly because in the expression “God’s knowledge”, the homonym “knowledge” can have meanings K-1 or K-3, but not K-2, as *His knowledge cannot be empirical one* on principle; in relation to God, *evolutionary* epistemology is irrelevant, as *His knowledge is invariable* [3. P. 89]. Thus, indefiniteness of the meaning of expression “God’s omniscience” is a little bit diminished. The ambiguous expression “God knows everything” is explicated by “God *a priori* knows everything”. For further explicating it is indispensable to have a precise definition of the notion “*a priori* knowledge”. A precise *axiomatic* definition of this notion is given within the logically formalized universal philosophical epistemology system Σ systematically utilizing the three significantly different notions of knowledge [7], but that axiomatic definition it is not manifest (direct) one. Moreover, within the formal theory Σ , the indirect definition of “*a priori* knowledge” is done at the level of *syntaxis*. However, along with the indirect syntactic definition of the notion, it would be perfect to have also a direct semantic one. But how can it be done? Let us look at this difficult question from different sides.

Abstractly talking in principle, I think that it is a good idea to bridge the gap between the two kinds of knowledge by introducing the third kind of it (generalizing and thus synthesizing one); but there are nontrivial problems: how to make the universal philosophical epistemology exploiting the triple of knowledge-kinds a *logically consistent* theory? What are *semantic foundations* of such theory? These questions are nontrivial ones as the literature on the topic is not homogeneous and even contradictory as a whole. The immense amount of worth-mentioning modern writings on God’s omniscience is representatively exemplified by (though not reduced to) [8–22]. In some of the mentioned contemporary writings on the theme, various objections against existence of Divine omniscience were raised again and elaborated systematically in spite of the fact that many of them already had been discussed (and considered as already eliminated ones) by eminent theologians and philosophers before, for instance, by T. Aquinas [3]. This may be explained by extraordinary difficulty of the nontrivial problem of philosophical theology which is a complicated system of qualitatively different aspects. And, in spite of the immense literature on the topic, some aspects of the problem are still missed and even not recognized by researchers. The present article is devoted to indicating and investigating one of the hitherto not recognized and therefore omitted aspects of the attribute of God. To begin with, look at the following Aquinas’ sentences concerning Divine knowledge which sentences are taken from “Question XIV” of “Summa Theologica” [3. P. 75–91]:

“...God necessarily knows things other than Himself” [3. P. 79].

“...God knows things other than Himself with a proper knowledge...” [3. P. 80].

“He supremely returns to His own essence, and knows Himself” [3. P. 77].

“...He has knowledge even of things that are not” [3. P. 83].

“So also, things in potency are known by God, although they are not in act” [3. P. 83].

“...God knows future contingent things” [3. P. 87].

“It is written: *The Lord knoweth the thoughts of men* (Ps. 93.11). But enunciable things are contained in the thoughts of men. Therefore, God knows enunciable things” [3. P. 88].

“*I answer that*, Since the knowledge of God is His substance, as is clear from the foregoing (A. 4), just as His substance, is altogether immutable, as shown above (Q. IX. A1), so His knowledge likewise must be altogether invariable” [3. P. 89].

To understand these sentences adequately one has to have knowledge of semantics of natural language. But which semantics of it is meant? In first approximation, as a rule, people mean the descriptive-indicative one, which seems to be the only semantics in *empirical* sciences of nature (physics, chemistry, et al). However, in the natural language of *the humanities* there is also a *formal-axiological* semantics along with the descriptive-indicative one. Thus, in the humanities, the natural-language semantics consists of two necessary parts. Moreover, there is a hypothetical conception that *in its essence metaphysics is formal axiology* [23]. In the present article the hypothetical conception of *metaphysics as formal axiology* is assumed and studied by the hypothetic-deductive method systematically.

In this relation it is worth noting and even emphasizing that while discussing all-knowing-God in [8–22] the authors have concentrated almost all their attention on proper logic aspect of descriptive-indicative semantics of the natural language used in talks of His omniscience. As a rule, theologians and philosophers have discussed *statements of being or non-being* (or possibility or impossibility) of the omniscience by God. *Statements of the positive value* of His omniscience has been presumed but they do not undergo a systematical *formal-axiological* analysis using discrete mathematics, namely, two-valued algebra of formal axiology. Therefore, the present paper is targeted at filling in this blank in the literature on the topic. To make the text understandable first of all it is indispensable to introduce, precisely to define, and to instantiate the minimal set of basic definitions necessary and sufficient for proving strictly that *God's omniscience is a law of metaphysics* (i.e. a *formal-axiological law*) in the *algebraic system of formal axiology*. Therefore, let us introduce the new conceptual apparatus (unknown terms) systematically to be used below for obtaining the novel nontrivial result which has never been published hitherto.

A two-valued algebraic system of metaphysics as formal axiology (a set of basic definitions necessary-and-sufficient for proving strictly that God's omniscience is a formal-axiological law of the algebraic system)

In this part of the paper I make the reader aware of the basic definitions of algebra of formal axiology which are already published, for instance, in [6, 23–25]. Beginning with this already published set of main definitions is necessary for understanding the significantly new result submitted in this article. The paper's

novelty is proving the metaphysical (=formal-axiological) law of God's omniscience by computing compositions of relevant evaluation-functions; this novelty is still not published elsewhere.

Two-valued algebra of formal axiology is based upon the set Δ of either acts or agents. By definition, acts are such and only such operations, which are either good, or bad ones in the abstract axiological meaning of the words "good" and "bad". In general, any elements of Δ (and, in particular, any agents) are such and only such entities which are either good, or bad ones. The set Δ is homogenized by accepting such an identity-abstraction according to which an agent is identified with the compound action uniting all acts of that agent in a whole. Thus, an agent is nothing but the complex act consisting of all the actions realized by the agent.

Algebraic operations defined on the set Δ are evaluation-functions. Evaluation-variables of these functions take their values from the set $\{g, b\}$. Here the symbols "g" and "b" stand for the abstract axiological values "good" and "bad", respectively. The functions take their values from the same set. The symbols: "x" and "y" stand for abstract-value-forms of elements of Δ . Elementary value-forms deprived of their contents are independent evaluation-variables. Compound value-forms of acts and agents deprived of their contents are evaluation-functions determined by these variables.

Let symbol Σ stand for the *evaluator*, i.e. that person (individual or collective one – it does not matter), in relation to which all evaluations are generated. In the evaluation-relativity theory, Σ is a variable: changing values of the variable Σ can result in changing evaluations of concrete acts and agents. However, if a value of the variable Σ is fixed, then evaluations of concrete acts and agents are definite.

Speaking of evaluation-functions in this paper I mean the following mappings (in the proper mathematical meaning of the word "mapping"): $\{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, if one speaks of the evaluation-functions determined by *one* evaluation-variable; $\{g, b\} \times \{g, b\} \rightarrow \{g, b\}$, where "x" stands for the Cartesian multiplication of sets, if one speaks of the evaluation-functions determined by *two* evaluation-variables; $\{g, b\}^N \rightarrow \{g, b\}$, if one speaks of the evaluation-functions determined by *N* evaluation-variables, where *N* is a finite positive integer.

Now let us introduce and define by tables elementary evaluation-functions directly relevant to the theme of this paper. First of all, let us consider the functions determined by *one* argument.

The *glossary* for the below evaluation-table 1: Let the symbol Ay mean the evaluation-function "*a-priori knowledge of (about) y*". The symbol Ey means the evaluation-function "*empirical knowledge of (about) y*". Vy stands for the evaluation-function "*empirical knowing by (whom) y*". Jy – the evaluation-function "*a-priori-knowing by (whom) y*". Ty – "*y's thought*" or "*thinking by y*". By – "*being of (what, whom) y*". Fy – "*future (what, who) y*", or future of (what, whom) *y*". Ny – "*non-being of y*". Zy – "*change of y*". Cy – "*contingent (what, who) y*". Dy – "*thing (what, who) y*". Gy – "*God of (what, whom) y in monotheistic world religion*". The introduced functions are defined by the table 1. (Such tabular definition of the *constant* evaluation-function Gy has been published and used in [24, 25].)

Table 1. The Functions Determined by One Argument

y	Ay	Ey	Vy	Jy	Ty	By	Fy	Ny	Zy	Cy	Dy	Gy
g	g	b	g	g	g	g	g	b	b	b	g	g
b	b	g	b	b	b	b	b	g	g	g	b	g

The *glossary* for the below evaluation-table 2: Let the symbol E_{2xy} stand for the evaluation-function “*empirical knowledge of (about) x by (whom) y*”. (The lower number-index 2 informs that the indexed capital letter stands for a function determined by *two* arguments.) The symbol A_{2xy} stands for the evaluation-function “*a priori knowledge of (about) x by (whom) y*”. The symbol F_{2xy} – “*y’s freedom from x*”. T_{2xy} – “*y’s thought (thinking) of (about) x*”. S_{2xy} – “*y’s sensation of x*” or “*y’s feeling (what, whom) x*”. C_{2xy} – “*y’s existence in (what, whom) x*”. I_{2xy} – “*y’s absolute ignorance of (about) x*, i.e. having neither *empirical* knowledge nor *a-priori* one of (about) *x*”. K_{2xy} – “*y’s having a knowledge-in-general of (about) x*, i.e. having either *empirical* knowledge, or *a-priori* one, or both *about x*” (here “or” is used in its *not-excluding* meaning). These functions are defined below by the table 2.

Table 2. The Functions Determined by Two Arguments

#	x	y	E_{2xy}	A_{2xy}	F_{2xy}	T_{2xy}	S_{2xy}	C_{2xy}	I_{2xy}	K_{2xy}
1	g	g	b	g	b	b	b	g	b	g
2	g	b	b	g	b	b	b	b	b	g
3	b	g	g	g	g	g	g	g	b	g
4	b	b	b	b	b	b	b	g	g	b

Definition DEF-1 (of the binary relation of *formal-axiological-equivalence*): in two-valued algebraic system of metaphysics as formal axiology, any evaluation-functions (value-forms of activity) ω and ϕ are *formally-axiologically equivalent* (this is represented by the symbol “ $\omega=+=\phi$ ”), if and only if they acquire identical axiological values (from the set $\{g \text{ (good)}, b \text{ (bad)}\}$) under any possible combination of axiological values of their evaluation-variables.

Definition DEF-2 (of the notion “a *law of metaphysics*” or, which is the same, “a *formal-axiological law*”): in two-valued algebraic system of metaphysics as formal axiology, an evaluation-function (value-form of activity) is called *formally-axiologically good (or absolutely good)* one (or a *law of metaphysics*), if and only if it acquires the axiological value g (*good*) under any possible combination of axiological values of its variables. In other words, ω is a *law of metaphysics*, if and only if $\omega=+=g$.

Definition DEF-3: (of the notion “a *formal-axiological contradiction*”): in two-valued algebraic system of metaphysics as formal axiology, an evaluation-function is called “*formally-axiologically bad*” one or, which is the same, a “*formal-axiological contradiction*”, if and only if it acquires the axiological value b (*bad*) under any possible combination of axiological values of its variables. In other words, ω is a *formal-axiological contradiction*, if and only if $\omega=+=b$.

As now all the definitions necessary and sufficient for proving God’s omniscience (as the formal-axiological law of metaphysics) are already given, let us start constructing the proof by computing compositions of relevant functions (within the algebraic system).

Proving the formal-axiological law of God’s Omniscience by Computing Evaluation-Functions and Systematical Using the Above-Given Definitions

Taking into an account that, according to the table 1, for any y , it is true that $G_y=+=g$, the reader himself can generate and examine the following equations of the above-defined algebraic system of metaphysics.

1) $A_2xGy=+=g$: being true for any x and y , this equation establishes the universal metaphysical (=formal-axiological) law of God's a-priori-knowledge of x , where x is arbitrary. Many of the following equations are important *particular* cases of this *universal* law.

2) $A_2DxGy=+=g$: God *a priori* knows all things.

3) $A_2BxGy=+=g$: God *a priori* knows being of x .

4) $A_2NxGy=+=g$: God *a priori* knows non-being of x .

5) $A_2FxGy=+=g$: God *a priori* knows future of x .

6) $A_2FCDxGy=+=g$: God *a priori* knows any future contingent thing x .

7) $A_2TxGy=+=g$: God *a priori* knows any x 's thought.

8) $A_2GyGy=+=g$: God *a priori* knows Himself.

9) $NZA_2xGy=+=g$: nonbeing of change of God's a-priori-knowledge of x is the law.

10) $C_2E_2xyA_2xy=+=g$: existence of *a-priori* knowledge in empirical one is the law.

These equations make up a *model* of the above citations from "Summa Theologica" [3]. Certainly, some empiricist-minded philosophers could assess the equations as paradoxical ones contradicting to experience. However, in my opinion, talks of *facts* and *empirical* arguments are irrelevant here, as the equations model not *experience* but *a priori* knowledge by God. Thus, the alleged objections are to be rejected because they violate the principle known under the somewhat conventional name "Hume Guillotine" which principle forbids allegedly logical bridging the gap between *facts* (=contingent truths) and values. In any way, the model deserves discussing.

References

1. Plato. (1994) The Dialogues of Plato. In: Adler, M. (ed.) *Great Books of the Western World*. Vol. 6. Chicago; Auckland; London: Encyclopedia Britannica. pp. 1–799.
2. Augustine, A. (2010) *On the Free Choice of the Will, On Grace and Free Choice, and Other Writings*. Cambridge: The University Press.
3. Aquinas, T. (1994) The Summa Theologica. Vol. I. In: Adler, M. (ed.) *Great Books of the Western World*. V. 17. Chicago; Auckland; London: Encyclopedia Britannica.
4. Kant, I. (1994) The Critique of Pure Reason. In: Adler, M. (ed.) *Great Books of the Western World*. Vol. 39. Chicago; Auckland; London: Encyclopedia Britannica. pp. 1–250.
5. Kant, I. (2004) *Prolegomena to Any Future Metaphysics*. Cambridge: The University Press.
6. Lobovikov, V.O. (2018) Evolutionary Epistemology and Not-Normal Modal Logic of Knowledge. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1(41). pp. 5–14. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/41/1
7. Lobovikov, V.O. (2020) Applying Logic to Philosophical Theology: A Formal Deductive Inference of Affirming God's Existence from Assuming the A-Prioriness of Knowledge in the Sigma Formal Axiomatic Theory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 55. pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/55/1
8. Craig, W.L. (1991) *Divine Foreknowledge and Human Freedom. The Coherence of Theism: Divine Omniscience*. Leiden: Brill.
9. Craig, W.L. (2000) Omniscience, Tensed Facts, and Divine Eternity. *Faith and Philosophy*. 17(2). pp. 225–241. DOI: 10.5840/faithphil200017216
10. Geach, P.T. (1977) *Providence and Evil*. Cambridge: The University Press.
11. Grim, P. (1985) Against Omniscience: The Case from Essential Indexicals. *Noûs*. 19(2). pp. 151 – 180. DOI: 10.2307/2214928
12. Grim, P. (1988) Logic and the Limits of Knowledge and Truth. *Noûs*. 22. pp. 341–67. DOI: 10.2307/2215708

13. Hasker, W. (1989) *God, Time, and Knowledge*. Ithaca: Cornell University Press.
14. Kretzmann, N. (1966) Omniscience and Immutability. *Journal of Philosophy*. 63(14). pp. 409–421. DOI: 10.2307/2023849
15. Kvanvig, J.L. (1986) *The Possibility of an All-Knowing God*. New York: St. Martin's.
16. Mavrodes, G.I. (1988) How Does God Know the Things He Knows? In: Morris, T.V. (ed.) *Divine and Human Action: Essays in the Metaphysics of Theism*. Ithaca: Cornell University Press. pp. 345–61.
17. Pike, N. (1965) Divine Omniscience and Voluntary Action. *The Philosophical Review*. 74(1). pp. 27–46.
18. Prior, A.N. (1962) Formalities of Omniscience. *Philosophy*. 37(140). pp. 114–129.
19. Simmons, K. (1993) On an Argument against Omniscience. *Noûs*. 27(1). pp. 22–33.
20. Torre, S. (2006) *De Se* Knowledge and the Possibility of an Omniscient Being. *Faith and Philosophy*. 23(2). pp.191–200. DOI: 10.5840/faithphil200623215
21. Wainwright, W.J. (2010) Omnipotence, Omniscience, and Omnipresence In: Taliaferro, C. and Meister, C. (eds) *The Cambridge Companion to Christian Philosophical Theology*. Cambridge: The University Press. pp. 46–65.
22. Wierenga, E. (2018) Omniscience. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2018/entries/omniscience/> (Accessed: 15th August 2020).
23. Lobovikov, V.O. (2007) *Mathematical Ethics, Metaphysics, and the Natural Law (Algebra of Metaphysics as Algebra of Formal Axiology)*. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS. (In Russian).
24. Lobovikov, V.O. (2015) The Trinity Triangle and the Homonymy of the Word “Is” in Natural Language. *Philosophy Study*. 5(7). pp. 327–41. DOI: 10.17265/2159-5313/2015.07.001
25. Lobovikov, V.O. (2019) Analytical Theology: God's Omnipotence as a Formal-Axiological Law of the Two-Valued Algebra of Formal Ethics (Demonstrating the Law by “Computing” Relevant Evaluation-Functions). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 47. pp. 87–93. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/47/9

Vladimir O. Lobovikov, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: vlobovikov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 5–13.

DOI: 10.17223/1998863X/61/1

EPISTEMIC MODAL LOGIC, UNIVERSAL PHILOSOPHICAL EPISTEMOLOGY, AND NATURAL THEOLOGY: GOD'S OMNISCIENCE AS A FORMAL-AXIOLOGICAL LAW OF THE TWO-VALUED ALGEBRA OF METAPHYSICS AS FORMAL AXIOLOGY (DEMONSTRATING THE LAW BY “COMPUTING” RELEVANT EVALUATION-FUNCTIONS).

Keywords: empirical-knowledge; a-priori-knowledge; God's-omniscience; algebra-of-metaphysics-as-formal-axiology; formal-axiological-law

The present article continues the author's attempts to apply the conceptual apparatus and methods of discrete mathematics to analytical theology, namely, to represent and solve difficult problems of philosophical theology by means of constructing and investigating their models at the level of artificial language of two-valued algebraic system of metaphysics as formal axiology. The author has already published a paper on discrete mathematical modeling the tenet of God's omnipotence in [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. Vol. 47. P. 87–93]. In comparison with the mentioned paper, the present article submits significantly new scientific results of constructing and investigating a discrete mathematical model of *another* famous attribute of God, namely, of His omniscience. In contrast to the tenet of God's omnipotence affirming that *He is almighty*, the tenet of God's omniscience affirms that *He knows everything*. However, the literature on philosophical theology contains indicating and discussing a set of nontrivial logical and epistemological problems concerning *All-Knowing-God*. Just these problems (and solving them at the level of their mathematical model) make up the subject-matter of the given article. The paper starts with *explicating a formal-axiological meaning* of the statement “God knows everything” by *explicating formal-axiological meanings* of the words “God”, “knows”, and “thing”. In particular, it is emphasized that the word “knowledge” is a homonym possessing at least three qualitatively different meanings, name-

ly, “*a-priori* knowledge”, “*empirical* knowledge”, and knowledge-*in-general*”. It is demonstrated that God’s knowledge is not empirical but *a-priori* one. All the *formal-axiological* meanings under discussion are considered as *evaluation-functions* and defined precisely by tables. Significantly new scientific result of the present article: for the first time in the world literature on philosophical theology, the tenet of All-Knowing God is precisely formulated by means of the artificial language of two-valued algebra of metaphysics as formal axiology, and proved as a formal-axiological law in this algebra by computing relevant evaluation-tables. The hitherto never published affirming God’s omniscience as the law of two-valued algebra of metaphysics as formal axiology is quite nontrivial and psychologically unexpected one, although from the viewpoint of mathematics proper, its proof is simple.

УДК 160.1

DOI: 10.17223/1998863X/61/2

А.Г. Андрушкевич

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АСКРИПТИВНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

Осуществляется семантический анализ аскриптивных выражений, таких как «Билл совершил преступление». Рассматривается специфика предикатов статуса и их отличие от предикатов действия. Определяются контекстуальные условия для употребления ряда аскриптивных выражений.

Ключевые слова: язык, онтология, аскрипция, семантика, правовая онтология

Рассмотрение и анализ аскриптивных выражений, посредством которых осуществляется приписывание определенного статуса, в том числе юридического, является семантической проблемой. Что в своей сущности представляют собой выражения типа «шериф совершил преступление»? Поиск ответа на данный вопрос представляется перспективным начинанием, поскольку, во-первых, позволяет инициировать решение проблемы логической формализации аскриптивных выражений и, во-вторых, отвечает интересам аналитической философии в установлении взаимосвязи языка и реальности.

Итак, первым делом следует сделать акцент на том, что выражение «шериф совершил преступление» не следует редуцировать до $A(x)$, где x есть субъект высказывания, а A – предикат действия (совершить преступление), совершение которого приписывается субъекту. Вероятно, что данное заявление может показаться не совсем обоснованным и отчасти даже ошибочным. Полагаем, что с точки зрения поверхностного анализа семантика предиката «совершил преступление», приписываемого шерифу, предполагает, что он (шериф) совершает некоторое действие. Однако более глубокий взгляд на сущность данного предиката позволяет нам выявить контрфактичность предположения, что «совершить преступление» – это предикат действия.

Для того чтобы прояснить данную ситуацию, необходимо провести небольшой опыт, для участия в котором нам понадобится помощник, который будет выполнять наши указания. Для начала мы можем попросить нашего ассистента выполнять определенные действия. К примеру, мы можем попросить его подпрыгнуть и далее прокомментируем его действия фразой «ассистент подпрыгнул», которое в своей логической форме будет представлять собой $J(a)$, где a – это наш ассистент, J – подпрыгнул, т.е. предикат действия. Далее мы можем попросить нашего ассистента продолжать выполнять действия, которые мы будем ему сообщать. И независимо от того, какие указания мы будем давать нашему помощнику, логическая структура наших комментариев не изменится. Если мы попросим его удивиться, то a мы припишем предикат действия S . И так, в конечном итоге, мы можем попросить его совершить преступление. В ответ на нашу просьбу ассистент, к при-

меру, может взять и положить к себе в карман дорогую авторучку. Если нам известно, что эта ручка не принадлежит ассистенту, то мы должны быть удовлетворены тем, что он продолжает выполнять наши указания. Можно предположить, что теперь у нас появились основания для того, что бы приписать *a* новый предикат действия, обозначим его *R*. Следовательно, *R(a)* должно буквально означать «ассистент совершил преступление». Однако в это же самое время мы можем выдвинуть суждение «ассистент стащил авторучку», т.е. приписать помощнику иной предикат действия, а именно «стащить авторучку». Некий здравый смысл подсказывает нам, что «стащить авторучку» можно и, более того, нужно рассматривать как тождественное «совершил преступление». Однако пока у нас нет иных, отличных от интуитивного подозрения оснований полагать, что первое на самом деле тождественно второму.

И вот сейчас нам следует задать вопрос: а какое именно действие совершил наш ассистент? *De facto* он украл авторучку, которая лежала на столе. Однако возможна интерпретация *de jure*, но здесь имеет место принципиальное условие. Дело в том, что «ассистент совершил преступление» не является выражением, описывающим действие, которое совершил наш помощник. Также простого факта реальности оказывается недостаточным для того, чтобы приписать ассистенту предикат *R*. Другими словами, в действительности совершено одно и только одно действие, а именно кража авторучки, которое *postfactum* и при определенных условиях, о которых подробнее сказано будет ниже, может быть квалифицировано как преступление. Так же можно сделать категорический вывод о том, что наш ассистент не смог выполнить поставленную перед ним задачу, а именно совершить преступление. Вместо этого он совершил другое действие, стащил авторучку. Таким образом, на наш взгляд, «совершить преступление» не является по своей семантической природе действием, хотя ряд совершаемых людьми действий *de jure* можно назвать преступлениями.

В силу чего некоторые поступки людей можно рассматривать как нечто большее, чем просто совершение действий? Ответ в определенной степени очевиден. Некоторые действия являются преступлениями в силу того, что имеются независимые от субъекта основания считать их таковыми. Однако само по себе преступление нельзя рассматривать в качестве действия, поскольку оно является лишь определенным статусом, который может быть им (действиям) присвоен. Мы полагаем, что семантика таких предикатов, как «совершить преступление», определяется контекстуально, что позволяет анализировать их не как предикат действия, но как предикат статуса. Далее мы постараемся более подробно осветить данное соображение.

Первым делом хочется обратиться к идеи контекстуальности языка Джона Перри, который пишет о семантическом использовании контекста [1]. Хотя сам Перри пишет о том, каким образом контекст помогает нам понять собеседника, можно сделать вывод, что нередко контекст также помогает и самому агенту речи правильно использовать язык. Так, в случае с ассистентом, который взял со стола авторучку и положил ее в карман, самой по себе внеречевой ситуации, которая имела место на наших глазах, оказывается недостаточно для того, чтобы заявлять «ассистент совершил преступление». Безусловно, мы можем это сделать, однако, мы допустим ошибку, поскольку

в рамках системы права имеют место вполне однозначные условия, при которых определенное действие *следует считать* преступлением. Продолжая выдвигать суждения, которые описывали бы непосредственно *то действие, которое совершил ассистент*, нам следовало бы заявить «ассистент взял со стола авторучку и положил ее в карман» или, например, «ассистент стащил авторучку». Ситуация, которая, словами Куайна, представляет собой что-то под Солнцем, не является преступлением и, соответственно, мы не имеем оснований для того, чтобы приписывать нашему помощнику предикат «совершил преступление».

Далее обратимся к следующей вымышленной ситуации. В конце судебного заседания по делу Мэри против Билла судья произносит: «Суд приговаривает Билла за совершенное им преступление к трем годам тюремного заключения». Нас, очевидно, интересует выражение «Билл совершил преступление» и то, чем оно отличается от «ассистент совершил преступление». Для начала необходимо определить контекстуальную разницу в употреблении двух данных выражений. Нам известно, какие действия совершил по нашей просьбе помощник. Про Билла известно, что он силой отобрал у Мэри ее дамскую сумочку и скрылся с ней. Теперь, когда мы «уравновесили» факты, предшествующие приписыванию предиката R (совершить преступление) ассистенту и Биллу, необходимо определить разницу между контекстами. Мы полагаем, что в последней ситуации присутствует принципиально значимый внеязыковой факт, суть которого в судебном решении. Для подавляющего большинства людей очевидно, что отбирать силой вещи, которые тебе не принадлежат, нельзя. Однако лишь для части этот запрет носит нравственный характер, для остальных же – правовой. Билл совершил действие, которое само по себе не является преступлением, но влечет за собой определенные последствия. К интересующим нас последствиям относится процесс судебного разбирательства, который и представляет собой то контекстуальное основание, обеспечивающее возможность обосновано приписать Биллу R . Ключевая разница контекстов двух рассматриваемых примеров заключается в том, что контекст «Билл совершил преступление» включает в себя необходимые внеязыковые основания для осуществления предикации R , тогда как в ситуации в ассистентом таких оснований нет.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать следующие выводы. Если мы стали очевидцами того, как некий человек совершает определенное действие, мы, что вполне логично, безошибочно можем отразить данный факт в языке выражением $A(x)$. Однако следует уточнить, что данное выражение истинно лишь тогда, когда A означает то самое действие, совершение которого мы наблюдали. Если ассистент стащил со стола авторучку, то выражение «ассистент совершил преступление» не соответствует действительности и, следовательно, ошибочно.

Однако пока никак не прояснился момент с предикацией «совершил преступление». Для того чтобы разобраться в данной ситуации, обратимся к примеру Майкла С. Мура. Профессор Мур в своей работе «Правовая реальность: натуралистический подход к правовой онтологии» [2. Р. 624] описывает следующий судебный прецедент – шериф Кирби против Соединенных Штатов. Суть разбирательства в том, что шериф нарушил федеральное законодательство, в частности закон от 1790 г., согласно которому препятствова-

ние доставке федеральной почты уголовно наказуемо. Кирби осуществил арест почтового служащего, что без малейших сомнений замедлило доставку почты. Однако в ходе судебного разбирательства сам Кирби указал, что осуществил задержание, поскольку сотрудник почты подозревался в убийстве. Более того, Кирби действовал согласно ордеру, который получил от властей штата. Суд принял во внимание объяснение шерифа и признал его невиновным в препятствовании доставке федеральной почты.

Данный исторический пример представляет для нас интерес. Несомненно, что шериф своими действиями (арест почтового служащего) нарушил положение федерального законодательства Соединенный Штатов. Однако означает ли данное обстоятельство, что шериф Кирби совершил преступление? На первый взгляд складывается ощущение, что шериф Кирби в самом деле совершил преступление, однако, суд признал его невиновным. То есть суд постановил, что хотя действия шерифа Кирби нарушают закон, сам Кирби преступления не совершал. Таким образом мы делаем вывод о том, что хотя арест почтового служащего, который осуществил шериф, попадает под условия преступления, таковым он не считается.

Далее мы намерены рассмотреть дело шерифа Кирби более детально и, следуя собственной логике, установить контекст рассматриваемого примера. Все эти действия необходимы для того, чтобы выявить семантические особенности фразы «совершил преступление» и однозначно установить, можно ли приписывать ее Кирби. В данном конкретном случае в роли внеязыкового контекста выступает определенная и обозначенная ранее юридическая норма, согласно которой *никто не имеет права препятствовать доставке федеральной почты*. Однако этим внеязыковым контекст приведенного примера не исчерпывается. К нему также относится и мотивация совершения действий. В деле шерифа Кирби такой мотивацией служит ордер на арест почтового служащего.

Таким образом мы получаем следующее: (1) Кирби арестовывает почтового служащего, (2) действия Кирби противоречат норме федерального закона, (3) у Кирби есть веские основания для совершения этих действий. По поводу (3) сразу же возникают сомнения, поскольку редкий человек станет нарушать закон просто так, не имея на то оснований. Но к этому мы вернемся несколько позже. На наш взгляд, в приведенном перечне не хватает ключевого компонента: (4) суд признал Кирби невиновным. Безусловно, (4) является последовательно завершающим и от того окончательно формирующим контекст обстоятельством. Именно учитывая обстоятельства (1), (2) и (3), судья принял решение (4). Основываясь на (4), становится очевидно, что любой, кто будет утверждать, что шериф Кирби совершил преступление, допускает ошибку. Однако никакой ошибки не будет ни в случае с утверждением, что шериф Кирби арестовал почтового служащего, ни с утверждением, что действия Кирби противоречат норме федерального законодательства Соединенных Штатов.

Наше рассуждение согласуется с правовой интерпретацией данного дела Майкла Мура. Мур утверждает, что «Кирби не был виновен в препятствовании или задержке Почты США – было истинным до принятия судебного решения по этому поводу» [2. Р. 625]. То, что мы обозначаем фразой «совершил преступление», представляет собой своего рода правовой статус, который может быть присвоен определенным действиям. В деле шерифа Кирби дей-

ствия, которые он предпринял, не были квалифицированы судом как преступление, т.е. соответствующий статус им предписан не был, хотя Кирби и создал определенные препятствия для доставки федеральной почты США.

Вышесказанное подтверждает наш тезис, что «совершил преступление» представляет собой предикат статуса, а не действия. Теперь остается осуществить анализ того, что представляет собой выражение «Билл совершил преступление».

Уилфрид Селларс завершает свою работу «Грамматика и существование» указанием на ряд контекстов, которые представляют особую проблему, среди которых – оценочные контексты [3. С. 150]. Хотя мы не согласны с преобладающим мотивом исследований Селларса, для нас принципиальную роль играет та связь структуры функционирования языка с онтологией, которую он стремится опровергнуть. Группа контекстов, которую сам Селларс именует оценочными, представляет собой многообразие аскриптивных утверждений. *А лучше чем В* есть не что иное, как приписывание статуса «быть лучше чем...» определенному субъекту высказывания. На наш взгляд, аналогичным данному примеру является приписывания «совершил преступление». С точки зрения Рэя Брасье, подобный тезис представляет собой прямое критическое онтологическое исследование. Так, в частности, он утверждает: «Критическая онтология должна удовлетворять следующим требованиям. (1) Требуется знать, что есть имя и как оно соотносится с именуемым. (2) Требуется знать, почему существует различие между именами и вещами. (3) Требуется знать, какие роды вещей существуют и что есть эти роды» [4. Р. 104].

Так, к примеру, выражение «Джон поступил хорошо» представляет собой *именование* определенных действий Джона. Но если на вопрос «А что хорошего сделал Джон?» мы получим ответ, что Джон помог снять котенка, застрявшего на дереве, то мы можем заключить, что:

(а) Джон поступил хорошо в действительности имеет значение

(а-1) Джон снял котенка с дерева, и это был хороший поступок.

В случае с (а) очевидно, что выражение не содержит указаний на какие-либо конкретные действия Джона. Более того, «поступить хорошо», равно как и «совершить преступление», само по себе никак не связано с реальностью. В действительности Джон лишь снял котенка с дерева, что вне высказывания мнения о действиях Джона не является ни хорошим поступком, ни благородным, ни каким-либо еще. Лишь (а-1) раскрывается полное семантическое содержание (а). Но почему в таком случае мы чаще используем (а)?

Мы полагаем, что употребление в речи выражений, подобных (а), оправдано в тех случаях, когда участники общения разделяют один набор пресуппозиций, т.е. обладают рядом контекстуальных внеязыковых установок [5. Р. 177]. К таким установкам, несомненно, относится знание того, *какое именно действие* совершил Джон и убеждение в том, что спасти котенка – это хороший поступок. Д.А. Скулимовская называет этот набор разделяемых участниками общения установок «общим пресуппозициональным фондом» [6]. Однако если для аскрипции мнения данный набор установок представляется в определенном смысле весьма скромным, то как обстоят дела с аскрипцией статуса?

(б) Билл совершил преступление в развернутом виде представляет собой

(б-1) Билл ограбил женщину и суд считает его виновным в совершении преступления.

Очевидно, что для правомерного использования (б) недостаточно знать о том, какой поступок совершил Билл, и иметь мнение относительно его действий. Мы полагаем, что для квалификации определенных действий в качестве преступления необходимо признание их неправомочности. Ключевая разница заключается в том, что если в ситуации употребления (а) для агента речи требуется обладать субъективным мнением, то для употребления (б) нужно уже нечто большее: соответствие интересующим нормативным установкам. Обращаем внимание, что в данном случае мы используем понятие «нормативный» не в качестве синонима понятиям «правовой» или «юридический», но как отсылающий к однозначно зафиксированным правилам. В нашем случае роль этих правил играет уголовное законодательство. Именно на основании того, что судья исполняет роль внесубъектного агента, задача которого проанализировать обстоятельства дела и осуществить соответствующую квалификацию действий Билла, формируется составная часть presuppositional фонда – знание решения, которое вынес судья.

Не менее значимым, на наш взгляд, является вывод о сущности таких предикатов, как «поступить хорошо» или «совершить преступление». Основываясь на (б-1), которое представляет собой развернутое семантическое содержание (б), можно заключить, что подобного рода предикаты приписываются не субъекту высказывания, а тем действиям, о совершении которых нам известно. Предикат «совершил преступление» есть не предикат действия, но предикат статуса, который приписывается действиям, которые совершает Билл. Статус «преступление» мы приписываем ограблению женщины. Данные рассуждения подводят нас к проблеме логической структуры аскриптивных выражений, решение которой не является целью данной работы.

Итак, можно сделать вывод, что семантически любое аскриптивное выражение в развернутой форме представляет собой

(с) имеет место F и F приписан статус G, что при практике языка сокращается до

(с-1) F есть G.

Подобного рода сокращения при практике языка подразумевают редукцию аскриптивного выражения «Билл ограбил женщину, и это преступление» до «Билл совершил преступление». Если в случае с выражением (с) мы в явной форме можем различить предикаты действия, выполнение которого приписывается субъекту высказывания, и статуса, который приписывается не субъекту, но его действиям, то уже (с-1) представляет собой вариант сокращения исходного выражения, которое используется в языковой практике. Рассматривая сокращенный вариант выражения (с-1), необходимо понимать, что предикат G есть именно предикат статуса, а не действия. Подобный семантический анализ, на наш взгляд, позволяет не только прояснить семантическую специфику употребления аскриптивных выражений как в рамках юридического языка, так и в рамках обыденного, но и разграничивает между собой предикаты действия и статуса.

Литература

1. Perry J. Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents. URL: https://www.researchgate.net/publication/242208429_Indexicals_Contexts_and_Unarticulated_Constituents (accessed: 20.02.2021).

2. Moore M.S. Legal Reality: A Naturalist Approach to Legal Ontology // *Law and Philosophy*. 2002. Vol. 21, № 6. URL: <https://www.jstor.org/stable/3505202> (accessed: 20.02.2021).
3. Селларс У. Грамматика и существование // *Язык, истина, существование*. Томск, 2002. (Библиотека аналитической философии). С. 108–150.
4. Brassier R. Nominalism, Naturalism, and Materialism: Sellars's Critical Ontology // B. Bashour and H. Muller (eds.). *Contemporary Philosophical Naturalism and Its Implications*. London ; New York : Routledge, 2013. P. 101–114.
5. Levinson S.C. *Pragmatics*. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 420 p.
6. Скулимовская Д.А. Импликация, пресуппозиция и логическое следствие как когнитивные механизмы интерпретации речевого акта предупреждения // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2013. № 3 (24). С. 29–33.

Alexandr G. Andrushkevich, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 14–20.

DOI: 10.17223/1998863X/61/2

SEMANTIC ANALYSIS OF ASCRIPTIVE EXPRESSIONS

Keywords: language; ontology; ascription; semantics; legal ontology

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-18-00057.

The article discusses the semantic specifications of sentences that contain status predicates. It is shown that the visually similar predicates “to steal the pen” and “to commit the crime” are in fact fundamentally different. If in the first case we are talking about an action predicate, then in the second about a status predicate. Linguistic analysis identifies the necessary conditions for the correct use of expressions like “Bill committed the crime” in language. Since Bill’s actions are not a crime in themselves, the phrase “committed the crime” is not predicted for Bill, but for the actions he committed. As an original example, the judicial precedent is considered, which we come across in M. S. Moore’s “Legal Reality: A Naturalist Approach to Legal Ontology”. The essence of the work is that Sheriff Kirby violated a federal law, in particular the law of 1790, according to which it is a criminal offense to obstruct the delivery of federal mail. Kirby arrested a postal worker, which undoubtedly slowed down the delivery of the mail. However, during the trial, Kirby himself indicated that he arrested the postal officer since the latter was suspected of murder. Moreover, Kirby acted according to the warrant he received from the state authorities. The court took into account the sheriff’s explanation and found him not guilty of obstructing the delivery of federal mail. According to Moore, although Kirby violated the federal law, he was innocent. The court also found that the sheriff’s actions were not a crime. The apparent contradiction between the actions of the sheriff and the court’s decision is resolved when we attempt to define the non-linguistic conditions for the use of the expression “committed the crime”. The presuppositional fund of the speech agent is singled out as such conditions.

References

1. Perry, J. (1998) *Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/242208429_Indexicals_Contexts_and_Unarticulated_Constituents (Accessed: 20th February 2021).
2. Moore, M.S. (2002) Legal Reality: A Naturalist Approach to Legal Ontology. *Law and Philosophy*. 21(6). [Online] Available from: <https://www.jstor.org/stable/3505202> (Accessed: 20th February 2021).
3. Sellars, U. (2002) Grammatika i sushchestvovanie [Grammar and existence]. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Yazyk, istina, sushchestvovanie* [Language, Truth, Existence]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 108–150.
4. Brassier, R. (2013) Nominalism, Naturalism, and Materialism: Sellars’s Critical Ontology. In: Bashour, S. & Muller, H. (eds) *Contemporary Philosophical Naturalism and Its Implications*. London; New York: Routledge. pp. 101–114.
5. Levinson, S.C. (1983) *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Skulimovskaya, D.A. (2013) Implicature, presupposition and entailment as cognitive mechanisms of the interpretation of speech acts of warning. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 3(24). pp. 29–33. (In Russian).

УДК 165.1

DOI: 10.17223/1998863X/61/3

С.А. Филипенко

ДВА СПОСОБА САМОСОЗНАНИЯ В СТРУКТУРЕ СОЗНАНИЯ

Показано, что наряду с явными формами самосознания, которые находят наиболее полное воплощение в нарративе, существуют неявные формы самосознания. Неявное самосознание включает в себя глубинные личностные когнитивные установки, лежащие в основе самопознания и познания окружающей действительности. Первичной формой имплицитного самосознания является осознание своего телесного Я в ходе двигательной активности.

Ключевые слова: самосознание, нарративное Я, телесное Я, неявное самосознание

Творческая активность субъекта на протяжении всей жизни сопровождается не только получением нового знания, творением новых смыслов, артефактов культуры, но и созиданием самого себя, своего Я. Становление личности предполагает формирование и развитие образа своего Я; любая познавательная и преобразовательная деятельность человека в том или ином виде включает в себя самосознание, которое позволяет соотносить представления об окружающем мире с внутренним образом субъекта, с его ценностями и установками, с целостной системой его личностного знания. Как отмечает современный отечественный исследователь Е.О. Труфанова, «возможность сознавать себя, отдавать себе отчет в своих мыслях и действиях – т.е. наличие самосознания и рефлексии – является неотъемлемой характеристикой субъекта» [1. С. 66]. Проблема самосознания является важной и актуальной проблемой эпистемологии, в рамках которой данный феномен рассматривается как особый вид познавательной деятельности. В современной философии много работ посвящено проблеме конструирования Я и самости, и большую популярность в исследованиях процессов самосознания и конструирования Я имеет нарративная теория.

Нарратив как средство осмысления личностного опыта

Сторонники нарративной концепции самосознания считают, что Я человека формируется нарративом, повествованием о важнейших событиях собственной жизни. В многочисленных источниках, в которых проводится анализ нарративной концепции самосознания, даются разные трактовки и оценки этому феномену. Так, британский философ, представитель аналитической философии Г. Стросон в своей критической работе «Против нарративности» („Against Narrativity“) выступает против широко распространенного в современной литературе тезиса, согласно которому нарратив, придавая цельность нашему существованию, является условием достойной и полноценной жизни [2. С. 428]. Он выделяет два типа самосознания – «эпизодический» и «диахронический». Люди «диахронического» типа осознают себя как целостное и протяженное во времени Я, существовавшее в прошлом и предвидящее свое будущее, а следовательно, они имеют склонность представлять

свою жизнь как нарратив. Люди же «эпизодического» склада не рассматривают себя как некое устойчивое *Я*. Они привыкли жить настоящим моментом, не очень интересуясь тем, кем они были в прошлом и кем они будут в будущем. Таким образом, они не воспринимают свою жизнь как нарратив. По мнению Г. Стросона, жизнь этой категории людей, способных придавать большое значение лишь текущим событиям, может быть не менее добродетельной, чем жизнь тех, кто постоянно пытается объединить события своей жизни в целостный рассказ и придать своему внутреннему опыту некую логическую форму.

Более того, философ убежден, что нарративность играет по преимуществу отрицательную роль в нашем существовании. Он полагает, что в силу особенностей человеческой психики словесное изложение фактов нашей биографии неизбежно вносит искажения во внутренний опыт человека, становящийся объектом познания [2. С. 447]. Даже если признать, что рефлексия и обусловленный ею нарратив определенным образом трансформируют присущий субъекту опыт переживаний, все же трудно согласиться с Г. Стросоном в его однозначной критической оценке роли нарратива в самопознании. Несмотря на психологические различия людей, в разной степени склонных к рефлексии, способность фиксировать отдельные моменты своей биографии в словесной форме с помощью повествования, пожалуй, присуща любой зрелой личности. Как отмечает современный исследователь В.Г. Хардкасл в книге «Конструируя себя» (“Constructing the Self”), сам Г. Стросон, заявляя в своей работе, что он совершенно не интересуется собственным прошлым и будущим и воспринимает свою жизнь как не нарративную, тем самым предлагает читателям определенный нарратив, формирующий некий образ его *Я* [3. С. 27].

Нарратив создает устойчивый, рациональный образ своего *Я*, обеспечивает постоянство нашего опыта. В ходе повествования отдельные моменты внутреннего опыта встраиваются в целостную логическую схему, с которой индивид соотносит свое настоящее, конкретные факты своей биографии, собственные поступки. Как следствие, нарративность придает связность и осмысленность нашему существованию. Заслуживает внимания тезис В.Г. Хардкасл о том, что даже самые простые действия мы воспринимаем в более широком контексте собственного опыта, благодаря чему мы наделяем их смыслом [3. С. 24].

Можно сказать, что множество ассоциативных связей, которые возникают между отдельными представлениями в уникальном контексте субъективного опыта, и образуют личностные смыслы. Личностные смыслы, привнося субъективное содержание в общезначимые представления, являются основой, с одной стороны, познания индивидом окружающей действительности, а с другой – осознания им себя в этом мире. Смыслы, которыми обладают наши переживания, определяют нашу индивидуальность, наше *Я*. В.Г. Хардкасл подчеркивает, что «мы обладаем собственным *Я*, потому что активно пытаемся придать смысл событиям нашей жизни» [3. С. 24]. В жизненной истории находят выражение субъективные переживания, смыслы, содержащиеся в уникальном личностном опыте человека. Как следствие, «любой нарратив экзистенциально нагружен, представляет *Я* в особой экзистенциальной ситуации бытия именно этим *Я*, ведущим именно этот рассказ о том, что для него

наиболее важно» [4. С. 126]. В повествовании раскрываются неосознаваемые ранее личностные смыслы, исходя из определенных познавательных установок переструктурируется личностный опыт, выявляются новые смысловые связи между отдельными компонентами опыта. Благодаря этому в личностный опыт привносится новое содержание, за счет чего он обогащается, а сама личность развивается, преобразуется.

Структура самосознания в познавательной деятельности

В.Г. Хардкастл в своем анализе нарративного подхода к самосознанию отмечает существование бессознательного компонента в нарративе [3. С. 106–109]. Данное утверждение имеет под собой основания, поскольку глубинные мотивы поступков человека порой ускользают от его сознания, даже когда он пытается честно, исчерпывающим образом воплотить в повествовании собственные представления о самом себе и своих действиях. Самый правдивый рассказ о себе некоторым образом видоизменяет внутренний опыт рассказчика, выявляет в его сознании новые смысловые связи, которые ранее могли выступать неявными предпосылками его деятельности. Несмотря на это, в нарративе не находят отражения неосознаваемые когнитивные установки, которые, тем не менее, определяют индивидуальность человека и его поведение. Таким образом, самосознание имеет сложную структуру, охватывает разные уровни человеческой психики и аспекты человеческого бытия. Стоит более детально исследовать взаимодействие его различных видов и их роль в познавательной и творческой деятельности. Самосознание можно рассматривать в качестве одной из основополагающих форм сознания, «в когнитивной системе живых существ сознание прежде всего проявляется как способность самосознания, которая заключается в осознании собственного „Я“ и своего отличия от других представителей вида, а также в „узнавании“ себя, распознавании образа „Я“ и т.д.» [5. С. 38]. Исходя из предположения, что самосознание является разновидностью сознания, мы можем перенести структуру сознания на область самосознания. За основу может быть взята универсальная модель индивидуального сознания, разработанная в рамках концепции личностного знания философом науки XX в. М. Полани.

М. Полани показал, что в основе любого когнитивного акта лежит взаимодействие двух взаимодополняющих способов осознания объектов – фокусного и периферического. В фокусе нашего сознания оказывается объект, на который направлено наше внимание, в то время как периферическим сознанием мы воспринимаем детали, которые сами не являются объектом нашего внимания, но выступают условием восприятия данного в фокусе целостного объекта [6. С. 57–59; рус. пер.: 7. С. 89–92]. М. Полани для описания процесса неявного познания предложил схему, в основе которой лежит триада, состоящая из периферически осознаваемых предметов (В), формирующих фокус (С) посредством акта интеграции, выполняемого человеком (А). В процессе интеграции отдельные компоненты опыта объединяются в новую смысловую целостность. Именно периферическое сознание наделяет смыслом объект фокусного восприятия, находящий выражение в языке. Иначе говоря, акт неявного познания можно представить с помощью так называемой модели *from-to*: наше внимание направлено от воспринимаемых периферическим сознанием побочных данных на фокус, объект которого они порождают

[8. С. 302]. При выполнении практических действий расположенные на периферии сознания ключевые моменты (clues) выполняют *инструментальную* роль в формировании данного в фокусе сознания целого.

М. Полани особое внимание уделяет роли телесности в неявном познании, что может иметь особую эвристическую значимость при анализе феномена самосознания. Наша телесность дана нам изнутри, а не извне, как воспринимаемые нами предметы окружающей реальности. Работа внутренних органов оказывается в фокусе внимания, как правило, в результате каких-то нарушений, вызывающих неприятные ощущения и мешающих нам совершать привычные действия. М. Полани подчеркнул, что в повседневной жизни мы воспринимаем наше тело периферическим образом. Тело может рассматриваться как важнейший инструмент в нашей познавательной и преобразовательной деятельности. Оно поставляет нам множество неявных чувственных данных, участвующих в формировании смысловой целостности, на которую направлено наше внимание. М. Полани расширяет границы человеческой телесности, утверждая, что она включает в себя все периферические, побочные элементы нашего сознания: «Мы вживаемся во все периферически осознаваемые предметы» [8. С. 303]. Процесс интеграции вовлекает внешние объекты в сферу нашего телесного опыта и тем самым лишает их для нас статуса внешних объектов [8. С. 304].

Поскольку самосознание является одной из форм сознания, можно предположить, что предложенная М. Полани модель индивидуального сознания применима и к самосознанию. Мы можем направить свое внимание на самих себя, в фокусе сознания окажется образ нашего *Я*, какие-то важные личностные характеристики. Продуктом фокусного самосознания является концептуальный образ своего *Я*. Данные в фокусе сознания представления о своем *Я* артикулируются с помощью нарратива, жизненной истории. При этом на периферии сознания могут располагаться неявные компоненты опыта, которые определяют нашу личность, нашу индивидуальность и в то же время не осознаются нами в полной мере. Эти побочные компоненты опыта играют большую или меньшую роль в формировании образа *Я* индивида, влияют на его поступки, хотя могут и не найти отражения в явном виде в его рассказе о самом себе. Пожалуй, это именно то, что В.Г. Хардкастл называет «бессознательным *Я*» и «бессознательным нарративом».

ИмPLICITные формы самосознания лежат в основе не только нарратива, но и всякого познания вообще. В любом акте познания индивид неявным образом может осознавать себя в качестве субъекта, источника познавательной активности, носителя когнитивных установок, тех глубинных личностных смыслов, которые, в конечном счете, будут воплощены в системе его личностного знания. Особое значение имеет периферическое осознание нашего тела именно как *нашего* тела, о чем писал М. Полани [8. С. 303]. Ранее уже было сказано, что в сферу телесного опыта как разновидности неявного самосознания включаются разнообразные предметы опыта, осознаваемые нами периферическим образом и наделяющие смыслом объект фокусного сознания. Таким образом, наряду с фокусным, явным самосознанием, находящим наиболее полное воплощение в нарративе, существует неявное самосознание, первичной формой которого может считаться осознание своего телесного *Я*. Можно провести аналогию между двумя основными видами самосознания и

двумя уровнями восприятия человеком своего Я, которые выделил современный французский нейрофизиолог М. Жаннерод. Уровень нарративного Я (the narrative self) можно рассматривать в качестве продукта фокусного, артикулированного, эксплицитного самосознания, в то время как телесное Я (the embodied self) представляет собой имплицитную форму самосознания и соответствует приведенным выше рассуждениям М. Полани о роли телесного опыта в неявном познании. Анализу телесных форм самосознания посвящена статья М. Жаннерода «От самораспознавания к самосознанию» (“From self-recognition to self-consciousness”). Данное исследование крайне актуально, поскольку в философской литературе неявному самосознанию уделяется гораздо меньше внимания, чем самосознанию явному, нарративному [9. С. 65–87].

Телесное Я как продукт неявной формы самосознания

М. Жаннерод понимает под телесным Я осознание себя в качестве обладателя собственного тела и субъекта совершаемых действий. В отличие от нарративного Я, придающего целостный характер нашему опыту, самосознание, связанное с телесным опытом, дискретно. Оно фиксирует отдельные моменты нашего телесного опыта, например конкретные движения [9. С. 65]. В «телесном» самосознании находит отражение непосредственно данный в настоящем времени опыт человека, в то время как в нарративе формируется всеобъемлющий образ нашего Я, в котором фиксируются некие устойчивые характеристики нашей личности и соотносятся между собой различные моменты внутреннего опыта. Субъективное чувство обладания собственным телом сопряжено с осознанием себя как источника активности, причины совершаемых субъектом движений. Я большую часть времени является действующим, активным Я. Движение частей тела относительно друг друга или внешних объектов воспринимается нами как реализация наших собственных намерений. При этом мы сопоставляем ожидаемые результаты наших действий с визуальной и проприоцептивной (исходящей от внутренних органов) информацией, которая поступает к нам после совершения этого действия [9. С. 67]. Таким образом, уже на уровне телесного самосознания проявляется активный характер субъекта, способного по собственной воле совершать целенаправленные действия.

Опираясь на данные множества экспериментов, М. Жаннерод описал когнитивные механизмы, благодаря которым мы распознаем, что данное действие совершено именно нами. Исследователь рассмотрел две гипотезы для объяснения этих когнитивных процессов – так называемую гипотезу центрального контроля для распознавания действия (the central monitoring hypothesis of action recognition) и теорию симуляции (the simulation theory) [9. С. 76–82]. С помощью этих двух гипотез можно показать, какие когнитивные процессы лежат в основе осознания своего телесного Я. В соответствии с гипотезой центрального контроля, в мозге человека, дающем команду отдельным частям тела совершить то или иное движение, одновременно с командой возникает «копия», «внутренняя модель» выполняемого действия. В этой «внутренней модели» находит отражение информация о текущем состоянии нашего организма как целостной системы, о желаемом состоянии, которого мы стремимся достичь с помощью данных действий, и о предвосхищаемом

действии. После совершения действия мы получаем сигналы от наших органов, которые мозг в состоянии сравнить с теми сигналами, которые он сам подавал органам во время команды. Мы воспринимаем действия как собственные в том случае, если обнаруживаем соответствие между ожидаемой ответной реакцией наших органов и теми реальными чувственными данными, которые мы от них получаем. Как правило, если мы наблюдаем процесс, протекающий независимо от нашей воли, различие между планируемым действием и поступающими чувственными данными гораздо ошутимее и заметнее¹.

Отталкиваясь от гипотезы «центрального контроля», можно сделать вывод, что именно способность распознавать собственные движения лежит в основе осознания своего тела, своего телесного Я. Наше телесное Я активно по своей природе, оно обнаруживает себя в своей целеполагающей деятельности. Даже если мы не в полной мере отдаем отчет в своих движениях, в нашем сознании формируются определенные когнитивные структуры, некая внутренняя модель выполняемых действий и предполагаемых результатов. Образ телесного Я соотносится с этой субъективной моделью собственных действий, с поставленными целями и чувственными данными, поступающими от внутренних органов. Можно предположить, что внутренняя модель двигательной активности выступает основой телесного, неявного самосознания. Телесное Я погружено в непосредственный опыт совершаемых действий и чувственно данных переживаний. Следует, безусловно, согласиться с М. Жаннеродом, что осознание себя как источника активности, распознавание своих движений происходит в широком контексте субъективных ментальных процессов, охватывающих мотивационную и эмоциональную область психики [9. С. 78]. Образ Я неотделим от осуществляемой субъектом деятельности, от его установок, намерений и желаний, целей, которые он поставил перед собой.

В рамках теории симуляции большое внимание уделяется роли образного мышления (*motor imagery*) в формировании внутренней модели совершаемых действий. Данная теория раскрывает перед нами содержание телесного самосознания индивида. Образы наших предполагаемых движений порождают область неявных, скрытых действий (*covert actions*), составляющих единство вместе с действиями явными (*overt action*) – каждое совершенное действие предполагает существование латентной стадии его выполнения, в то время как неявное действие необязательно будет воплощено в реальном акте [9. С. 78]. Внутренние образы наших действий мы можем рассматривать в

¹ М. Жаннерод показывает различие в восприятии действий, совершенных по собственной воле, и действий принудительных на примере экспериментов, описанных П. Хаггардом, С. Кларком и Дж. Калогерасом в 2002 г. в статье «Сознательный акт и осознание» (*Haggard P., Clark S., & Kalogeras J. Voluntary action and conscious awareness // Nature Neuroscience. 2002. 5. P. 282–285*). Испытуемых просили совершить простое осознанное действие (нажать на клавишу) в произвольный момент времени. За нажатием клавиши следовал звуковой сигнал с интервалом не менее чем в 250 мс. В ходе опроса участников эксперимента выяснялось, что в их представлении разница во времени между двумя событиями оказывалась менее 250 мс – они полагали, что нажали на клавишу позже, а услышали звуковой сигнал раньше, чем это произошло на самом деле. Если же испытуемые совершали действия не по собственной воле (например, в результате магнитного воздействия), то они в своем отчете не были склонны сокращать временной интервал между произошедшими событиями. Авторы эксперимента, а вслед за ними и сам М. Жаннерод пришли к выводу, что целенаправленное действие объединяет вместе образ этого действия в сознании и его чувственно воспринимаемые последствия. Именно это единство ожидаемых и полученных результатов и лежит в основе осознания совершаемых действий как наших собственных [9. С. 77].

качестве неотъемлемых компонентов сферы неявного знания, они выступают неизменными условиями нашей повседневной практической деятельности и в то же время определяют осознание человеком самого себя, собственного телесного *Я* как активного субъекта. Более детальное изучение когнитивных механизмов возникновения внутренних, субъективных структур познания и деятельности в сознании субъекта позволит лучше понять реальные процессы познания и творчества, в основе которых лежат элементарные акты самоосознания, восприятия, целеполагания и т.д.

Заключение

Проведенный анализ показал, что самосознание является сложным феноменом и имеет множество аспектов. Большое внимание в современной литературе уделяется нарративному самосознанию. С помощью нарратива, рассказа человека о самом себе из непрерывного потока субъективных переживаний вычленяются наиболее общие, устойчивые и существенные черты его характера, его личности. Это позволяет создать целостный образ своего *Я*, с помощью которого индивид переосмысливает собственную жизнь и с которым соотносит свое поведение в текущий момент. Однако нарратив не может выразить неисчерпаемый личностный опыт человека во всем богатстве его содержания. Самосознание не сводится только к рефлексии, к объективации внутреннего образа своего *Я* в знаково-символической форме. Вся сознательная жизнь человека сопровождается неявным самосознанием, в основе которого лежат глубинные когнитивные установки, определяющие как познание себя и окружающей реальности, так и практическую, преобразовательную деятельность субъекта. Базовой формой неявного самосознания является телесное самосознание, выступающее неотъемлемым условием всякой двигательной активности человека.

Литература

1. Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018.
2. Strawson G. Against Narrativity // Ratio (new series). December, 2004. XVII. 4. P. 428–452.
3. Hardcastle V.G. Constructing the Self. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008.
4. Моркина Ю.С. Рец. на кн.: Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018 // Философия науки и техники. 2018. Т. 23, № 2. С. 122–130.
5. Черникова И.В., Логиновская Ю.В. Сознание в когнитивной науке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 32–42.
6. Polanyi M. Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy. London: Taylor & Francis e-Library, 2005.
7. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
8. Polanyi M. Sense-Giving and Sense-Reading // Philosophy. The Journal of the Royal Institute of Philosophy. Oct., 1967. Vol. XLII, № 162. P. 301–325.
9. Jeannerod M. From self-recognition to self-consciousness // The Structure and Development of Self-Consciousness. Interdisciplinary perspectives / ed. by D. Zahavi, T. Grünbaum, J. Parnas. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 65–87.

Stanislava A. Filipenok, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Email: Stanafil@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 21–28.

DOI: 10.17223/1998863X/61/3

TWO MODES OF SELF-CONSCIOUSNESS IN THE STRUCTURE OF CONSCIOUSNESS

Keywords: self-consciousness; narrative self; embodied self; tacit self-consciousness

It has been substantiated that there is not only explicit self-consciousness but there is also tacit, implicit self-consciousness in the structure of consciousness. The author has revealed that so called *from-to* model of individual consciousness and tacit knowing, proposed by the 20th-century philosopher of science M. Polanyi, is applicable to self-consciousness. According to this model, interaction of two kinds of awareness is at the very core of any cognitive act – focal and subsidiary awareness. In every act of tacit knowing we attend from subsidiaries to a focus whose object they give a rise. Within the framework of Polanyi's conception of personal knowledge, corporeality is of great importance, which constitutes the realm of tacit, subsidiary clues. If we extend the structure of individual consciousness to the processes of self-consciousness, then reflection may be considered as overt, explicit self-consciousness. In the process of reflection, the image of one's self, the most significant personal characteristics are in the focus of attention. Explicit self-consciousness is most fully embodied in a narrative, a life story. Narrativity constitutes a stable conceptual image of one's self, ensures the unity of the internal experience, gives a new meaning to the events in one's life. In its turn, tacit self-consciousness embraces subsidiary components of personal experience which determine a person's individuality. It underlies both self-cognition and cognition of the surrounding reality. The primary mode of implicit self-consciousness is the awareness of embodied self which manifests itself during motor activity. The embodied self proves to be an active and independent subject capable of performing purposeful actions voluntarily. Based on the analysis of the neural "central monitoring hypothesis of action recognition", it has been concluded that the image of the embodied self is brought into correlation with the subjective model of one's own action. The internal model of motor activity has been considered to be the basis of embodied, tacit self-consciousness. By means of the neurophysiological "simulation theory", it has been shown that images of our supposed movements constitute the realm of tacit, covert actions which are combined with overt actions. Covert actions affect the content of tacit knowledge, underlie implicit self-consciousness and seem to be essential conditions for the cognition and transformation of the surrounding reality.

References

1. Trufanova, E.O. (2018) *Sub"ekt i poznanie v mire sotsial'nykh konstruktiv* [The Subject and Cognition in the World of Social Constructions]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".
2. Strawson, G. (2004) Against Narrativity. *Ratio (new series)*. XVII(4). pp. 428–452.
3. Hardcastle, V.G. (2008) *Constructing the Self*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
4. Morkina, J.S. (2018) Review of the book by Elena O. Trufanova "The subject and cognition in the world of social constructions" (Moscow: Kanon + ROOI "Rehabilitation", 2018. 320 pp.). *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*. 23(2). pp. 122–130. (In Russian). DOI: 10.21146/2413-9084-2018-23-2-122-130
5. Chernikova, I.V. & Loginovskaya Yu.V. (2020) Consciousness in Cognitive Science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 53. pp. 32–42. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/53/4
6. Polanyi, M. (2005) *Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy*. London: Taylor & Francis e-Library.
7. Polanyi, M. (1985) *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoy filosofii* [Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy]. Translated from French by M.L. Gnedovsky et al. Moscow: Progress.
8. Polanyi, M. (1967) Sense-Giving and Sense-Reading. *Philosophy. The Journal of the Royal Institute of Philosophy*. XLII(162). pp. 301–325.
9. Jeannerod, M. (2004) From self-recognition to self-consciousness. In: Zahavi, D., Grünbaum, T. & Parnas, J. (eds) *The Structure and Development of Self-Consciousness. Interdisciplinary perspectives*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 65–87.

УДК 165.1

DOI: 10.17223/1998863X/61/4

В.В. Целищев, А.В. Хлебалин

ПОНИМАНИЕ В МАТЕМАТИКЕ И СЛЕДОВАНИЕ ПРАВИЛУ ВИТГЕНШТЕЙНА

Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований, проект № 20-011-00723.

Исследуется широко распространенная в философии математики концепция понимания Л. Витгенштейна. Лежащая в ее основании идея следования правилу в скептической интерпретации обычно подкрепляется или иллюстрируется примерами использования математических символов и описаниями осуществления простых математических операций. В результате исследования показана проблематичность использования скептической интерпретации концепции следования правилу в описании математической практики и существования стандартов математического знания.

Ключевые слова: следование правилу, понимание, математическая практика

В философии математики Л. Витгенштейн стоит особняком. Первое издание известной антологии «Philosophy of Mathematics» под редакцией Х. Патнэма и П. Бенацерафа из четырех разделов один посвятило Витгенштейну, что было явно непропорционально его статусу как философа математики. Этот перекося был исправлен пару десятков лет спустя во втором издании [1]. «Заметки по основаниям математики» Витгенштейна вызвали, как говорят, неоднозначную реакцию среди как математиков, которые нашли время заглянуть в них, так и среди собственно философов математики. Особое раздражение обеих групп вызвало, например, непонимание Витгенштейном теорем Геделя о неполноте, как и его крайний финитизм. Однако выход в 1982 г. книги С. Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» [2] вызвал бум исследований, сконцентрированных вокруг предполагаемого аргумента Витгенштейна в пользу скептицизма. Особенностью аргументации уже С. Крипке было представление арифметического примера, что было увязано с общей философией Витгенштейна. Его поздняя философия изобиловала парадоксальными утверждениями вроде следующего: даже если математик полностью понимает определения и термины в доказательстве, он все равно может ему не верить. Такие утверждения явно противоречили математической практике, и все же многие философы сумели увязать эту парадоксальность с ведущей темой витгенштейновского мышления, а именно с так называемой проблемой следования правилу. Считается, что в центре внимания позднего Витгенштейна стоит проблема понимания, в самом широком смысле, и поскольку его скептицизм рассматривается на математических примерах, вполне естественно рассмотрение проблемы понимания в процессе математического доказательства. Этой проблематике посвящена данная статья.

А. Коффа в своей известной книге утверждает, что «Новая философия Витгенштейна вполне может быть описана как „критика понимания“. Несмотря на то, что этот вопрос никогда не был поставлен таким общим обра-

зом, ясно, что Витгенштейн решил поставить в центр своих размышлений именно понимание – в смысле, вопреки видимости, не так уж далеко от кантовского... Дело обстояло так, как будто Витгенштейн теперь полагал, что природа лингвистического элемента (будь то неопределимое, пропозиция или же пропозициональная система) лучше всего открывается через рассмотрение того, что включено в наше понимание его» [3. С. 349]. Основным тезисом поздней философии Витгенштейна считается замена объяснения описанием. Действительно, для объяснения того, что понимается под конкретным словом, формулой или командой, нужно просто описать обстоятельства, при которых сделано это утверждение. Витгенштейн полагал, что используя такую процедуру, будет обнаружено много чего из того, что относится к значению. В более лапидарном варианте это утверждение Витгенштейна приняло форму афоризма: «Не ищи значение, смотри на употребление», или же, еще более кратко, «Значение есть употребление».

При всей философской значимости этого тезиса Витгенштейна трудно применить его к сложным математическим доказательствам. Не случайно сам Витгенштейн для иллюстрации своих мыслей по этому поводу выбирал самые простые примеры. М. Даммит делает серьезный упрек в этой связи: «Примеры, приведенные в книге Витгенштейна – удивительно для него – тощие и неубедительные... Я думаю, что это добротный знак, что что-то не так с объяснением Витгенштейна» [4. Р. 173]. Здесь надо сделать замечание о психологических установках математиков и философов, которые значительно расходятся в отношении громких тезисов. Известно, что А. Тьюринг «сильно недоумевал», присутствуя на лекциях Витгенштейна по философии математики. Еще более любопытно замечание математика Хао Вана (близкого друга Геделя), что У.В. Куайн не понимал духа математики (и это несмотря на создание последним двух систем оснований математики – *New Foundations* и *Mathematical Logic*). Другими словами, ощущение математического творчества имеет два разных измерения – изнутри и снаружи. В этом отношении Витгенштейн был всегда снаружи, что видно из его полного неприятия теории множеств. Я. Хинтиikka говорит об этом весьма выразительно: «Если бы математики последовали предписаниям Витгенштейна, им пришлось бы оставить значительную часть всего их предприятия. Потому что Витгенштейн считал теорию множеств колоссальной ошибкой. Когда я писал в одной из своих статей, что „для Витгенштейна теория множеств была более смертным грехом, чем содомия“, я не преувеличивал, а говорил буквально» [5. Р. 96].

Тогда в чем заключается значимость концепции Витгенштейна «следования правилу» для объяснения понимания природы математики? В разных источниках (имеется в виду, в первую очередь, С. Крипке) используются разнообразные примеры, иллюстрирующие проблему. Мы следуем работе Дж. Брауна [6. Р. 208]. Пусть имеется последовательность целых чисел

1, 4, 9, 16, ...

Если человеку, знакомому с элементарной математикой, задать вопрос, что будет следующим числом, ответ, наверняка, будет 25. Чем при этом руководствуется отвечающий? Очевидно, он имеет в виду, что представленная последовательность образуется согласно правилу возведения в квадрат каждого числа, а именно:

$$1^2, 2^2, 3^2, 4^2, 5^2, \dots$$

Витгенштейновский скептик вопрошает, почему именно это правило применено в данном случае, потому что есть и другие варианты, которые дают одинаковый с первым примером результат на первых четырех числах, но расходятся на пятом. Действительно, правило может быть более «вычурным»: последовательность растет как добавление последовательности простых чисел к элементам исходной последовательности. Последовательность простых чисел

$$3, 5, 7, 11, 13, 17, \dots$$

Тогда мы порождаем последовательность

$$1, 4, 9, 16, 27(?), \dots$$

Последовательность, сконструированная возведением в квадрат целых чисел, отличается от новой последовательности на 5-м знаке. Легко видеть, почему:

$$1, \quad 4 = 1 + 3, \quad 9 = 4 + 5, \quad 16 = 9 + 7, \quad 16 + 11 = 27.$$

И тогда возникает вопрос, какое из решений (с использованием возведения в квадрат или с использованием простых чисел) является «правильным»? И если один правилен, то в каком смысле другой «неправилен»? Вообще говоря, нет ничего такого, что говорило бы в пользу того или иного ответа, кроме как намерения. Более естественным выглядит пример с возведением в квадрат, но это не играет роли в вынесении вердикта «правилен» или «неправилен». У нас налицо использование двух правил, которым мы следовали при конструировании последовательностей, и тогда вопрос о правильности или неправильности переходит в сферу оценки правил. Можно ли отдать предпочтение одному из правил, а если можно, то на каких основаниях?

В качестве более острой постановки вопроса представим себе, что математика не пошла пока дальше, чем возведение в квадрат чисел более 100. Пусть стоит задача продолжения последовательности квадратов числе больших 100, и есть два «правила», которым следуют два разных человека, один из которых «обычный» (скажем, математик), а второй «постмодернист» (для которого нет объективного существования чисел, а есть только «текст»). Ближе к 100 у них результаты совпадают: $982 = 9\,604$ и $992 = 9\,801$, $100^2 = 10\,000$, но вот для первого $101^2 = 10\,201$, $102^2 = 10\,404$, а для второго $101^2 = 11$, а $102^2 = 12$. Несмотря на «неестественность» второго решения, у нас нет резонов говорить о его неправильности. Дело в том, что здесь вступает в свои права так называемый радикальный конвенционализм Витгенштейна, согласно которому на каждом шаге конструирования последовательности могут вступать в права другие правила. Вот как комментирует это М. Даммит: «Витгенштейн принимает полнокровный конвенционализм; для него логическая необходимость любого утверждения есть всегда прямое выражение лингвистической конвенции. Необходимость данного утверждения всегда состоит в нашем явно выраженном решении трактовать это самое утверждение как неоспоримое; она не может покоиться на принятии нами других конвенций, которые были вовлечены в такую трактовку утверждения. Это относится как к глубоким теоремам, так и элементарным вычислениям. Примером последних является критерий, по которому утверждение, что существует n вещей, объясняется описанием процедуры счета. Когда мы обнаруживаем, что в комнате пять мальчиков и семь девочек, мы говорим, что вместе их

двенадцать, не считая их по отдельности. Тот факт, что мы обоснованы в таком вычислении, состоит не в неявной апелляции к самой процедуре счета; скорее, мы выбрали новый критерий для утверждения, что есть двенадцать детей, отличный от прежнего критерия общего подсчета детей. Кажется, что если мы действительно отличили критерии для одного и того же утверждения, они могут войти в противоречие друг с другом. Но необходимость „ $5 + 7 = 12$ “ заключается как раз в том, что мы не считаем, что тут есть какое-то столкновение; если мы считаем детей вместе и получаем одиннадцать, мы говорим, „Мы, должно быть, ошиблись“» [4. Р. 170].

Исходя из сказанного Даммитом, вполне понятно, почему результат $101^2 = 11$ не может считаться неправильным. Согласно радикальному конвенционализму получающий такой «странный» результат на каждом шагу закладывает новое правило. Он не применяет старое правило в новом случае, а действительно создает новую процедуру. Фактически нет никакой гарантии, что можно угадать намерения, или интенции, человека, который конструирует последовательность. Это и есть скептицизм Витгенштейна, который, согласно Крипке, является новой формой скептицизма, наиболее радикальной и оригинальной в известной до сих пор философии. Правда, нельзя избежать впечатления, что этот вид скептицизма сильно напоминает скептицизм Д. Юма в отношении причинности.

Значительная часть комментариев по поводу такой формы скептицизма относится к анализу диспозиций. Скажем, человек имеет диспозицию при рассмотрении ряда 1, 4, 9, 16, ... возведение ряда целых чисел в квадрат. Есть более сложные диспозиции. Больше того, существует много таких диспозиций, которые должны определить поведение вычисляющего. Однако обращение к диспозициям ведет лишь к дополнительным трудностям, поскольку сами диспозиции основываются как раз на фактах о намерениях, которые оспариваются в рамках скептицизма. Но если намерение, или интенция, не является продуктивным инструментом в прояснении природы скептицизма, то можно поставить вопрос в терминах понимания. Если я продолжаю приведенный выше ряд в духе возведения в квадрат, значит, я «понял» или «постиг» правильный вариант. Понимание тут означает «схватывание» формулы или алгоритма, но при этом надо объяснить, как правильно применяется формула. Витгенштейн находит ответ, что под пониманием конкретного слова, формулы или команды имеется в виду, что просто нужно описать обстоятельства, при которых сделано это утверждение. Понимание не есть вещь, и есть много других способов понять, что такое значение. Итак, с точки зрения Витгенштейна, задача философа – не объяснять чувство понимания или полагания какого-либо ментального или физического процесса, а прояснить обстоятельства произнесения фразы. Больше того: «Что значит следовать правилу? Для философии математики это означает, что мы должны исследовать то, что составляет подходящее поведение... Например, мы можем согласиться, что доказуемость в некоторой аксиоматической формальной системе является обеспечением подходящих стандартов корректности, и спросить, какого типа способности подходят для поиска искомого доказательства. Или мы можем быть в ситуации, где имеем ясное понятие, что считать решением конкретной проблемы... Суть моего утверждения просто в том, что область, которую мы опи-

сываем, лучше всего рассматривается как сеть способностей или механизмов мышления» [7. Р. 326].

Но что собой все-таки представляет следование правилу в применении к пониманию в математике? Поскольку толкование трудных мест из Витгенштейна является гигантской индустрией, здесь нет необходимости входить в подробности дискуссий, а следует обратиться к интуитивному «остатку» от противоречивых интерпретаций. Дж. Браун дает такую сводку: «1. Правило должно прилагаться к неопределенному числу ситуаций. Приказ надо отличать от правила, хотя обоим надо „следовать”. Приказ есть одномоментное действие: „Закрой окно”. Правило – множественные ситуации: „Когда станет холодно, закрой окно”. 2. Правило есть нечто такое, что конечное существо вроде нас, может постичь его, вопреки его множественности. 3. Правило способно направлять наши действия; в некоторых случаях правило причиняет наше поведение. Постигая правило и желая подчиниться ему, мы так и делаем. (Это погрешимый процесс, и совместим с ошибками при применении правила.) 4. Возможно действовать в соответствии с правилом без следования ему. Я могу, например, производить случайный шум, который может оказаться грамматически правильным в некотором языке, о котором я не слышал. В этом случае я действую согласно грамматическим правилам, но не следуя правилу. То есть следовать правилу – значит совершать действия, причиняемые этим правилом, и не просто случайно» [6. Р. 153].

Из этого перечня, каким бы он ни был спорным с точки зрения философов, работающий математик извлекает заключение, что «скептическое решение» неудовлетворительно. Фактически оно означает, что нет вообще никаких правил. Но это является в высшей степени неправдоподобным обстоятельством. В самом деле, насколько правдоподобен радикальный конвенционализм? Примеры, приводимые С. Крипке по поводу разных смыслов сложения, являются «изыском», далеким от практики. На самом деле, такие операции в математике единственны, и как раз эту-то единственность и должен объяснить Витгенштейн. Можно, правда, саму эту единственность провозгласить еще одной конвенцией, но это будет уже «правилом правил», в отношении которого возникают свои трудности. Так что радикальный конвенционализм является неприемлемым.

В предельно общей постановке проблема следования правилу состоит в том, может ли человек знать, какому правилу он следует, и является ли его решение правильным. Наш пример с двумя последовательностями подразумевает, что есть два субъекта, которые имеют определенные намерения в отношении того, какое правило он использует. Так что можно ли считать, что Витгенштейн, согласно интерпретациям некоторых исследователей, в частности Р. Фогелина [8] и С. Крипке, задает вопрос о том, может ли человек знать, какому правилу он следует, и следует ли он ему правильно. Разве сам человек не знает, какого рода у него интенции? На этот счет у Витгенштейна есть довольно определенный ответ: «Но ведь в данном случае не располагаю никаким критерием правильности. Так и тянет сказать: правильно то, что мне всегда представляется правильным. А это означает лишь, что здесь не может идти речь о „правильности“» [9. С. 175].

Разговор о намерениях является слишком общим, чтобы можно было прийти к определенным заключениям. Более точная постановка вопроса со-

стоит в том, что значит, когда символическое выражение правила составляет часть процесса следования правилу, которое должно направлять действия человека. В этом случае упор переносится на синтаксические правила, избегающие неопределенности намерений. Как раз таким случаем является математика, представляющая собой набор исчислений. В таких исчислениях не должно было быть, в отличие от разговоров о намерении, затруднений относительно правильного следования по соответствующим правилам. Но здесь есть фундаментальная трудность. «Витгенштейн правильно понимал, что функция таких формальных правил состоит в том, чтобы направлять наши действия, и кроме того, помогать и поощрять наш контакт с реальностью... Подлинной трудностью для Витгенштейна было точное понимание того, как формальные „игры“ соотносятся с приложениями. Как могут чисто формальные упражнения направлять их собственные применения. Это обобщение проблемы следования правилу, где встает вопрос о том, как может символическое выражение направлять действия согласно этому выражению. Витгенштейн пытался решить эту свою проблему различными способами, т.е. он пытался понять, каким образом правило в символической формулировке может направлять меня. В конце концов, формальное выражение правила есть „мертвый“ физический или геометрический объект, который подлежит интерпретации до того, как стать для меня направляющим. Каков критерий того, что такая интерпретация будет правильной» [5. С. 61–62].

Как бы то ни было, математическая практика свидетельствует о разрешении этих трудностей. Как уже упоминалось выше, нет особых проблем с единственностью интерпретации математиками концепции сложения или других математических операций. В условиях скептического вызова это представляется странным, и поэтому остается два варианта: либо признать скептицизм неверным, поскольку он приводит к абсурдным выводам, либо найти объяснение, каким образом возникает единодушие в трактовке математических операций. Именно в этот момент важной становится концепция языковой игры. Дж. Браун, говоря об интерпретации Крипке скептического аргумента, резюмирует некоторые его положения следующим образом [6. Р. 150–151]. Во-первых, использование языковой игры подразумевает сообщество, которое в нее играет. Во-вторых, в основе применения правила нет ничего «глубокого», поскольку конвенционализм дает нам гарантию спонтанности решения о правильности действия. Действительно, как говорит сам Витгенштейн, «стало быть, „следование правилу“ – некая практика. Полагать же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу. Выходит, правилу нельзя следовать лишь „приватно“» [9. С. 163].

Далее мы имеем ключевое признание Витгенштейна, что процесс обучения в сообществе ведет к тенденции, что все его члены дают одинаковые ответы, и именно это обстоятельство является критерием «правильного» ответа. Другими словами, ответы одинаковы, несмотря на радикальный конвенционализм, потому что члены сообщества играют в одну и ту же языковую игру. Еще один вариант для выражения этого обстоятельства – все они разделяют одну и ту же форму жизни. Но при этом мы не понимаем (или не постигаем) правила, которое определяет наш выбор «правильного» расширения последовательности согласно концепции математической функции. Все дело в том, что мы разделяем общую концепцию, потому что мы согласны в наших ответах.

Работающие математики вряд ли согласятся с тем, что они говорят об одних и тех результатах, потому что играют в одну и ту же языковую игру. Работающие математики по большей части разделяют платонистскую точку зрения, согласно которой они открывают математические объекты и математические истины. Антиплатонистская позиция Витгенштейна ведет его, с их точки зрения, к скептическому заключению. Фактически, он признал, что нет объяснения, почему мы имеем тенденцию соглашаться в наших ответах. Это просто грубый факт, что мы делаем так, поскольку обучены делать так. Есть даже более откровенные признания, вроде следующего: «А разве невозможно было бы вычислять, как обычно (когда все приходят к одинаковым результатам и т.д.), и все же испытывать чувство, что правила действуют на нас как бы магически, может быть удивляясь при этом тому, что получаемые результаты совпадают? (За такое согласие можно было бы, скажем, возносить благодарность божеству)» [9. С. 169]. При такой постановке вопроса об «удивительных совпадениях» следует усомниться в скептической аргументации Витгенштейна и признать, что что-то неладно с ее посылками, ведущими к абсурду [6. Р. 151]. Гораздо более естественным является платонистский взгляд на математические закономерности.

В обильной литературе по следованию правилу как инструменту в анализе феномена понимания есть разнообразные взгляды – от чисто апологетических в отношении аргументации Витгенштейна до весьма критических. Умеренная позиция выражена Я. Хинтикой: «В итоге, как мне кажется, Витгенштейн потерпел поражение в своей эпистемологической борьбе. Он не смог объяснить себе и другим механизм следования правилу. Вероятно, он был прав. Не существует простого способа следования правилу. Но, вообще говоря, существуют способы демонстрации связи между формальными операциями, практикуемыми логиками и математиками, и их приложениями, но они варьируются от одной языковой игры к другой» [5. С. 63]. В предисловии переводчиков упомянутой работы С. Крипке говорится, что «обнаружение нестабильности значений может испугать нас тогда, когда мы придерживаемся классического образа языка... Если же отказаться от этого образа и изменить взгляд на функционирование языка в целом, то зафиксированное затруднение исчезнет» [2]. Не кроются ли здесь определенного рода трения между анализом работ Витгенштейна в русле общей философии языка и применением его к математической практике? Если это так, тогда это важное обстоятельство требует особого внимания, поскольку скептический аргумент апеллирует, хотя и к простым, но математическим примерам.

Литература

1. *Philosophy of Mathematics: Selected Readings* / eds. P. Benacerraf, H. Putnam. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 612 p.
2. *Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке* / пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева; под общ. ред. В.А. Суровцева. М. : Канон+, 2010. 151 с.
3. *Коффа А. Семантическая традиция от Канта до Карнапа : к Венскому вокзалу* / пер. с англ. В.В. Целищева. М. : Канон+, 2019. 349 с.
4. *Dummett M. Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // Truth and Other Enigmas*. Cambridge : Harvard University Press, 1978. P. 166–185.
5. *Хинтика Я. О Витгенштейне* / пер. с англ. В.В. Целищева, В.А. Суровцева; сост. и ред. В.А. Суровцева. М. : Канон+, 2013. 272 с.
6. *Brown J. Philosophy of Mathematics: A Contemporary Introduction to the World of Proofs and Pictures*. New York : Routledge, 1999. 245 p.

7. Avigad J. Understanding Proofs // The Philosophy of Mathematica Practice / ed. P. Mancosu. Oxford : Oxford University Press, 2008. P. 316–353.
8. Fogelin R. Wittgenstein. London : Routledge & Kegan Paul, 1976. 272 p.
9. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева; сост. М.С. Козловой. М. : Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–320.

Vitaliy V. Tselishchev, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: leitval@gmail.com

Aleksandr V. Khlebalin, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: sasha_khl@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 29–37.

DOI: 10.17223/1998863X/61/4

UNDERSTANDING IN MATHEMATICS AND WITTGENSTEIN'S RULE-FOLLOWING

Keywords: rule-following; understanding; mathematical practice

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00723.

The problem of understanding, one of the significant topics for the later stage of Wittgenstein's philosophy, replete with appeals to the use of mathematical symbols, caused, as they say, an ambiguous reaction among both mathematicians who took the time to look into them and among the philosophers of mathematics proper. However, the publication in 1982 of S. Kripke's book *Wittgenstein on Rules and Individual Language* sparked a boom in research centered around Wittgenstein's alleged argument for skepticism. A feature of Kripke's argumentation was the presentation of an arithmetic example, which was linked to the general philosophy of Wittgenstein, whose later philosophy was replete with paradoxical statements like this: even if a mathematician fully understands the definitions and terms in the proof, he may still not believe it. Such statements clearly contradicted mathematical practice, and yet many philosophers were able to link this paradoxicality with the leading theme of Wittgenstein's thinking, namely with the so-called rule-following problem. It is believed that the focus of the later Wittgenstein is on the problem of understanding, in its broadest sense; and, since his skepticism is seen in mathematical examples, it is natural to consider the problem of understanding in the process of mathematical proof. An essential role in the analysis of Wittgenstein's understanding is played by the concept of rule-following and its skeptical interpretation, which problematizes the establishment of the correctness of following a rule. We have Wittgenstein's key recognition that the learning process in a community tends to lead to a tendency for all members to give the same answers, and it is this circumstance that is the criterion for a "correct" answer. In other words, the answers are the same, despite radical conventionalism, because the members of the community are playing the same language game. Another way to express this circumstance is that they all share the same life form. But, at the same time, we do not understand (or do not comprehend) the rule that determines our choice of the "correct" sequence extension according to the concept of a mathematical function. The point is that we share a common concept because we agree in our answers. Working mathematicians are unlikely to agree that they are talking about the same results because they play the same language game. For the most part, working mathematicians share the Platonist view that they discover mathematical objects and mathematical truths. Wittgenstein's anti-Platonist position leads him, from their point of view, to a skeptical conclusion. In fact, Wittgenstein admitted that there is no explanation as to why we tend to agree in our answers. Is not there a certain kind of a tension here between the analysis of Wittgenstein's work in line with the general philosophy of language and its application to mathematical practice? If so, then this important circumstance requires special attention, since a skeptical argument appeals to albeit simple but mathematical examples.

References

1. Benacerraf, P. & Putnam, H. (eds) (1983) *Philosophy of Mathematics: Selected Readings*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on rules and private language]. Translated from English by V.A. Ladov and V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+.

3. Coffa, A. (2019) *Semanticheskaya traditsiya ot Kanta do Karnapa: k Venskomu vokzalu* [Semantic tradition from Kant to Carnap: To the Vienna Station]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+.
4. Dummett, M. (1978) *Truth and Other Enigmas*. Cambridge: Harvard University Press. pp. 166–185.
5. Hintikka, J. (2013) *O Vitgensteine* [On Wittgenstein]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+.
6. Brown, J. (1999) *Philosophy of Mathematics: A Contemporary Introduction to the World of Proofs and Pictures*. New York: Routledge.
7. Avigad, J. (2008) Understanding Proofs. In: Mancosu, P. (ed.) *The Philosophy of Mathematical Practice*. Oxford: Oxford University Press.
8. Fogelin, R. (1976) *Wittgenstein*. London: Routledge & Kegan Paul.
9. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Works on Philosophy]. Vol. 1. Translated from German by M.S. Kozlova. Moscow: Gnozis. pp. 75–320.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК: 165.62

DOI: 10.17223/1998863X/61/5

I.F. Mikhailov

COMPUTATIONAL TREATMENT FOR LIFE SCIENCE¹

According to some critics, if biology is a kind of reverse engineering for the nature, it is quite poorly prepared for the task. Thus, the issue is more likely with its ontology. Multiple hypotheses and conjectures found in papers on methodological issues claim that living systems should be viewed as complex networks of signal-transmitting paths, both neural and non-neural, that feature modularity and feedback circuits and are prone to emergent properties and increasing complexity. If so, we are on the eve of a new stage in computer models development where not only computers are used to emulate life, but life itself is construed as a complex network of interacting natural computers.

Keywords: ontology, computation, biology, mathematics, theory

The issue with ontology

In 2002, Yuri Lazebnik, then an associate professor at Cold Spring Harbor Laboratory, published a paper [1] that included some personal story. When moving from Russia to the USA, his wife brought a broken radio set made in the USSR with her. Struggling with a paradox, according to which the more empirical facts the less we know in biology, Yuri turned to this device as a clarifying metaphor of what we lack when approaching the empirical field in the discipline. According to him, if a biologist tried to find out the working principles of the radio in order to fix it, s/he would go a long way classifying its small components by their color and shape, turning them off one at a time to see how this affects the sound, etc. Eventually, the researcher would come up with an assumed functional scheme made of labels and arrows that would represent a qualitative conjecture of which parts are important for bringing up the sound. No matter if we can call this outcome a new knowledge, the design, even if it turns out generally right by chance, will never allow for predicting any facts because it lacks a formal

¹ **Михайлов И.Ф.** Вычислительный подход к построению биологии

Аннотация. По мнению некоторых критиков, если биология – это своего рода реверс-инжиниринг природы, то она довольно плохо подготовлена к этой задаче. Таким образом, проблема скорее в ее онтологии. Многочисленные гипотезы и предположения, содержащиеся в статьях по методологическим вопросам биологии, утверждают, что живые системы следует рассматривать как сложные сети каналов передачи сигналов, как нейронных, так и не-нейронных, которые характеризуются модульностью, обладают схемами обратной связи и склонны к появлению новых свойств и возрастающей сложности. Если это так, то мы находимся на пороге нового этапа в разработке компьютерных моделей, когда не только компьютеры используются для имитации жизни, но и сама жизнь представляет собой сложную сеть взаимодействующих естественных компьютеров.

Ключевые слова: онтология, вычисления, биология, математика, теория

descriptive language and quantitative measures similar to those used by radio engineers. Thus, it does not tell us how the system is really *tuned* to be functional. Lazebnik concludes that probability of a biologist having fixed the radio is approximately that of a monkey typing out a Robert Burns poem.

According to him, biology lacks a formal language that, akin to the language of radio circuits, would contain terms for typical abstract elements and their quantitative properties. Such a language, if it were there, would allow for building up explanatory models by putting typical elements in varying combinations and projecting their functional connections by indicating numerical values of their properties. Radio provides an impressive metaphor for what biology is in need of, but it should be noted that not only engineers possess such a language – physics as a science started when Newton established that the world of mechanics should contain only physical bodies that are characterized solely by mass and move in a straight line and uniformly accelerated unless affected by some force. If put against our everyday experience, this picture is counterintuitive, but it proved to be an effective explanatory tool together with appropriate mathematics.

Here I would like to propose an important distinction. What Lazebnik means by a “formal language” is not a language of propositions about the world, *i.e.*, of asserting some states of affairs. His analogy with radio circuits reveals that what is meant here is a language of listing relevant types of objects and their relations. Hereafter I will refer to it as a *domain ontology*. Besides, a Newtonian-style science needs another formal language built over the former to generate descriptive propositions. This *propositional language*¹ may probably be mathematical – at least, so it has been thus far securing overall progress in the epistemic efficiency. Therefore, if we adopt Lazebnik’s argument (and I do), then the issue with biology is not shortage of mathematics therein, as we have seen numerous attempts to quantify or to formalize our knowledge of life: quantitative and formal tools have been applied, such as statistics in experimental design, pattern seeking in bioinformatics, models in evolution, ecology, and epidemiology [2]. The fact is that they have not led to theoretical integration of biology so far. Rather, in this view, biology lacks a unified formal language that would name and describe some ultimate elements, combinations of which make for various live-matter designs. Thus, the issue is more likely with its domain ontology.

There are popular views, according to which a domain ontology is inferred by a theory proper. Specifically, it is construed as a system of existential presuppositions (*E*) implied by the theory’s propositions (*T*). For instance, if your theory asserts that living organisms evolve under heredity and variability, it presupposes that there are living organisms². On this basis, it is often inferred that if *T* is true and it implies a certain *E*, then the latter is true as well. But remember that when Sadi Carnot proposed his Carnot Circle in 1824, he was a proponent of the Caloric Theory, *i.e.*, he believed that the heat was carried by a self-repellent liquid. If the true description of the Carnot Circle is *T* and the belief in caloric is *E*, and $T \vdash E$ holds, then we must still believe in caloric, which is not the case. Therefore, the relation of *T* and *E* is not that of inference, but rather that of interpretation. That is, in its formal expression, for *T* to be true, its constituent

¹ Here the meaning of the term may differ in a way from that in propositional logic. By “propositional language” I refer to a particular symbol system rather than a set of actual propositions expressed thereby.

² For my discussion on this matter see [3].

terms must be interpreted on this or that *ontological model*, which, in Lazebnik's example, is the set of abstract radio elements (a capacitor, a resistor, etc.). But we could also try and interpret the circuit of his radio set on, say, characters of a Shakespeare's play. I suspect that, with an appropriate quantitative tuning of this ontological model, we could still keep the circuit as a valid theory.

Therefore, domain ontologies are inferentially independent of theories proper. The illusion that $T \vdash E$ holds for natural sciences stems from our natural language reasoning, according to which if 'The actual king of France is bald' is true, then there is one. But, in the scientific contexts, T 's are usually formal expressions that are true, among other conditions, being interpreted on a relevant model. But the fact is also that there may be more than one relevant model for T to keep its truth value. This is important for the further discussion.

Appropriate maths for life science

As has already been said, attempts of incorporating mathematics into biology have been numerous up to now and some of them are locally successful, but they do not change the overall picture principally, for theoretical biology still lacks universal principles and a unified formal language for all the true propositions to be deduced thereby. Among the most interesting attempts, there was Alan Turing's article [4] on morphogenesis where the founder of the most viable theory of digital computations proposed some analog tools to explain emergence of biological complexity from initial homogeneity. The formal tools were mainly constrained to linear differential equations with constant coefficients.

The theory posits two morphogens: one called "activator" and the second called "inhibitor". The activator produces itself at a rate proportional to its abundance. It also produces the inhibitor, by which it is naturally inhibited. While they both diffuse all over the space, the inhibitor does so faster. According to Turing's calculations, at the first stage, the initial homogeneity is broken by small casual changes and, at the following stages, random fluctuations will be amplified. At the end, the activator gathers in multiple patches with empty areas between them. Thus, through a series of bifurcations within the initially homogeneous solution, structure is born out of equability.

Bascompte in [5] mentions mathematical theory of deterministic chaos that was mainly inspired by biology and uses non-linear equations, whereby inexact representations (up to a certain number of decimal points) of real-number data derived from observations of complex non-equilibrium systems causes unexpected consequences over time. But, according to Hofmeyr in [6], systems like this are no more than *simulations* of the subject-matter, while mature sciences, like physics, reach up to the level of *modeling*. He explains the difference of the two with a simple scheme. There are objects in the natural world (N) and causal relations (C) between. And there are propositions within a formal theory (F) with inferential relations (I). A theorist constructs an encoding dictionary φ that maps observables in N to input variables in F . And there is also a decoding dictionary δ for the reverse mapping of every $f \in F$ to a certain $n \in N$.

Then, F is a model of N , iff (1) $F = \varphi(N)$ and (2) $I = \varphi(C)$. If only (1) is the case, but not (2), F is a simulation of N . The latter case does not provide for prediction, as $N = \delta(F)$ is not secured.

As an example of “modeling” breakthroughs, Hofmeyr cites the work of Nicolas Rashevsky whose experience and competence in mathematical physics led him to a series of fruitful anticipations in life science. Thus, a Boolean version of his “two-factor theory” for excitable elements led in the hands of Walter Pitts and Warren McCulloch to the development of neural networks, and was also a forerunner of Hodgkin and Huxley’s model for the propagation of action potentials in neurons [6. P. 2].

But soon after Rashevsky realized that all he had done was simulation of state transitions in different modes of the live matter. He then shifted “from the components of biological systems to the relations between them” [6. P. 2], and that gave birth to the so-called “relational biology”. Mathematical tools used were topology, set theory and propositional logic. This enterprise was continued by his PhD student, Robert Rosen, who relied on category theory in his inquiry into metabolism-repair systems. According to Hofmeyr’s estimation, “If the age of analysis was characterised by the unspoken motto ‘divide and conquer’, then perhaps the age of synthesis aims to ‘integrate and rule’. Today relational biology uses a rich array of mathematical tools: category theory, graph theory, network theory, automata theory, formal systems, to name the most important” [6. P. 2].

Biological information pathways and networks

Historically, the analytically constructed mathematics gave birth to nomothetical law-discovering science, within which biology does not prove to be much of success as compared to physics. In the remaining sections, I will try to add some evidence to the conjecture that the algorithmic, or – in a sense – constructive, view thereupon may well foster some computational ontologies and calculi, from which biology, cognitive and social science will probably benefit.

In [7] Bhalla and Iyengar claim that living systems should be viewed as complex networks of signal-transmitting paths. Biologically, those are provided with regulation by protein-protein interactions, protein phosphorylation, regulation of enzymatic activity, production of second messengers, and cell surface signal transduction systems. They claim that signaling pathways interact with one another and the final biological response is shaped by interaction between pathways. These interactions result in networks that are quite complex and may have properties that are nonintuitive [7. P. 381].

The networking accounts for such emergent properties as extended signal duration, activation of feedback loops, definition of threshold stimulation for biological effects and multiple signal outputs. This analysis provides evidence that, being coupled appropriately, simple biochemical reactions can store and process information, and the whole mechanism of the reactions within signaling pathways forms another biological basis for memory and learning. Therefore, as Bhalla and Iyengar conclude, a computational approach fits well the task of comprehending both the complexity of multiple signaling interactions and the fine quantitative details.

Csete and Doyle [8] dig into such an obvious property of living systems as their modularity. They conceive modules as subsystems of a larger system that use interfaces (protocols) for connecting to other modules, may be altered relatively independently, allow for simplified descriptions with the aim of a more abstract modeling, maintain their local identity when isolated or rearranged and, lastly,

borrow additional identity from the rest of the system. Protocols are prescribed interfaces between modules that account for both facilitation of the system's upscaling and appearance of emergent properties of the whole. The introduction of the concepts makes it evident that abstractions such as gene regulation < ... >, covalent modification, membrane potentials, metabolic and signal transduction pathways, action potentials, and even transcription-translation, the cell cycle, and DNA replication could all be reasonably described as protocols < ... >, with their attendant modular implementations in various activators and repressors, kinases and phosphatases, ion channels, receptors, heterotrimeric guanine nucleotide binding proteins (G proteins), and so on [8. P. 1666].

The proposed ontology is abstract enough to allow for computer modeling of biological systems and processes. At the same time, one must take into consideration that the more realistic models of biological networks we need, the more entangled and sophisticated they ought to be to include multiple feedback signals, non-linear component dynamics, uncertain parameters, stochastic noise, parasitic dynamics and other fuzzy factors and inputs. We are at risk here, taking into consideration the above-mentioned deterministic chaos: the inevitably inexact values of the input may bring about too great mistakes in the theory's predictions. Csete and Doyle claim that mathematical tools are currently progressing in order to eventually cope with these issues.

As is shown in [9], proteins are themselves highly versatile information-processing units. In unicellular organisms, protein-based circuits replace the whole of the nervous system as a behavior-controlling network. In the cells of plants and animals, numerous and networked proteins transmit information from the plasma membrane to the genome. The lasting impact of the environment on the concentration and activity of multitude of proteins in a cell is a real mechanism of memory saving important data of the environment. Interacting proteins architecturally and functionally are similar to neural networks. They are evolutionally trained to identify and respond appropriately to repeating patterns of external stimuli. Their connectome depends on diffusion-limited encounters between molecules, thus providing for unique features not found in artificial neural networks.

So, while current technologies increasingly make use of the so-called bioinspired computing devices, such as neural networks, evolution algorithms and multi-agent systems, biology itself is in need of what I would call a computational ontology and computational formal tools.

The free energy principle as a probable tool of integration

An important instance of applying Bayesian statistics to biological, cognitive and social ontologies bound with the free energy principle is provided by inquiries into predictive processing models [10–19]. This intellectual movement that is commonly called a “paradigm” by many has been spreading extensively – winning new adepts – and intensively – covering new subject-matters and domains. The main principles of the doctrine were posited in reference to the cognitive realm, but their seeming explanatory strength pushed the founders to expand the scope of the theory, now covering non-cognitive subject-matters in psychology, as well as those of life and social sciences. The founders and proponents of the approach consider

their theoretic system “a computationally tractable guide” to discovery in biological, cognitive, and social sciences [15. P. 1].

Schroödinger once noted that living systems “are unique among natural systems because they appear to resist the second law of thermodynamics by persisting as bounded, self-organizing systems over time” [15. P. 1]. A trans-disciplinary field known as evolutionary systems theory (EST) has been an attempt to deal with this issue. The free energy principle is a mechanistic version of EST that applies to living systems in general.

The free energy doctrine rests on a set of bearing concepts and principles. In general, the theory construes organisms as embodying “expectations that they need to ensure are brought about through adaptive action” [10. P. 196].

Variational free energy is defined as a measure of the difference between an anticipated state of environment and the actual input. Mathematically it is an upper bound on the so-called “surprisal”, which reflects how strange or unexpected the current state of the world or of the organism’s own inside is in its perception.

Informational *entropy* is a measure of uncertainty, which remains after free energy effectively places an upper limit on surprisal.

The *free energy principle (FEP)*, unlike statistical mechanics, pertains to systems at non-equilibrium steady state (NESS). It is consistent with thermodynamics, since the latter can be regarded as a special case of the FEP when certain conditions are met.

A *Markov* blanket in a statistical network is the smallest set of nodes that renders an enclosed node conditionally independent of all others. The behavior of the enclosed node can be predicted by knowing only the states of those closest nodes. The same goes for the nodes outside: the enclosed node is pointless for predicting their behavior. A Markov blanket divides all the states important for the organism into external, sensory, active, and internal ones.

Active inference is one of the two ways of free energy minimization that consists in adaptive action reducing uncertainty or surprise about the causes of the input data.

A generative model is a probabilistic mapping from external causes to the organism’s observed input data.

The statistical properties of Markov blankets account for processes that optimize Bayesian model evidence, eventually making the latter a relevant model of the external states. As Hesp et al. put it, we can describe the universe of biological systems as Markov blankets and their internal states, which are themselves composed of Markov blankets and their internal states [10. P. 201].

This multi-level structure of Markov blankets forms a highly dimensional phase space – a formalization-ready meta-theoretical ontology that, due to the imagination of the authors, is labeled *variational neuroethology*. Markov blankets are capable of upscaling their structure. One example of this is a hypothesis that some of the organelles of eukaryotic cells used to be prokaryotic cells themselves (i.e., mitochondria and chloroplasts).

This is what concerns ontology. And the theory states that for an organism to resist dissipation and persist as an adaptive system that is part of, coupled with, and yet statistically independent from, the larger system in which it is embedded, it must embody a probabilistic model of the statistical interdependencies and regularities of its environment [15. P. 2].

Biological systems, as any non-linear and non-equilibrium ones, are aligned by a random dynamical attractor, which is a set of frequently revisited states with high probability. A state space may be imagined as a free energy landscape the lowest points of which are inhabited by living systems. FEP asserts that all biological systems are constantly involved in minimizing their variational free energy. For an organism to survive is to avoid surprise, which corresponds to thermodynamic potential energy. According to EST, the drive to minimize surprise results from natural selection, the latter itself being a free energy minimizing process.

Internal states of the organism encode a probability distribution over the external states. “Free energy is a functional (i.e., the function of a function) that describes the probability distribution encoded by the internal states of the Markov blanket” [15. P. 4].

The attempts to dispute the FEP conception as a biological meta-theory are not numerous to date. The only instance I met is in [20].

How biology might be done

The Newtonian mechanics can describe and explain and even predict a trajectory of a flying stone, but it in no way is a science of minerals. When we expect biology to reach high theoretical standards of physics, we still think of it as of a “life science” that, ideally, should be able to deduce all the details of organic, genetic, physiological and evolutionary processes from a set of highly theoretical principles and formulas. But those deductively consistent theories never explain all the facts of any empirical domain. Rather, they cope with facts of a certain kind observed in different domains. Mechanics knows nothing of chemical composition of the flying stone, nor of its geological history, but it can predict events that can happen to both a stone and a bullet. Likewise, we can hardly promote “life science” from the state of what Kant called “history”, as opposed to “pure science”, to the desired state of deductive consistency. But we can do so to the science of closed systems in non-equilibrium states. Those systems, besides living things, can include societies, astronomical objects and even scientific theories themselves. Such a discipline, being based on a transparent ontology and equipped with a well-built formal language, may explain and predict certain kinds of facts in these domains including that of biology. But biology as such will probably remain a kind of “history” in Kant’s terms where various formalized theories do their good jobs, side by side with empirical classifications and qualitative narratives.

In order to “fix the radio” of life, a biologist should start with the first David Marr’s level of computation: that is, determine the overall goal of the system’s functioning. It may be a certain combination of adaptation [14], homeostasis [13, 21] and energy efficiency [22]. At that point, *i.e.*, we have a set of control variables. Then a biologist should develop a complex of algorithms best fit for achieving goals determined at the first level. Within the algorithms, the so-called computational primitives [23] must be identified, *i.e.*, the elementary nodes, combinations of which form principal circuits of living body parts, the whole organisms and their symbiotic and social combinations. And, lastly, biological observables must be mapped to those primitives in order for algorithmic steps of the latter to ‘encode’ (not just ‘mimic’) causalities of the former.

Taking into consideration the multiple realization principle, we are in a position to expect the arrival of a set of competing (and obviously computing) theories generated this way. And from this very output life science is going to benefit.

References

1. Lazebnik, Y. (2002) Can a biologist fix a radio? Or, what I learned while studying apoptosis. *Cancer Cell*. 2(3). pp. 179–182. DOI: 10.1016/S1535-6108(02)00133-2
2. May, R.M. (2004) Uses and Abuses of Mathematics in Biology. *Science*. 303(5659). pp. 790–793. DOI: 10.1126/science.1094442
3. Mikhailov, I.F. (2020) Social Ontology: Time to Compute. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 55. pp. 36–46. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/55/5
4. Turing, A.M. (2004) The Chemical Basis of Morphogenesis. In: Copeland, B.J. (ed.) *The Essential Turing: Seminal Writings in Computing, Logic, Philosophy, Artificial Intelligence, and Artificial Life: Plus The Secrets of Enigma*. Vol. 15. Oxford: Oxford University Press. pp. 519–561.
5. Bascompte, J. (2007) Biology and mathematics. *Arbor*. 182(725). pp. 347–351. DOI: 10.1002/9781119663416
6. Hofmeyr, J.-H.S. (2017) Mathematics and biology. *South African Journal of Science*. 113(3/4). DOI: 10.17159/sajs.2017/a0203
7. Bhalla, U. S. & Iyengar, R. (1999) Emergent Properties of Networks of Biological Signaling Pathways. *Science*. 283(5400). pp. 381–387. DOI: 10.1126/science.283.5400.381
8. Csete, M.E. (2002) Reverse Engineering of Biological Complexity. *Science*. 295(5560). pp. 1664–1669. DOI: 10.1126/science.1069981
9. Bray, D. (1995) Protein molecules as computational elements in living cells. *Nature*. 376(6538). pp. 307–312. DOI: 10.1038/376307a0
10. Hesp, C., Ramstead, M., Constant, A., Badcock, P., Kirchhoff, M., Friston, K. (2019) A Multi-scale View of the Emergent Complexity of Life: A Free-Energy Proposal. In: *Springer Proceedings in Complexity*. pp. 195–227. DOI: 10.1007/978-3-030-00075-2_7
11. Es, T. van (2020) Living models or life modelled? On the use of models in the free energy principle. *Adaptive Behavior*. DOI: 10.1177/1059712320918678
12. Kuchling, F., Friston, K., Georgiev, G. & Levin, M. (2019) Morphogenesis as Bayesian inference: A variational approach to pattern formation and control in complex biological systems. *Physics of Life Reviews*. 33. pp. 88–108. DOI: 10.1016/j.plrev.2019.06.001
13. Hulme, O.J., Morville, T. & Gutkin, B. (31) Neurocomputational theories of homeostatic control. *Physics of Life Reviews*. 31. pp. 214–232. DOI: 10.1016/j.plrev.2019.07.005
14. Ramstead, M.J.D., Constant, A., Badcock, P.B. & Friston, K.J. (2019) Variational ecology and the physics of sentient systems. *Physics of Life Reviews*. 31. pp. 188–205. DOI: 10.1016/j.plrev.2018.12.002
15. Ramstead, M.J.D., Badcock, P.B. & Friston, K.J. (2018) Answering Schroedinger’s question: A free-energy formulation. *Physics of Life Reviews*. 24. pp. 1–16. DOI: 10.1016/j.plrev.2017.09.001
16. Kirmayer, L.J. (2018) Ontologies of life: From thermodynamics to teleonomics: Comment on “Answering Schrödinger’s question: A free-energy formulation” by Maxwell James Désormeau Ramstead et al. *Physics of Life Reviews*. 24. pp. 29–31. DOI: 10.1016/j.plrev.2017.11.022
17. Friston, K. (2013) Life as we know it. *Journal of The Royal Society Interface*. 10(86). DOI: 10.1098/rsif.2013.0475
18. Friston, K., Levin, M., Sengupta, B. & Pezzulo, G. (2015) Knowing one’s place: a free-energy approach to pattern regulation. *Journal of The Royal Society Interface*. 12(105). DOI: 10.1098/rsif.2014.1383
19. Friston, K. J., Daunizeau, J., Kilner, J. & Kiebel, S.J. (2010) Action and behavior: A free-energy formulation. *Biological Cybernetics*. 102(3). pp. 227–260. DOI: 10.1007/s00422-010-0364-z
20. Martyushev, L.M. (2018) Living systems do not minimize free energy. *Physics of Life Reviews*. 24. pp. 40–41. DOI: 10.1016/j.plrev.2017.11.010
21. Auletta, G. (2013) Information and Metabolism in Bacterial Chemotaxis. *Entropy*. 15(1). pp. 311–326. DOI: 10.3390/e15010311
22. Kempes, C. P., Wolpert, D., Cohen, Z. & Pérez-Mercader, J. (2017) The thermodynamic efficiency of computations made in cells across the range of life. *Philosophical Transactions of the*

Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences. 375(2109). DOI: 10.1098/rsta.2016.0343

23. Marcus, G., Marblestone, A. & Dean, T. (2014) The atoms of neural computation. *Science*. 346(6209). pp. 551–552. DOI: 10.1126/science.1261661

Igor F. Mikhailov, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. (Moscow, Russian Federation).

E-mail: ifmikhailov@gmail.com; http://eng.iph.ras.ru/igor_mikhailov.htm

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 38–46.

DOI: 10.17223/1998863X/61/5

COMPUTATIONAL TREATMENT FOR LIFE SCIENCE

Keywords: ontology; computation; biology; mathematics; theory

In 2002, Yuri Lazebnik used a salient and profound metaphor to clarify the main theoretical shortage that keeps biology from being a unified and deductively consistent science modeled after physics. Asking if a biologist could fix a broken radio, he revealed that what is missing there is a unified formal language for describing ultimate elements of living devices together with their typical combinations, as it is commonly done in radio engineering. I specify in the paper that what Lazebnik means by a “formal language” is not a language of propositions about the world, *i.e.*, of asserting some states of affairs, but rather a language of listing relevant types of objects and their relations. I refer to it as a *domain ontology*. A theory needs another language to describe actual states of affairs, which most probably shall be mathematical to be able to represent complicated natural structures in their detail. Then I touch on the popular views, according to which a domain ontology is inferred by a theory proper. The history of science shows that true theories that are viable today were often paired with now abandoned ontologies, like that of Caloric or Phlogiston. I suggest that a theory does not infer its ontology, but rather is interpreted thereupon, being inferentially independent of it. I also review some historically important attempt to mathematize the knowledge of life. I mention Alan Turing’s article on morphogenesis where he used some linear differential equations to explain emergence of complexity from homogeneity. Then I briefly touch on works Nicolas Rashevsky whose theories provided inspiration to the inventors of artificial neural networks and allowed for abundant use of different mathematical tools by his disciple Robert Rosen in his study of metabolism. Closer to nowadays, various computational theories in biology have emerged. Some of them treat protein combinations as networks of signal-transmitting pathways that can store and process information. Moreover, in unicellular organisms, protein-based circuits replace the whole of the nervous system as a behavior-controlling network. Other theories propose a view, in which an organism is construed as a system of modules connected with protocols, of interfaces. A domain ontology like this may considerably simplify the task of scientific description. A special attention is paid to applications of the known free-energy (minimization) principle to the life science matters, as it has initially intended to explain issues of cognitive science. In general, within this view, for an organism to survive is to minimize its thermodynamic potential energy, for which purpose the living being as a whole, and all its subsystems, must constantly produce statistical models of environment that are constantly updated with incoming data. Some strong Bayesian mathematics combine with this ontology to claim the whole enterprise as the most prominent universal theory of complex developing systems nowadays. As a general output of the survey, I propose a computational methodological approach of doing biology based on the famous Marr’s three-level view on computational systems together with the necessity of identifying elementary nodes, of which living systems are composed. Such an approach may, as I hope, generate a set of competing theories that will eventually help biologists to fix their “radio”.

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/61/6

Е.И. Наумова

ДИСКУССИИ О СУЩНОСТИ КАПИТАЛИЗМА В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX ВЕКА

Представленное исследование капитализма основано на методологии истории понятий и имеет целью реконструировать дискурсивную историю «капитализма» в контексте развития русской культуры, что позволяет дополнить данную область знания новым содержанием.

Ключевые слова: капитализм, марксизм, история понятий, Россия, С.Н. Русанов

Исследование базируется на методологии, которая носит название «история понятий». Развитие в качестве метода история понятий получает в 1960–1970-е гг. и в первую очередь связывается с именами Райнхарта Козеллека, Отто Брюнера и Вернера Конце. Используя данный подход для анализа интересующего нас вопроса, мы отодвигаем в сторону привычную всем историю идей и историю духа (тотальной истории) и изучаем капитализм в качестве понятия как дискурсивную единицу. Методология история понятий нацелена на то, чтобы реконструировать возникновение понятия, выявить предпосылки его формирования, вхождения в культурный контекст, научный обиход и в повседневные практики [1].

Согласно западным исследователям в рамках методологии истории понятий первое распространение понятие «капитализм» получило в печатной среде Германии, Франции и Англии в качестве политического лозунга и антонима в отношении к понятию «социализм», что обусловило его нагруженность негативным смыслом. Далее в 1870 г. А. Шеффле разработал концепцию капитализма, которая представила нейтральное толкование понятия «капитализм», и уже в 1902 г. данное понятие было введено в научный оборот В. Зомбартом, а последующее свое развитие получило в трудах М. Вебера [2. С. 8–59]. Необходимо отметить, что западные исследователи, работающие в рамках методологии истории понятий, не привлекают работы на русском языке и в целом не упоминают русскую культуру как один из возможных источников для становления понятия «капитализм», в силу этого наше исследование имеет целью дополнить европейскую историю понятия «капитализм» русским содержанием.

Русская история понятия «капитализм» начинается с того, что первый перевод «Капитала» Маркса выходит на русском языке в 1872 г. (II том 1885 г., III том 1896 г.). Совсем рядом были французы, но растянули перевод на 1872–1875 гг., потому первенство так или иначе принадлежит русским. Инициировал переводы Маркса представитель либерального народничества Н.Ф. Даниельсон, который предложил заняться переводом первого тома известному революционеру, анархисту М.А. Бакунину, однако его версию перевода не одобрил Маркс, который к тому моменту довольно неплохо владел русским, поэтому первый том переводил русский революционер Г.А. Лопатин. «При переводе он вдумчиво вникал в текст, изучал те книги, которые Маркс

использовал при написании „Капитала“. Лопатин и Маркс совместно перерабатывали текст. По замечаниям своего переводчика, Маркс добавлял или изменял формулировки, адаптировал для русского читателя. Лопатин перевел со второй по пятую главы 1-го тома „Капитала“. Его заслуга в том, что он ввел в русскую экономическую литературу ряд новых терминов, например, „прибавочная стоимость“. Маркс и Энгельс высоко ценили его выдающиеся способности как переводчика, так и как человека, который стал их другом» [3]. Переводом второго и третьего тома занимался уже сам Н.Ф. Даниельсон [4], который находился в плотной переписке с Марксом в период с 1868 по 1893 гг. [5. С. 67–187]. Также традицию переводов текстов Маркса продолжил Г.В. Плеханов и группа «Освобождение труда», которые в 1882 г. выпустили брошюру с переводами «Манифеста коммунистической партии», отрывка «Гражданская война в Германии» и «Общего Устава Международного Товарищества Рабочих» [6. С. 368]. При этом важным фактом является то, что Маркс не использовал понятие «капитализм» [7] в «Капитале», также мы не встречаем его и в русском переводе данной работы. Однако начиная с 1870-х гг., в русской политической литературе, посвященной марксизму, с легкой руки русских мыслителей и политических деятелей то, что в «Капитале» именуется «капиталистическим способом производства», обретает свою емкую законченную форму и запечатывается в универсальное понятие «капитализм».

«Вопросом, который стоял в центре внимания всей русской общественной мысли пореформенного периода вплоть до конца XIX в. и на который надо было дать ответ, был вопрос „о судьбах капитализма“ в России» [8. С. 12]. Важным фактом является то, что изначально «капитализм» формируется в качестве политического лозунга, «боевого понятия» и антонима понятию «социализм» [7]. Необходимо отметить, что еще до появления марксистских групп революционную работу в России вели народники. А.И. Герцен считается основоположником народничества и создателем теории «русского социализма». Герцен определяет социализм как освобождение крестьян с землей при сохранении общинного землевладения и права на землю крестьянина [8. С. 9]. В этом отношении народники подготовили почву для зарождения дискурса о капитализме в русском культурном контексте, более того, заложили основы для негативной его трактовки. Так «Капитализм» стал предметом политических дебатов между различными политическими лагерями – народниками, марксистами, «легальными» марксистами, славянофилами. И несмотря на то, что в «Капитале» Маркса мы не встречаем понятие «капитализм», сам Маркс использует это понятие в личной переписке с русскими революционерами. Примечательно, что сохранилось одно такое письмо, где Маркс пишет о капитализме, и оно имеет очень интересную историю.

Как уже отмечалось, в период 1870–1880-х гг. наблюдается активная полемика на страницах русских политических журналов между народолюбцами и марксистами вокруг переведенного первого тома «Капитала». Одними из статей, способствовавших началу политических дебатов вокруг «капитализма», стала статья русского экономиста из числа славянофилов Ю.Г. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», опубликованная в «Вестнике Европы» в 1877 г., и ответная статья русского социолога-народолюбца Н.К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». Обе статьи были прочитаны Марксом благодаря Даниельсону, который периодически посылал ему русские

печатные издания и в целом был с ним очень дружен. Эти статьи вызвали ответное письмо, где Маркс использует понятие капитализм: «Ему (Жуковскому) непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, – для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее всестороннее развитие человека» [5. С. 222]. Примечательно, что письмо Маркса, будучи написанным в 1877 г., попало в Россию только через 9 лет благодаря Энгельсу, который уже после смерти Маркса обнаружил это письмо в его бумагах и посчитал своим долгом отправить в Россию. Под названием «Письмо Карла Маркса» оно было опубликовано в 1886 г. в «Вестнике „Народной воли“» в Женеве, а также в 1888 г. в «Юридическом вестнике» в Москве. Это письмо ценно именно тем, что сам Маркс с легкой руки русских политических деятелей называет свой труд «Капитал» историческим очерком возникновения капитализма, тогда как в самом «Капитале» он к этому «-изму» никак подобраться не может.

Важно отметить и то, что бытование понятия «капитализм» в русской культуре начинается со статьи Н.С. Русанова «Проявления капитализма в России», которая была опубликована в журнале «Русское богатство» (№ 1, 2, 1880 г.). Наше исследование показало, что именно статья Н.С. Русанова, а не, как свидетельствуют некоторые источники, труды В.П. Воронцова [9. С. 224], возбудила дебаты в политической среде о капитализме, вызвав ответные полемические статьи со стороны В.П. Воронцова, Е. Паприц и других. Н.С. Русанов является малоизученным автором, хотя он был талантливым революционным публицистом, популяризатором идей марксизма, первым русским биографом К. Маркса и А. Чернышевского, собеседником Ф. Энгельса и соратником П.Л. Лаврова по организации «Группа старых народовольцев». И хотя, действительно, важный сборник статей «Судьбы капитализма в России» [10] был издан под редакцией В.П. Воронцова, однако, как мы увидим дальше, именно несогласие в вопросах капитализма между С.Н. Русановым, как инициатором дискуссии по данной теме, и В.П. Воронцовым может рассматриваться в качестве импульса для создания сборника, посвященного капитализму, и в принципе может считаться отчетной точкой в рождении «капитализма» в предреволюционной России. В этом отношении сама революционная журналистика как жанр, в котором работал С.Н. Русанов, явилась источником формирования «боевого» понятия «капитализм» в качестве антонима понятию «социализм».

Человеком, сделавшим имя капитализму в России, был Русанов Николай Сергеевич (1859–1939), который имел несколько псевдонимов, печатался в различных изданиях в 1880-е гг., наиболее известные из них: Н.Е. Кудрин, Иван Сергеевский, К. Тарасов. Еще в старших классах гимназии он сблизился с руководителями «якобинского» кружка В.П. Арцебушевым и П.Г. Заичневским. Первые публикации Русанова появились в газете «Новости» (1879), где он писал фельетоны-обозрения духовных и педагогических журналов под псевдонимом «Скромное-я» [11]. В 1879–1882 гг. он регулярно выступал со статьями по политическо-экономическим вопросам в журналах «Русское богатство», «Отечественные записки», «Юридический вестник», в нелегальной газете «Зерно»,

также на страницах журнала «Дело» вел полемику с одним из идеологов «Народной воли» Л.А. Тихомировым по вопросу главных критериев общественного прогресса [12. С. 392]. «Цикл „марксистских“ статей Русанова 1880–1882 (главным образом в „Деле“, в том числе „Против экономического оптимизма“, 1880, № 12; „Экономика и политика“, 1881, № 3) – в числе первых в России публикаций, популяризовавших взгляды Маркса» [12. С. 392]. К началу 1882 г. Русанов, разочаровавшись в перспективности полемики с народолюбством, достигшим после 1 марта 1881 г. (покушение на Александра II) пика общественной популярности, а также усомнившись в применимости марксистских установок к русским условиям, в марте 1882 г. выехал за границу.

Для нас наибольший интерес представляет статья Русанова «Проявления капитализма в России», где автор «<...> изложил марксистскую точку зрения применительно к русской действительности» [11]. Именно эта статья является первым важным источником для реконструкции содержания понятия «капитализм». Русанов начинает статью «Проявления капитализма в России» («Русское богатство», № 1, 2, 1880 г.) с указания на, что целью его повествования является необходимость найти ответ на вопрос о том, по какому пути развития должна пойти Россия: по европейскому пути развития капитализма или по пути развития «производства народного», т.е. социализма. Русанов ставит в центр рассмотрения полемику между марксистами и народниками. Дилемма между ними в текстах Русанова разрешается через своеобразное толкование русской общины. Мыслитель выдвигает идею о том, что описанный Марксом принцип саморазложения общины не является универсальным. Согласно Русанову, разложение первобытной общины – факт возможный, но не неизбежный. Тезис Русанова состоит в том, что одно только существование общины в России не гарантирует избежания всех прелестей капиталистического производства. Автор говорит о том, что идея об особенностях русской общины, пропагандируемая народниками, является не научной, так как сравнение русской общины происходит с уже находящейся на последней стадии разложения германской общиной, а не с общиной в ее нормальном состоянии. В этом отношении Русанов отмечает, что вопрос о существовании в России капитализма может быть рассмотрен в перспективе отрицания всеобщих экономических законов и при принятии того факта, что капитализм не боится общины, именно поэтому в предреволюционной общине мы сталкиваемся с первыми проявлениями капитализма. Одно из проявлений русского капитализма, по словам Русанова, состоит в том, что на лицо отделение производителя от средств производства, а именно повсеместен тот факт в России, что крестьяне бросают земли – основное орудие производства. Таким образом, кулаки-скупщики «опутывают» кустарей и создают через эксплуатацию их труда прибавочную стоимость, т.е. занимаются наращиванием капитала. Прогноз Русанова таков: в России крупный торговый капитал и капитал промышленный (земледельческий и фабричный) придет на смену менее усовершенствованным орудиям эксплуатации кулачского капитала. Так Русанов определяет капитализм через сформировавшуюся в предреволюционной России тенденцию отделения крестьян от средств производства (земли), что дает возможность определять их как пролетариев, чей труд остается неоплаченным со стороны кулаков (промышленников), что ведет к формированию прибавочной стоимости и к процессу приращения капитала [13. С. 87].

Мы видим, что содержание понятия «капитализм» определяется через использование марксистской терминологии, а именно таких понятий, как «средства производства», «прибавочная стоимость», «капитал», «наемный труд», «пролетариат», «эксплуатация», что наделяет содержание понятия негативными коннотациями и позволяет отнести в разряд антонимов «социализма». В подкрепление данного тезиса можно привести первые словарные определения понятия «капитализм» в России, которые были обнаружены нами в ходе нашего исследования, и особенно отметить, что словарные статьи с понятием «капитализм» появились в России раньше, чем в Европе [14. С. 8–22]. Так, первая словарная статья о капитализме появляется в 1900 г., где мы можем найти следующее определение понятия: «капитализмъ *лат.* – господство капиталистов въ области промышленности и торговли; сменившая феодализмъ эпоха порабоженія народныхъ массъ заработной платой» [15. С. 239]. Также довольно интересная словарная статья о капитализме датируется 1905 г. и содержит следующее определение понятия: «капитализмъ – отъ с. капиталъ – капиталистический строй народного хозяйства и общества: средства и орудія производства находятся в рукахъ немногочисленного класса предпринимателей (капиталисты), массу же населенія составляютъ наемные рабочіе (см. Пролетариат), продающие свой труд; производство принимает, благодаря успехамъ техники, широкіе размеры, все более и более сосредотачиваясь въ немногихъ предприятияхъ; целью производства становится обращеніе денегъ (капитала) въ товаръ для продажи послѣдняго съ прибылью, служащую дальнѣйшему накопленію капиталовъ, а следовательно и расширенію производства; поэтому производство ведется въ расчете на международный обменъ товаровъ, безъ соответствія со спросомъ на нихъ, что влечетъ за собою перепроизводство и кризисы» [16. С. 400].

Проведенный в ходе исследования анализ содержания словарей иностранных слов о капитализме в период с 1900 по 1930 г. дает основания утверждать, что к 1920 г. понятие «капитализм» встречается почти во всех русских словарях и определяется через классовое деление общества и продажу рабочей силы. В словаре иностранных слов от 1926 г. под редакцией М.Е. Левберга дается следующее определение капитализма, которое в дальнейшем повторяется во многих научных словарных статьях и становится одним из общепринятых в российском контексте: «...капиталистический строй или капитализм – строй, характеризующийся товарным неорганизованным в целом хозяйством, монополизацией орудий производства капиталистами, наемным трудом, т.е. трудом, основанным на продаже рабочей силы, и классовым характером общества» [17. С. 88]. Таким образом, становится очевидно, что первые определения понятия «капитализм» встречаются в русских словарях начиная с 1900 г., тогда как к 1920 г. это понятие получает закрепление в словарных статьях. Определение капитализма выстраивается из марксистских терминов, переведенных на русский язык и проясненных русскими политическими деятелями, что позволяет раскрыть существенную роль русской культуры в становлении понятия.

Наше исследование показало, что становление понятия «капитализм» имеет русскую историю, которая в рамках методологии истории понятий оставалась неучтенной. Показано, что перевод «Капитала» Маркса на русский язык и широкая полемика вокруг проблемы капитализма в предреволю-

ционной России сыграли немаловажную роль в формировании понятия в его марксистском содержании в качестве антонима понятию «социализм». Писатель, журналист и политический деятель С.Н. Русанов представлен как мыслитель, который был ключевым инициатором полемики вокруг проблема капитализма, тем самым его труды представлены как способствовавшие зарождению русской истории понятия «капитализм».

Литература

1. *Копосов Н.Е.* История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России, XVI–XX века. СПб. : ЕУ, Алетея, 2006. 255 с.
2. *Соколов Е.Г., Наумова Е.И.* Conceptual history of «capitalism» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и Конфликтология. 2018. Т. 34, № 4. С. 597–610.
3. *Павлова Г.В.* Удивительные судьбы книг и людей. URL: <http://library.kpi.kharkov.ua/vustavki/Fond3.html> (дата обращения: 10.03.2020).
4. *Грин Ц.И.* Переводчик и издатель «Капитала». Очерк жизни и деятельности Николая Францевича Даниельсона. М. : Книга, 1985. 255 с.
5. *Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями.* М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1951. 368 с.
6. *Книга в России, 1881–1895* / под общ. ред. И.И. Фроловой. СПб., 1997. 430 с.
7. *Hilger M.-E.* Kapital, Kapitalist, Kapitalismus // *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexicon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland.* Stuttgart : Klett-Cotta, 1982. S. 442–454.
8. *Пеккер Я.И.* О книге В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». М. : Изд-во соц.-эконом. литературы, 1958. 136 с.
9. *Гловели Г.Д.* История экономических учений. М. : Юрайт, 2011. 742 с.
10. *Воронцов В.П.* Судьбы капитализма в России. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 312 с.
11. *Энциклопедия. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века* / сост. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 1996. 800 с.
12. *Русские писатели. 1800–1917 г.* Биографический словарь. М. : БРЭ, 2007. Т. 6. 656 с.
13. *Русанов С.Н.* Проявления капитализма в России // Русское богатство. 1880. № 2.
14. *Наумова Е.И.* Капитализм и культура. Философский взгляд. СПб. : Фонд развития конфликтологии, 2015. 232 с.
15. *Словарь иностранных слов.* Составитель Н.Я. Гавкин. Киев ; Харьков : Южно-Русское Книгоиздательство Ф.А. Иогансона, 1900.
16. *Словарь иностранных слов и научных терминов* / сост. А.Е. Яновский. СПб., 1905.
17. *Словарь иностранных слов* / сост. М.Е. Левберг; под ред. проф. С.А. Адрианова. СПб., 1926.

Ekaterina I. Naumova, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: naumova11@inbox.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 47–53.

DOI: 10.17223/1998863X/61/6

DISCUSSIONS ON THE ESSENCE OF CAPITALISM IN THE RUSSIAN SOCIAL THOUGHT OF THE LATE 19TH CENTURY

Keywords: capitalism; conceptual history; Russia; Russian; Populists; Slavophiles, Marxists; N.S. Rusanov; N.F. Danielson; G.A. Lopatin; *Capital*; Marx; Engels; Russian revolutionaries; Marxism

Traditionally, capitalism as a phenomenon is comprehended in the framework of two approaches: civilizational and world-system. The research of capitalism, presented in the article, is based on the conceptual history methodology that allows reconstructing the discursive history of “capitalism”. This methodology opens the opportunity to discover “Russian roots” in the history of the emergence of the concept “capitalism”, furthermore, to propose the opinion that “capitalism” is a Russian project. The starting point is that Marx never used the concept “capitalism”. It literally “grew” from the translation of Marx’s *Capital* into Russian and the discussions around it initiated by the Narodnaya Volya [People’s Freedom] members, Slavophiles and Marxists. It happened long before the emergence of Weber’s and Sombart’s works, which are given precedence in the popularization of the concept

“capitalism”. The key thesis of the research is that Russian politicians, philosophers and writers laid the Russian-language foundation of the Marxist and liberal methodology of understanding capitalism. They “forged” this concept from Marx’s *Capital*, fixed its meaning and content in Marxist (Russian Marxists) and liberal (liberal members of the Narodnaya Volya) terms; this is why the Marxist and partly liberal understanding of capitalism is Russian. The idea is discussed that the Slavophiles’ doctrine formed the special “spirit” of capitalism as a Western image of evil, which provided for the negative connotation of the capitalism concept. The research has shown that the concept “capitalism” became commonly used in Russian political literature (S.N. Rusanov, a Narodnaya Volya member and later a Socialist Revolutionary, is believed to be the first to start the popularization of the concept “capitalism” in the print media) and also emerged and was fixed in Russian dictionaries before it happened in European countries. It is likely that the concept “capitalism” was translated into other European languages based on the Russian original of the Marxist concept of capitalism, and with this meaning and content it entered into Western dictionaries. It means that the basis of the Marxist and partly liberal understanding of capitalism for the European world is Russian.

References

1. Kuposov, N.E. (2006) Istoriya ponyatiy vchera i segodnya [Conceptual history yesterday and today]. In: Kolonitskiy, B.I. et al. *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii, XVI–XX veka* [Historical Concepts and Political Ideas in Russia, 16th – 20th Centuries]. St. Petersburg: EU, Aletyya.
2. Sokolov, E.G. & Naumova, E.I. (2018) Conceptual history of “capitalism”. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya i Konfliktologiya – Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 34(4). pp. 597–610. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu17.2018.412
3. Pavlova, G.V. (n.d.) *Udivitel'nye sud'by knig i lyudey* [Amazing Destinies of Books and People]. [Online]. Available from: <http://library.kpi.kharkov.ua/vustavki/Fond3.html> (Accessed: 10th March 2020).
4. Grin, Ts.I. (1985) *Perevodchik i izdatel' "Kapitala". Ocherk zhizni i deyatel'nosti Nikolaya Frantsevicha Daniel'sona* [Translator and Publisher of the “Capital”. Essay on the life and activity of Nikolai Franchievich Danielson]. Moscow: Kniga.
5. Marx, K. & Engels, F. (1951) *Perepiska K. Marksa i F. Engel'sa s russkimi politicheskimi deyatelyami* [Correspondence of K. Marx and F. Engels with Russian political personalities]. Moscow: Gos. izd-vo polit. literatury.
6. Frolova, I.I. (ed.) (1997) *Kniga v Rossii, 1881–1895* [Books in Russia, 1881–1895]. St. Petersburg: Russian National Library.
7. Hilger, M-E. (1982) Kapital, Kapitalist, Kapitalismus. In: Brunner, O., Conze, W. & Koselleck, R. (eds) *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart: Klett-Cotta.
8. Pekker, Ya.I. (1958) *O knige V.I. Lenina "Razvitie kapitalizma v Rossii"* [On V.I. Lenin’s “Development of Capitalism in Russia”]. Moscow: Izd-vo sots. ekonom. literatury.
9. Gloveli, G.D. (2011) *Istoriya ekonomicheskikh ucheniy* [The History of Economical Studies]. Moscow: Yurayt.
10. Vorontsov, V.P. (1882) *Sud'by kapitalizma v Rossii* [The Destinies of Russian Capitalism]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
11. Shelokhaev, V.V. (1996) *Entsiklopediya. Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX veka* [Encyclopedia. Russian Political Parties. The Late 19th – the first third of the 20th century]. Moscow: ROSSPEN.
12. Egorov, B.F. (ed.) (2007) *Russkie pisateli. 1800–1917g. Biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Bibliographical vocabulary.]. Vol. 6. Moscow: BRE.
13. Rusanov, S.N. (1880) *Proyavleniya kapitalizma v Rossii* [Manifestations of the Capitalism in Russia]. *Russkoe bogatstvo*. 2. (In Russian).
14. Naumova, E.I. (2015) *Kapitalizm i kul'tura. Filosofskiy vzglyad* [Capitalism and Culture. Philosophical View]. St. Petersburg: Fond razvitiya konfliktologii.
15. Gavkin, N.J. (1900) *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Kyiv; Kharkov: Yuzhno-Russkoe Knigoizdatel'stvo F.A. Ioganson.
16. Yanovskiy, A.E. (1905) *Slovar' inostrannykh slov i nauchnykh terminov* [Dictionary of Foreign Words and Scientific Terms]. St. Petersburg: [s.n.].
17. Levberg, M.E. (1926) *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. St. Petersburg: [s.n.].

УДК 304.2 + 316.62

DOI: 10.17223/1998863X/61/7

Г.И. Петрова, В.В. Петренко, Ю.Л. Петров

ДОВЕРИЕ КАК ИРРАЦИОНАЛЬНАЯ КОМПОНЕНТА РАЦИО: ЗНАЧЕНИЕ В КОНСТРУИРОВАНИИ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Классическая научная рациональность, настроенная на конструкцию мира в его статике, сегодня требует адаптации. Ставится вопрос о таких регуляторах развития, которые способны увидеть не только рационально выверенные социальные практики, но и иррациональные случайности социальной динамики. Предлагается в качестве одного из них рассматривать доверие. Вводится категория «доверительно-рациональный тип научной рациональности».

Ключевые слова: доверие, доверительно-рациональный тип научной рациональности, эмоциональный интеллект, понимание, герменевтика

Проблема личностной идентичности (особенно в варианте ее кризиса, о котором первым сказал В. Хесле [1]) сегодня активно обсуждается в гуманитарных исследованиях. В философском плане эта тематика поднимается Е.О. Труфановой [2], Е.Н. Савельевой и В.Е. Буденковой [3, 4], Г.М. Казаковой [5], Э.Д. Дряевой [6, 7], К.В. Веричевой [8], О.В. Тихоновым [9] и др. На эту тему активно откликаются психологи: Е.А. Петраш [10], Е.С. Маслова, А.Ф. Поломошнов [11]; педагоги и преподаватели вузов: С.Д. Каширина [12], Л.А. Беляева, О.Н. Новикова [13]; социологи, культурологи: О.Р. Тучина [14], Д.А. Ананьина [15] и др. Однако будем утверждать, что в нашей литературе проблеме, обозначенной в названии статьи, т.е. проблеме места и значения доверия как эмоциональной компоненты интеллекта и его (доверия) значения в формировании личностной идентичности, внимания не уделялось. А между тем о доверии сегодня следует говорить как о ключевой личностной характеристике, которая позволяет жить в неустойчивом и постоянно меняющемся мире – мире, который провоцирует вопрос: «Можно ли ему доверять?». Доверие в общем – рациональном – отношении человека к миру являет себя нерациональным образом, тем не менее, увиденное в этой позиции, оно становится жизненнющей характеристикой, непосредственно влияющей на личностную идентичность и вызывающей потребность в теоретической разработке и практике формирования. Это актуализирует постановку проблемы относительно роли «нерационального доверия» в рациональном отношении человека к миру и инициирует поиски методологических подходов к ее решению.

Зададим один из таких подходов дедуктивно, чтобы развернуть его в последующих рассуждениях. Исходный тезис звучит следующим образом: личностная идентичность становится (формируется, возникает, образуется) релевантно тому стилю рационального (научного, философского) или иррационального (например, религиозного) мышления, который, в силу собственного доминирования в ту или иную историческую эпоху, оказывается инструментом ее

конструирования. И если классический философский стиль мышления был связан с властно настроенным и рационально найденным «архе», не допускающим никаких иррациональных структур и акцентов, но диктующим только абсолютные пределы в мировоззрении, моральных нормах, эстетических канонах и пр., то именно они и о-предел-ивали личностную идентичность. Но как этот вопрос решать сегодня в ситуации деконструкции метафизики, провокации «ризомности», «номадизма», «текучести» социальной реальности, трансцендирующей все пределы и заставляющей человека обнаруживать себя в постоянстве движения, в со-бытии с собой как с Другим и всегда являть себя «впереди-себя-бытием» [16. С. 57]?

Классическое, строго рациональное мышление, улавливающее логическую стационарную схему бытия и нечувствительное (т.е. не доверяющее) к динамике и изменениям, не давало его (бытия) полноты и оставляло без внимания то, что для сегодняшнего мира актуализировано – непредсказуемость, хаос, кризис, риск. Логично предположить, что современное бытие мира, чтобы быть улавливаемым в его непостижимых разумом характеристиках, вызывает необходимость дополнения рациональной настроенности мышления чувственной составляющей, которая позволит направить *рацио* на эмпатийное вживание в мир, его понимание и переживание.

Для подтверждения этого пока гипотетично прозвучавшего вывода, обратимся к идеям П. Рикера, который пишет о разуме, «привитом герменевтически», увиденном в ракурсе «герменевтики самости» [17] и характеризующемся комплементарностью рационального и чувственного уровней отношения к миру, вниманием не только к рациональным, но и к иррациональным структурам сознания (пониманию, интуиции, доверию и пр.). Именно этот разум сегодня в ситуации «текучей социальности», «ризомной действительности», подчиняющейся не классически строго рациональной логике, но «логике хаоса» [18] и «пространства потоков» [19], не пытается найти традиционно строгую логику, но позволяет почувствовать и понять «логику потоков» и «логику хаоса», довериться ей, чтобы вжиться и быть способным в ней жить. В новой реальности именно такой разум является релевантным, поскольку дает человеку способность ориентации, а следовательно, и возможность сохранять идентичность в непрогнозируемости ризомного разрастания. В структуре человеческого сознания иррациональный момент доверия, по П. Рикеру, на равных с *рацио* участвует в организации отношений человека с миром.

В направлении поисков типа рационального мышления, который инициирует конструкцию современного мира, работает и немецкий философ Ю. Хабермас, обосновывая необходимость его видения в призме коммуникативной рациональности. Ю. Хабермас считает, что именно коммуникативный разум является тем инструментом рационального мышления, с помощью которого человек в подвижном и изменчивом мире не теряет свою идентичность. Классический разум, строгий и властный, имел претензии играть роль полномочного представителя мирового разума и верховного судьи культуры [20. С. 78–101]. Устраняя его с этого высокого места, Ю. Хабермас говорит о производительной силе коммуникации, когда собственно рациональная структура философского разума находится в коммуникативных отношениях с иррациональной интуицией и дотеоретическими уровнями мышления. Комплементарность *рацио* и *иррационального* в структуре мышления, активизи-

рующим образом действует на характер рациональности, имеющей дело с подвижной социальностью и постоянно меняющейся, чтобы быть устойчивой, личностной идентичностью.

В направлении поисков новых типов рационального мышления и новых категорий, вербально их оформляющих, следует обратить внимание на активно заявившую о себе в философии герменевтику, предложившую эмпатийный категориальный ряд, оппонирующий классике и связанный с вниманием к уникальности и отдельности (а не к всеобщности и универсальности), к пониманию и чувствам (а не только к теоретическому познанию и разуму). Герменевтика пришла как методическая система для улавливания того, что «чистый разум», рассчитанный на стационарность реальности, уловить не мог. Разум, открытый еще проектом Просвещения, имел дело с «простотой логики», высвечивая только закономерное, всеобщее, необходимое. Движимый силой первоначала, он не нуждался в методике заглядывания в отдельное, случайное и уникальное.

Но современность не может быть удовлетворена классическими схемами рационального устройства социума. В литературе (Ю. Хабермас, О.-К. Апель) подмечено, что после длительной (и уже затянувшейся) работы просвещенческого разума ему – «инструментальному», «стратегическому» и логически выверенному, инициировавшему истину метафизического субиндивидуального уровня, – пришел на смену разум коммуникативный, цель и назначение которого – понимание, чувствование другого, эмпатия. Философия, поэтому, ищет новую оптику просматривания современной постоянно меняющейся действительности, в ее рискованных ходах, вариативных и даже альтернативных векторах развития. Необходимы новый тип рациональности и обновленные способы рационального продумывания и конструирования реальности.

Однако верен ли будет вывод о том, что разум, т.е. рациональный стиль мышления, может впустить иррациональные конструкции и мотивы?

Ответ на этот вопрос инициирует постановку и разработку проблемы интеллекта, специфическое содержание которого – комплементарность рационально-логического и иррационально-понимающего. Иррациональные мотивы своим дополнительным действием – пониманием, верой, доверием, эмпатией и т.п. – позволяют чистой логике разума не отвергать категорично возможность иррациональной (например, эмоциональной) окрашенности своей работы. В современной философской литературе при продумывании этого вопроса рождается категория, референтом которой стало единство рации и иррационального. Можно сказать, что эта категория являет себя в качестве отклика на деконструктивистские мотивы классического рации. Речь идет о понятии «эмоциональный интеллект», которое явно свидетельствует о герменевтическом акценте постметафизической философии. Можно, например, сослаться на работу Д. Гоулмана «Эмоциональный интеллект» [21], которая посвящена данной проблеме, но она написана для конкретных целей бизнеса и построена на конкретных же примерах управления. Теоретико-философские вопросы в ней не поднимаются. Тем не менее и содержание, и фонетика этого понятия не противоречат тому, о чем идет речь. Понятие эмоционального интеллекта входит в философскую литературу как та категория, которая противопоставляется картезианскому *cogito* и кантовскому чи-

стому разуму, категориально оформленным проектом Просвещения с его концептуальным персонажем – трансцендентальным субъектом. Это не просто обогащает дискурс философии, но усиливает ее эвристический потенциал, что затребовано онтологической спецификой современного мира, лишенного строго логической простоты и однолинейности. Глобализированное пространство с его тесным переплетением различных культур требует осмысления новых по отношению к «чистому разуму» возможностей конструирования социальных онтологий. Современность, описываемая в категориях гибридности, маргинальности, сложности, многополярности, неопределенности и пр., не может быть познаваема и конструируема рациио, очищенным от чувственно-экзистенциальных характеристик человека. Необходим философский ответ на вызовы постиндустриального мира, общества глобальных информационных коммуникаций, новых сетевых онтологий, цифровой культуры. «Эмоциональный интеллект» как форма рационального отношения с миром – один из таких ответов.

В качестве базовой основы эмоционального интеллекта современного социального субъекта следует увидеть *доверие* – доверие к миру, каким бы сложным он ни был, и доверие субъекта к себе, к своей способности и познать этот мир, и сохранить себя в его сложности – сохранить свою идентичность, не потеряться в социальной ризоме. *Доверие* дополняет природу рациио, направленного на всеобщееуниверсальные конструкции мира, способностью понимания, которое заявляет о себе в уникальных формах самообнаружения, в экзистенциальных нюансах, в индивидуальных проявлениях в конкретное культурно-историческое время. Оно вносит в универсальные структуры рациио способность найти устойчивость в движении, обрести не всеобщую, стандартизированную, вечную и клишированную сущность, но ее ситуативную и личностную форму проявления.

Разум, комплиментарно включающий в себя структуру доверия и понимания, являет собой новый тип рациональности – «рационально-доверительный разум» как тот инструмент, который полагает возможным «рациональное понимание» («понимающую рациональность») общества.

Входя в релевантный современности тип рационального мышления и трансформируя методологически и логически ориентированный рациио, доверие являет собой механизм развития современной социальности, который способствует созданию атмосферы взаимопонимания людей и различных культур мира, что, в свою очередь, способствует устранению напряженности в межкультурных и геополитических контактах. В таком назначении, т.е. обеспечивая тесную взаимозависимость различных культур, людей и социальных сообществ, доверие становится жизненесущей структурой для удержания и трансляции их собственной культурной идентичности. В условиях, когда стал эмпирически очевиден рост напряженности как внутри отдельных стран (в России в том числе), так и в мире в целом, снизился или вовсе исчез порог чувствительности к моральным императивам, нравственным нормам, ценностям и установкам, такая работа предлагаемого нового типа рационального мышления является практически важной и целесообразной. Классически понимаемая социальная онтология, будучи рационально сконструированной в пределах кантовского «чистого разума», который допускал в собственные пределы только универсальные характеристики реальности, больше не может

адаптировать культуру и социальность к условиям современного мира, поскольку обнаруживает невнимание к множественности и маргинальности его проявлений в случайных и уникальных формах, к возможности гетерогенных (вариативных и альтернативных) онтологий. В то же время новые социальные механизмы и принципы развития, которые могли бы улавливать не только логически прозрачные социальные связи и взаимоотношения, но и сопровождающие их случайные, уникальные, иррациональные формы обнаружения, пока рационально не выверены, теоретически не разработаны и практически не проявлены. Входя в содержание коммуникативных отношений между различными культурами мира, в повседневное общение между людьми, доверие являет себя компенсацией утраты убедительности классического типа рациональной работы по конструированию и регулированию развития современной социальной реальности. Оно вносит в конструирование и исследование современной социальности культурно-антропологические и экзистенциальные характеристики, являет социального субъекта символическим капиталом, устраняет рациональную в своей строгости и «чистоте» онтологическую схему социальной реальности и, обосновывая себя в составе релевантного современности типа научной рациональности, становится ключевой философской категорией. Введение категории «доверие» в философский категориальный аппарат затребовано временем. В функциональном назначении способа саморегуляции социального взаимодействия доверие обнаруживает практико-ориентированную функцию философии, являющей себя сегодня в тренде.

Заключительная часть статьи направлена на выяснение вопроса относительно социального института, который прямо и непосредственно связан с формированием личностной идентичности, – института образования. Конкретный вопрос, обращенный к современному образованию, может звучать следующим образом: «Уделяет ли оно вопросу формирования эмоционального интеллекта, в структуре которого находит свое место доверие как ключевая структура современного типа мышления, должное внимание?». Ответ может быть только отрицательный. Основное внимание современное образование обращает скорее на формирование предпринимательского типа мышления и коммерческих способностей. Между тем современная философская общественность осознает и обращает внимание на то, что в условиях сетевого мира, тесно связанного коммуникативными отношениями, доверие людей друг другу и доверие к культурам различных стран необходимо для решения проблемы выживания (К. Джерджен [22]). Оно выполняет функцию «склеивания» (Ф. Фукуяма [23]) социальных отношений, «шарнира» и «социального капитала» (Л. Гудков [24]), приводящих в движение новые социальные институты, требующих таких императивов и норм развития, которые классический разум просветительского типа «схватить» уже не может.

«Скрепить» общество тем более необходимо, что грядет новая культура, и, как показывает опыт, она конструируется сегодня на основе по-прежнему сугубо технического «чистого разума». Ее реальности – внебиологические формы жизни, трансгуманизм, искусственный интеллект, виртуальная реальность – пока не изведаны, хотя уже создаются. Новая культура ждет появление и нового социального субъекта. Каким он будет? Сохранятся ли в нем человеческие экзистенциальные, эмпатийные, доверительные отношения? Все это требует тщательного осмысления и гуманитарной экспертизы.

Литература

1. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–123.
2. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13–22.
3. Савельева Е.Н., Буденкова В.Е. Коммуникативные основания идентичности: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 83–87.
4. Савельева Е.Н., Буденкова В.Е. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kak-predmet-teoretiko-metodologicheskogo-analiza-modeli-i-podhody/viewer> (дата обращения: 14.02.2021).
5. Казакова Г.М. Региональная идентичность: известные сюжеты и новые дискурсы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 73–79.
6. Дряева Э.Д. Трансформация идентичности в современных коммуникативных средах : автореф. дис. ... канд. филос. наук. 2016. 23 с.
7. Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. № 10. С. 41–53.
8. Веричева К.В. Проблема личностной идентичности в философии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-lichnostnoy-identichnosti-v-5filosofii/viewer> (дата обращения: 09.02.2021).
9. Тихонов О.В. Трансформация феномена идентичности в пространстве сети Интернет : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2013. 20 с.
10. Петраш Е.А. Социальная идентичность в норме и при нарушении : дис. ... д-ра психол. наук. Курск, 2017. 406 с.
11. Маслова Е.С., Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Идентичность и гуманизм в эпоху трансформации. Изд-во Донской ГАУ, 2019. 222 с.
12. Каширина С.Д. Особенности формирования личностной идентичности студентов в вузах с различными типами организационных сред. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/81697205.pdf> (дата обращения: 09.02.2021).
13. Беляева Л.А., Новикова О.Н. Игра как способ конструирования личностной идентичности // Образование и наука. 2012. № 5 (94). С. 73–82.
14. Тучина О.Р. Самопонимание личностью этнокультурной идентичности в разных условиях бытия : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2015. 60 с.
15. Ананьина Д.А. Идентичность представителей этнических меньшинств в условиях этнокультурного конфликта : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2018. 27 с.
16. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. 503 с.
17. Рикер П. Я-сам как Другой М. : Изд-во гуман. литературы, 2008. 416 с. URL: http://www.odinblago.ru/ya_sam_drugoi (дата обращения: 09.02.2021).
18. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986. 432 с.
19. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/06.php (дата обращения: 09.02.2021).
20. Хабермас Ю. Производительная сила коммуникации. Ю. Хабермас отвечает на вопросы Ханса-Петера Крюгера // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М. : Academia, 1995. С. 78–101.
21. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М. : Изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2021. 560 с.
22. Джерджен К. Социальный конструкционизм: знание и практика : сб. ст. / пер. с англ. А.М. Корбута ; под общ. ред. А.А. Полонникова. Минск : БГУ, 2003. 232 с. URL: <http://elibrary.by/handle/123456789/109523> (дата обращения: 16.02.2021).
23. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/fukuyama-doverie-a.htm> (дата обращения: 16.02.2021).
24. Гудков Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-v-rossii-smysl-funktsii-struktura-1/viewer> (дата обращения: 16.02.2021).

Galina I. Petrova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: seminar_2008@mail.ru

Valeriya V. Petrenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); West Siberian Branch of the Russian University of Justice (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: vptomsk@mail.ru

Yuriy L. Petrov, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: creapp2010@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 54–61.

DOI: 10.17223/1998863X/61/7

TRUST AS AN IRRATIONAL COMPONENT OF RATIONALITY: ROLE IN THE CONSTRUCTION OF PERSONAL IDENTITY

Keywords: trust; trust-based rational type of scientific rationality; emotional intellect; understanding; hermeneutics

The problem of substantiating trust as a component of modern scientific rationality is caused by the need to search for regulatory mechanisms, which are relevant to the specifics of modern social development. Scientific rationality, which was constructed within the limits of Kant's "pure mind", requires adaptation to new conditions. "Rhizome", "risk", "nomadism", "fluidity" and other similar characteristics of the modern society, first of all, have a negative resonance for cultural and personal identities and cause their crisis. The article raises the question of searching for mechanisms of social development that would be able to see not only rationally verified social practices, but also irrational moments of social dynamics. The article proposes to consider trust as one of such mechanisms. The category "trust-based rational type of scientific rationality" is introduced. To explore the role of trust in maintaining personal identity is a current interest. The modern deconstructivist processes in philosophy initiate a rethinking of the style of mind that provoked the past (classical) socio-ontological constructions through scientific instrumental rationality. The constructions were aimed at a stationary social space, were created according to strict logic, and captured the universal, absolute, rationally verified and reduced schemes of life. The metaphysics of such an ontology was set by the imperious arche-limit that conditioned the identification of social artifacts and the identification of the person as well. Today, this view is concretized by sociocultural processes and is actualized in the categories "crisis", "chaos", "risk", "fluidity", "rhizome", etc. The ontological instability of the modern world raises the question: Is it possible to trust the world if it is in constant motion and change? The problem of trust is raised, despite the fact that trust is not manifested in a rational way. Trust is a key characteristic of personal identity since it allows a person to live in an unstable and constantly changing world. Trust complements the rational mind with a sensory component, which allows rational thoughts to be empathetic to the world and to understand it. The authors of this article refer to the recognized world authorities P. Ricoeur and J. Habermas to validate this idea. These philosophers write about the complementarity of the rational and sensual levels of attitude to the world, and about attention to the rational and irrational structures of consciousness (understanding, intuition, trust, etc.). However, is it correct to conclude that a rational style of mind admits irrational constructions and motives? It is necessary to argue the complementarity of rational-logical and irrational-understanding structures of mind. The category "emotional intelligence" is emerging in modern philosophical literature. Rational and irrational structures of mind are the referent of this category. Trust is an irrational structure and it complements the universal constructions of mind through the ability of understanding. Mind, which complementarily includes the structures of trust and understanding, is a new type of rationality. It is "trust-based rational type of scientific rationality" or "understanding rationality". The final part of the article discusses education, which is directly related to the formation of personal identity. Modern education does not pay attention to the formation of trust as the key structure of the worldview. On the contrary, education pays great attention to the formation of such personal competencies as entrepreneurship and the ability to commerce. All this requires careful consideration and humanitarian expert examination.

References

1. Hesle, V. (1994) Krizis individual'noy i kollektivnoy identichnosti [Crisis of individual and collective identity]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 112–123.
2. Trufanova, E.O. (2010) Chelovek v labirinte identichnostey [Human in the labyrinth of identities]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 13–22.
3. Savelieva, E.N. & Budenkova, V.E. (2015) Communicative foundations of identity: raising the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 395. pp. 83–87. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/395/13
4. Savelieva, E.N. & Budenkova, V.E. (2016) Identity as a topic of theoretical and methodological analysis: models and approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1(21). (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kak-predmet-teoretiko-metodologicheskogo-analiza-modeli-i-podhody/viewer> (Accessed: 14th February 2021).

5. Kazakova, G.M. (2020) Regional identity: famous stories and new discourses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 40. pp. 73–79. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/40/6
6. Dryaeva, E.D. (2016) *Transformatsiya identichnosti v sovremennykh kommunikativnykh sredakh* [Identity transformation in modern communicative environments]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
7. Dryaeva, E.D. (2016) The Problem of Personal Identity: Two Research Strategies. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 10. pp. 41–53. (In Russian).
8. Vericheva, K.V. (2010) Problema lichnostnoy identichnosti v filosofii [The problem of personal identity in philosophy]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 2. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-lichnostnoy-identichnosti-v-5filosofii/viewer> (Accessed: 9th February 2021).
9. Tikhonov, O.V. (2013) *Transformatsiya fenomena identichnosti v prostranstve seti Internet* [Transformation of the identity phenomenon in the Internet]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Kazan.
10. Petrash, E.A. (2017) *Sotsial'naya identichnost' v norme i pri narushenii* [Social identity in norm and in violation]. Psychology Sr. Diss. Kursk.
11. Maslova, E.S., Polomoshnov, A.F. & Polomoshnov, P.A. (2019) *Identichnost' i gumanizm v epokhu transformatsii* [Identity and humanism in the era of transformation]. Rostov: Don State Agrarian University.
12. Kashirina, S.D. (2016) Features of students' personal identity formation in higher schools of different types of organization environment. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*. 7. [Online] Available from: <https://core.ac.uk/download/pdf/81697205.pdf> (Accessed: 9th February 2021). (In Russian).
13. Belyaeva, L.A. & Novikova, O.N. (2012) The Game as the Way of Personal Identity Development. *Obrazovanie i nauka – Education and Science Journal*. 5(94). pp. 73–82. (In Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2012-5-73-82
14. Tuchina, O.R. (2015) *Samoponimanie lichnost'yu etnokul'turnoy identichnosti v raznykh usloviyakh bytiya* [Self-understanding by a person of ethnocultural identity in different conditions of being]. Abstract of Psychology Dr. Diss. Krasnodar.
15. Ananina, D.A. (2018) *Identichnost' predstaviteley etnicheskikh men'shinstv v usloviyakh etnokul'turnogo konflikta* [Identity of representatives of ethnic minorities in conditions of ethnocultural conflict]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Chita.
16. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem.
17. Ricœur, P. (2008) *Ya-sam kak Drugoy* [Oneself as Another]. Translated from French. Moscow: Izd-vo guman. literatury. [Online] Available from: http://www.odinblago.ru/ya_sam_drugoi (Accessed: 9th February 2021).
18. Prigogine, I. & Stengers, I. (1986) *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order from Chaos: A New Dialogue Between Man and Nature]. Translated from English. Moscow: Progress.
19. Castells, M. (n.d.) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information age: economy, society and culture]. [Online] Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/06.php (Accessed: 9th February 2021).
20. Habermas, J. (1995) Proizvoditel'naya sila kommunikatsii. Yu. Khabermas otvechaet na voprosy Khansa-Petera Kryugera [Productive power of communication. J. Habermas answers the questions of Hans-Peter Kruger]. In: Habermas, J. et al. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost'* [Democracy. Mind. Moral]. Moscow: Academia, KAMI. pp. 78–101.
21. Goleman, D. (2021) *Emotsional'nyy intellekt* [Emotional Intelligence. Why It Can Matter More Than IQ]. Translated from English by A.P. Isaeva. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
22. Gergen, K. (2003) *Sotsial'nyy konstruksionizm: znanie i praktika* [Social constructionism: knowledge and practice]. Translated from English by A.M. Korbut. Minsk: BSU. [Online] Available from: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/109523> (Accessed: 16th February 2021).
23. Fukuyama, F. (2008) *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Translated from English by D.B. Pavlova. Moscow: AST. [Online] Available from: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/fukuyama-doverie-a.htm> (Accessed: 16th February 2021).
24. Gudkov, L. (2012) “Doverie” v Rossii: smysl, funktsii, struktura [“Trust” in Russia: meaning, functions, structure]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii – Sociological Research*. 2. [Online] Available from: <https://cyberlenin-ka.ru/article/n/doverie-v-rossii-smysl-funktsii-struktura-1/viewer> (Accessed: 16th February 2021).

УДК 1(091), 123.1

DOI: 10.17223/1998863X/61/8

М.Д. Рахманинова, О.Ю. Гончарко

МЕЖДУ «НЕМОЩЬЮ» И «СВОБОДОЙ»: К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПОНЯТИЯ «АКРАТЕЯ» (ἈΚΡΑΤΕΙΑ)

Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований, проект № 20-011-00885 (М.Д. Рахманинова), проект № 18-011-00207 (О.Ю. Гончарко).

Исследуется греческое понятие «акратея» (Ἀκράτεια) и политическая история его употребления в свете детерминированности измерением политического – в частности и в особенности дискурсами власти. Высказывается и обосновывается предположение о взаимосвязи между преобладающими в текстах коннотациями этого понятия и теми политическими и культурными контекстами, которые служили их концептуальными ландшафтами. На основании герменевтического анализа источников устанавливается траектория многоэтапной модализации рассматриваемого понятия и обнаруживается процедура «ступенчатой дефиниции», которая учреждала негативные значения слова.

Ключевые слова: политическая философия, история философии, акратея, акратия

Двадцатый век радикально изменил знание о языке и его роли в социальной реальности, сделав зримыми языковые структуры и процессы, лежащие в основе повседневности и наших представлений о ней. С тех пор слова перестали совпадать с вещами. Вернее, мы раз и навсегда утратили возможность заблуждаться относительно этого совпадения. Вещи, скрытые от нас напластованиями заряженного языка, замкнулись в себе. Впрочем, куда герметичнее вещей оказались многие явления и идеи. Преломляясь дискурсами разных систем до неузнаваемости, вплоть до полной инверсии, они оказались трудно уловимыми и требующими колоссальных исследовательских усилий.

В особенности это касается отношений внутри бинарной оппозиции, задающей, пожалуй, самый глобальный для человеческой истории диапазон напряжения, – оппозиции власти и свободы. Внутри нее возникает подавляющее большинство остальных линий напряжения и прочих бинарных оппозиций; ее поле сообщает импульс к поляризации политических взглядов, этических установок и экзистенциальных модусов. В широком смысле власть и свобода – две крайние точки, противостояние которых служит причиной и одновременно ландшафтом всех глобальных и локальных процессов и явлений в политике, экономике, обществе, повседневности.

Онтологически это противостояние можно помыслить как противостояние единственного действительного множественному возможному; провозглашенной истины – переживанию бытия; некоего случайного статичного нечего (*властного сдерживания*) – всем возможным вариантам его отрицания или динамическому ничто (*без-властному не-удерживанию*), пластичному и открытому вариативному многообразию и динамике конкретных нечего; завершенного – длящемуся в бытии; конца – процессу, чреватому началами.

Иными словами, оппозиция «власть – свобода» исторически всегда была и по-прежнему остается фундаментальной разметкой нашего взаимодействия с миром и присутствия в нем всех прочих явлений и систем.

Несмотря на постмодернистскую деконструкцию самого принципа бинарности как инструмента мышления, бинарные оппозиции, во-первых, продолжают сохраняться как в структурах языка и мышления, так и в производимой ими реальности. Во-вторых, даже если бы деконструкция всецело удалась, едва ли следовало бы отказываться от этой последней оппозиции – позволяющей, по крайней мере, зарегистрировать то, в борьбе с чем деконструкция и формировалась как метод. Оппозиция «власть – свобода» – это своего рода контур бинарных модальностей.

Однако в ней, в отличие от прочих, отсутствует определенность иерархической шкалы. Так, если в классических бинарных оппозициях – «верх – низ», «мужчина – женщина», «разум – чувства», «белый – цветной», «ученик – учитель» и других, как замечает Ж. Деррида, всегда одновременно уже содержится заведомый онтологический приоритет одного из элементов [1. Р. 135; 2. Р. 81], в случае с оппозицией «власть – свобода» это отнюдь не так. По крайней мере, на уровне риторики и то и другое в приблизительно равной степени представлено в западной традиции как ценности. Часто – парадоксально одновременно. Часто – в тех или иных пропорциях и с определенными оговорками. Это основание представляется нам достаточным для того, чтобы считать эту бинарную оппозицию исключительной и требующей особого подхода.

Впрочем, интерес в ней представляет и ее методологический характер: утратив ее, мы одновременно лишаемся инструмента регистрации власти (т.е. того, из-за чего вообще все бинарные оппозиции возникали и посредством чего существовали).

В этом смысле категориальная пара «власть – свобода» срабатывает как сама возможность учреждения оппозиций вообще в плоскости насильственного утверждения бинарности в самой логике: альтернативой истине может быть только ложь (это значит, что любое альтернативное означивание автоматически объявляется ложным, будучи не-истинным), хотя это вовсе и не обязательно в случае трехзначных, многозначных или бесконечнозначных логик, которые модифицируют даже само понятие противоречия.

Возможной причиной такой иерархичности в парах оппозиций в рамках европейской философской традиции является аналогия с еще одной категориальной парой «бытие – небытие», в которой есть только бытие, а его противоположности как бы и нет. И все же она есть как сама возможность отрицания бытия. Только на уровне логической операции отрицания, а не на уровне реальной онтологической альтернативы бытию.

Таким образом, значимость оппозиции «власть – свобода» обусловлена, с одной стороны, аксиологическим, с другой – методологическим, а с третьей – временным и ситуативным характером (бинаризм по-прежнему ощутимо детерминируют реальность и активно присутствуют в нашем мышлении).

Что же представляют собой эти противостоящие компоненты?

Пожалуй, это один из самых сложных вопросов. Поскольку он всегда упирается в то, кто нам на него ответит [3. С. 147–149]. Подавляющее большинство определений власти сформулированы и провозглашены в качестве

официальных самими сторонниками принципа власти (в тех или иных масштабах и пропорциях). Власть как искусство управления, власть как залог порядка, власть как естественное право, власть как завоеванное лидерство – все эти оттенки исчерпывающе заслоняют собой любые неприглядные или разрушительные аспекты понятия «власть» (власть как подавление, власть как репрессии, власть как принуждение, власть как отрицание индивидуального), не говоря уже о тонкостях процедуры, лежащей в основе этого определения и позволяющей вообще констатировать осуществление власти.

Прорваться через этот искусственный семантический туман исторически пытались социалистические теории (коммунистические и анархистские): проблематизируя власть не в качестве несомненного и безапелляционного блага, а в качестве источника угнетения всех тех, кто становится ее объектом. Впервые делая их чувства и положение зримыми для общества и для самих себя, они пытались составить приблизительные карты власти, чтобы зарегистрировать сам принцип ее действия.

Так возникли традиции критики государственности [4. С. 463–695], капитализма [5], теологизма [6. С. 160–221]. Дальнейшая проработка понятия власти (в особенности в XX в., в результате развития методологии постструктурализма и его последующей рецепции анархизмом [7]) составила ключевое условие возникновения новых измерений свободы как пространства антивласти. Так, все больше уточняя контуры объекта своего отказа, критические теории власти обеспечивали ясность тактик противостояния – даже в условиях невербального запуска механизмов власти [8. С. 156–158]. Чтобы от чего-то освободиться, необходимо знать, как и при каких обстоятельствах это возможно зарегистрировать – такова была внутренняя логика этих интенций.

Наряду с разработкой более панорамного, более объемного представления о власти, постепенно возрастал запрос и на более проработанное представление о свободе, с которым все обстоит ничуть не проще. Во-первых, проблематичность этого термина состоит в его выхолощенности в процессе риторических саморепрезентаций подавляющего большинства учений и программ (в том числе диктатур, претендовавших на имидж легитимных). Во-вторых, понятие «свобода» предполагает как минимум два измерения: с одной стороны, процесс беспрепятственного осуществления субъектности во всей конкретности предполагаемого ею своеобозначия; с другой – место прекращения действия власти, точка антивласти, порог ее инверсии, пространство, не претерпевающее ее воздействия.

С этой точки зрения власть можно определить как то, что препятствует и субъектам волеизъявления и их высказываниям существовать сообразно их намерению или внутреннему порядку. В том числе – грамматическому. Лучше всего это видно на примере слов, маркирующих напряжение внутри бинарной оппозиции «власть – свобода» в точке, приближающейся к полюсу «свободы» как «не-власти». Так, грамматически слово «архэ» (ἀρχή) буквально означает «начало» как «исток» или как «власть», а приставка «ан» (ἀν-) – «без». Таким образом, «анархия» (ἀναρχία) буквально переводится как «безначалие» (т.е. «без источника вообще», а в связи с этим «имеющее источник лишь в самом себе») и «безвластие». В этом случае она означает то самое пространство антивласти, точку запуска инверсии, место несрабатывания власти, о которых речь шла выше, а также стремление к самоучреждению

– полаганию истока себя самого в самом себе, а истока другого – в другом. Однако ни для кого не секрет, что гораздо чаще это слово используется в значении «хаос», «беспорядок», «произвол».

Проблеме дискредитации самого понятия «анархизм», а также образа анархизма и анархистов посвящено множество текстов, в том числе на русском языке [9, 10]. Известно, что основным источником этой дискредитации исторически являлись дискурсы господствующих систем власти – более оснащенные, более громкие, обладающие мощным ресурсом влияния и убеждения и вкладывающие свой голос в уста всех официальных институций – от воспитания и образования до учреждений и дискурсов пенитенциарной системы, СМИ и даже рынка. В результате слово «анархизм» обросло различными отрицательными коннотациями или и вовсе стало ругательным или даже ассоциируемым с чем-то преступным, заведомо предохраняя любого от интереса к его собственным концептуальным построениям, что в том числе все чаще становится причиной квалифицирования самого интереса к нему как уголовного преступления¹.

Такая проблематичность термина «анархизм»² неоднократно становилась причиной попыток найти альтернативный термин – менее скомпрометированный, менее искаженный в повседневном словоупотреблении, заряженным вербальными и невербальными вмешательствами действующих систем власти на всех ее уровнях, который бы отсылал к положительному ядру идеи анархизма как самовластия – «автократии» (αὐτοκρατία) – в смысле власти самого себя над самим собой и свободы как права (ἐξουσία), без отсылок к понятиям «хаос», «произвол», «беспорядок».

Так, в конце XIX в., в связи с ужесточением законов о цензуре политической деятельности, французские анархисты вместо слова «анархистский» были вынуждены обратиться к эвфемизму «либертарный». С тех пор вплоть до середины XX в. эти слова использовались как полные и взаимозаменяемые синонимы. Однако понятие «либертарный» было не так отчетливо заряжено ложными коннотациями в глазах общества, что обеспечивало несомненно большую привлекательность для людей, еще не знакомых с идеями анархизма. Употребление этого эвфемизма, в самом деле, на некоторое время повысило популярность анархистского проекта (впрочем, на фоне его масштабных

¹ Весьма показательным в этом отношении стало в 2018 г. так называемое Пензенское дело или дело сообщества «Сети», признанного террористической организацией, запрещенной в России, где интерес подследственных к анархизму сам по себе был квалифицирован как обязательно ведущий к планированию террористических акций, а терроризм – как обязательный аспект любых форм анархизма, что ни логически, ни исторически вовсе не необходимо [11].

² Другая проблема данного термина касается не слишком распространенного, но все же важного ракурса, который подробно исследует Дж. Агамбен в своем трактате «Царство и слава», где он ссылается на теологический диспут о том, только ли Бог является «ан-архос» (без-основным, изначальным), или также и Христос. С этой точки зрения, подлинно ан-архичной претендует быть как раз абсолютная власть: свободная от оснований и укорененная в абсолютном бытии (и подобная Богу), она осуществляет свои отправления из себя самой и в этом жесте реализуется ее совершенство [12. С. 99–112]. В дополнение к идее Агамбена следует отметить, что в иудео-христианской теологии есть императив уподобления Богу (да и Бог уже изначально творит человека по образу и подобию Своему), в связи с чем любому верующему христианину следовало бы стать ан-архичным в той мере, в какой он вообще способен к реализации самой идеи обожения. Подобный ан-архизм, согласно этой логике, должен был бы стать вполне богоугодным проектом в рамках иудео-христианской традиции, чего почему-то не происходит ни на каком этапе развития христианства в силу вытеснения этого проекта другими дискурсами – власти и построения иерархии в Церкви.

практических успехов и побед) [13. С. 173–196, 302–332, 386–415; 14. С. 112–117; 15–18].

Однако к началу XXI в. возникла другая проблема: усиление идеологии неолиберализма, с одной стороны, и проекта либертарианства – с другой, стало причиной путаницы в повседневном соприсутствии этих понятий в медиа и повседневном общении. Это поставило традицию анархистской мысли перед дилеммой: вернуться к истерзанному понятию «анархия» или созерцательно воспринять смешение с антагонистичными концепциями. Консенсуса по данному вопросу до сих пор нет. Внутри текстов анархистского корпуса по-прежнему одинаково часто встречаются оба термина, несмотря на длительную историю их концептуальных деформаций.

Таким образом, запрос на понятие, альтернативное понятию «анархистский» (или хотя бы дополнительное к нему), исторически возникал в разных ситуациях и в связи с разными обстоятельствами. Сегодня он обретает новые основания. Выше мы затронули проблему перегруженности этого понятия фрагментами дискредитирующих дискурсов, прочно закрепившимися за ним в поверхностных слоях культуры. Однако при ближайшем рассмотрении такая перегруженность проблематична не только в этом смысле. Так, сложность и многомерность феномена анархизма, его сущностная связь с областями политического, социального, экономического и – что самое главное – его встроенность в горизонт исторического, часто делают невозможным употребление понятия «анархистский» применительно к философской перспективе безвластного без многословных уточнений. В самом деле, применяя прилагательное «анархистский» к философской оптике того или иного текста, мы всякий раз вынуждены разъяснять, что не имеем в виду ни причастность автора к политическому движению, ни даже его артикулированные политические взгляды (или, по крайней мере, не с необходимостью имеем в виду именно их). Тем не менее текстов и высказываний, созданных именно из философских оснований анархизма и потому значимых для развития этого сложного феномена, крайне много. Рассыпанные по разным эпохам, они часто остаются незримыми именно по причине совпадения лишь с философскими основаниями анархизма, но не со всеми значениями, заключенными в этом понятии и накопленными в нем за долгую и непростую историю существования. В этом смысле совершенно очевидной становится необходимость термина, который мог бы обозначать именно эти основания – родовую для анархизма перспективу безвластного, но в строго теоретическом, категориальном смысле, вне привязки к множеству других дополнительных оттенков и коннотаций, которыми богаты понятия «анархизм» и «анархистский». Это уточнение позволило бы развести общее и частное и избежать путаницы и объяснительных нагромождений в тех случаях, когда нас интересует именно «анархо-философское» измерение, но не привязанность к конкретному историческому сюжету, личности или дискурсу. Таков еще один возможный ракурс запроса на понятие, дополнительное к существующему понятию «анархистский».

В свете сказанного представляет интерес еще один вариант синонима понятия «анархия». Так, в греческом языке, наряду с «архэ» (ἀρχή) в значении «власть», существует синонимичное ему в этом значении понятие «кратос» (κράτος) с основным значением «сила, мощь, сдерживание» и вторым

значением «власть». С этой точки зрения, сама морфология словообразования побуждает рассмотреть слово «акратея» (ἀκράτεια) в качестве синонима для анархии (ἀναρχία) в значении «без власти», что могло бы привнести новые смысловые нюансы в старые анархистские идеи. Возможность такого словоупотребления позволила бы ввести в оборот фонетически удобное, лексически достаточно известное и грамматически точно ретранслирующее смысл прилагательное «акратический», но не в значении «без начала» как у слова «анархия» (что, безусловно, коррелирует с хаосом, беспорядками и произволом), а именно в значении «не-сила», «не-властие», «не-удерживание», «не-принуждение» – свободное самоучреждение различных упорядоченностей. Именно с помощью понятия «акратея» могла бы появиться возможность отсечь репрессивный смысл значения «власть» (который и отрицается в слове «анархия»), но оставить упорядочивающий и творческий смысл значения «начало» (который вовсе необязательно отрицается всеми проектами анархизма). Это позволило бы убрать все отрицательные коннотации слова «анархия», связанные с разрушением и хаосом как необходимыми элементами анархии, оставив однако существенный и конструктивный аспект смысла самой идеи анархизма как отрицания власти: понятие «акратея» является антонимом именно понятию власти как удерживанию, а не понятию начала. Исторически же складывается объединение этих различных значений слова «архэ» (ἀρχή), что формирует с семантической необходимостью положительный смысл значения власти как начала, что совершенно необязательно так (история полна примеров разрушительного и негативного действия власти), и при этом – обязательно негативный смысл слова «анархия», что семантически также вовсе не обязательно.

Исторически же сложилось так, что слово «акратия» (ἀκρατία), прототипом которого является древнегреческое слово «акратея» (ἀκράτεια), – это слово-варваризм, поскольку составлено было из греческих частей слов, но не по принципам древнегреческого словообразования. По этой причине оно практически не встречается в словарях и справочниках и вследствие этого оказывается трудно уловимым для исследования, находясь в своеобразном «пограничном» состоянии между длительным существованием *de facto*, с одной стороны, и небытием *de jure* – с другой.

Это обстоятельство вызывает закономерный вопрос о самой природе понятия «варваризм» и его референте. Сегодня феномен «варваризмов» (и вообще «варварства») широко осмысляется в гуманитарном знании именно как политически нагруженный. Так, в своей последней громкой монографии «Искусство быть неподвластным» антрополог Д. Скотт подчеркивает: «Моя модель исторического процесса разрушает доминирующий в Китае и иных странах цивилизационный дискурс о „варварах“, „отсталых“ и „примитивных“ народах. При ближайшем рассмотрении все эти понятия на самом деле обозначают неуправляемые и пока-не-поглощенные-государством сообщества. Цивилизационные дискурсы никогда не признают, что люди по собственному желанию переходят в варварское состояние, а потому оно всячески стигматизируется и этнизируется» [19. С. 11]. «По большей части первые шаги любого государственного строительства были связаны с названием тех объектов, которые прежде многократно меняли свои названия или были безымянны, – деревень, округов, родов, племен, вождей, семей и полей. Процесс придумыва-

ния названий, будучи встроен в систему административного управления, порождал прежде не существовавших социальных субъектов. Для ханьских чиновников одной из отличительных черт „варваров“ было отсутствие отчеств. Существование подобных стабильных имен у самих ханьцев объяснялось их прежними попытками создания государственности» [19. С. 336].

В свете этой рефлексии «варваризм» следует трактовать как перформативный термин, призванный закрепить за своим референтом подчиненное место в установленной метафизической иерархии, исключая из зримости присущие ему значения и способы присутствия в реальности, в частности, например, такое значение варваризма «акратия» (ἀκρατία), как отказ от признания власти в форме государственности, было заслонено отрицательными коннотациями более благозвучной для греческого уха «акратея» (ἀκράτεια) с совершенно другими значениями. Это обстоятельство затрудняет любое исследование феномена власти, тенденциозно скрывая значимые для понимания ее процессов компоненты реальности. В том числе все языки, кроме ее собственного. Историческая судьба понятий «акратия» (ἀκρατία) и «акратея» (ἀκράτεια) – яркий тому пример.

Слово «акратия» (ἀκρατία) в интересующем нас значении имеет и современную историю употребления: его использовали испанские анархисты для обозначения общества без государства в значении «не-господство», «невластие», «доктрина неподвластных» (*doctrina de los ácratas*) или «воззрение, которое отрицает необходимость власти или авторитаризма» (*doctrina que niega la necesidad de un poder o de una autoridad*), а также и просто как синоним анархизма¹. Также немецкий социолог Франц Оппенгеймер в «Теории демократии» обозначает этим термином отмену политического классового общества, показывая, что реализация демократии возможна только при полном прекращении любой кратии и осуществлении акратии, которая является идеалом общества, избавленного от любых олигократических пережитков [22]. Также «Акратией» назывался испаноязычный журнал «*Acracia. Revista Sociológica*», издававшийся в Барселоне в 1886–1888 гг. [23], а также немецкоязычный журнал «*Akratie*» об историческом анархизме, издававшийся в 1973–1981 гг. в Базеле [24].

Пытаясь исследовать историю этого понятия, мы обречены столкнуться с еще одной проблемой: при более пристальном рассмотрении языковое измерение процесса власти обнаруживает не только «сокрытие лишнего» (столь характерное для всех эпох и культур – идет ли речь о книгах китайских чиновников или об исправлении справочников и энциклопедий эпохи сталинизма), но и его замещение иным – его сниженным и карикатуризированным подобием, заслоняющим семантический потенциал слова другими, как минимум этически менее нейтральными, а как максимум и вовсе отрицательными значениями. Именно так произошло с исследуемым понятием, в связи с чем предметом настоящей статьи является попытка проследить, почему древнегреческое слово-прототип «акратии» (ἀκρατία) – «акратея» (ἀκράτεια) – исторически не обрело этих значений и не стало синонимом для слова «анархия», оставшись на периферии политического и социально-философского дискурсов.

¹ Испанский толковый словарь (*Diccionario de la lengua Española*) дает следующее определение акратии: «*acracia* (del gr. ἀκράτεια). f. doctrina de los ácratas» (акратия – доктрина неподвластных) [20]. Испанскому проекту акратии также посвящен интернет-ресурс [21].

Греко-английский словарь Х.Г. Лидделя и Р. Скотта [25] в качестве одного из первых значений слова «акратея» (ἀκράτεια) дает «want of power» – устаревшее клише для обозначения «lack of power» – «недостаток власти». Вторым значением идет «incontinence» – несдержанность, невоздержанность, а также и более физиологические значения – недержание мочи, кала или семени (ἀκράτεια σπέρματος [Sor. 2.47]) и «want of self-control» в значении недостатка самообладания [Pl.R.461b, Lg.734b], например, недостаток самообладания в отношении удовольствий и желаний (ἀκράτεια ἡδονῶν τε καὶ ἐπιθυμιῶν [ib.886a, etc., cf. Ph.2.406]), антонимом которым будет греческое «энкратея» (ἐγκράτεια) – господство, самоконтроль. Глагол «акратэомай» (ἀκρατεύομαι) – в значении быть несдержанным или невоздержанным – употребляется, например, Аристотелем, а также в текстах других авторов [Arist. EN 1145b22, 1152a28; Phryn.406; Men.989; Plu. ap. Stob.3.6.53].

Рассмотрим подробнее историко-философскую судьбу понятия «акратея» (ἀκράτεια) в границах античной философии. У Платона в «Государстве» этот термин (хоть и в отрицательном значении невоздержности) употребляется в контексте противопоставления жреческой власти как власти закона, который должен регламентировать деторождение, и того, что этой власти может противостоять – некоторой невоздержанности:

«— ...Мы сказали, что потомство должны производить родители цветущего возраста.

— Верно.

— А согласен ли ты, что соответствующая пора расцвета – двадцатилетний возраст для женщины, а для мужчины – тридцатилетний?.. и у тех и у других это время телесного и духовного расцвета. Если же кто уже старше их или, напротив, моложе возьмется за общественное дело рождения детей, мы не признаем эту ошибку ни благочестивой, ни справедливой: ведь он произведет для государства такого ребенка, который, если это пройдет незамеченным, будет зачат не под знаком жертвоприношений и молитв, в которых при каждом браке и жрицы, и жрецы, и все целиком государство молятся о том, чтобы у хороших и полезных людей потомство было всегда еще лучше и полезнее, а, напротив, под покровом мрака, как плод ужасной невоздержности (ἀλλ' ὅλῳ σκότου μετὰ δεινῆς ἀκρατείας γεγονώς).

— Это верно.

— Тот же самый закон пусть действует и в том случае, если кто из мужчин, еще производящих потомство, коснется женщины пусть и брачного возраста, но без разрешения правителя на их союз: мы скажем, что такой мужчина преподнес государству незаконного ребенка» [Plato, Phil. Resp. 461b2].

В данном пассаже значение слова «акратея» (ἀκράτεια) хотя и отрицательное, однако отмечен его политический потенциал – противостояние частного желания (личного измерения) и общих властных практик (коллективного «желания» как своеобразной «невоздержанности в сдерживании» вплоть до претензии власти на сдерживание эротических порывов граждан, которые, впрочем, сдерживаются властью не во все исторические периоды и не во всех обществах, что отражает довольно субъективное и случайное свойство подобных практик властного удерживания (кратии) или сдерживания чего бы то ни было и квалификации чего-то как невоздержанности – акратеи).

Прилагательное «акратический»/«акратичный» (ἀκρατευτικός), берущее свое происхождение от значения «несдержанность», противопоставляется у Аристотеля великодушию (μεγαλοψυχία) в ряду таких понятий, как «малодушие» (μικροψυχία), «невоздержанность» (ἀκολασία) и даже «несправедливость» (ἀδικία) [Arist. De virtutibus et vitiis 1250a1 и Arist.Rh.1391a19]. В одном из пассажей трактата «О добродетелях и пороках» Аристотель подробно перечисляет добродетели и пороки с их определениями и привязкой к частям души: рассудительность (φρόνησις) – безрассудству (ἀφροσύνη), кротость (πραότης) и мужество (ἀνδρεία) – гневливости (ὀργιλότης) и трусости (δειλία) соответственно, благоразумие (σωφροσύνη) и воздержанность (ἐγκράτεια) – распушенности (ἀκολασία) и невоздержанности, т.е. «акратее» (ἀκράτεια)¹, где безрассудство – это негодность разумной части души (ἀφροσύνη δ' ἐστὶ κακία τοῦ λογιστικοῦ), трусость – это негодность яростной части души (δειλία δ' ἐστὶ κακία τοῦ θυμοειδοῦς), а невоздержанность, или «акратея» (ἀκράτεια), – негодность желающей части души (ἀκράτεια δ' ἐστὶ κακία τοῦ ἐπιθυμητικοῦ). Однако, в отличие от распушенности (ἀκολασία), невоздержанность, согласно мысли Аристотеля, устроена иначе по отношению к разумной части души: «Распушенность – это порок желающей части души, из-за которого [люди] стремятся к вкушению дурных удовольствий. Невоздержанность – это порок желающей части души, из-за которого [люди] избирают дурные удовольствия, хотя рассуждение противится этому» [Arist. De virtutibus et vitiis 1250a20–25]².

Таким образом, согласно мысли Аристотеля, в отличие от распушенности (несознательного влечения к дурным удовольствиям), невоздержанность (ἀκράτεια) – это не порок разумной части души, а сознательно реализуемое (и, возможно, даже добровольное и в этом смысле самоуправляемое) стремление к дурным удовольствиям, осознанным как дурные в контексте тех или иных представлений о том, что считается в данном историческом контексте дурным или нет (ср., например, цитируемый выше фрагмент Платона из «Государства», в котором рождать новых граждан без благословения жрецов постыдно, и, например, более современные представления о том, что рождение новых граждан с точки зрения практически любого светского государства – дело достойное и безотносительно благословения жрецов).

Противоположную трактовку осознанности и добровольности акратеи как невоздержанности можно найти у Платона в «Тимее»: «Итак, душа его больна и безумна по вине тела, однако все видят в нем не больного (οὐχ ὡς νοσῶν), но добровольно порочного человека (ἀλλ' ὡς ἐκὼν κακός). На деле же любовная необузданность (ἢ περὶ τὰ ἀφροδίσια ἀκολασία) есть недуг души, чаще всего рождающийся по вине одного единственного вещества, которое сочится сквозь поры костей и разливается по всему телу. Когда так называемую невоздержность в удовольствиях (ἡδονῶν ἀκράτεια) хулят как добровольную порочность (ὡς ἐκόντων τῶν κακῶν), хула эта почти всегда несправедлива (οὐκ ὀρθῶς): никто не порочен по доброй воле, но лишь дурные свойства тела или неудавшееся воспитание делают порочного человека порочным, притом всегда к его же несчастью и против его воли (ἄκοντι)» [Plato Phil. Timaeus 86 d 6].

¹ См. об этом подробнее в [26].

² Перевод с греческого дан по [26].

Однако, у Платона, в отличие от Аристотеля, еще не различены понятия необузданности (ἀκολασία) и невоздержанности (ἀκράτεια), которые могли бы варьироваться по степеням перехода от *несвободного* к *свободному* стремлению к удовольствиям, хоть и дурным, делая понятие «акратея» синонимом свободного волеизъявления.

Интересно также, что в «Законах» Платон невоздержанностью (ἀκράτεια) называет источник однополой любви: «Эти учреждения извратили не только среди людей, но даже среди животных древний и сообразный с природой закон, касающийся любовных наслаждений. И в этом можно винить прежде всего ваши государства, а также и те из остальных государств, где более всего привились гимнасии. Как бы ни смотреть на подобные вещи, шутливо ли (εἴτε παίζοντα) или серьезно (εἴτε σπουδάζοντα), приходится заметить, что наслаждение от соединения мужской природы с женской, влекущее за собой рождение, уделено нам от природы (ἡδονὴ κατὰ φύσιν), соединение же мужчины с женщиной и женщины с женщиной – противоестественно (παρὰ φύσιν) и возникло как дерзкая попытка людей, разнузданных в удовольствиях (ἀκράτεια ἡδονῆς)» [Plato Phil. Leges 636 c 6].

То есть это нечто не-природное, противоположное, излишнее в природном порядке вещей, «акратическое» почти в кантовском смысле противопоставления природы и свободы. В этом смысле словоупотребления у акратеи обнаруживается также и смысловой потенциал «свободы».

Далее в «Законах» Платон видит в акратее, как и в невежестве, причину отсутствия рассудительности у большинства людей: «В рассудительной жизни (ἐν μὲν τῇ σόφρῳνι βίῳ) удовольствия перевешивают тяготы, в разнузданной (ἐν δὲ τῇ ἀκολάστῳ) – страдания превышают удовольствия как величиной, так и количеством и напряженностью. Поэтому первый род жизни для нас более приятен, а второй по своей природе неизбежно становится более скорбным. Для того, кто хочет приятно жить (τόν γε βουλόμενον ἡδέως ζῆν), становится невозможным по доброй воле (ἐκόντα) жить невоздержанно (ἀκολάστως ζῆν). Отсюда ясно, что всякий бывает разнузданным против воли (ἄκων); это необходимо, если правильно то, что мы только что установили. Жизнь всякой людской толпы лишена рассудительности либо по невежеству (ἢ γὰρ δι' ἀμαθίαν), либо из-за отсутствия самообладания (ἢ δι' ἀκράτεια), либо по обоим этим причинам» [Plato Phil. Leges 734 b 5].

Можно было бы привести сходные словоупотребления слова «акратея» (ἀκράτεια) как недостатка и у других античных авторов¹, но подробный обзор исторического словоупотребления греческого слова ἀκράτεια в античной и византийской греческих литературных традициях является отдельной исследовательской задачей, выходящей за рамки проблематики, которую мы хотели бы осветить в данной статье. Подытожим лишь, что часто «акратея» (ἀκράτεια) употребляется древними авторами не только в значении несдержанности или невоздержанности как свойства личности (или состояния же-

¹ Ср., например, Платон в «Законах» называет акратеей «необузданность в удовольствиях и страстях» (ἀκράτεια μόνον ἡδονῶν τε καὶ ἐπιθυμιῶν), видя в них причину нечестивой жизни души [Plato Phil. Leges 886 a 9]; Гермий Александрийский в «Комментарии к „Федру“» также два раза противопоставляет акратею энкратее как нечто неразумное – разумному [Herm. Phil. In Platonis Phaedrum scholia 52.22, 196.18]; Симпликий в «Комментарии на „Энхиридион“ Эпиктета», рассуждая о законности брака, полагает бесчестие (ἀσεβεία) «признаком всяческой невоздержанности» (πολλὴς ἀκράτειας τεκμήριον) [Simpl. Phil. Commentarius in Epicteti enchiridion 117.43]. Список примеров можно было бы продолжить.

лающей части души), но и в значении негодности как воина или слуги или стражника-надзирателя, т.е. человека, негодно выполняющего те или иные функции власти или удерживания (κράτος), т.е. такого человека, который не может (или умышленно не желает) встраиваться в структуры сдерживания и подавления других, иными словами – не человека несдержанного, а человека неудерживающего во втором смысле¹. И этот человек не только есть человек, никем не сдерживаемый, но и сам сознательно и добровольно отказывающийся от идеи удерживания кого-либо: не сдерживаемый никем (ἀκράτητος) и не удерживающий никого (ἀκράτης, ἀκρατευτικός). При этом задача самоудерживания и власти над собой в рамках акратического проекта естественно не отменяется, но выстраивается прежде всего на формировании добродетели неудерживания других, что требует как раз усилий по самосдерживанию от провала во властные и силовые практики воздействия на других. Другие же этические добродетели в акратической этике полне могут также трактоваться как воздержание от несдержанности во втором более распространенном значении слова «акратея».

Что касается глагола «акратео» (ἀκρατέω), который означает «быть невозддержанным» в основном своем значении, но в качестве второстепенных значений предполагает в том числе значения «быть бессильным», «парализованным», в юридическом смысле «недействительным» и «не имеющим законной силы», он означает в том числе и «не имеют власти или права распоряжаться чем-то или кем-то». Таким образом, в глаголе присутствуют уже как минимум два значения: «быть не в состоянии воздерживаться от чего-либо» (этический смысл) и «остаться без контроля над собой и над другими людьми» (социально-политический смысл)², второе значение может быть как отрицательным, так и положительным в значении «не допускать контроля над собой», т.е. в нужных нам смыслах слова «акратичный» (ἀκράτητος) как

¹ Ограничимся тут лишь упоминанием еще двух, интересных с нашей точки зрения, примеров и укажем на «Киропедию» Ксенофонта, где «акратея» (ἀκράτεια) упомянута в ряду трех недостатков Араспа, стражника Панфеи – нечестия (ἀσεβείαν), несправедливости (ἀδικίαν) и невозддержанности, как по отношению к содержащейся под его надзором женщине, так и по отношению к самому Киру, который поставил его охранять ее [Xen. Hist. Cyropaedia 6.1.35.4], что является еще одним примером выражения политического потенциала этого слова в значении противопоставления власти и личного волеизъявления; или его же «Греческую историю», где акратея (ἀκράτεια) наряду с равнодушием и небрежностью (ἀμέλεια) трактуется как недостатки воинов и полководцев, т.е. представителей силы и власти, основной недостаток которых, естественно, – в нежелании или плохом воплощении директив этой власти в действие [Xen. Hist. Hellenica 1.5.16.3].

² В этих значениях глагол ἀκρατέω, согласно соответствующей статье в словаре Лидделля–Скотта, можно найти в произведениях следующих авторов: 1. Быть ἀκράτης, Hp.Mul.1.25, Poll.2.154; Ep.part. -έοντι λογισμῷ Man.4.548; ἀκράτης, ἐς, (κράτος) бессильный, неспособный γῆρας S.OC1236; παῖδιᾱ Hp.Aer.10; парализованный, IG4.951.22 (Epid.), Aret.SD1.7. 2. В юридическом смысле недействительный, не имеющий законной силы, πρῆσις GDI5653 (Chios), cf. IG12(8).267.12 (Thasos); II. c. gen. gei, не имеющий власти или влияния на что-либо, γλώσσης A.Pr.884; φωνῆς, παντός τοῦ σώματος, ἐωυτοῦ, Hp.Morb.1.3, Art.48, Morb.2.6; ὀρυῆς Th.3.84; θυμοῦ Pl.Lg.869a; ἀ. τῶν χειρῶν, о человеке со связанными руками, D.H.1.38; несдержанный в использовании чего-либо, ἀφροδισίων, οἶνου, X.Mem.1.2.2, Oec.12.11; ἀ. κέρδους, τιμῆς невозддержанно стремиться, Arist.EN1147b33; with Preps., ἀ. πρὸς τὸν οἶνον Id.HA594a10; περὶ τὰ πόματα Id.PA691a3: c. inf., ἀ. εἰρυσθαί τινας неспособный воздержаться от чего-либо, Pl.Sph.252c. Наречие ἀκράτῳς, Ion. ἀκρατέως, διακείσθαι Hp.Acut.(Sp.)55. 2. abs. в моральном смысле, без управления собой и своими страстями, несдержанный, Arist.EN1145b11; ἀ. στόμα Ar.Ra.838; νηδὺς Aristias 3. Adv. ἀκράτῳς, ἔχειν πρὸς τι Pl. Lg.710a. 3. О неодушевленных вещах, неконтролируемы, неумеренные, δαπάνη AP 9.367 (Luc.); οὖρον . . ἀκρατές недержание мочи, Aret.SA1.6; cf. ἀκράτι.

непокоренный или никем не контролируемый¹, не способный (или не желающий) поддаваться контролю, и такой, над которым «природа не может взять верх». Именно в этом нейтральном смысле и употребляется прилагательное «акратический» у Аристотеля в «Метеорологике» применительно к тем видам крови, которые не содержат волокон и поэтому не свертываются: «Отделенная сыворотка уже больше не густеет, но выкипает подобно воде... Высыхая при охлаждении кровь свертывается. Те виды крови, что не свертываются, как например кровь оленя, водянисты и холодны и, значит, не содержат волокон... Если удалить волокна, кровь не свертывается, а не свертывается, потому что не высыхает. Ибо такой остаток представляет собой воду, также как молоко после отделения сыра. Доказательством служит здесь то, что больная кровь не склонна свертываться, так как она подобна сукровице, т.е. слизи с водой, ибо не сварена (τὸ ἄτεπτον εἶναι) и природа не взяла над ней верх (ἀκράτητον ὑπὸ τῆς φύσεως)» [Arist. Mete. 384a33].

Возникает впечатление, что одно из возможных значений глагола ἀκράτέω – не допускать властных практик ни над собой, ни прежде всего – над другими, не удерживать других людей или вещи в качестве подвластных – в либертарном смысле слова свободы как сознательного неудерживания власти в противовес бессознательной неводержанности, каковую привыкли видеть в качестве основного значения этого слова.

В этом отношении историко-философская судьба слова «акратея» (ἀκράτεια) получилась в кратоцентрическом дискурсе связанной исключительно с отрицательными коннотациями, тогда как положительный смысл этого слова, связанный со значением свободы как неудерживания, остался на обочине его использования.

Похожая ситуация, с легкой руки А.С. Пушкина, постигла в русском языке и слово «самовластье», производное от греческого слова «автократия» (αὐτοκράτεια), которое было им употреблено в известном стихотворении в значении «самодержавия» как власти монарха – кальки с современного А.С. Пушкину значения французского термина «автократия» (autocratie), также восходящего к греческому слову. Однако Пушкину было известно и другое значение древнего слова «автократия», а именно значение «моей собственной власти над самим собой», что зафиксировано в его переписке с П.А. Вяземским: «Предприми постоянный труд, пиши в тишине *самовластия*, образуй наш метафизический язык, зарожденный в твоих письмах – а там что бог даст» [27].

В связи этим необходимо сделать вывод, что случайное историческое словоупотребление, сложившееся исторически под воздействием тех или иных политических процессов, не должно определять греческий потенциал слов, и особенно слов, связанных с оппозицией «власть – свобода». Однако, как мы попытались показать в статье, на этом пути самостоятельного образования «нашего метафизического языка» нас могут ожидать внушительные препятствия со стороны исторических практик словоупотребления понятий, которые сами формировались под воздействием субъективных, произвольных и довольно случайных дискурсов власти, в рамках которых формировались и закреплялись те или иные значения слов. В этом смысле

¹ По поводу смысла акратического как неконтролируемого см. примеры в [Hdn.1.8.2. Adv], [Orib.Syn.7.47.3] и [Iamb. VP20.94].

акратический проект освобождения от любых репрессивных практик был исторически дискредитирован, с нашей точки зрения, практиками использования этого слова в основном полностью в отрицательных значениях, которые вытесняли из практик обыденного словоупотребления положительный и политически значимый потенциал данного слова.

Герменевтический анализ источников, предпринятый в данной статье, показывает, что семантика слова «акратея» и связанных с ним однокоренных слов не настолько однозначна, как это может показаться на первый взгляд, и связана не только с отрицательными коннотациями, хотя до сих пор и преимущественно с ними, что позволяет сформулировать гипотезу, что эти слова вполне возможно зафиксированы в истории развития языка не столько в собственных значениях, сколько сквозь процедуру интерпретации господствующими властными дискурсами.

Таким образом, мы обнаруживаем основания говорить о «ступенчатой» дефиниции понятий, связанных с альтернативами властному порядку существующих социально-политических систем, поскольку итоговое значение закрепляется не в связи с конкретным содержанием понятия, а посредством многоэтапной и часто рекурсивной его модализации в текущем политическом контексте. Это означает, что лексическим итогом такой дефиниции оказывается не собственное значение слова, а его содержательная трактовка, которая исторически складывалась и распространялась под воздействием господствующих дискурсов, от лица которых создавались те или иные тексты, включающие это слово, в том числе и тексты словарей и энциклопедий, которые нам дают «основные» значения тех или иных слов.

Впрочем, если вспомнить такую «тактику ускользания» [19. С. 276, 303] как сознательный отказ от письменности, широко практиковавшийся народами, бежавшими от государственности в горы [19. С. 9, 11], кое-что здесь действительно проясняется. Так, текстовые памятники эпохи – как и исторические летописи – первичной целью своей имеют не столько документацию реальности, сколько поддержание ее определенного образа, необходимого для статуса-кво текущей модальности отношений «власть – свобода». И в этом смысле часто оказываются такими же малоинформативными, как и любые идеологические источники.

В свете этого справочники и другие тексты, созвучные большим нарративам, включают в себя сведения о явлениях не с точки зрения их внутреннего порядка, а с точки зрения их роли в текущей системе власти. Учитывая то, что для любых систем власти исходный модус свободы (безвластия) является неприемлемым и подлежащим деконструкции, стратегия выбора слов для его обозначения неизбежно связана с намерением деконструировать его. Здесь и расположены дополнительные «ступени дефиниции», или многоэтапной модализации содержания понятия: в случае слова «акратея» от значения «безвластие» – к значению «несамообладания».

Так, вместо того, чтобы сохранить за понятием «акратея» (ἀκράτεια) буквальный и морфологически обусловленный грамматический смысл «безвластия», дискурсы власти как бы комментируют его от себя и в качестве термина фиксируют уже не смысл слова, а свою версию его интеграции в практику: «неомощный», «недержание», «пассивность». Любой сторонник любой системы власти закономерно держится за идею о том, что без власти

наступит хаос, люди не справятся с задачей самоуправления (и самовластия в подлинном, «допушкинском» смысле этого слова) в силу своей неразвитости, неготовности, онтологической несостоятельности. Таково его мнение, таково его видение мира и представление о природе человека и общества, в связи с чем и осуществляется переход ко второму этапу модализации понятия «акратея» (ἀκράτεια) или второй ступени дефиниции, на которых это слово лишается возможности быть зафиксированным в собственном смысле и неизбежно начинает отражать взгляд того, кто имеет доступ к фиксации слов на письме. Очевидно, что такие результаты больше говорят не о смысле слова, а о судьбе его значений в контексте истории.

Таким образом, понятие акратеи (ἀκράτεια), а также понятий, производных от него, представляются нам в качестве подлежащих к возможному и даже необходимому переосмыслению и переозначиванию в соответствии со всем множеством их возможных значений, предшествующих кратоцентрическому их толкованию и включению во властные дискурсы, которые исторически господствовали и сохраняли тем самым монополию как на письменность в целом, так и на дефиницию слов в частности, что позволит также перевести слово «акратический» в употребление наряду с понятиями «анархистский» и «либертарный», а возможно, даже и заменить их в силу безусловных преимуществ этого слова в сравнении с ними: отсутствие политических отрицательных коннотаций в случае слова «анархистский» и двусмысленности – в случае слова «либертарный». Это могло бы оказаться продуктивным не только для анархистской мысли и ее судеб впоследствии, но и для переосмысления и ревизии истории философии под этим углом в целом.

Таким образом, историко-герменевтический анализ слова «акратея» (ἀκράτεια) позволил установить систематическое интерпретативное вмешательство в него господствующих дискурсов власти, располагающих монополиями на дефиниции и официальную репрезентацию понятий (в текстах, словарях, документах, философских произведениях, литературе и даже поэзии). Это вмешательство мы обозначили как «ступенчатую дефиницию» или «поэтапную модализацию» слова, в ходе которых фиксируется не собственное значение слова, но отношение господствующего порядка власти к его содержанию, а также определение его судьбы в случае его последующего использования. Учитывая то, что исторически господствующими всегда оказывались именно властные дискурсы, все идеи, обозначающие не соответствующую им картину мира, подвергались подобной ступенчатой дефиниции и модализации, что приводило к их искажению и дискредитированию. В результате практически весь имеющийся в нашем распоряжении понятийный аппарат, способный передать идею безвластия или осуществить акратический проект, оказался заряжен негативными коннотациями, что стало причиной непривлекательности и сомнительной репутации любых ориентированных на этот проект слов, идей и стратегий и, соответственно, прямым образом повысило привлекательность всего, что так или иначе связано с властью.

В истории предпринимались неоднократные попытки преодолеть такое искажение, например, заменяя слово «анархистский» (ἀναρχος) на «либертарный» (libertarian). Однако эти попытки не увенчались успехом в силу формирования самостоятельного либертарного проекта. Слово же «акратея» (ἀκράτεια) на сегодняшний день, с одной стороны, еще не применялось по-

всеместно в исторической современности для целей обозначения «безвластия» и, с другой стороны, еще не успело оказаться дискредитированным исторически и политически, несмотря на его семантическую дискредитацию в его почти исключительно негативном словоупотреблении в Античности. Поэтому его переозначивание (подобное которому уже не раз предпринималось в рамках контркультурных дискурсов – например, с понятиями «punk»¹ и «queer»²) и «переприсвоение» анархистским дискурсом может послужить существенной реабилитации ключевых аспектов анархистской мысли и близких к ней эмансипаторных проектов и концепций: феминизма, экологических и зоозащитных движений, а также других акратегических проектов.

Литература

1. *Derrida J. Margins in Philosophy*. Brighton : Harvest Press, 1982.
2. *Derrida J. Spurs: Nietzsche's Styles*. Chicago : University of Chicago Press, 1979.
3. *Рахманинова М.Д.* Власть как объект исследования: специфика описания, основные проблемы анализа, стратегии продуктивности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2017. № 10 (84), в 2 ч. Ч. 1. С. 147–149.
4. *Бакунин М.А.* Государственность и анархия. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010.
5. *Прудон П.-Ж.* Что такое собственность? Или : Исследование о принципе права и власти. М. : КРАСАНД, 2014. 280 с.
6. *Бакунин М.А.* Федерализм, социализм, антитеологизм. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010.
7. *Поляков Д.Б.* Постанархизм. Субъект в пространстве власти. Чита : ЗаБИЖД, 2019. 118 с.
8. *Рахманинова М.Д.* Язык власти в повседневности: основные стратегии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2017. № 11 (85). С. 156–158.
9. *Фетисов Ю.* Вожак-разбойник. Образы анархистов в отечественном кино // Ежегодная международная научная конференция «Прямухинские чтения», с. Прямухино, Тверская область, 7–8 июля 2018 г.
10. *Рахманинова М.Д.* Генеалогия и теоретические основания современных форм анархизма: от XIX к XXI веку. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. 202 с.
11. *Дело «Сети»*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_«Сети» (дата обращения: 10.04.2020).
12. *Агамбен Дж.* Царство и слава. К теологической генеалогии экономики управления. М. : СПб. : Изд-во Ин-та Гайдара : Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018.
13. *Волин В.* Неизвестная революция 1917–1921. М. : НПЦ «Праксис», 2005.
14. *Оруэлл Дж.* Памяти Каталонии. Эссе. М. : АСТ, 2016.
15. *Анархия работает.* Примеры из истории России. М. : Common place, 2014. 190 с.
16. *Подшивалов И.* Анархия в Сибири. М.: Common place, 2015. 302 с.
17. *Гелдерлоос П.* Анархия работает. Современная радикальная теория и практика. 2012. 264 с.
18. *Зеленова Д.* Борьба против выселений сквотерских сообществ в современной Южной Африке : Доклад на конференции «Иерархия и власть в истории цивилизации», РАН, Москва, июнь 2009.
19. *Скотт Дж.С.* Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М. : Новое издательство, 2017. 568 с.
20. *Diccionario de la lengua Española*. URL: <https://espanola.academic.ru/1630/acracia> (accessed: 18.04.2020).
21. Анархистский интернет-ресурс Acracia. URL: <http://acracia.org/> (дата обращения: 18.04.2020).
22. *Oppenheimer F.* Demokratie // Franz Oppenheimer, Soziologische Streifzüge, gesammelte Reden und Aufsätze, zweiter Band, Münschen, 1927. S. 159–187. [Erstveröffentlichung in: Der

¹ Punk – буквально: дрянной, поддонок, негодяй и др.

² Queer – оскорбление, указывающее на странность и неприемлемость.

Staatsbürger, München u. a., Bd. 5, 1914, S.18–35 und 57–68. URL: <http://www.franz-oppenheimer.de/fo14a.htm> (accessed: 18.04.2020).

23. «Acracia. Revista Sociológica» (Barcelona), 1886–1888. URL: http://www.cedall.org/Documentacio/Castella/cedall203509000_Acracia%201886%201888.htm (accessed: 18.04.2020).

24. «Akratie» (Basel), 1973–1981. URL: <https://akratie.noblogs.org/>, (accessed: 18.04.2020).

25. The Online Liddell-Scott-Jones Greek-English Lexicon. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/Iris/demo/lexica.jsp> (accessed: 01.12.2019).

26. Санжеников А.А. Трактат «о добродетелях и пороках» (перевод и комментарий) // Scholae. 2016. 10 (2). С. 754–778.

27. А.С. Пушкин – П.А. Вяземскому. 1 сентября 1822 // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 10. Письма, 1979. 33.

Maria D. Rakhmaninova, Saint Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: nordseeinsel@yandex.ru

Oksana Yu. Goncharko, Russian Christian Academy for the Humanities (St. Petersburg, Russian Federation), Saint Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: goncharko_oksana@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 62–79.

DOI: 10.17223/1998863X/61/8

BETWEEN “LACK OF POWER” AND “FREEDOM”: ON THE POLITICAL HISTORY OF THE CONCEPT OF ACRATEIA (ἀΚΡΑΤΕΙΑ)

Keywords: political philosophy; history of philosophy; acrateia; acratia

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00885 (Rakhmaninova), No. 18-011-00207 (Goncharko).

The article deals with the Greek concept of acrateia (ἀκράτεια) and the political history of its usage from Antiquity till the 21st-century philosophy. We insist that there is a relation between the connotations of this concept prevailing in texts and those political and cultural contexts that served as their conceptual landscapes – especially the political discourses of power. We focus on the specific political consequences of the procedure, which produces and fixes connotations of concepts, and try to problematize power discourses optics within the theoretical framework of our research based on the historical analysis of the political history of using acrateia as a concept and on the hermeneutic analysis of the philosophical texts in which this concept was defined and implemented. Within the given perspective, related concepts and historical contexts of their usage are compared; the methodological and conceptual potential of the concept “acratia optics” is established as a possible synonym for the concept “anarchist optics” to allow the productive and detailing elaboration of its meaning by emphasizing its philosophical foundations. Relying on the Greek texts by Plato, Aristotle, Xenophon, and others, we have made an effort to review the range of conventional meanings of various morphological forms of the concept “acrateia” (especially negative ones) to show the possibility of their implicit potential redefining in terms of the positive sense of “freedom”, without “reducing” these meanings to the “lack of power” or “incontinence” only, which discredited, caricaturized and destructed the possible positive meanings of acrateia as “freedom”, “independence”, or “absence of power” like in the related barbaric word “acratia” (ἀκρατία). Thus, two acratia modalities in official political and philosophical discourses are discovered and analyzed in the article. One of them is the negative meaning “incontinence” or “lack of power” in terms of the power discourse: in its framework, the multi-stage modalization of the concept’s meaning established only the negative potential of this word. The other one, which we try to reconstruct using the hermeneutic analysis of the Ancient Greek sources, is neutral or positive one. We introduce the procedure of a “step-by-step definition” for political designation of concepts, which shows that the positive sense of this word is possible, and even mention the example of its usage in the neutral sense by Aristotle in *Meteorology* to prove that its neutral meaning was also fixed in ancient times. We hope the article could contribute to shedding the light on the non-obvious or intentionally hidden senses of the word “acrateia” as well as of its paronymic terms “acratia”, “acratia”, “acratia”, etc. As a result of the present study, we redefine the “redefined” term and try to return to the investigated concept its initial meanings, especially those acquired “apophatically” during the long political history of its existence.

References

1. Derrida, J. (1982) *Margins in Philosophy*. Brighton: Harvest Press.
2. Derrida, J. (1979) *Spurs: Nietzsche's Styles*. Chicago: University of Chicago Press.
3. Rakhmaninova, M.D. (2017) Power as an object of research: specificity of description, main problems of the analysis, productivity strategies. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 10-1(84). pp. 147–149. (In Russian).
4. Bakunin, M.A. (2010) *Gosudarstvennost' i anarkhiya. Izbrannye trudy* [Statehood and Anarchy. Selected Works]. Moscow: ROSSPEN.
5. Proudhon, P.-J. (2014) *Chto takoe sobstvennost'? Ili: Issledovanie o printsipe prava i vlasti* [What is property? Or: Research on the principle of law and power]. Translated from French. Moscow: KRASAND.
6. Bakunin, M.A. (2010) *Federalizm, sotsializm, antiteologizm. Izbrannye trudy* [Federalism, socialism, antitheologism. Selected Works]. Moscow: ROSSPEN.
7. Polyakov, D.B. (2019) *Postanarkhizm. Sub'ekt v prostranstve vlasti* [Postanarchism. Subject in the space of power]. Chita: ZabZhD.
8. Rakhmaninova, M.D. (2017) Language of power in social everyday life: core strategies. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 11(85). pp. 156–158. (In Russian).
9. Fetisov, Yu. (2018) Vozhaki-razboyniki. Obrazy anarkhistov v otechestvennom kino [Leaders-robbers. Images of anarchists in Russian cinema]. *Pryamukhinskie chteniya* [The Pryamukhino Readings]. Annual International Conference. Pryamukhino, July 7–8, 2018.
10. Rakhmaninova, M.D. (2011) *Genealogiya i teoreticheskie osnovaniya sovremennykh form anarkhizma: ot XIX k XXI veku* [Genealogy and theoretical foundations of modern forms of anarchism: from the 19th to the 21st century]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
11. Wikipedia. (n.d.) *Delo "Seti"* [The Network Case]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Delo_«Seti» (Accessed: 10th April 2020).
12. Agamben, J. (2018) *Tsarstvo i slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki upravleniya* [Kingdom and Glory. Towards a Theological Genealogy of Management Economics]. Moscow; St. Petersburg: Gaidar Institute; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University.
13. Volin, V. (2005) *Neizvestnaya revolyutsiya 1917–1921* [Unknown revolution 1917–1921]. Moscow: Praksis.
14. Orwell, G. (2016) *Pamyati Katalonii. Esse* [In memory of Catalonia. Essay]. Translated from English. Moscow: AST.
15. Berdyev, N. et al. (2014) *Anarkhiya rabotaet. Primery iz istorii Rossii* [Anarchy Works. Examples from Russian History]. Moscow: Common place.
16. Podshivalov, I. (2015) *Anarkhiya v Sibiri* [Anarchy in Siberia]. Moscow: Common place.
17. Gelderloos, P. (2012) *Anarkhiya rabotaet. Sovremennaya radikal'naya teoriya i praktika* [Anarchy works. Contemporary Radical Theory and Practice]. [s.n.; s.l.].
18. Zelenova, D. (2009) Bor'ba protiv vyseleniy skvoterskikh soobshchestv v sovremennoy Yuzhnoy Afrike [Fight against evictions of squatter communities in modern South Africa]. In: Bondarenko, D.M. (ed.) *Ierarkhiya i vlast' v istorii tsivilizatsii* [Hierarchy and Power in the History of Civilization]. Moscow: RAS.
19. Scott, J.S. (2017) *Iskusstvo byt' nepodvlastnym: Anarkhicheskaya istoriya vysokogor' YugoVostochnoy Azii* [The Art of Not Being Governed. An Anarchist History of Upland Southeast Asia]. Translated from English by I. Trotsuk. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
20. Spain. (n.d.) *Diccionario de la lengua Española*. [Online] Available from: <https://espanola.academic.ru/1630/acracia> (Accessed: 18th April 2020).
21. Acracia. (n.d.) *Anarkhistkiy internet-resurs Acracia* [Anarchist Internet resource Acracia]. [Online] Available from: <http://acracia.org/> (Accessed: 18th April 2020).
22. Oppenheimer, F. (1927) *Soziologische Streifzüge. Gesammelte Reden und Aufsätze*. Bd. 2. München: [s.n.]. pp. 159–187. [Online] Available from: <http://www.franz-oppenheimer.de/fo14a.htm> (Accessed: 18th April 2020).
23. Cedall.org. (s.n.) *"Acracia. Revista Sociológica" (Barcelona), 1886–1888*. [Online] Available from: http://www.cedall.org/Documentacio/Castella/cedall203509000_Acracia%201886%201888.htm (Accessed: 18th April 2020).
24. Akratie.noblogs.org. (n.d.) *"Akratie" (Basel), 1973–1981*. [Online] Available from: <https://akratie.noblogs.org/> (Accessed: 18th April 2020).

25. *The Online Liddell-Scott-Jones Greek-English Lexicon*. [Online] Available from: <http://stephanus.tlg.uci.edu/Iris/demo/lexica.jsp> (Accessed: 1st December 2019).

26. Sanzhenakov, A.A. (2016) Treatises “On Virtues and Vices”: Translation from the Greek into Russian and commentary. *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 10(2). pp. 754–778. (In Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2016.10.2972

27. Pushkin, A.S. (1979) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vols]. Vol. 10. Leningrad: Nauka.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 13

DOI: 10.17223/1998863X/61/9

N. Stasiulis

THE ONTOLOGICO-POLITICAL ASPECT OF HEIDEGGER'S THOUGHT¹

The article provides the ontological context for a possible Heideggerian solution of a politico-philosophical problem. Both the ontological issue and the politico-philosophical issue share the same problematic structure of the relation between the general and the particular. The general is the cause and the particular is the effect. Hence, this issue is the ontological issue of causality. The article demonstrates that how the Heideggerian thought of Being dwells on the issue of cause, and how the introduction of the ontological difference, and interdependence, of being and Being can shed light on the political aspect of thought.

Keywords: causality, individual, Heidegger, ontology, political philosophy

Introductory remarks: The fundamental assumptions of Heidegger's thought

The following things are presupposed in Heidegger's thought.

First, it is *Seynsgeschichtlichkeit*, i.e. it has to do with the historical unfolding of Being. It is not a narrowly construed political stance. The historicity of his thought means that the latter can be understood only with respect to the ontological situation of the time. It is a stage in the unfolding of Being. Here, Heidegger can be seen to follow in the footsteps of German Idealism which saw history as the scene or way of Absolute's appearance(-to-itself) wherein philosophy plays a crucial role (cf. [1. P. 25; 2. P. 9, 23–24]). Philosophy formulates the shape in which Being appears. These essential transformations take shape simultaneously in a historical epoch and in the minds of the great thinkers. Currently, we live in an era where the principle shaped first in the philosophy of Plato has achieved its essential fruition (cf. [3]): it achieved more of its essence in Descartes's time than it had achieved in the Platonic time, and even more in the 19th c. of Hegel, Nietzsche and others, and Heidegger positions himself among the epochal thinkers. If there is a political aspect in Heidegger's philosophy, it utterly supervenes on his ontology. It is about the re-appearance of Being.

¹ Стасиулис Нериус Онтолого-политический аспект в учении Хайдеггера

Аннотация. Представлен онтологический контекст для возможного хайдеггеровского решения политико-философской проблемы. И онтологический вопрос, и политико-философский вопрос имеют одну и ту же проблемную структуру отношения между общим и частным. Общее – это причина, а частное – следствие. Следовательно, этот вопрос является онтологическим вопросом причинности. Показано, как хайдеггеровское учение о бытии сосредоточено на проблеме причины и как введение онтологического различия и взаимозависимости бытия и Бытия может пролить свет на политический аспект его философии.

Ключевые слова: причинность, индивидуальность, Хайдеггер, онтология, политическая философия

Second, we must heed the wisdom that there is no subject and object distinction, or, rather, that they are in truth one. Although the culture of Heidegger's (and our) time seems to be permeated with the imagery and guidelines of materialistic sciences and "the [technological] use of [material] bodies" (cf. [4]), the ontological understanding of this *Geschehen* must assume the absence of the dualism. The problem is not "materialism" or "dualism" but a peculiar revelation of unity, which Heidegger calls *Gestell*. With the term *Gestell*, the technological is critiqued but not reduced to mere criticism and certainly not to a rejection thereof. He also names it subjectivity (*Subjektivität*) [5. P. 450], or the forgetfulness of Being.

Further, we must consider the distinction of subject and Dasein as it corresponds to the distinction of Being and *Gestell*.

On the distinction between subject and Dasein

Heidegger could not speak about Dasein if his own Being were not Dasein. There is no difference (a distinction there may well be) between subject and object; hence, a thinker can only say about *Wirklichkeit* what he can say about himself. If Heidegger speaks about forgetfulness of Being, it is because he himself has forgotten Being. This forgetfulness is to be understood thus: it is not a shortcoming of our time which is successfully avoided by Heidegger (alone) but a *constant* characteristic of Being. The fault of our time consists precisely in not acknowledging the forgetfulness to Being, of being willing to keep it in mind and make it a property of the self. Subject is precisely the kind of self which has made Being into its property, or object. And Being has thus deprived him of freedom, *quid pro quo*. Dasein, or freedom, is about letting go of Being, about *forgetting* it. What is constant is not the subjectivity of Being but its appearance via forgetfulness. Describing this structure (named the ontological difference) is the great contribution by Heidegger.

To emphasize, the forgetfulness of the distinction between being and Being is a constant. The remembering of Being is the remembering of the distinction between being and Being. This latter does not refer to a dissolution of the distinction between being and Being but, on the contrary, it refers to the remembering of this very forgetfulness. To remember Being is to remember it as self-concealing (or forgotten): it is simultaneously to remember the distinction between being and Being and the forgetfulness of this distinction. It is by radicalising this forgetfulness of the forgetfulness of Being that this very forgetfulness itself (Being itself) is forgotten: the (post)modern forgetfulness of Being (i.e., *Gestell*) is a radicalisation of the constant forgetfulness of Being. Like with the death of God which was proclaimed by Nietzsche's madman, it is both a terrible thing and a dawn. It is only possible because the Greeks had failed to think this Being as forgetfulness (Being as Being) and thus, paradoxically, formulated the potentiality for its forgetfulness.

Analogous to the dualism between subject and object, there is the dualism between spirit and matter, or the particular and the general. The general would then represent the state run in a mechanistic fashion according to the general law, based on the principle of unity (a Newtonian kind of *vis mortua* or a Hobbesian *Leviathan*, also see [6]), and the particular would then represent the individual who is contraposed against the general (the machine-like universality) and may rebel against it, based on the principle of plurality. Heidegger with his supposedly critical stance against the technological and the technologically run society and/or

academy would then be placed among the “individualists”; hence, an (unfounded) individualist reading of the term Dasein.

But, in truth, Dasein means an unfolding of the world which has not succumbed to the dualism between the one and the many. In Heidegger’s own words:

Is this one Being something before all unfolding, that is, something that exists for itself, whose independence is the true essence of Being? Or is Being in its essence never not unfolded so that the manifold and its foldings constitute precisely the peculiar oneness of that which is intrinsically gathered up? Is Being imparted to the individual modes in such a way that by this imparting it in fact parts itself out, although in this parting out it is not partitioned in such a way that, as divided, it falls apart and loses its authentic essence, its unity? Might the unity of Being lie precisely in this imparting parting out? And if so, how would and could something like that happen [geschehen]? What holds sway in this event [Geschehen]? (These are questions concerning Being and Time!) [7. P. 25; 8. P. 31].

This structure is discovered as the primordial structure of the Greek thought and the presupposition of the very distinction between matter and form. Matter and form are not separated but are united as power (potentiality) and entelechy. Their unity is *energeia*¹. And its structure recovered is the structure of Dasein [10. P. 250–253]. On the one hand, the Greek *ὑποκείμενον* has evolved into the modern subject as the metaphysical basis for the *Gestell*; on the other hand, its primordial reconsideration by Heidegger demonstrates it to be Dasein, rooted in a constant forgetfulness of Being.

The first note on causality: The subject as the causal principle

The modern romantic rebellion against the law and regularity or the attempt to find place for the individual in the causal order of the cosmos, the state or even everydayness is but another side of the same coin (cf. [11]): they both express the principle of the subjectum. The Cartesian subject is both the source of mechanical laws which are „logically“, i. e. without contradiction, deduced from the axioms of the *res cogitans* [12. P. 76] and the owner of the individual will with its *conatic* attempt at individual happiness. Furthermore, it is this conatic attempt which is the driving force of the technological world.

We can explain that with an analogy. Even though the hardware in a computer is more tangible than its software, the former can only exist because of the latter. Likewise, even though modern technologies are more tangible, they can only exist because of the conatic drive of individual happiness. Likewise, the rationalism of the Enlightenment was driven by a romantic force.

We can explain it further with another analogy – that of the movement of a hand. Let us suppose that one is manually grasping a glass. Three aspects can be distinguished in this sole movement. The first one is the “brutal” hand muscle movement to embrace the piece of glass. The second one is the meaningful movement of a living hand to take a glass (in order to drink some water). This distinction

¹ Even though Aristotelian energy and entelechy tend to be conflated into one actuality, they are in fact different. Entelechy is quasi ever at rest (unity), while potentiality is quasi movement, or change, itself. Energy is their unity. And it is this unity, or energy, which Heidegger refers to as temporality, or time [9. P. 321, 327].

so far, analogous to the body/spirit distinction¹, is not sufficient. Hence, there is the third and most important one – the taking-of-the-glass itself. Just like Aristotle saw that the (“form” or “telos” of the) movement itself is ontologically prior, and the “body” as “matter” exists because of the *telos* or *as* the telos. To phrase it in Heidegger's words, we do not hear because we have ears, but we have and can have ears only because we hear and are beings that hear [13. P. 220]. Likewise, it is only because of the modern subject that modern technology can exist as its way of being.

The modern subject is the ontological-causal principle of the modern technological uncovering of the world. And Heidegger is so far from opposing causality that his own thought can be said to center on the ontological problem of causality. Everything is “caused” by Being and the way it is revealed. And the modern deterministic-mechanistic-technological notion of causality is but an expression of subjectism (Being revealed as sub-ject).

Heidegger's overcoming of the subject consists namely in the realisation of the “forgetful” character of this causal principle.

The second note on causality: Subjectum as appearance, or unconcealment

Heidegger recovers the structure of the ontological difference by dwelling on the original meaning of *subjectum*/ὄποκειμενον, among other things, in the first remaining textual evidence of the Western thinking about causality, or “necessity” (τὸ χρεών) as the ontological causal principle.

It is the Anaximander fragment which, based on John Burnet's analysis, Heidegger takes to have originally been this: „κατὰ τὸ χρεών· δίδοναι γὰρ αὐτὰ δίκην καὶ τίσιν ἀλλήλοις τῆς ἀδικίας [14. P. 340–341]. It is taken to express the same ontological structure as the Aristotelian one quoted above. It is the structure of the ontological difference: τὸ χρεών refers to Being, and the remaining part of the fragment refers to its temporality and beings. For Heidegger, temporality and beings are the domain of the limit (πέρας), thus, the ever-self-concealing Being can be named by Anaximander the limitless (τὸ ἄπειρον). The latter ever presents the former with its temporal constancy (*Weile*). Hence the danger that the ever-present constancy will be reduced to the sub-jectum as Being's concealment is forgotten [14. P. 368]. The correct analysis of Dasein implies an ontologically correct understanding of Being as τὸ χρεών.

This clearly brings us to the analysis of *Zuhandenheit*, or readiness-to-hand, in *Being and Time*, which is crucial to the correct understanding of Dasein. Heidegger links χρεών to χράω/χράομαι and χεῖρ – respectively, *I need, I handle, hand* [14. P. 366]. Dasein is primordially a handler, a user, and is conceived in the image of Being as the handler and user of beings. Dasein and Being share the same ontological structure.

Being is in charge of beings and has them at its disposal (verfügt) [14. P. 363]. Being is likewise characterised both in the analysis of Dasein and in that of Aristotle's (meta)physics (cf. [15. P. 69; 16. P. 247]). The essence of a being is to be the property (οὐσία, Anwesen) of Being as well as to be in-the-world, that is, in the aprioric interrelation with other beings because Being “imparts” but is not “parti-

¹ Or, the representation/will distinction, in Schopenhaurian terms.

tioned" (see above). This interrelation by which Being preserves "justice" (τίσις) in things, or presents them with "justice", is conceived as joyful (frui). "Frui involves praesto habēre. Praesto, praesitum is in Greek *ὑποκείμενον*, that which already lies before us in unconcealment, *οὐσία*, that which lingers awhile in presence. 'To use' accordingly suggests: to let something present come to presence as such; *frui*, to brook, to use, usage, means: to hand something over [aushändigen] to its own essence and to keep it in hand, preserving it as something present [in der wahren Hand behalten...]" [14. P. 367; 17. P. 53]. Dasein is Dasein, that is, one's "own", if and only if it has been transformed from subject into the preserver of the presence of the forgetfulness of Being.

It is the movement analogous to the movement from the present-at-hand (Vorhanden) to the ready-to-hand (Zuhanden) (cf. [18. P. 120]).

The third note on causality: The cause as the general-particular

The essence of the subject is the present-at-hand. The ontological origin of it lies in the Platonic *εἶδος* (3). For Heidegger, it is in Aristotle's legacy that the rootedness of the presence of *εἶδος* in the temporal structure of Being can be uncovered and demonstrated. In *Metaphysics*, Aristotle touches upon the problematics of the relation between the particular and the general and, accordingly, links the grasp of the causal ontological principal (*εἶδος, τέλος, μορφή*) to the particular and temporal aspect of *τέχνη*.

In *Metaphysics* [19. 980b and further], one conceives *εἶδος* (the constant essence) via the temporality of skill. One starts with the empirical observation of an *if (when)...*, *then...* connection (e.g., if one drank lemon juice, one became less sluggish/flegmatic), and via repetitive observation of the same connection – from the presentification (Gegenwärtigen) of this connection in the temporal-practical work – one arrives at the presentation (Präsentation) (to himself) of essence, or the "outward look" (Aussehen, *εἶδος*) [20. P. 51–52]. Crucially, the temporal aspect remains in the presentation of *εἶδος*.

Knowledge of *εἶδος* provides one with the knowledge of a constant causal connection: *because this happens...*, *therefore also this happens*. But this knowledge presupposes the temporal practical circumspection of things, that is, the referential system of the ready-to-hand analysed in *Being and Time*. Hence, the general ever refers to the particular, while the particular ever refers to the general: they move in the "Aristotelian-Anaximandran" circle of Being and beings described above. Heidegger is emphatic that the Greek thinkers who made the distinction between the general (*καθόλον*) and the particular (*ἐκαστον*) also took for granted their unity.

While the theoretically graspable principle (Being) is one, it contains a power, or possibility, of a multitude of practices, and it preserves itself as constant, or theoretical, only by spreading-through in the practices which presuppose it [21. P. 129–130]. Heidegger's philosophy is not "anti-Platonic" or "anti-Aristotelian" in that it throws itself away from the "dead" causal force into an "unreflected" living force. On the contrary, Heidegger's achieved aim is a sort of *Aufhebung* of this distinction. The grasp of the constant Presence of (ever-self-concealing) Being may be opposed to the disowned temporality of the now-time but not to the own, "authentic", temporality. Being is one with the "authentically" conceived time which is given origin to and gathered by Being.

In *Being and Time*, the temporal interrelatedness which is “abstracted” into a constant causal connection is said to be pre-predicative [15. P. 359]. It is non-thematic also in Aristotle's writings and is generally presupposed by all Greek thought. Furthermore, by the same token, it must be presupposed also by modern subjectist thought which is but a variant of the Greek one. This is how the general law is united this a particular individual.

Here, the importance of Kant's transcendentalism cannot be exaggerated. The insight of the unity of categories and the sensible form of time was the presupposition of thematising the temporal interrelatedness which underlies the conceptual grasp of Being. Thanks to Kant, Heidegger is able to revive the primordial structure of the ancient Greek thought; first of all, by demonstrating in *Being and Time* that the proposition which refers to the objective, or general, is inseparable from the circumspect using of things and working. Situative deliberation is essential to the transcendental schema of „if/when..., then...“, from which representation of constant object arises. But this, again, is only possible because of keeping in view the whole of *Zeug*, because of being in a referential and temporal “context” [15. P. 359]. Just like Kant's productive imagination sublates the distinction of the particular and the general, so a Heideggerian ontological revelation of a being is only possible as an irreducible unity of it with Being.

A concluding remark

We have sketched how the politico-philosophical problem of the relation between the general and the particular has an ontological counterpart as the key issue in Heidegger's thought. Heidegger's thinking of Being is to be seen as a novel kind of the sublation of the two opposites – Being, or the General, and beings, or the particular. Being, as ever-self-concealing, provides the individual with freedom because the former does not transform itself into a dead generality, or any being-like entity at all, while the free individual provides Being with its appearance by allowing Being to be “forgotten”.

References

1. Heidegger, M. (1969) *Identity and Difference*. New York, Evanston, London: Harper and Row Publishers.
2. Sadler, T. (1996) *Heidegger and Aristotle. A Question of Being*. London; Atlantic Highlands, NJ: Athlone.
3. Heidegger, M. (1979a) *Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914–1970*. Bd. 9. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann.
4. Agamben, G. (2016) *The Use of Bodies. Homo Sacer. IV, 2*. Translated by A. Kotsko. Stanford, California: Stanford University Press.
5. Heidegger, M. (1997) *Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976*. Bd. 6.2. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann
6. Greer, M.R. (1999) Individuality and the Economic Order in Hegel's Philosophy of Right. *Journal of the History of Economic Thought*. 6(4). pp. 552–580.
7. Heidegger, M. (1995) *Aristotle's Metaphysics [theta]1 – 3, On the Essence and Actuality of Force*. Translated by W. Brogan, P. Warnek. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.
8. Heidegger, M. (1990) *Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1923–1944*. Bd. 33. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann.
9. Heidegger, M. (1993) *Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1919–1944*. Bd. 22. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann.
10. Stasiulis, N. (2016) On the Unity of Theory and Practice in Heidegger's Thought. *Filosofija. Sociologija*. 27(3). pp. 249–256.
11. Jokubaitis, A. (2019) Politikos mokslo romantizmas. *Problemos*. 96. pp. 61–70.

12. Heidegger, M. (1984) *Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1923–1944*. Bd. 41. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann.
13. Heidegger, M. (2000) *Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976*. Bd. 7. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann.
14. Heidegger, M. (1977) *Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914–1970*. Bd. 5. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann.
15. Heidegger, M. (2006) *Sein und Zeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
16. Heidegger, M. (1979b) *Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1917–1970*. Bd. 9. Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann.
17. Heidegger, M. (1984) *Early Greek Thinking*. Translated by D.F. Krell, F.A. Capuzzi. San Francisco: Harper.
18. Stasiulis, N. (2018) Concerning Translation of Heidegger’ “Being and Time”. *Logos*. 96. pp. 118–129.
19. Aristotle. (1989) *Aristotle in 23 vols*. Vols.17, 18. Translated by H. Tredennick. Cambridge, MA: Harvard University Press.
20. Heidegger, M. (2003) *Plato’s Sophist*. Translated by R. Rojcewicz; A. Schuwer. Indiana University Press.
21. Stasiulis, N. (2020) The Meaning of Rationality in Heidegger’s Philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 56. DOI: 10.17223/1998863X/56/13

Nerijus Stasiulis, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania).

E-mail: nerijus.stasiulis@vilniustech.lt

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 80–86.

DOI: 10.17223/1998863X/61/9

THE ONTOLOGICO-POLITICAL ASPECT OF HEIDEGGER’S THOUGHT

Keywords: causality; individual; Heidegger; ontology; political philosophy

The article provides the ontological context for a possible Heideggerian solution of a politico-philosophical problem. This problem is rooted in the context of the history of Being, namely, at the end of the history of metaphysics which allows and demands transforming its ground. At the end of the history of metaphysics, Being has revealed itself as Subject. Both the ontological issue and the politico-philosophical issue share the same problematic structure, that of *Gestell* as well as of the relation between the general and the particular. The general is the cause and the particular is the effect. Hence, this issue is the ontological issue of causality. The article demonstrates that how the Heideggerian thought of Being dwells on the issue of cause, and how the introduction of the ontological difference, and interdependence, of being and Being can shed light on the political aspect of thought. First, the article indicates that both Subject and Dasein are variants of the fundamental self-revelation of Being as *ὑποκείμενον*. The metaphysico-historical conclusion of the latter is Subject, or *Gestell*, but its Heideggerian transformation is Dasein. The time of *Gestell* is characterised by a strict, yet reciprocally supportive, opposition between the one (the general) and the many (the particular) whereas Dasein is characterised by the ontological circle and unity between the one and the many, based on an original interpretation of ancient Greek thought. Second, the article demonstrates that Subject, or Being as Subject, is the causal principle which governs the modern time. Everything has to do with the causal principle. Thus, the transformation of the fundamental structure of our time has to do with the transformation of this causal principle, that is, of transforming subject into self-concealing Being. Third, the article shows that the analysis of causality is rooted in the description of the ready-to-hand in *Being and Time*, which is subsequently reintegrated in the reinterpretation of pre-Socratic thought (here, of the thought of Anaximander), that is, in the course of transforming the ground of Western thought into self-concealing Being. It freshly reveals the structure of ontological difference as that of the relation between the one and the many, or the general and the particular, where the general is no more conceived as a being but as Being. Finally, the very ontological unity of the one and the many is shown to be embedded in causality itself. This unity, as exhibited already in *Being and Time*, with the help of the principles exposed by Aristotle and Kant, is equiprimordial, or ontologically synonymous, with the ontological relation between Being and time.

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/61/10

И.В. Берестов

АНАЛИЗ КРИТИКИ ПЛАТОНОМ И АРИСТОТЕЛЕМ ПАРМЕНИДОВСКОГО ЕДИНСТВА СУЩЕГО

Проанализированы критика парменидовского положения «сущее есть единое» у Платона (Soph. 244c8–9) и две версии критики Аристотеля (Phys. A, 3). С помощью технических средств современной логики выявлено структурное сходство критики Платона с одной версией критики Аристотеля и показано, что трактовка парменидовского сущего как ментального объекта успешно блокирует все версии критики.

Ключевые слова: нумерический монизм, предикационный монизм, монизм Парменида, ментальные объекты, абстрактные объекты

В настоящей статье мы намерены проанализировать критику Платоном и Аристотелем положения Парменида «сущее есть единое» (это положение является интерпретацией 28 В 8.6; 8.23 – 25 DK¹), которое, в свою очередь, можно было бы истолковать как *Тезис о Единстве сущего* (ТЕ) «имеется одно и только одно сущее». Мы намерены показать, что интерпретация парменидовского «сущего» (τὸ ἓν) как реального объекта² делает ТЕ уязвимым для критики Платона и Аристотеля, тогда как его интерпретация как ментального объекта – или *Внутреннего Объекта Мышления* (ВОМ)³ – блокирует эту критику ТЕ.

Рассмотрим рассуждение Платона из Soph. 244c8–9⁴:

«ΞΕ. Τό τε δύο ὀνόματα ὁμολογεῖν εἶναι μὴδὲν θέμενον πλὴν ἓν καταγέλαιστον που»

«Чужеземец. Соглашаться на два имени [„сущее“ и „единое“], когда полагается, что не существует ничего, кроме одного, пожалуй, смешно».

Если представить это короткое высказывание в виде аргумента, то Платон здесь выводит противоречие из двух следующих положений:

(P1₁) Для любых x и y , если x и y – парменидовские сущие, то x тождественно y –

$(\forall x)(\forall y)[(Ox \ \& \ Oy) \rightarrow x=y]$.

В (P1₁) и ниже выражения вида « Ox » или « $O(x)$ » следует читать « x является [парменидовским, или подлинным] сущим» – или « x является парменидовским объектом», чтобы избежать дискуссии о том, является ли существование предикатом. (P1₁) является опровергаемым положением в доказательстве *a contrario*.

¹ Ссылки на сохранившиеся фрагменты поэмы Парменида даются по [1].

² Эта точка зрения отстаивается в [2. Р. 122].

³ Эта точка зрения защищается в [3. Р. 288]. Мы также отстаивали эту точку зрения ранее, см. [4]. Эта трактовка основывается на 28 В 2.5–7; 3; 6.1–2; 8.16–18; 8.34 DK.

⁴ Ссылки на диалоги Платона даются по [5].

(P2₁) *Парменидовские сущие* $\ulcorner O \urcorner$ и $\ulcorner B \urcorner$ (общее имя «сущее» и общее имя «одно» в предложении «сущее есть одно») не тождественны друг другу – $O(\ulcorner O \urcorner) \& O(\ulcorner B \urcorner) \& S(\ulcorner (\forall x)[O(x) \rightarrow B(x)] \urcorner) \& \ulcorner O \urcorner \neq \ulcorner B \urcorner$, где

$$B(x) =_{\text{def.}} (\forall y)\{O(y) \rightarrow y=x\}.$$

В (P2₁) выражение « $O(\ulcorner O \urcorner)$ » читается как «предикат „сущее“ является сущим», « $O(\ulcorner B \urcorner)$ » – как «предикат „одно“ является сущим», « $(\forall x)[O(x) \rightarrow B(x)]$ » – как «сущее есть одно» (т.е. «любое нечто, если оно является сущим, то оно является одним-единственным сущим»), « $S(\ulcorner B(a) \urcorner)$ » – как «высказано предложение „ $(\forall x)[O(x) \rightarrow B(x)]$ “», т.е. «высказано предложение „сущее есть одно“».

Положение (P2₁) является собственным положением Платона, которое он, вероятно, полагает очевидным и считает, что Парменид должен признавать его, поскольку Парменид, с точки зрения Платона, высказывал в своей поэме входящее в него предложение «сущее есть одно», которое трактуется Платоном как «не существует ничего, кроме одного-единственного сущего».

Поскольку (P1₁) & (P2₁) влечет противоречие, Платон заключает, что парменидовское допущение о единстве сущего (P1₁) следует отбросить, *Q.E.D.*

Есть ли у Парменида возможность противостоять этому платоновскому опровержению? На наш взгляд, платоновское опровержение основывается на трактовке парменидовского «сущего» как реального объекта, но она перестает быть действенной, если придерживаться трактовки «сущего» как ментального объекта. В соответствии с нашей интерпретацией релевантных строк поэмы Парменида, «сущим», которому приписывается единство или единственность, является именно ментальный объект, точнее – абстрактный внутренний объект акта мышления, каковой объект мы полагаем *кодирующим*¹ характеристики, приписываемые ему в этом акте мышления². Поэтому написанные или произнесенные слова (в том числе «имена»), являющиеся не мыслящимися, а чувственно воспринимаемыми объектами, не могут в нашей интерпретации быть парменидовским «сущим». Но парменидовским «сущим» могут быть выражаемые именами «единое» и «сущее» понятия (как приписываемые в мышлении свойства или отношения), так что анализ аргумента Платона стоит продолжать именно для понятий, выражаемых через термины «единое» и «сущее».

В соответствии с нашей трактовкой «сущего» в поэме Парменида, парменидовское требование единства и единственности сущего (P1₁) может быть переписано в виде:

(P1₂) *Для любых* x, y, z , *если* x *и* y *– внутренние объекты одного и того же акта мышления* z , *то* x *и* y *экземплифицируют отношение тождества:* $x=y$ –

$$(\forall x)(\forall y)(\forall z)[\{I_m(x, z) \& I_m(y, z)\} \rightarrow x=y].$$

В (P1₂) и ниже выражение « $I_m(x, z)$ » читается как « x является абстрактным интенциональным внутренним (ментальным) объектом интенционального акта мышления z » или «акт мышления z направлен на свой абстрактный

¹ В смысле подхода Э. Залты к абстрактным объектам, в котором разводятся два способа предикации, а именно *экземплификация* и *кодирование*. См., например, [6].

² Наша трактовка «сущего» у Парменида как абстрактного ВОМ была подробно изложена в [4].

интенциональный внутренний (ментальный) объект x ». Предикат I_m есть, таким образом, двухместный предикат такой, что $I_m(x, z) =_{\text{def.}} I_o(x) \ \& \ I_i(z) \ \& \ I(x, z)$, где « $I_o(x)$ » читается как « x является абстрактным интенциональным внутренним объектом», « $I_i(z)$ » читается как « z является интенциональным актом мышления», « $I(x, z)$ » читается как « z направлен на x ».

Платоновское же требование различия понятий, выражаемых именами «сущее» и «единое» (P2₁) может быть переписано в виде:

(P2₂) Для абстрактных внутренних объектов O и B одного и того же акта мышления a , таких, что O есть понятие, выражаемое именем «сущее», и B есть понятие, выражаемое именем «единое» при мышлении ментального содержания предложения «сущее есть одно», O и B кодируют отношение различия: $\neq(O, B)$ –

$I_m(O, a) \ \& \ I_{oa}(B, a) \ \& \ T_a\{(\forall x)(xO \rightarrow xB)\} \ \& \ \neq(O, B)$, где

$B(x) =_{\text{def.}} (\forall y)\{O(y) \rightarrow y=x\}$.

В (P2₂) и ниже выражения с эпистемическим оператором мышления T вида « $T_a p$ » (где p – некоторое предложение) читаются как «посредством акта мышления a мыслится, что p » (что p здесь – пропозиция, выраженная предложением p).

Видно, что (P1₂) и (P2₂) не влекут противоречия, возникающего при использовании только одного способа предикации, т.е. в случае признания (P1₁) и (P2₁). Таким образом, наша интерпретация Парменида устойчива к рассматриваемой критике Платона.

Таким же способом – через разведение экземплификации и кодирования – может быть преодолена критика Аристотелем положения Парменида в редакции из *Phys.* A, 3, 186a5¹ «[все] сущее есть [абсолютно] единое/одно/единственное ($\tau\acute{\alpha} \ \acute{\omicron}\nu\tau\alpha \ \acute{\epsilon}\nu \ \acute{\epsilon}\iota\nu\alpha\iota$)²». Однако способ выражения Аристотеля допускает несколько трактовок, поэтому имеет смысл остановиться на них подробно.

Помимо первого положения « $\tau\acute{\alpha} \ \acute{\omicron}\nu\tau\alpha \ \acute{\epsilon}\nu \ \acute{\epsilon}\iota\nu\alpha\iota$ », являющегося у Аристотеля опровергаемым в доказательстве *a contrario* положением, Аристотель принимает следующее допущение, которое, как можно предположить, содержится в следующем его рассуждении – см. *Phys.* A, 3, 186b10–11:

« $\tau\acute{o} \ \acute{\alpha}\rho\alpha \ \acute{\omicron}\pi\epsilon\rho \ \acute{\omicron}\nu \ \omicron\upsilon\kappa \ \acute{\omicron}\nu \ \acute{\alpha}\lambda\eta\theta\acute{\epsilon}\varsigma \ \gamma\grave{\alpha}\rho \ \acute{\epsilon}\iota\pi\epsilon\iota\nu \ \acute{\omicron}\tau\iota \ \lambda\epsilon\upsilon\kappa\acute{o}\nu, \ \tau\omicron\upsilon\tau\omicron \ \delta\acute{\epsilon} \ \omicron\upsilon\kappa \ \acute{\omicron}\nu \ \acute{\epsilon}\sigma\acute{\eta}\mu\alpha\iota\nu\epsilon\nu$ ».

«Следовательно, сущее [о котором говорится в обсуждаемом здесь предложении „сущее есть одно“] не есть сущее; ведь истинно говорить, что [сущее есть] белое, но [то, что мы обозначали через „белое“] не есть то, что мы обозначали через „сущее“».

Это рассуждение можно истолковать как вывод из первого положения « $\tau\acute{\alpha} \ \acute{\omicron}\nu\tau\alpha \ \acute{\epsilon}\nu \ \acute{\epsilon}\iota\nu\alpha\iota$ », понимаемого как «если x есть сущее, то x есть единое», второго положения «если x есть единое, то все его свойства тождественны друг другу», подразумеваемого третьего положения « a есть сущее» и четвертого положения «свойство ‘единое’ отлично от свойства ‘сущее’» заключения « a не есть сущее». Второе положение является собственным положением Аристотеля, которое он, вероятно, полагал очевидным и считал, что Парме-

¹ «Физика» Аристотеля цитируется по [7].

² «Сущее» здесь стоит во множественном числе, так что можно переводить и как «[все] сущие суть одно».

нид должен признавать его, поскольку оно просто раскрывает смысл того, что означает «быть единым». Это положение соответствует трактовке парменидовского «единства сущего» в духе «предикационного монизма», отстаиваемого П. Кёрд [8. Р. 66–72]. Очевидно, что основные положения – первое и второе. Запишем это рассуждение более подробно:

(A1₁) Для любого x , если x является парменидовским сущим, то все свойства x (сколько бы их ни было и какими бы они ни были) тождественны друг другу –

$$(\forall x)[Ox \rightarrow (\forall P)(\forall Q)\{Px \ \& \ Qx \rightarrow P(\hat{x}) = Q(\hat{x})\}].$$

В (A1₁) и ниже используются обозначения из *Principia Mathematica* А.Н. Уайтхеда и Б. Рассела вида « $P(\hat{x})$ », « $Q(\hat{x})$ », « $S(\hat{x})$ », « $P^*(\hat{x})$ », « $V(\hat{x})$ ».

Эти выражения являются одноместными предикатами, значениями которых являются пропозициональные функции от одной переменной. Выражения в скобках обозначают «местность» и вместе со скобками могут быть опущены: $P(\hat{x}) = P\hat{x} = P$, и т.д.

(A2₁) Для любого x , если свойства x тождественны друг другу, то x не имеет никаких свойств, отличных от тождественности всех его свойств друг другу –

$$(\forall x)(\forall P)(\forall Q)[\{Px \ \& \ Qx \rightarrow P(\hat{x}) = Q(\hat{x})\} \rightarrow \neg(\exists S)\{Sx \ \& \ S(\hat{x}) \neq P^*(\hat{x})\}],$$

где одноместный предикат P^* есть абстрактный предикат, выражающий свойство ‘не иметь никаких свойств, отличных от тождественности всех своих свойств друг другу’, который задается следующим образом:

$$P^*x =_{\text{def.}} (\forall V)(Vx \rightarrow V(\hat{x}) = P^*(\hat{x})).$$

Положение (A2₁) кажется раскрывающим смысл свойства ‘тождественность друг другу всех свойств’ и претендует на аналитическую истинность.

(A3₁) o является парменидовским сущим –

Oo .

(A4₁) Свойство ‘являться парменидовским сущим’ отлично от свойства ‘не иметь никаких свойств, отличных от тождественности всех своих свойств друг другу’ –

$$O(\hat{x}) \neq P^*(\hat{x}).$$

Из (A3₁) & (A1₁) & (A2₁) следует: o не имеет никаких свойств, отличных от тождественности всех его свойств друг другу – $\neg(\exists S)(So \ \& \ S \neq P^*)$. Из последнего положения и (A4₁) следует: o не является парменидовским сущим – $\neg Oo$. Таким образом, мы получили противоречие: o является парменидовским сущим & o не является парменидовским сущим – $Oo \ \& \ \neg Oo$. Аристотель трактует это противоречие как основание для отбрасывания положения «τὰ ὄντα ἐν εἶναι», т.е. для отбрасывания (A1₁).

С учетом нашей трактовки «сущего» у Парменида как абстрактного ВОМ и «расщепления» предикации на экзemplификацию и кодирование, положение (A1₁) может быть переписано в следующем виде:

(A1₂) Для любых x и z , если x экзemplифицирует бытие внутренним объектом акта мышления z , то x экзemplифицирует тождественность друг другу всех кодифицируемых им свойств –

$$(\forall x)(\forall z)[I_m(x, z) \rightarrow (\forall P)(\forall Q)\{xP \ \& \ xQ \rightarrow P(\hat{x}) = Q(\hat{x})\}].$$

Посылку (A2₁) тоже следует скорректировать, чтобы учесть признаваемое нами различие экзemplификации и кодирования. Однако записать «с хо-

ду» такой вариант (A2₁) довольно трудно. Как кажется, имеется несколько возможных альтернативных способов переписать положение (A2₁):

(A2₂) Для любого x , если все свойства, экземплифицируемые x , экземплифицируют тождественность друг другу, то x не экземплифицирует никаких свойств, отличных от тождественности друг другу всех экземплифицируемых им свойств –

$$(\forall x)(\forall P)(\forall Q)[\{Px \ \& \ Qx \rightarrow P(\hat{x})=Q(\hat{x})\} \rightarrow \neg(\exists S)\{Sx \ \& \ S(\hat{x}) \neq P^*(\hat{x})\}],$$

$$P^*x =_{\text{def.}} (\forall V)(Vx \rightarrow V(\hat{x}) = P^*(\hat{x})).$$

Положение (A2₂) кажется раскрывающим смысл свойства ‘тождественность друг другу всех экземплифицируемых свойств’ и претендует на аналитическую истинность.

(A2₂’) Для любого x , если все свойства, кодируемые x , экземплифицируют тождественность друг другу, то x не экземплифицирует никаких свойств, отличных от тождественности друг другу всех кодируемых им свойств –

$$(\forall x)(\forall P)(\forall Q)[\{xP \ \& \ xQ \rightarrow (\hat{x})P=(\hat{x})Q\} \rightarrow \neg(\exists S)\{Sx \ \& \ S(\hat{x}) \neq P^*(\hat{x})\}],$$

$$P^*x =_{\text{def.}} (\forall V)((x)V \rightarrow (\hat{x})V = (\hat{x})P^*).$$

Положение (A2₂’) не кажется столь убедительным, как (A2₂).

(A2₂’’) Для любого x , если все свойства, кодируемые x , экземплифицируют тождественность друг другу, то никакие свойства, кодируемые x , не экземплифицируют различия –

$$(\forall x)(\forall P)(\forall Q)[\{xP \ \& \ xQ \rightarrow (\hat{x})P = (\hat{x})Q\} \rightarrow \neg(\exists S)(\exists F)\{xS \ \& \ xF \ S(\hat{x}) \neq F(\hat{x})\}].$$

Положение (A2₂’’), как и (A2₂), кажется претендующим на аналитическую истинность – как раскрывающее смысл свойства ‘тождественность друг другу всех кодируемых свойств’, или как утверждение «если вещи во всех парах, составленных из всех объектов из множества B , тождественны друг другу, то ни в одной из этих пар вещи не различны друг с другом».

Оставшиеся положения (A3₁) и (A4₁), учитывая различие экземплификации и кодирования, могут быть переписаны в следующем виде:

(A3₂) o экземплифицирует бытие абстрактным интенциональным внутренним объектом акта мышления a –

$$I_m(o, a).$$

(A4₂) Свойство ‘являться абстрактным интенциональным внутренним объектом’ I_o и свойство P^* экземплифицируют различие друг с другом –

$$I_o(\hat{x}) \neq P^*(\hat{x}).$$

Из (A3₂) получаем $I_m(o, a)$, из чего – по приведенному выше определению $I_m(x, z)$, – следует $I_o(a)$. Но из (A1₂) & (A2₂) & (A3₂) & (A4₂) противоречия не следует. Чтобы противоречие возникло, вместо (A2₂) нужно использовать (A2₂’).

В (A2₂’) требуется, чтобы экземплифицирование объектом тождественности друг другу всех кодируемых им свойств имплицировало невозможность для этого объекта экземплифицировать другие свойства. Основания для этого привести трудно. Кажется очевидным, что если мы хотим выразить один из аспектов «абсолютного единства» абстрактного объекта, кодирующего свои свойства, а именно единство кодируемых им свойств, то для этого достаточно указать, что он кодирует одно и только одно свойство (или, может быть, не более одного свойства) или что все кодируемые им свойства неразличимы друг с другом или тождественны друг другу. Но на основании этого соображения невозможно получить (A2₂’).

Пояснить неприемлемость $(A2_2')$ можно, если сформулировать его в виде положения:

(P_A^*) Для любого x , если x обладает свойством P_A^* , $P_A^* \in A$, то x не обладает никаким свойством из A , отличным от P_A^* .

В (P_A^*) множество A трактуется как множество свойств, экзemplицируемых объектом a . Пусть множество B , не пересекающееся с множеством A , есть множество свойств, кодируемых объектом a . Свойство P_A^* в этом случае можно трактовать как ‘не иметь различных свойств из B ’ или как ‘иметь все свойства из B тождественными друг другу’ или как ‘иметь все кодируемые свойства тождественными друг другу’. По (P_A^*) , если a экзemplицирует свойство P_A^* , то неверно, что a экзemplицирует бытие парменидовским сущим (индекс « A » указывает, что свойство или отношение принадлежит множеству A): $P_A^* \neq O_A \rightarrow (P_A^* \rightarrow \neg O_A)$. Но $\neg O_A$ неприемлемо, поскольку при изложении тезиса Парменида «τὰ ὄντα ἐν εἴῃσι» нельзя не принять O_A . Кроме того, по (P_A^*) , признающий $P_A^* \neq O_A$ & P_A^* вынужден и признавать $\neg O_A$, и отрицать P_A^* , такое, что $P_A^* \stackrel{\text{def}}{=} \neg O_A$, и бесконечное количество других характеристик a , получаемых из $\neg O_A$, $P_A^* \neq O_A \rightarrow (P_A^* \rightarrow \neg O_A)$ с использованием тавтологий пропозициональной логики. Это кажется неприемлемым, поэтому (P_A^*) и $(A2_2')$ принимать не следует.

Заметим, что неприемлемость $(A2_2)$ может быть показана аналогично – если B трактовать как A , и P_A^* – как ‘иметь все кодируемые свойства тождественными друг другу’. Хотя это и излишне, поскольку из $(A1_2)$ & $(A2_2)$ & $(A3_2)$ & $(A4_2)$ противоречия не следует. При трактовке A как множества свойств, предципируемых (без разведения экзemplификации и кодирования) объекту a , B как A и P_A^* – как ‘иметь все предципируемые свойства тождественными друг другу’, мы получаем обоснование неприемлемости исходного положения $(A2_1)$. Таким образом, мы получили трактовку вывода противоречия из $(A1_1)$ & $(A2_1)$ & $(A3_1)$ & $(A4_1)$ в исходном рассуждении Аристотеля как доказательство *a contrario* неприемлемости $(A2_1)$ – а не неприемлемости $(A1_1)$, как трактовал получившееся противоречие сам Аристотель.

Впрочем, с трактовкой пропозициональной функции P^* в $(A2_1)$, $(A2_2)$ и $(A2_2')$ имеется и еще одна трудность. Рассмотрим еще раз тот способ, которым задается функция P^* в $(A2_1)$, $(A2_2)$ – для способа из $(A2_2')$ рассуждение аналогично:

$$P^*x \stackrel{\text{def}}{=} (\forall V)(Vx \rightarrow V(\hat{x})=P^*(\hat{x})).$$

В терминологии А. Н. Уайтхеда и Б. Рассела функция P^* не является предикативной относительно x , поскольку P^* в левой части определения относится ко второму порядку, а в правой части – к первому. Иначе говоря, функция P^* определяется через саму себя – через множество всех функций, среди которых находится сама функция P^* , поскольку явно не прописан запрет включать в область пробега переменной V функцию P^* . Такая ситуация запрещается А. Н. Уайтхедом и Б. Расселом в *Principia Mathematica* [9. С. 58; 10. С. 40–52] ради блокировки известных парадоксов, таких как Парадокс Рассела, Парадокс Лжеца, Парадокс Греллинга. Подход из *Principia Mathematica* может показаться излишне радикальным – на чем настаивают сторонники *Теорий нефундированных множеств*, однако нельзя не отметить, что использование в формализации аргумента Аристотеля против Парменида указанного определения P^* приводит к значительным трудностям, требует

анализа весьма трудных дискуссионных вопросов. Поэтому формализаций аристотелевского аргумента, приводящих к таким трудностям, желательно избегать.

У нас остался последний нерассмотренный вариант трактовки (A_{21}) – в виде (A_{22}''). Видно, что к (A_{22}'') невозможно предъявить те претензии, которые были предъявлены к (A_{22}) и (A_{22}'). Более того, (A_{22}'') производит впечатление тождественно истинного положения, указывающего на общепринятые характеристики отношений «тождества» и «различия». Но приписывание Пармениду (A_{22}'') не поможет Аристотелю опровергнуть Парменида, поскольку из (A_{12}) & (A_{22}'') & (A_{32}) & (A_{42}) противоречия не следует. Таким образом, наша трактовка сущего у Парменида как абстрактного внутреннего объекта мышления, и трактовка положения «сущее есть единое» в виде (A_{12}) блокирует критику Аристотеля.

Осуществленный анализ критики Аристотелем положения Парменида «сущее есть единое» показывает, что наша трактовка «сущего» у Парменида хотя и успешно нейтрализует критику Аристотеля, делает это с привлечением довольно сложных положений, длинных рассуждений и грозит вовлечением в дискуссии о допустимости непредикативных функций, а также множеств, принадлежащих самим себе. Но мы можем представить критику Аристотелем указанного положения Парменида и способ блокировать эту критику в более простом виде.

Критику Аристотелем Парменида представим как выведение противоречие из следующих двух положений (A_{13}) и (A_{23}), где (A_{13}) = (P_{11}):

(A_{23}) *Парменидовские сущие а и В (В есть свойство 'быть одним'), такие, что а находится среди сущих, о которых утверждается «сущее есть одно», не тождественны друг другу –*

$O(a) \& O(B) \& (\forall x)[O(x) \rightarrow B(x)] \& a \neq B$, где

$B(x) =_{\text{def.}} (\forall y)\{O(y) \rightarrow y = x\}$.

Положение (A_{13}) можно считать одним из следствий положения «τὰ ὄντα ἓν εἶναι» – если его трактовать как «сущее есть одно», т.е. как утверждение, что в мире имеется не более одного сущего вне зависимости от типов, к которым мы могли бы отнести сущие. Это положение утверждает «нумерическое единство» (или «единство по числу») сущего, что является одной из известнейших среди историков философии интерпретаций тезиса Парменида о единстве сущего из 28 В 8.5; 8.22–25 DK¹.

Положение (A_{23}) является собственным положением Аристотеля, которое он, вероятно, полагает очевидным и считает, что Парменид должен признавать его, поскольку считает истинным входящее в него положение «τὰ ὄντα ἓν εἶναι», т.е. «сущее есть одно» или $(\forall x)[O(x) \rightarrow B(x)]$ в нашей записи. Аристотель здесь мог бы рассуждать так. Признавая положение «τὰ ὄντα ἓν εἶναι», Парменид считает его осмысленным. Но условием его осмысленности для Аристотеля является различие значений сказуемого и того, о чем оно сказывается.

Признание Аристотелем положения (A_{23}), на наш взгляд, видно из следующей цитаты из *Phys. A*, 3, 186a28–29:

¹ Эту точку зрения, именуемую «нумерическим монизмом», отстаивают М. Фёрт, Г. Оуэн и многие другие. Анализ и критику различных современных трактовок парменидовского «монизма» см. в [11].

«ἄλλο γὰρ ἔσται τὸ εἶναι λευκῷ καὶ τῷ δεδεγμένῳ»

«Ибо иным будет бытие белым и [бытие] тем, что принимает [белое]»¹.

В общем виде сформулировать это второе положение Аристотеля можно в следующем виде:

Пропозициональная функция отлична от любого своего аргумента.

Видно, что (A₂₃) структурно схоже с (P₂₁). Как и (P₁₁) & (P₂₁), (A₁₃) & (A₂₃) влечет противоречие, что для Аристотеля является основанием для отбрасывания (A₁₃), а значит, и «τὰ ὄντα ἐν εἶναι».

Однако если отказаться от трактовки «сущего» у Парменида как реального объекта и трактовать его как ВОМ, то выраженные в (A₁₃) и (A₂₃) принцип абсолютного единства сущего и принцип различия подлежащего и сказуемого можно представить иначе – в виде (A₁₄) и (A₂₄), где (A₁₄) = (P₁₂):

(A₂₄) *Абстрактные внутренние объекты а и В (В есть свойство ‘быть одним’) одного и того же акта мышления А, такие, что а находится среди сущих, о которых посредством А мыслится пропозиция, выражаемая предложением «сущее есть одно», кодируют отношение различия: ≠ (а, В) –*

$I_{oa}(a, A) \& I_{oa}(B, A) \& T_A\{(\forall x)(xO \rightarrow xB)\} \& \neq (a, B)$, где

$B(x) =_{\text{def}} (\forall y)\{O(y) \rightarrow y = x\}$.

В (A₂₄) и ниже выражения с эпистемическим оператором мышления Т вида «Т_μр» (где р – некоторое предложение) читаются как «посредством акта мышления μ мыслится, что р» (что р здесь – пропозиция, выраженная предложением р).

Видно, что (A₁₄) и (A₂₄) не влекут противоречия, возникающего при использовании только одного способа предикации, т.е. в случае признания (A₁₃) и (A₂₃). Положение (A₂₄) следует из признания того, что при мышлении содержания предложения посредством акта мышления А, значения подлежащего и сказуемого как ментальные объекты должны быть не *просто* различны, а различны *именно для А*, что, как мы условились, в формальной записи означает, что они должны кодировать (а не экзemplифицировать) различие. Таким образом, наша интерпретация Парменида устойчива к критике Аристотеля. Также легко заметить, что аргумент Аристотеля в трактовке, использующей (A₁₃) и (A₂₃), структурно совпадает с аргументом Платона в трактовке, использующей (P₁₁) и (P₂₁), причем (A₁₃) = (P₁₁). И способы блокирования этих аргументов посредством корректировки положений (P₁₁) & (P₂₁) и (A₁₃) & (A₂₃) и их замены на положения (P₁₂) & (P₂₂) и (A₁₄) & (A₂₄) – где (A₁₄) = (P₁₂), – соответственно, также структурно совпадают друг с другом.

Заметим, что без использования современных технических средств вряд ли было бы возможно оценить логическую состоятельность опровержений Платона и Аристотеля, выбрать наиболее приемлемый способ изложения этих опровержений, указать на неэффективность этих опровержений при трактовке парменидовского «сущего» как ментального объекта. Таким образом, проделанный в настоящей статье анализ показывает, во-первых, плодотворность использования современных технических средств для интерпретации античных философских текстов и, во-вторых, указывает на преимущества нашей трактовки «сущего» у Парменида как ментального объекта.

¹ См. также *Phys. A*, 3, 186a31; *De interp.*, 11, 21a7–10; 21a15–17.

Литература

1. *Die Fragmente der Vorsokratiker* / Diels H., Kranz W., Hrsg. (=DK). Griechisch und Deutsch H. Diels. Herausgegeben von W. Kranz. Bd I–II. Die sechste Auflage. Hildesheim: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1951–1952.
2. Furth M. Elements of Eleatic Ontology // *Journal of the History of Philosophy*. 1968. Vol. 6. P. 111–132.
3. Barrington J. Parmenides' "The way of Truth" // *Journal of the History of Philosophy*. 1973. Vol. 11. P. 287–298.
4. Берестов И.В. «Единство сущего» у Парменида как неразличимость конститuent нозмы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 240–253.
5. Plato. *Platonis opera* / ed. J. Burnet. Vol. I–IV. Oxford: Clarendon Press, 1901–1902.
6. Linsky B., Zalta E.N. Naturalized Platonism versus Platonized Naturalism // *The Journal of Philosophy*. 1995. Vol. 92, № 10. P. 525–555.
7. Aristotle. *Physics* // *Aristotle's Physics. A Revised Text with Introduction and Commentary* / W.D. Ross, ed. Oxford: Clarendon Press, 1936. xii, 750 p.
8. Curd P. *The Legacy of Parmenides: Eleatic Monism and Later Presocratic Thought*. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2004. xxxix, 280 p.
9. Уәйтмәхәд А.Н., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. / под ред. Г.П. Ярового, Ю.Н. Радаева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005–2006. Т. 1. (Впервые опубли. на англ. яз. в 1910–1913).
10. Суровцев В.А. Ф.П. Рамсей и программа логицизма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 258 с.
11. Sisko J.E., Weiss Y. A Fourth Alternative in Interpreting Parmenides // *Phronesis*. 2015. Vol. 60, № 1. P. 40–59.

Igor V. Berestov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: berestoviv@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 87–96.

DOI: 10.17223/1998863X/61/10

ANALYSIS OF PLATO'S AND ARISTOTLE'S CRITICISM OF PARMENIDES' UNITY OF WHAT-IS

Keywords: numerical monism; predication monism; Parmenides' monism; mental objects; abstract objects

In this article, I analyze one version of the criticism of Parmenides' thesis "what-is is one" in Plato (*Soph.* 244c8–9) and two versions of criticism of this thesis in Aristotle (*Phys.* A, 3). Plato bases his refutation on the assumption that Parmenides, who pronounced his thesis, must agree with the presence of two different entities – the name "what-is" and the name "one", but it contradicts his thesis. The first version of Aristotle's criticism asserts that in Parmenides' thesis "one" as a property is different from "what-is" as a property, *ergo etc.* The second version of Aristotle's criticism asserts that in Parmenides' thesis "what-is" as a property is different from what it is inhered in, *ergo etc.* I have shown that all three versions of criticism are effective against Parmenides' thesis in the case of the interpretation of "what-is" in it as a real object. I have also shown that in the case of the interpretation of "what-is" Parmenides' thesis as a mental object, which is an internal object of the act of thinking, none of the versions refutes this thesis. In justifying my conclusions, I have used the notation for propositional attitudes reports with epistemic operators. Also, I have interpreted an internal object of thinking as an abstract object that *encodes* the characteristics, which are attributing to it in the act of thinking, but at the same time this abstract object is also capable of *exemplifying* some characteristics. I have used the exemplification-encoding distinction from E. Zalta's theory of abstract objects. In rewriting the three versions of Parmenides' refutation for the case of mental objects, I have replaced "names" and "what a property is inherent in" with abstract mental objects, and "properties" with characteristics encoded by abstract objects, whose characteristics are also mental objects. I have shown that the formalization of the first version of Aristotle's criticism could contain non-predicative functions in the sense of *Principia Mathematica*. I have revealed the structural similarity of Plato's refutation with the second version of Aristotle's refutation. The same can be said about the blocking of these refutations that I have considered.

References

1. Diels, H. & Kranz, W. (eds) (1951–1952) *Die Fragmente der Vorsokratiker*. Bd I–II. Die sechste Auflage. Hildesheim: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung.
2. Furth, M. (1968) Elements of Eleatic Ontology. *Journal of the History of Philosophy*. 6. pp. 111–132.
3. Barrington, J. (1973) Parmenides' "The way of Truth". *Journal of the History of Philosophy*. 11. pp. 287–298.
4. Berestov, I.V. (2015) Unity of being" in Parmenides as indistinguishability noema's constituents. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(32). pp. 240–253. (In Russian).
5. Plato. (1901–1902) *Platonis opera*. Translated from Greek by J. Burnet. Vol. I–IV. Oxford: Clarendon Press.
6. Linsky, B. & Zalta, E.N. (1995) Naturalized Platonism versus Platonized Naturalism. *The Journal of Philosophy*. 92(10). pp. 525–555. DOI: 10.2307/2940786
7. Aristotle. (1936) *Physics. A Revised Text with Introduction and Commentary*. Oxford: Clarendon Press.
8. Curd, P. (2004) *The Legacy of Parmenides: Eleatic Monism and Later Presocratic Thought*. Las Vegas: Parmenides Publishing.
9. Whitehead, A.N. & Russell, B. (2005–2006) *Osnovaniya matematiki: v 3 t.* [Foundations of Mathematics: in 3 volumes]. Translated from English. Samara: Samara State University.
10. Surovtsev, V.A. (2012) *F.P. Ramsey i programma logitsizma* [F.P. Ramsay and the program of logicism]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Sisko, J.E. & Weiss, Y.A. (2015) Fourth Alternative in Interpreting Parmenides. *Phronesis*. 60(1). pp. 40–59. DOI: 10.1163/15685284-12341278

УДК 1(091):111

DOI: 10.17223/1998863X/61/11

Л.Ю. Корнилаев

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА ЭМИЛЯ ЛАСКА

Философско-правовые идеи Э. Ласка занимают видное место в контексте философско-правовых дискуссий рубежа XIX – начала XX в., заключающихся в противостоянии правового позитивизма и неокантианства. Реконструкция и анализ философии права неокантианского философа позволяют существенно уточнить и дополнить современные представления о состоянии и развитии философско-правовой мысли в Германии в начале XX в.

Ключевые слова: философия права, Эмиль Ласк, логика философии, неокантианство, Баденская школа

Введение

Философско-правовые вопросы занимали особое место в исследованиях немецких университетских философов рубежа XIX–XX вв. Главным образом это было связано с возникновением науки о праве как самостоятельной дисциплины в XIX в. Основу философско-правовых дискуссий составляли вопросы методологии новой науки о праве, проблема соотношения эмпирической и философской составляющих в этой науке, вычленение, прояснение и конституирование в ней специфики философского содержания.

В XIX в. под влиянием позитивной философии О. Конта складывается так называемая позитивная наука о праве – правовой позитивизм, видными представителями которого были Джон Остин (аналитический правовой позитивизм) и Карл Бергбом (континентальный правовой позитивизм). Правовой позитивизм стал преемником исторической школы права¹. В правовом позитивизме сформировались два противоположно направленных течения: практическое (или практико-ориентированное) и теоретико-познавательное (или нормативное). Характерной особенностью практического подхода к праву является отождествление права с действующим законодательством. При таком подходе задачи науки о праве ограничиваются изучением позитивного, т.е. действующего в данный момент, права. Методология эмпирических наук переносится на науку о праве: эмпирический правовой материал необходимо систематизировать так же, как в естественных науках.

Неокантианская философия права возникла как ответ на развитие практико-ориентированного правового позитивизма. Неокантианство противопоставило практическому подходу гносеологическую критику правового опыта, одной из вершин развития которой стала нормативистская школа правового позитивизма и работы ее основоположника Г. Кельзена². Триумф этой кон-

¹ Основатели исторической школы – Г. Гуго и Ф.К. Савиньи. С точки зрения исторической школы право является достоянием народа, живущего на определенной территории, и оно складывается исторически на определенной территории.

² Г. Кельзен стремился построить «Чистое учение о праве» (1934), что требовало устранения лишних моментов из теории позитивного права, а именно проблем социального и морального характера.

цепции был, однако, подготовлен работами неокантианских философов Р. Штаммлера [1], Г. Еллинека [2], В. Виндельбанда [3], Г. Риккерта [4], Э. Ласка и других марбуржцев и баденцев, посвятивших свои исследования философии права. Немецкая неокантианская традиция сильно повлияла на становление русской неокантианской философско-правовой традиции¹.

В своем исследовании я предпринимаю реконструкцию философско-правового учения, изложенного в докторской (габилитационной) диссертации неокантианского философа Э. Ласка «Философия права» (1905)². Я попытаюсь определить место данной диссертации в философско-правовых дискуссиях рубежа веков как внутри неокантианства, так и за его пределами. Это позволит уточнить неокантианскую точку зрения в философии права, а также дополнить общую картину философско-правовых исследований того периода. Несмотря на то, что сочинение относится к ранним работам философа, оно обращает на себя внимание исследователей по сей день, о чем свидетельствуют регулярно появляющиеся за рубежом работы, например А. Болькена [15], А. Бушмана [16], Т.С. Ферраза [17], Ш. Нахтсхайма [18], Й. Зигерса [19], Ф. Ваплер [20] и др. В 2012 г. появился перевод «Философия права» на русский язык³ [21].

Социальный тип ценности

Главная тема «Философии права» Ласка – отношение философии ценностей к позитивному праву. Ласк ставит вопрос о научной ценности философии права, сравнивает методологию философской науки о праве и методологию эмпирической науки о праве, а также противопоставляет свое критическое ценностное учение о праве эмпирической науке о праве (историческая школа и практико-ориентированный правовой позитивизм), с одной стороны, и метафизике права (теория естественного права) – с другой.

Ласк согласен с тем, что успех эмпирических наук создал впечатление, что философско-методологический эмпиризм может быть единовластным методологическим учением в правовой науке [14. S. 278]. Вполне оправданы попытки правовых позитивистов по созданию «общей теории права» (например, Бергбома). Общая теория права призвана объединить право с иными культурными факторами (мораль, нравственность, экономика и др.) и выделить общие правовые черты и характеристики разных народов и времен. По мнению Ласка, тенденция на поиск абсолютных значений права верна, однако появляется риск, что философия права может стать «собранием блуждающих общих правовых понятий и учений о праве» [14. S. 279]. Высшие понятия «общей теории права» ошибочно выводятся через анализ эмпирического многообразия правовых проявлений, в то время как нужно привязать право к

¹ Подробнее об учениях Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, Н.Н. Алексеева, С.И. Гессена, В.А. Савальского см., например, работы Е.А. Фроловой [5], М.Ю. Загирняка [6–8], М.В. Воробьева [9–11], В.Н. Белова [12].

² Габилитационная работа «Философия права» – результат увлечения Ласка «позитивным правом» во время его учебы в Берлине в 1901–1902 гг. Диссертация написана в Гейдельберге под руководством В. Виндельбанда и впервые опубликована в 1905 г. в сборнике, посвященном Куно Фишеру [13]. Этот сборник переиздавался в 1907 г. Во втором издании «Философии права» имеются изменения и дополнения. В посмертном собрании сочинений (Gesamtausgabe) Ласка опубликовано второе издание [14]. В статье я буду ссылаться на оба издания.

³ Перевод выполнен по первому изданию работы Ласка 1905 г.

абсолютным (внеэмпирическим) ценностям, которые не выводятся путем обобщения эмпирического материала, но относительно которых можно доказать, что они существуют вечно и вневременно.

С осторожностью Ласк предлагает относиться и к историзму, из которого вырос правовой позитивизм. С точки зрения неокантианского философа, нельзя путать ценностную и историческую индивидуальность. При наличии параллелизма структур и аналогии между ними их ни в коем случае нельзя отождествлять. «Тот, кто смешивает друг с другом индивидуальность ценности и историческую фактичность, тот не замечает, что их разделяет пропасть между смыслом и бытием» [13. S. 11]. Историческая фактичность – это не принцип явления абсолютной ценности, а лишь место ее проявления.

Ласк отделяет свое учение и от теории естественного права. Теория естественного права долгое время была преобладающим философско-правовым учением в рамках трансцендентальной философии. Внутри трансцендентально-философских правовых учений можно выделить две тенденции: метафизическую (полностью умозрительную) и критическую (в кантовском смысле, т.е. занимающуюся границами и методами познания права). Теория естественного права, несомненно, так или иначе, влияла на все правовые учения: и на метафизику естественного права, и на критическую философию права. Главное отличие критической философии права, которой придерживается Ласк, от метафизической теории естественного права – это фокус на сохранении и утверждении различия ценности и действительности. Метафизика естественного права представляется всегда как платонизируемая теория двух миров, где происходит гипостазирование абсолютных идей – наделение абстракций самостоятельным существованием. «В отличие от каждой платонизируемой теории двух миров, для критического учения о ценности эмпирическая действительность значима в качестве единственного вида реальности, но в то же время – и как место действия или субстрата надэмпирических ценностей, общепринятых значений» [13. S. 2–3]¹. Критическое учение о ценности предполагает такую юридическую теорию, согласно которой существует лишь один мир и только один вид права: эмпирическая действительность права.

Ласку наиболее близка позиция Риккерта, которая связана с поиском и идентификацией объективных значений культуры. Науки о культуре не должны заниматься поиском абсолютной значимости, анализируя значения культуры, а должны анализировать проявления значений культуры в эмпирической и временной фактичности. Ласк стремится доказать необходимость срединной ступени между двумя крайностями. Он считает несостоятельными и теорию естественного права, как чрезмерно метафизическую, и практико-ориентированный правовой позитивизм, как недостаточный для полноценного построения науки о праве. Имеющийся дуализм философского и эмпирического метода возникает из-за проведения границы между ценностью и эмпирическим субстратом ценности. С точки зрения Ласка, да и всего баденского неокантианства, философия права должна стать эмпирическим научно-правовым исследованием действительности права, в котором должна быть сглажена или совсем стерта эта граница.

¹ Этот аргумент будет повторяться Ласком и в зрелой философии, где он будет отграничивать свой проект логики философии от теорий двух миров, ошибочно гипостазировавший ценности к абсолютным идеям.

Философия права, как считает Ласк, – это учение о типе ценности [14. S. 281]. Ценность может выступать как индивидуальность, являясь уникальным содержанием действительности, или как общее для отдельных элементов действительности. Касательно правовой сферы противопоставление этих типов ценности самым ярким образом заметно в различии между кантовским индивидуализмом и философско-правовым гегельянством. У Канта ценность относится к отдельной личности, хотя она и имеет сверхиндивидуальную значимость, при этом исключается образование взаимосвязи между отдельными точками ценностей в регионе абсолютных ценностей. Гегель, напротив, по мнению Ласка, провозглашает возможность трансперсональных ценностей, а этический индивидуализм характеризует как общественно-философский атомизм, т.е. противопоставляет индивидуальному типу ценностей социальный.

Философия права как учение о типе ценности входит в состав систематической науки о ценности. Тип отнесения к ценности выступает абсолютной целью всякого права, «правом права». В обращении к типу отнесения к ценности Ласк видит компромисс между двумя крайними философско-правовыми точками зрения: кантианской и гегельянской. По мнению Ласка, необходимо выделение специального «социального» типа ценности или типа отнесения к ценности. Этот тип отнесения к ценности связан с кантовской трактовкой человечества. «„Человечество“¹, – пишет Ласк, – означает у Канта не конкретную общность людей, но их абстрактную ценность. Высоко ценить всех ближних не потому, что они являются членами человеческого сообщества, но потому что они его представители, – вот чего требует от нас кантианская этика» [14. S. 294]. Однако гегелевская философия права уже содержит идею личности как высшей цели права в составе общего. С точки зрения Ласка, между кантианским и гегельянским видами оценки существует не только совместимость, но и взаимная потребность в дополнении.

Таким образом, задача философии права – интегрировать взгляды на абсолютное значение права. Шаг в этом направлении – это определение философии права как учения о типе ценности. Выделение специального «социального» типа ценности, по мнению Ласка, способно вернуть необходимую сложность и полноту философской трактовки права, утерянную вследствие некорректных обобщений других правовых школ.

Структура донаучного правового образования понятий

Проявление права как особого типа ценности мы наблюдаем в эмпирической действительности. Ласк считает, что методология эмпирической науки о праве входит в состав философии науки, а не философии права, но эта методология говорит о ценностном типе науки, а не права. Необходимо выработать методологию, которая будет характеризовать право как особый тип ценности. Ласк пытается показать, что эта методология, а именно «логика науки о праве», является, во-первых, частью философии права, во-вторых, наиболее разрабатываемой частью философии права.

Методология науки о праве должна быть согласована с коперниканским переворотом Канта, согласно которому только категории создают условия

¹ Понятие «человечности» у Канта было подробно проанализировано в докладе В.А. Чалого на XII Кантовских чтениях [22. С. 105–106].

для любого проявления действительности. Только благодаря категориям возможно образование понятий. Законы природы – результат естественно научного образования понятий, исторические и культурные феномены – результат культурологического образования понятий. Однако, считает вслед за Риккертом Ласк, научному образованию понятий необходимо предшествовать донанучный этап. Организуя научно материал, нельзя не заметить, что он уже каким-то образом сформирован. «Отграничение друг от друга типовых значений культуры, таких как экономика, право, язык и т.д., производится не только посредством науки» [14. S. 308–309]. Но преднаучное образование понятий обладает важным недостатком: в нем нет четкости и научной строгости. Науче приходится дорабатывать и понятийно оформлять материал. Таким образом, между ценностью и действительностью присутствует «мир полуфабрикатов» (*Halbfabrikate*) [14. S. 309], отсылающих к значениям культуры. Материал наук о культуре – это комплекс донанучно оформленного материала и данной действительности. В результате такой методологической установки мы получаем выход на саму действительность, а не на науку о действительности.

Методология наук о праве занимается преобразованием уже подготовленного до науки материала в правовые понятия. Ласк утверждает, что особых разногласий по поводу отношения правового понятийного мира и донанучного субстрата нет. Но есть разногласия касательно научной и системной формы юриспруденции. Юриспруденция производит все сама для себя – свой собственный понятийный мир. И этого достаточно, чтобы справляться с практической задачей. Этот понятийный мир юриспруденции и требует методологического прояснения. Методологии придется всегда иметь в виду, что юриспруденция действует успешно в практической сфере. И нужно всегда соотносить логическое в праве и практическую работу права в жизни. Таким образом, Ласк разводит «логику права», или юридический формализм, и практическую эмпирическую науку о праве [14. S. 306–307].

Ласк видит будущее в юридическом формализме, но одновременно понимает, что эта теория требует серьезной доработки. Логике права предстоит методологически проанализировать, есть ли «общая часть» в науке о праве как единой целостности, и бороться с заблуждением, что через увеличение степени и масштаба построений можно перевести эмпирические исследования в философию. Логика права – это не рассмотрение права с метапозиции, с позиции «над», но это исключительно работа над методологией науки о праве.

Заключение

Диссертацию Ласка можно рассматривать как одну из ярких попыток преодоления противостояния философско-правовых учений в духе кантианства и гегельянства. Методологическая установка Ласка предполагала отказ от крайностей в трактовке ценности права, а именно – отказ и от кантовского понимания «социальной» ценности как конечной цели в завершении индивидуальной этической личности, и от гегелевского понимания «социальной» ценности как особого вида ценности, производной от индивидуального. Философия права Ласка отражает в полной мере общенекантианскую тенденцию адаптации философских наук к развивающимся эмпирическим

наукам. Наука о праве сквозь призму философии ценностей баденского неокантианства служит ответом на развивающиеся практико-ориентированные правовые теории позитивистского толка.

Утверждение необходимости донаучного этапа познания станет одной из ключевых идей зрелой философии Ласка. Так, в «Логике философии и учении о категориях» Ласк построит систему, в основе которой будет лежать учение о едином предмете как результате взаимодействия двух элементов – формы и материала. Ласк будет доказывать, что действительность, с которой мы имеем дело в нашем познании, уже изначально оформлена. Таким образом, «Философию права» можно рассматривать, с одной стороны, как этап становления зрелой философии Ласка, в качестве «малой логики», с другой стороны, как самостоятельную методологическую работу ярко выраженной неокантианской направленности.

Литература

1. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения / пер. с нем. В.А. Краснокутского. М. : Типография И.Д. Сытина, 1908. 144 с.
2. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 752 с.
3. Виндельбанд В. Нормы и законы природы // Прелюдии / пер. с нем. и вступ. ст. С. Франка. М. : Кучково поле, 2011. С. 211–240.
4. Риккерт Г. Философия истории. СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1908. 169 с.
5. Фролова Е.А. Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века). М. : Проспект, 2019. 462 с.
6. Загирняк М.Ю. Аксиологические аспекты философии права Г.Д. Гурвича // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 54–62.
7. Загирняк М.Ю. Два понятия общества в философии Н.Н. Алексеева // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 74–81.
8. Загирняк М.Ю. Солидарность как инструмент институционализации свободы в философии С.И. Гессена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 47. С. 121–128.
9. Воробьев М.В. Проблема правосознания на раннем этапе развития личности в философии педагогики русских неокантианцев // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 2. С. 46–57.
10. Воробьев М.В. Проект «государства будущего» Б.А. Кистяковского как синтез идей либерализма и социализма // Кантовский сборник. 2015. № 4 (54). С. 82–91.
11. Воробьев М.В. Философско-правовое содержание концепции личности С.И. Гессена // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, № 2. С. 73–86.
12. Белов В.Н. Неокантианство П.И. Новгородцева: к полемике Новгородцева и Савальского // LEX RUSSICA (Русский закон). 2019. № 2 (147). С. 151–162.
13. Lask E. Rechtsphilosophie // Die Philosophie im Beginn des 20. Jahrhunderts. Festschrift für Kuno Fischer. Hg. von W. Windelband. Heidelberg : C. Winter, 1905. S. 1–50.
14. Lask E. Rechtsphilosophie // Lask E. Gesammelte Schriften. Hg. von E. Herrigel. Bd. 1. Tübingen : Mohr Siebeck, 1923. S. 275–331.
15. Bohlken E. Personale und transpersonale Sittlichkeit. Der Wertbegriff des Recht in der Rechtsphilosophie Emil Lasks und Heinrich Rickerts // Neukantianismus und Rechtsphilosophie. Baden-B : Nomos, 2002. S. 283–299.
16. Buschmann A. Rechtswerte und Rechtswissenschaft. Zur Rechtsphilosophie von Emil Lask (1875–1915). Tübingen : Mohr Siebeck, 2003. S. 587–612.
17. Ferraz T.S. Die Zweidimensionalität des Rechts als Voraussetzung für den Methodendualismus von Emil Lask. Meisenheim am Glan : A. Hain, 1970. 180 s.
18. Nachtsheim S. Zwischen Naturrecht und Historismus // Neukantianismus und Rechtsphilosophie, Baden-Baden : Nomos, 2002. S. 301–318.
19. Siegers J. Das Recht bei Emil Lask. Untersuchungen zur Rechtstheorie des Neukantianismus. Bonn : H. Bouvier, 1964. 168 S.
20. Wapler F. Werte und das Recht. Individualistische und kollektivistische Deutungen des Wertbegriffs im Neukantianismus. Baden-Baden : Nomos, 2008. 282 S.

21. Ласк Э. Философия права / пер. с нем. И.Я. Мацевич, М.Я. Мацевич // Топос. 2012. № 3. С. 79–117.

22. Дмитриева Н.А., Зильбер А.С., Чалый В.А., Киселев А.С., Бонадысева П.Р. Этика Канта в контексте Просвещения. Обзор XII Кантовских чтений (Калининград, 21–25 апреля 2019 г.) // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 4. С. 101–118.

Leonid Yu. Kornilaev, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation).

E-mail: LKornilaev@kantiana.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 97–104.

DOI: 10.17223/1998863X/61/11

EMIL LASK'S PHILOSOPHY OF RIGHT

Keywords: philosophy of right; Emil Lask; logic of philosophy; Neo-Kantianism; Southwest School of Neo-Kantianism

Doctrines of the philosophy of right took a special place in philosophers' investigations in German universities at the turn of the 20th century. This was mainly due to the formation of the science of right as an independent discipline in the 19th century. The basis of discussions in the sphere of the philosophy of right was the questions of the methodology of the new science of right, the correlation of the empirical and philosophical science of right. The ideas of the Neo-Kantian philosopher Emil Lask take a prominent place in the context of discussions about right in the late 19th and early 20th centuries, in particular, in opposition to practice-oriented legal positivism and Neo-Kantianism. In my investigation I try to reconstruct Lask's doctrine of right set out in his dissertation *Philosophy of Right* (1905), in which Lask seeks to overcome the extremes philosophies of right in the spirit of Kantianism and Hegelianism. This opportunity is given by an understanding of the philosophy of right as a doctrine of the type of attribution to value, as well as the formulation of a special understanding of the "social" type of attribution to value, combining and individualizing Kant's ethics and Hegel's social teachings. A necessary condition for the methodology of the new doctrine of right is, according to Lask, the approval of the pre-scientific stage of knowledge. The material of cultural sciences, in particular, of right, is a unity of the material of reality and the material that appeared as a result of the pre-scientific formation of concepts. The methodology developed by Lask provided for the formation of a "logic of right" as a special value perspective for researching right. The science of right is the result of an epistemological analysis of legal experience. Through the perspective of the philosophy of values of Baden Neo-Kantianism, it serves as a response to the metaphysical doctrines of right and the developing practice-oriented legal theories of the positivist sense in the second half of the 19th century. The "Philosophy of Right" is an organic stage in the formation of a mature philosophical project of Lask – the logic of philosophy.

References

1. Stammler, R. (1908) *Sushchnost' i zadachi prava i pravovedeniya* [The essence and tasks of law and jurisprudence]. Translated from German by V.A. Krasnokutsky. Moscow: I.D. Sytin.
2. Jellinek, G. (2004) *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General Doctrine of the State]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
3. Windelband, V. (2011) *Prelyudii* [Preludes]. Translated from German by S. Frank. Moscow: Kuchkovo pole. pp. 211–240.
4. Rickert, G. (1908) *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. Translated from French. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
5. Frolova, E.A. (2019) *Filosofiya prava v Rossii: neokantianstvo (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX veka)* [Philosophy of Law in Russia: Neo-Kantianism (second half of the 19th – first half of the 20th century)]. Moscow: Prospekt.
6. Zagirnyak, M.Yu. (2016) Aksiologicheskie aspekty filosofii prava G.D. Gurvicha [Axiological aspects of G.D. Gurvich's philosophy of law]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 54–62.
7. Zagirnyak, M.Yu. (2017) Dva ponyatiya obshchestva v filosofii N.N. Alekseeva [Two concepts of society in N.N. Alekseev's philosophy]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 74–81.
8. Zagirnyak, M.Yu. (2019) Solidarity as an instrument of the institutionalization of freedom in Sergius Hessen's philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya*.

Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 47. pp. 121–128. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/47/13

9. Vorobiev, M.V. (2018) Legal Consciousness at the Early Stage of Personality Development from the Perspective of Russian Neo-Kantian Philosophy of Pedagogy. *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 37(2). pp. 46–57. (In Russian). DOI: 10.5922/0207-6918-2018-2-3

10. Vorobiev, M.V. (2015) Bogdan Kistiakovsky's Project of "State of the Future" as Synthesis of the Ideas of Liberalism and Socialism. *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 4(54). pp. 82–91. (In Russian). DOI: 10.5922/0207-6918-2015-4-7

11. Vorobiev, M.V. (2017) The philosophical and legal content of Sergey Hessen's concept of personality. *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 36(2). pp. 73–86. (In Russian). DOI: 10.5922/0207-6918-2017-2-6

12. Belov, V.N. (2019) P.I. Novgorodtsev's Neo-Kantianism: Novgorodtsev and Savalskiy Debate. *Lex Russica*. 2(147). pp. 151–162. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.151-162

13. Lask, E. (1905) Rechtsphilosophie. In: Windelband, W. (ed.) *Die Philosophie im Beginn des 20. Jahrhunderts. Festschrift für Kuno Fischer*. Heidelberg: C. Winter. pp. 1–50.

14. Lask, E. (1923) *Gesammelte Schriften*. Bd. 1. Tübingen: Mohr Siebeck. pp. 275–331.

15. Bohlken, E. (2002) Personale und transpersonale Sittlichkeit. Der Wertbegriff des Recht in der Rechtsphilosophie Emil Lasks und Heinrich Rickerts. In: Alexy, R., Meyer, L.H., Paulson, S.L. & Sprenger, G. (eds) *Neukantianismus und Rechtsphilosophie*. Baden-B: Nomos. pp. 283–299.

16. Buschmann, A. (2003) *Rechtswerte und Rechtswissenschaft. Zur Rechtsphilosophie von Emil Lask (1875–1915)*. Tübingen: Mohr Siebeck. pp. 587–612.

17. Ferraz, T.S. (1970) *Die Zweidimensionalität des Rechts als Voraussetzung für den Methodendualismus von Emil Lask*. Meisenheim am Glan: A. Hain.

18. Nachtsheim, S. (2002) Zwischen Naturrecht und Historismus. In: Alexy, R., Meyer, L.H., Paulson, S.L. & Sprenger, G. (eds) *Neukantianismus und Rechtsphilosophie*. Baden-B: Nomos. pp. 301–318.

19. Siegers, J. (1964) *Das Recht bei Emil Lask. Untersuchungen zur Rechtstheorie des Neukantianismus*. Bonn: H. Bouvier.

20. Wapler, F. (2008) *Werte und das Recht. Individualistische und kollektivistische Deutungen des Wertbegriffs im Neukantianismus*. Baden-Baden: Nomos.

21. Lask, E. (2012) *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*. Translated from German by I.Ya. Matsevich, M.Ya. Matsevich. *Topos*. 3. pp. 79–117.

22. Dmitrieva, N.A., Zilber, A.S., Chalyy, V.A., Kiselev, A.S. & Bonadyseva, P.R. (2019) Kant's Ethics in the Context of the Enlightenment. Report of the 12th Kant Readings Conference (Kalinigrad, 21–25 April 2019). *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 38(4). pp. 101–118. (In Russian). DOI: 10.5922/0207-6918-2019-4-5

УДК 165.3

DOI: 10.17223/1998863X/61/12

А.А. Мёдова

ГУССЕРЛЬ И ФРЕГЕ: ТРАЕКТОРИИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Анализируются предпосылки возникновения и причины развитости сравнительных исследований наследия Фреге и Гуссерля. В этом контексте рассматриваются роль рецензии Фреге на книгу Гуссерля «Философия арифметики» и ее следствия в виде современных обсуждений проблемы психологизма в теории познания, оценки влияния идей Фреге на становления феноменологии, выявления «точки размежевания» феноменологии и аналитической философии.

Ключевые слова: психологизм, понятие, идеальные единства, феноменология, аналитическая философия

История компаративистских исследований наследия Г. Фреге (1848–1925) и Э. Гуссерля (1859–1938) столь насыщена событиями, что вполне может выступать самостоятельным объектом изучения. Каждая из основных траекторий, по которым движется сравнение концепций двух великих мыслителей, оттолкнулась от определенных событий и привела к определенным историко-философским следствиям. В качестве таковых траекторий можно выделить три линии исследований: 1) сравнение ранних логико-математических концепций Гуссерля и Фреге; 2) сравнение их теорий смысла (Sinn) и значения (Bedeutung); 3) сравнение идей Гуссерля и Фреге в контексте становления и размежевания феноменологии и аналитической философии. Мы намерены акцентировать событийные и концептуальные предпосылки сравнительного «гуссерле-фрегеведения», оттолкнувшись от ключевого исторического прецедента. Речь идет о рецензии Г. Фреге на работу Гуссерля *Философия арифметики* (Frege, G., 1894. Rezension von: E. Husserl, Philosophie der Arithmetik I. Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, vol. 103). Нашей целью является показать исторический контекст взаимной критики двух выдающихся мыслителей, ее концептуальные основания, а также те далеко идущие следствия, которые имела критическая рецензия Фреге для развития философской мысли.

Отправной пункт: рецензия Г. Фреге на книгу Э. Гуссерля *Философия арифметики*

Фреге и Гуссерль были не только современниками и соотечественниками, они принадлежали к одному научному кругу, критиковали одни и те же теории, в частности, оба критически отзывались о *Vorlesungen über die Algebra der Logik* Эрнста Шрёдера. Они рассматривали одни и те же научные проблемы и оба написали работы под названием *Logische Untersuchungen*, с той лишь разницей, что Гуссерль сделал это в ранний период творчества [1], а Фреге – в поздний [2, 3].

Много общего можно найти также в эволюции взглядов мыслителей. Оба ученых начинали как математики. Диссертация Фреге была посвящена геометрическому представлению воображаемых объектов на плоскости (*Über eine geometrische Darstellung der imaginären Gebilde in der Ebene*, 1873). Он защитил ее в Гёттингене, городе, где Гуссерль в 1901 г. займет место профессора и обретет первых последователей своего учения.

В 1883 г. Гуссерль также защищает в Венском университете диссертацию *Beiträge zur Variationsrechnung*, а в 1891 г. публикует свою первую большую работу *Philosophie der Arithmetik*. В этом исследовании он критически ссылается на работу Фреге *Die Grundlagen der Arithmetik: eine logisch-mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl* (1884). Фреге определяет число понятийно: «...выражение „ n есть число“ равнозначно выражению „существует понятие такое, что n есть соответствующее ему число“» [4. С. 48]. Согласно Фреге, мы не в состоянии обладать представлением или созерцанием числа как такового. Оно может быть дано только через анализ смысла предложений, в которые входят числительные. Например, единицу Фреге определяет следующим образом: «Понятию F соответствует число 1, если при любом a , предложение, что a не подпадает под F , не имеет всеобщего значения, и если из предложений „ a подпадает под F^x и „ b подпадает под F^x “ всегда следует, что a и b суть одно и то же» [4. С. 41]. Такого рода формально-логический анализ требует задать общий критерий равенства чисел. После того, как будет найдено средство схватывать определенное число и отождествлять его как одно и то же, ему можно будет придать числительное в качестве собственного имени. Искомый критерий равенства Фреге формулирует следующим образом: «Выражение „Понятие F равночисленно понятию G “ равнозначно выражению „Существует отношение ϕ , которое взаимнооднозначно соотносит предметы, подпадающие под понятие F , с предметами, подпадающими под понятие G “» [4. С. 43, 48]. Таким образом, понятие числа объяснено «само через себя». Число предстает как свойство понятия, что избавляет его от связи с психологическими представлениями о множестве некоторых предметов. Операции с числами приобретают прочный логический фундамент.

Гуссерль не разделяет позицию Фреге. Он полагает, что термины «множественность» и «единство» основаны непосредственно на последних элементарных психических данных (*letzten, elementaren psychischen Daten*), поэтому они не определены формально-логическим образом. Для экспликации числового термина целесообразно выделить моменты во внутреннем или внешнем представлении, которые подразумеваются, или воспроизвести те психические процессы, которые необходимы для его формирования. Поэтому цель, которую поставил Фреге, Гуссерль называет химерической [5. S. 119–120]. В ответ Гуссерль получает едкую рецензию Фреге, содержащую знаменитое обвинение в психологизме [6]. Это произошло спустя три года после издания книги, в 1984 г. Фреге характеризует взгляд Гуссерля как попытку дать наивное представление о числе с научным обоснованием (наивно для Фреге любое утверждение о числе, если оно не является утверждением о понятии или расширении понятия). Гуссерль мыслит сущность числа в самом примитивном духе, выводя его из представлений о множестве каких угодно предметов, предварительно «отмыв» эти предметы от разнообразия свойств [7. Р. 8].

Примечательно в этом контексте то, что для Фреге тоже существовали элементарные, логически не разложимые и не определяемые явления. К ним относились концепты «предмет», «функция», «понятие». В 1892 г. в статье *Über Begriff und Gegenstand* он писал: «Ведь нельзя же требовать, чтобы все поддавалось дефиниции, как нельзя требовать от химика, чтобы он подвергал все вещества химическому разложению. То, что является простым, не может быть разложено, и то, что является логически простым, не может быть определено – для него нельзя дать дефиницию в собственном смысле... Дефиниция, имеющая целью ввести название для того, что является логически простым, невозможна» [8. S. 193, цит. в пер. Б. Бирюкова. 9. С. 253]. Отсюда можно сделать двоякий вывод. Либо логическая простота, по Фреге, распространяется «глубже», чем это имеет место у Гуссерля (не на понятие числа, а на сам концепт «понятие»), либо эти неразложимые и неопределимые элементы имеют иное происхождение, предположим, не психологическое, как у Гуссерля, а трансцендентальное.

Исторический контекст критики Г. Фреге в адрес Э. Гуссерля

Уличения в психологизме не были чем-то уникальным для научной жизни конца XIX столетия. Так, Коген отрицал психологизм в пользу объективной теории познания, а Наторп отстаивал превосходство объективного типа обоснования наук над субъективным [10]. Сам Гуссерль также дает подробную критику психологизма. Как правило, она безадресна, хотя в главах V и VI первого тома *Логических исследований* (1900) Гуссерль критикует положения Х. фон Зигварта, А.Ф. Ланге, К. Кромана, Г. Гейманса и других ученых, пытающихся дать психологическую интерпретацию законам логики. В частности, Гуссерль отмечает, что Дж.Ст. Милль, интерпретируя закон непротиворечия, подменяет несовместимость истинности предложений реальной несовместимостью соответствующих актов суждения [11. S. 91]. Отсюда становится ясно, что психологизм для Гуссерля – это отождествление ментальных актов с их логическим содержанием.

Не указывает ли Гуссерль здесь ровно на то же, в чем обвинял его Фреге? Как отмечает Х. Рюн, для Фреге была ошибочной сама идея определения множества в терминах своеобразного ментального акта. Сингулярности не могут быть преобразованы в множества посредством психического акта, и все же остаться при этом неизменными; множества следует рассматривать как реально существующие идеальные объекты [12. P. 67]. Однако в этом вопросе мыслители солидарны: для Гуссерля число, множество и другие понятия, как и любые значения вообще, тоже являлись объективными идеальными единствами (*idealen Einhalten*). Всякий раз, когда кто-то совершает высказывание «три высоты треугольника пересекаются в одной точке» в тождественном смысле, всякий раз заново имеет место акт суждения. «Акты суждения различны в зависимости от обстоятельств. Однако то, что эти акты высказывают в суждении, что означает высказывание – это всегда то же самое, это есть в строгом смысле слова тождественное, это одна и та же геометрическая истина» [13. S. 449–45; Цит. в пер. В. Молчанова. 14. С. 53].

Таким образом, есть все основания полагать, что Гуссерль солидарен с Фреге относительно объективной и идеальной природы понятий и логических истин. Он согласился бы с тем, что процесс суждения не создает мысль:

«Истинная мысль была таковой еще до того, как ее постигли и осмыслили» [2. С. 68. Цит. в пер. Б. Бирюкова. 9. С. 334]. Если Гуссерль и Фреге усматривают одинаковое онтологическое основание идей, тогда причина их взаимной критики коренится, вероятно, не в том, какова природа понятия числа, хотя именно этот пункт Фреге и критикует.

Вернемся к историческому контексту. Во многом благодаря Фреге, обвинения в «психологизме» сопровождали Гуссерля на протяжении всей его карьеры. Они были вызваны, среди прочего, его настойчивым различением акта суждения и содержания суждения. Оппонентов настораживал тот факт, что после «вычитания» содержания суждения Гуссерль надеется сохранить в качестве остатка психический акт [15. Р. 359–36]. Эта критика была столь интенсивна, что основатель феноменологии был вынужден публично ответить на нее в 1903 г. рецензии на книгу Мельхиора Паладьи *Der Streit der Psychologisten und Formalisten in der modernen Logik* [16].

Что же касается отношений Фреге и Гуссерля, они были достаточно плодотворными и выражались в обмене работами и переписке, включающей в себя четыре письма, написанных в период с 24.V.1891 по 9.XII.1906. Ранние письма посвящены вопросам референции, речь в них идет о различении позиций смысла и значения (*Sinn und Bedeutung*). Они послужили отправной точкой второй ветви сравнительных исследований наследия двух мэтров, открывшей перспективу изучения процессов сигнификации, теорий именования и значения, лингвистического и нелингвистического аспектов мышления.

Рецепция взаимной критики Э. Гуссерля и Г. Фреге

Исторический прецедент взаимной критики двух мэтров вызвал в первую очередь вопрос о ее правомерности. Мы солидарны здесь с мнением И. Микиртумова: эта критика столь же нерелевантна концепции Гуссерля, как и критические аргументы самого Гуссерля по отношению к теории Фреге. Причиной тому является различие подходов мыслителей. Гуссерля не интересует вопрос о поиске того или иного набора арифметических понятий и операций как полного основания действующей арифметики, и ему не кажется перспективной идея Фреге о превращении арифметики в логическую систему [17. С. 52, 49]. Гуссерль идет путем реконструкции познавательного процесса, для Фреге же математические операции представляют собой готовое явление, относительно которого требуется лишь адекватное применение анализа.

Но как бы то ни было, именно рецензия Фреге послужила импульсом для разнообразных исследований и дебатов. В частности, возникла популярная тема *психологизма и антипсихологизма* двух мыслителей, в разработку которой, начиная с 1970-х гг., вовлечены Д. Уиллард, Б. Смит, Р. Ханна, М. Даммит, М. Куш, Дж.Н. Моханти, С. Центроне и др. [18–23].

Эти исследования, безусловно, вызывают интерес, поскольку в историко-философском контексте Фреге и Гуссерль предстают скорее как союзники в борьбе с психологизмом, нежели как противники. Если антипсихологизм Фреге направлен против отождествления значений и математических объектов с субъективными идеями, то вряд ли можно назвать концепцию Гуссерля психологической. И Фреге, и Гуссерль в равной мере отвергали отождествление значений с образами, впечатлениями или какими-либо другими ментальными сущностями (натуралистический психологизм). Для обоих смыслы есть

объективные сущности, трансцендентные психическим переживаниям. Однако если антипсихологизм есть утверждение, что логика не может заниматься налично данным процессом мышления, то вся феноменология насквозь психологична в силу ее стремления работать с непосредственными данными сознательного опыта. В таком случае Гуссерля следовало обвинять не в натуралистическом, а в трансцендентальном психологизме, усматривающем основания чистых форм логики в априорной структуре разума, т.е. в сфере трансцендентальной психологии.

В целом исследования противостояния Фреге и Гуссерля по данному вопросу имели положительный эпистемологический эффект. Они вызвали новую волну интереса к проблеме психологизма в познании, активизировали попытки экспликации этого понятия в области философии и логики, стимулировали создание типологий научного психологизма. Другим положительным следствием сравнительных исследований, инициированных критикой Фреге в адрес *Philosophie der Arithmetik* Гуссерля, стала плодотворная традиция сопоставления их взглядов относительно более частных проблем логики и философии математики. Сравнению ранних логико-математических работ Гуссерля и Фреге уделили внимание Э. Пивечич, К. Орtiz Хилл, Г. Розадо Хаддок, Л. Хаапаранта, И. Микритумов, С. Центроне, П. Мирошниченко, Ю. Чернокутов, К. Бейер и др. Объектами сопоставления стали значения истинности [24], концепции эквивалентности, подстановочность тождественных терминов [25], функции собственных имен, употребление указательных (indexicals) и сингулярных терминов [26, 27], общий метод логического анализа [28, 29], интенциональная и экстенциональная составляющие семантического содержания [30], понятия множества и числа, отношения равенства и тождества [17, 31] и др.

Влияние критики Г. Фреге на судьбу феноменологии

Далеко идущим последствием критической рецензии Фреге на первую работу Гуссерля стала полемика о судьбах феноменологии. Среди исследователей возник вопрос о том, насколько определила эта рецензия облик феноменологического учения. Первой заметной работой по сравнительному «гуссерле-фрегеведению» стала книга Дагфина Фёллесдаля 1958 г. *Гуссерль и Фреге: вклад в становление феноменологической философии* [32]. Здесь Фёллесдаль поднимает вышеназванный вопрос, и его мнение таково: рецензия Фреге на *Philosophie der Arithmetik* сыграла решающую роль в переходе Гуссерля с позиций психологизма к разработке ключевых положений феноменологии. Однако Г. Э. Росадо Аддок (1973) [33] и затем Дж. Н. Моханти (1982) аргументировали, что уже в начале 1890-х гг. все основные феноменологические идеи были найдены. В частности, это касается теории смысла и значения. Еще в 1891 г. Гуссерль фиксировал различие значения имени (Bedeutung, Sinn), обозначаемого этим именем объекта (Gegenstand), в случае если этот объект существует, и представление (Vorstellung) данного объекта [4–6, 34]. Таким образом, и к этой фундаментальной концепции Фреге и Гуссерль пришли разными путями независимо друг от друга.

Дальнейшие дебаты разделили исследователей на тех, кто придерживается версии независимости становления феноменологического учения от влияния Фреге – к ним относятся Г.Э. Росадо Аддок, К. Ирена [35], Д. Зух [36] –

и тех, кто подобно Д. Фёллесдалю и В. Кюнне [37] усматривает определяющее влияние критики Фреге на последующую самокритику Гуссерля и становление его учения.

Вся интрига этой линии сравнительных исследований, на наш взгляд, заключается в том, что Фреге и Гуссерль стояли на одних позициях относительно понимания природы числа и абстрактных понятий в целом. Для них обоих мысль (смысл) есть нечто объективное, сообщаемое, универсальное, не зависящее от носителей. Оба ученых разрабатывали проблемы чистого мышления, выводящего свои категории из собственного внутреннего развития. Гуссерль и Фреге пытались преодолеть субъективизм научных исследований, стремясь полностью отделить категории логики от психологического содержания. В этой связи их обоих относят к предтечам так называемого лингвистического поворота в философии. Обращает на себя внимание и схожесть онтолого-гносеологических платформ Фреге и Гуссерля: Д. Уиллард характеризует их как выраженный онтологический дуализм, эпистемологический реализм, платонизм и антиэмпиризм [38. Р. 252]. И, тем не менее, есть все основания полагать, что взаимная критика Фреге и Гуссерля не носила внешний характер, она не была вызвана недопониманием или искажением идей оппонента. Более того, она, возможно, послужила отправной точкой размежевания двух наиболее влиятельных философских направлений современности – феноменологии и аналитической философии. Вокруг этой гипотезы сформировалось третья траектория сравнительных исследований наследия Фреге и Гуссерля.

Водораздел между феноменологией и аналитической философией

Благодаря полемике с Фреге, *Philosophie der Arithmetik* Гуссерля обратила на себя внимание последующих поколений ученых. Наряду с другими работами по основаниям математики рубежа XIX–XX вв. она стала рассматриваться как важнейший источник философии науки, философской логики и аналитической философии. Здесь начинается, на наш взгляд, самый увлекательный этап компаративистских исследований. Отправным пунктом этой траектории можно считать книгу М. Даммита *Origins of Analytical Philosophy*, опубликованную в 1993 г. [20]. Книга имела большой резонанс в философских кругах; после ее выхода закрепилась мысль, что сопоставление идей Фреге и Гуссерля проливает свет на суть двух главных направлений современной философии. Так, Фёллесдаль указывает на то, что полезно сравнивать и сопоставлять взгляды Гуссерля со взглядами Фреге, поскольку параллели между ним и Гуссерлем поразительны. Они помогают понять и оценить значение Гуссерля. В частности, он считает, что идеи Фреге о смысле и значении полезны для объяснения феноменологии Гуссерля и понимания его замысла, хотя и не утверждает, что Гуссерль перенял данные понятия у Фреге [39. Р. 68–69]. Последователь Фёллесдаля Р. Макинтайр прилагает усилия с целью обнаружить общее «ментальное пространство», в котором философские озарения Гуссерля и Фреге и, возможно, традиции, которые они породили, могут сосуществовать и взаимодействовать [40. Р. 529].

Нельзя сказать, что это общее ментальное пространство не было замечено ранее. Р. Соломон еще в начале 1970-х гг. проводил прямые параллели

между теориями смысла Фреге и Гуссерля. В том факте, что для Фреге смысл (Sinn) индифферентен по отношению к реальности существования или не существования предметностей, сформированных посредством этого смысла, Соломон усматривал подавление суждений об истинности и ложности высказывания, что аналогично гуссерлеву заключению в скобки вопроса о существовании предметов. Так же он полагал, что аналитический термин «proposition» есть не что иное, как новое имя для гуссерлевой «сущности» (Wesen) и фрегеанского «смысла» или «мысли» (Sinn, Gedanke) [41. Р. 47, 50]. Десятилетие спустя Р. Трагессер отмечал, что постижение или осознание предмета посредством нозматического конституирования его смысла в сознании коррелятивно идее Фреге о том, что мы можем «схватить» мир только посредством смысла предложений [42. Р. 12].

Работа Даммита придала сравнительным исследованиям наследия Фреге и Гуссерля новую интенсивность и направленность. Так, К. Бейер, продолжая поиски комплементарного консенсуса, приходит к выводу, что гуссерлева концепция нозитико-нозматической структуры сенсорного (гилетического) содержания актов перцепции совместима с представлениями Фреге о восприятии и может ее дополнять. Но, как акцентирует Бейер, нельзя упускать из внимания, что интенциональное содержание актов у Гуссерля по своей природе не пропозиционально [26. Р. 223 – 224].

Этот акцент приводит нас к ключевому вопросу третьей линии исследований, артикулированному М. Даммитом и Ч. Парсонсом: что же послужило причиной того, что столь близкие концептуально мыслители не только активно критиковали позиции друг друга, но и породили принципиально противоположные философские направления? Где следует искать точку разрыва, образовавшую пропасть между феноменологическим и аналитическим движениями? [43. Р. 126, 128]. Авторитетное мнение М. Даммита указывает на теорию смысла и значения. И Фреге, и Гуссерль проводили различие между смыслом высказывания или термина, его предметным референтом и связанным с ним представлением. Но принципиальные отличия в интерпретации этих семантических отношений сделали в итоге невозможным для феноменологии, в отличие от аналитической философии, совершение лингвистического поворота [20. Р. 26].

Р. Кобб-Стивенс [44] также признает, что феноменология Гуссерля и аналитическая традиция, начинающаяся с Фреге, в основном сходны в том, что они отвергают идентификацию содержания нашего опыта с ментальными представлениями. Он усматривает кардинальное различие между аналитической и гуссерлианской философией в их характеристиках связи между восприятием и предикацией. Х. Рюн в поисках точки разрыва включает в контекст сравнения идеи Ж. Деррида, поскольку его деконструктивистское чтение Гуссерля позволяет переоценить первоначальный и основополагающий конфликт между ранней стадией феноменологии и аналитической философией [12. S. 65]. А.В. Ладов находит сходство в том, что оба исследователя заняты анализом медиальных элементов, которые фиксируют мир в качестве имманентной данности; для Гуссерля это происходит в плоскости сознания, для Фреге – в плоскости языка. Отсюда следует общность их трехчленных эпистемологических конструкций: интенциональный акт – идеальное мыслительное содержание (Sinn) – интендированный предмет в случае Гуссерля и

определенный знаковый комплекс – смысл (Sinn) – значение (Bedeutung) в случае Фреге. Пути аналитической философии и феноменологии расходятся, когда из фрегеанской семантики исчезает медиальный элемент: трехуровневая семантика знака, смысла и референта Фреге уступает место двухуровневой семантике знака и референта Рассела. Здесь оформляется магистральное различие двух подходов: если аналитики переходят от слов языка к смыслам, напрямую связывая язык и мир реальных вещей, то Гуссерль переходит от слов к смыслополагающим интенциональным актам, без которых язык мертв [45].

Вышеизложенное, однако, не означает, что все исследователи проводят принципиальные различия между концепциями Фреге и Гуссерля. Напротив, авторы активно включают наследие Гуссерля в контекст проблем аналитической философии и даже рассматривают его как аналитика [46–48]. Кульминацией данной линии сравнительных исследований стали гуссерлианские прочтения Фреге – к числу таковых можно отнести работы Д. Уилларда – и фрегевские прочтения Гуссерля, которые характерны, в частности, для Фёллесадаля (подробнее об этом см.: [49]).

Такова была судьба рецензии Г. Фреге на книгу Э. Гуссерля *Philosophie der Arithmetik*. Судя по вызванному резонансу, саркастический отзыв Фреге на первую серьезную работу Гуссерля не был одним из множества критических жестов, типичных для научной жизни любого времени. Он был чем-то большим, так как не только стал отправной точкой для дальнейших изысканий самих оппонентов, но и положил начало целому спектру сравнительных исследований их творчества, стимулировавших в итоге самоопределение двух ведущих философских направлений XX в. – феноменологии и аналитической философии.

Литература

1. *Husserl E.* Logische Untersuchungen. Band 1, Prolegomena zur reinen Logik. Halle : Niemeyer, 1900; Zweiter Teil: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. Halle : Niemeyer, 1901.
2. *Frege G.* Der Gedanke. Eine logische Untersuchung; Die Verneinung. Eine logische Untersuchung // Beiträge zur Philosophie des deutschen Idealismus. 1918–1919. Vol. I.
3. *Frege G.* Logische Untersuchungen. Dritter Teil: Gedankengefüge // Beiträge zur Philosophie des deutschen Idealismus. 1923–1926. Vol. III.
4. *Фреге Г.* Основоположения арифметики : Логико-математические исследования о понятии числа / вступ. ст. и пер. В.А. Суровцева. Томск : Водолей, 2000.
5. *Husserl E.* Philosophie der Arithmetik: Logische und psychologische Untersuchungen. Nijhoff, Den Haag, 1970.
6. *Frege G.* Rezension von: E. Husserl, Philosophie der Arithmetik I' // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1894. Vol. 103.
7. *Frege G.* Review of Dr. E. Husserl's Philosophy of Arithmetic // Readings on Edmund Husserl's Logical Investigations / ed. By J. N. Mohanty. Netherlands : Martinus Nijhoff, The Hague, 1977.
8. *Frege G.* Über Begriff und Gegenstand // Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1892. Vol. XVI.
9. *Фреге Г.* Логика и логическая семантика: Сборник трудов. М. : Аспект Пресс, 2000.
10. *Natorp P.* Über objektive und subjektive Begründung der Erkenntnis (Erster Aufsatz) // Philosophische Monatshefte. 1887. Vol. 23.
11. *Husserl E.* Logische Untersuchungen. Erster Band: Prolegomena zur reinen Logik. Nijhoff, Den Haag, 1975.
12. *Ruin H.* Seeing Meaning: Frege and Derrida on Ideality and the Limits of Husserlian Intuitionism. Husserl Stud, 2011. Vol. 27.
13. *Husserl E.* Logische Untersuchungen. Zweiter Band – I. Teil : Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1968.

14. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1). М. : Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001.
15. Husserl E. A Reply to a Critic of my Refutation of Logical Psychologism // Readings on Edmund Husserl's Logical Investigations / ed. By J. N. Mohanty. Netherlands : Martinus Nijhoff, The Hague, 1977.
16. Husserl E. Review of Der Streit der Psychologisten und Formalisten in der modernen Logik by Melchior Palágyi // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1903. Vol. 31.
17. Микиртумов И.Б. Основные идеи «Философии арифметики» Гуссерля и логицизм Фреге // Логико-философские штудии. 2013. Вып. 10.
18. Willard D. The Paradox of Logical Psychologism: Husserl's Way Out // Readings on Edmund Husserl's Logical Investigations / ed. By J. N. Mohanty. Netherlands : Martinus Nijhoff, The Hague, 1977.
19. Hanna R. Logical Cognition: Husserl's Prolegomena and the Truth in Psychologism // Philosophy and Phenomenological Research. 1993. Vol. 53. № 2.
20. Dummett M. Origins of Analytical Philosophy. Harvard University Press, 1993.
21. Kusch M. The Criticism of Husserl's Arguments Against Psychologism in German Philosophy 1901–1920 // Mind, Meaning and Mathematics / ed. by Leila Haaparanta. The Synthese Library, Dordrecht/Boston: Kluwer Academic Publishers, 1994.
22. Mohanty J.N. The Concept of 'Psychologism' in Frege and Husserl // Logic, Truth and the Modalities. Synthese Library. Vol. 278. Dordrecht : Springer, 1999.
23. Centrone S. Aspekte des Psychologismus-Streits. Husserl und Frege über Anzahlen und logische Gesetze // Versuche über Husserl / ed. by S. Centrone. Hamburg : Meiner, 2013.
24. Mohanty J. N. Husserl's 'Logic of Truth' // Mind, Meaning and Mathematics: Essays on the Philosophical Views of Husserl and Frege / ed. Leila Haaparanta. Springer Netherlands, 1994.
25. Ortiz Hill C., Rosado Haddock G. Husserl or Frege? Meaning, Objectivity and Mathematics. Chicago : Open Court, 2000.
26. Beyer C. Husserl and Frege on Sense // Essays on Husserl's Logic and Philosophy of Mathematics, 2017.
27. Centrone S. Logic and Philosophy of Mathematics in the Early Husserl. Synthese Library Vol. 345. Dordrecht : Springer, 2010.
28. Мирошниченко П.Н. Готтлоб Фреге и логико-философская мысль конца XIX – начала XX века. Запорожье : Просвита, 2003.
29. Haaparanta L. Analysis as the method of logical discovery: Some remarks on Frege and Husserl // Synthese. 2004. Vol. 77.
30. Черноскотов Ю.Ю. Ранний Фреге и ранний Гуссерль: логика содержаний // Логико-философские штудии. 2016. Вып. 14.
31. Pivcevic E. Husserl versus Frege // Mind. New Series. 1967. Vol. 76. № 302.
32. Føllesdal D. Husserl und Frege: Ein Beitrag zur Beleuchtung der Entstehung der phänomenologischen Philosophie. Oslo : Aschehoug, 1958.
33. Rosado Haddock G.E. Edmund Husserl's Philosophie der Logik und Mathematik im Lichte der gegenwärtigen Logik und Grundlagenforschung. Bonn, 1973.
34. Mohanty J.N. Husserl and Frege. Bloomington, Ind. : University Press, 1982.
35. Jerna C. Husserl's Psychology of Arithmetic // Bulletin d'Analyse Phénoménologique. 2012. Vol. 8. № 1.
36. Zuh D. Wogegen wandte sich Husserl 1891? Ein Beitrag zur neueren Rezeption des Verhältnisses von Husserl und Frege // Husserl Stud. 2012. Vol. 28.
37. Künne W. Die Philosophische Logik Gottlob Freges. Frankfurt am Main : Klostermann, 2010.
38. Willard D. Integrity of the Mental Act: Husserlian Reflections on a Fregian Problem // Mind, Meaning and Mathematics: Essays on the Philosophical Views of Husserl and Frege / ed. Leila Haaparanta. Springer Netherlands, 1994.
39. Føllesdal D. Bolzano, Frege and Husserl on reference and object // Future Pasts: The Analytic Tradition in Twentieth-Century Philosophy / eds. Juliet Floyd & Sanford Shieh. Oxford University Press, 2001.
40. McIntyre R. Husserl and Frege // J. Philos. 1987. Vol. 84.
41. Solomon R. Sense and Essence: Frege and Husserl // Analytic Philosophy and Phenomenology. The Hague, 1976.
42. Tragesser R.S. Husserl and realism in Logic and Mathematics. Cambridge University Press, 1984.

43. *Parsons Ch.* Husserl and the Linguistic Turn // *Future Pasts: The Analytic Tradition in Twentieth-Century Philosophy* / eds. Juliet Floyd & Sanford Shieh. Oxford University Press, 2001.
44. *Cobb-Stevens R.* Husserl and Analytic Philosophy. Springer Netherlands, 1990.
45. *Ладов А.В.* Аналитическая философия и феноменология // Аналитическая философия : учеб. пособие / под ред. М.В. Лебедева, А.З. Черняка. М. : РУДН, 2004.
46. *Beyer C.* Russell's Principle Considered from Both a Neo-Fregean and a Husserlian Viewpoint // *Acta Analytica*. 1998. Vol. 20.
47. *Philipse H.* Husserl and the Origins of Analytical Philosophy // *European Journal of Philosophy*. June 2008 Vol. 2, № 2.
48. *Rosado Haddock G. E.* Husserl as Analytic Philosopher // *Husserl and Analytic Philosophy* / ed. E. Guillermo. Rosado Haddock. De Gruyter, 2016.
49. *Beyer C.* Noema and Reference // *Reference, Rationality, and Phenomenology: Themes from Føllesdal* / ed. Michael Frauchinger. Frankfurt/M.: Ontos, 2012.

Anastasia A. Medova, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russian Federation); Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation).

E-mail: amedova@list.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 105–116.

DOI: 10.17223/1998863X/61/12

HUSSERL AND FREGE: TRAJECTORIES OF COMPARATIVE STUDIES

Keywords: psychologism; concept; ideal unities; phenomenology; analytic philosophy

Comparative studies of Frege's and Husserl's legacy do not lose intensity during seven decades. The aim of the article is the comprehension of preconditions and the main directions of those issues. The author considers Frege's *Review of Dr. E. Husserl's Philosophy of Arithmetic* (1894) as the historical precedent which is a prerequisite for a comparative research of Husserl and Frege. The diversions between Frege and Husserl regarding the concept of number are significant for setting up boundaries of logicism. Nevertheless, the author argues the nourishing source of the comparative analysis of Frege's and Husserl's doctrines is not their contradictions but their resemblance. The scholars worked out the problem of clean thinking (*reinen Denken*), which derives its categories from its development. They both tried to overcome the subjectivism and psychologism, free the logical categories from the psychological content. They both understood thought as the objective, universal entity that is independent of carriers. The scholars had common ontological and epistemological stances. The fact of their mutual criticism arouses keen interest in this context. This criticism invoked the resonance in such directions of the comparative studies as (1) discussion of the problem of Frege's and Husserl's psychologism and anti-psychologism; (2) assessment of the influence of Frege's ideas on the origin of phenomenology; (3) the search for the roots of the separation between phenomenology and analytic philosophy. The author considers the understanding of "psychologism" and its subsequent reception by Willard, Hanna, Dammett, Kusch, Mohanty, and Centrone. After that the author outlines the points of comparing in the early logical and mathematical works by Frege and Husserl (the concepts of number, multitude, equivalency; singular terms; proper names; indexicals; substitutivity). Further, the author concerns the discussion by Føllesdal, Mohanty, Rosado Haddock, Ierna, Zuh, and Künne regarding the question of whether Frege's criticism was crucial to form phenomenology or not. In conclusion, the author considers the searches of the origins of the "gap" between analytic and phenomenological philosophy. The latter was detected by Dammett, Parsons, Cobb-Stevens, Willard, Ruin, Ladov, and others in the logical and semantic pioneering of Frege and Husserl.

References

1. Husserl, E. (1900, 1901) *Logische Untersuchungen*. Bd. 1(2). Halle : Niemeyer.
2. Frege, G. (1918–1919) *Der Gedanke. Eine logische Untersuchung; Die Verneinung. Eine logische Untersuchung*. In: *Beiträge zur Philosophie des deutschen Idealismus*. Vol. I. Verlag der Kenerschen Buchhandlung.
3. Frege, G. (1923–1926) *Logische Untersuchungen. Dritter Teil: Gedankengefüge*. In: *Beiträge zur Philosophie des deutschen Idealismus*. Vol. 3. Erfurt : Kurt Stenger.
4. Frege, G. (2000) *Osnovopolozheniya arifmetiki: Logiko-matematicheskie issledovaniya o ponyatii chisla* [Foundations of arithmetic: Logical and mathematical research on the concept of number]. Translated from German by V.A. Surovtsev. Tomsk: Vodoley.

5. Husserl, E. (1970) *Philosophie der Arithmetik: Logische und psychologische Untersuchungen*. Den Haag: Nijhoff.
6. Frege, G. (1894) Rezension von: E. Husserl, Philosophie der Arithmetik I. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. 103. pp. 313–332
7. Frege, G. (1977) Review of Dr. E. Husserl's Philosophy of Arithmetic. In: Mohanty, J.N. (ed.) *Readings on Edmund Husserl's Logical Investigations*. The Hague: Martinus Nijhoff.
8. Frege, G. (1892) Über Begriff und Gegenstand. *Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie*. 16. p. 211.
9. Frege, G. (2000) *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Translated from German by B.V. Biryukov. Moscow: Aspekt Press.
10. Natorp, P. (1887) Über objektive und subjektive Begründung der Erkenntnis (Erster Aufsatz). *Philosophische Monatshefte*. 23. pp. 257–286.
11. Husserl, E. (1975) *Logische Untersuchungen*. Den Haag: Nijhoff.
12. Ruin, H. (2011) Seeing Meaning: Frege and Derrida on Ideality and the Limits of Husserlian Intuitionism. *Husserl Studies* 27. pp. 63–81. DOI: 10.1007/s10743-010-9085-3
13. Husserl, E. (1968) *Logische Untersuchungen*. Bd. 2. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
14. Husserl, E. (2001) *Logicheskie issledovaniya* [Logic Investigations]. Vol. 2(1). Translated from German by V.I. Molchanov. Moscow: Gnozis, Dom intellektual'noy knigi.
15. Husserl, E. (1977) A Reply to a Critic of my Refutation of Logical Psychologism. In: Mohanty, J.N. (ed.) *Readings on Edmund Husserl's Logical Investigations*. The Hague: Martinus Nijhoff.
16. Husserl, E. (1903) Review of Der Streit der Psychologen und Formalisten in der modernen Logik by Melchior Palágyi. *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane*. 31.
17. Mikirtumov, I. B. (2013) Osnovnye idei "Filosofii arifmetiki" Gusserlya i logitsizm Frege [The main ideas of Husserl's "Philosophy of Arithmetic" and Frege's logicism]. *Logiko-filosofskie shtudii*. 10.
18. Willard, D. (1977) The Paradox of Logical Psychologism: Husserl's Way Out. In: Mohanty, J.N. (ed.) *Readings on Edmund Husserl's Logical Investigations*. The Hague: Martinus Nijhoff.
19. Hanna, R. (1993) Logical Cognition: Husserl's Prolegomena and the Truth in Psychologism. *Philosophy and Phenomenological Research*. 53(2). pp. 251–275.
20. Dummett, M. (1993) *Origins of Analytical Philosophy*. Harvard University Press.
21. Kusch, M. (1994) The Criticism of Husserl's Arguments Against Psychologism in German Philosophy 1901–1920. In: Haaparanta, L. (ed.) *Mind, Meaning and Mathematics: Essays on the Philosophical Views of Husserl and Frege*. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers.
22. Mohanty, J.N. (1999) The Concept of 'Psychologism' in Frege and Husserl. Logic, Truth and the Modalities. In: *Logic, Truth and the Modalities. Synthese Library (Studies in Epistemology, Logic, Methodology, and Philosophy of Science)*. Vol. 278. Springer, Dordrecht. DOI: 10.1007/978-94-017-2113-4_2
23. Centrone, S. (2013) Aspekte des Psychologismus-Streits. Husserl und Frege über Anzahlen und logische Gesetze. In: Centrone, S. (ed.) *Versuche über Husserl*. Hamburg: Meiner.
24. Mohanty, J.N. (ed.) (1994) Husserl's 'Logic of Truth'. In: Haaparanta, L. (ed.) *Mind, Meaning and Mathematics: Essays on the Philosophical Views of Husserl and Frege. The Synthesis Library*. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers.
25. Ortiz Hill, C. & Rosado Haddock, G. (2000) *Husserl or Frege? Meaning, Objectivity and Mathematics*. Chicago: Open Court.
26. Beyer, C. (2017) Husserl and Frege on Sense. In: Centrone, S. (ed.) *Essays on Husserl's Logic and Philosophy of Mathematics*. Vol. 384. Springer Netherlands. DOI: 10.1007/978-94-024-1132-4
27. Centrone, S. (2010) *Logic and Philosophy of Mathematics in the Early Husserl*. Dordrecht: Springer.
28. Miroshnichenko, P.N. (2003) *Gottlob Frege i logiko-filosofskaya mysl' kontsa XIX – nachala XX veka* [Gottlob Frege and the logical-philosophical thought of the late 19th – early 20th centuries]. Zaporozh'e: Prosvita.
29. Haaparanta, L. (2004) Analysis as the method of logical discovery: Some remarks on Frege and Husserl. *Synthese*. 77(1). pp. 73–97.
30. Chernoskutov, Yu.Yu. (2016) Ranniy Frege i ranniy Gusserl': logika soderzhaniy [Early Frege and early Husserl : Logic of Contents]. *Logiko-filosofskie shtudii*. 14. pp. 149–164.
31. Pivcevic, E. (1967) Husserl versus Frege. *Mind. New Series*. 76(302). pp. 155–165
32. Føllesdal, D. (1958) *Husserl und Frege: Ein Beitrag zur Beleuchtung der Entstehung der phänomenologischen Philosophie*. Oslo: Aschehoug.
33. Rosado Haddock, G.E. (1973) *Edmund Husserl's Philosophie der Logik und Mathematik im Lichte der gegenwärtigen Logik und Grundlagenforschung*. Bonn: [s.n.].

34. Mohanty, J.N. (1982) *Husserl and Frege*. Bloomington, Ind.: University Press.
35. Ierna, C. (2012) Husserl's Psychology of Arithmetic. *Bulletin d'Analyse Phénoménologique*. 8(1). pp. 97–120.
36. Zuh, D. (2012) Wogegen wandte sich Husserl 1891? Ein Beitrag zur neueren Rezeption des Verhältnisses von Husserl und Frege. *Husserl Studies*. 28. pp. 95–120. DOI: 10.1007/s10743-011-9100-3
37. Künne, W. (2010) *Die Philosophische Logik Gottlob Freges*. Frankfurt am Main: Klostermann.
38. Willard, D. (1994) Integrity of the Mental Act: Husserlian Reflections on a Fregian Problem In: Haaparanta, L. (ed.) *Mind, Meaning and Mathematics: Essays on the Philosophical Views of Husserl and Frege*. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers.
39. Føllesdal, D. (2001) Bolzano, Frege and Husserl on reference and object. In: Floyd, J. & Shieh, S. (eds) *Future Pasts: The Analytic Tradition in Twentieth-Century Philosophy*. Oxford University Press.
40. McIntyre, R. (1987) Husserl and Frege. *Journal of Philosophy*. 84. pp. 528–535.
41. Solomon, R. (1976) Sense and Essence: Frege and Husserl. In: Durfee, H.A. (eds) *Analytic Philosophy and Phenomenology*. Vol. 2. American University Publications in Philosophy. Springer, Dordrecht. pp. 31–54. DOI: 10.1007/978-94-010-1407-6_3
42. Tragesser, R.S. (1984) *Husserl and realism in Logic and Mathematics*. Cambridge University Press.
43. Parsons, Ch. (2001) Husserl and the Linguistic Turn. In: Floyd, J. & Shieh, S. (eds) *Future Pasts: The Analytic Tradition in Twentieth-Century Philosophy*. Oxford University Press.
44. Cobb-Stevens, R. (1990) *Husserl and Analytic Philosophy*. Springer Netherlands.
45. Ladov, A.V. (2004) *Analiticheskaya filosofiya i fenomenologiya* [Analytical philosophy and phenomenology]. In: Lebedev, M.V. & Chernyak, A.Z. (eds) *Analiticheskaya filosofiya* [Analytical Philosophy]. Moscow: RUDN.
46. Beyer, C. (1998) Russell's Principle Considered from Both a Neo-Fregean and a Husserlian Viewpoint. *Acta Analytica*. 20. pp. 103–129.
47. Philipse, H. (2008) Husserl and the Origins of Analytical Philosophy. *European Journal of Philosophy*. 2(2). DOI: 10.1111/j.1468-0378.1994.tb00010.x
48. Rosado Haddock, G.E. (2016) Husserl as Analytic Philosopher. In: Rosado Haddock, G.E. (ed.) *Husserl and Analytic Philosophy*. De Gruyter.
49. Beyer, C. (2012) Noema and Reference. In: Frauchinger, M. (ed.) *Reference, Rationality, and Phenomenology: Themes from Føllesdal*. Frankfurt am Main: Ontos.

УДК 1 (091), 930.1

DOI: 10.17223/1998863X/61/13

В.А. Федянина

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЯПОНСКОЙ ИСТОРИИ В РАБОТАХ МОНАХА ДЗИЭН (1155–1225)

С историософских позиций анализируется периодизация истории Японии, предложенную буддийским монахом Дзиэн (1155–1225) в трактате «Записи моих скромных мыслей». Это первый в Японии труд, формулирующий подход к периодизации истории страны. Описываются вспомогательные периодизации Дзиэна, анализируются обоснования выделения периодов, методология основания периодизаций в рамках буддийской теории.

Ключевые слова: периодизация истории, критерии периодизации, японский буддизм, Гукансё

Введение

Философско-методологические основания периодизации истории имеют научное, мировоззренческое и практическое значение. Они проясняют понимание исторического процесса, его законов и факторов, влияющих на его ход. Л.Б. Алаев предлагает различать периодизации всемирные и локальные, указывая, что «периодизация каждого социума – это отдельная, специфическая, уникальная проблема» [1. С. 9, 16]. В различных социумах в разные периоды его развития эта проблема решалась по-своему. В данном исследовании на примере историософского трактата «Записи моих скромных мыслей» («Гукансё», ок. 1221) монаха Дзиэн (1155–1225) из буддийской школы Тэндай анализируются философско-методологические основания периодизации истории отдельной страны, Японии, и их значение в интерпретации этой истории.

Обзоры периодизаций, существующие в российской науке, описывают подходы к периодизациям исторического процесса, как всемирного, так и в отдельных регионах и странах [2–4]. Наряду с описанием и анализом современных тенденций в проблеме периодизации истории приводятся примеры классификаций, предложенных ранее в культурах, носители которых проживали на территории Европы [5–7]. Описание периодизаций, а также методологии выделения периодов локальных историй, созданных вне рамок европейских и ближневосточных традиций, в общетеоретических работах отсутствуют. Это порождает проблему понимания истории, интерпретируемой в системах координат, отличных от европейской и ближневосточной. Без понимания философско-методологических основ подобных интерпретаций описание исторического процесса, например, мыслителями стран Дальнего Востока, представляется противоречивым, а подбор фактов произвольным.

Данное исследование частично восполняет вышеуказанную лауну, что обуславливает его актуальность. Анализ периодизации истории Японии на основе буддийской философии расширяет представления о богатстве и раз-

нообразии историософских идей; позволяет проникнуть в структуру мысли средневекового дальневосточного философа с учетом ее специфики; продемонстрировать теоретическую базу исторических толкований и прогнозов Дзиэна, имеющих практическое политическое значение.

Дзиэн (1155–1255) – представитель аристократического рода Фудзивара (род соправителей-регентов), высокопоставленный буддийский монах школы Тэндай, известный поэт своего времени. Его труд «Гукансё», насчитывающий семь свитков, стал наиболее представительной историей Японии. Пользуясь современной терминологией, мы можем назвать этот труд историософским. Дзиэн посвящает своей теории исторического процесса отдельный свиток [8. С. 319–358]. В нем автор в терминах японского буддизма описывает закономерности исторических событий, дает им причинное объяснение, предлагает периодизацию истории Японии.

Для автора «Гукансё» события всех стран разворачиваются в мире с буддийскими пространственно-временными координатами¹ по законам кальпы. Мир Дзиэна – это первая, ухудшающаяся половина малой кальпы (за которой следует частичное восстановление мира при конечном ухудшении и его полном уничтожении). В связи с этим во всех землях и у всех народов происходит постепенная деградация различных сторон жизни. Дзиэн ограничивает пространственно-временные рамки историей своей страны и пишет о локальных событиях, только о Японии. Он в полной мере раскрывает и конкретизирует свою историческую теорию в шести свитках, в которых излагает «согласно своему разумению основные события от государя Дзимму до событий годов Дзёкю» [8. С. 322], т.е. от первого легендарного государя до 1221 г.

Четыре вида периодизации в «Гукансё»

В «Гукансё» имеется четыре различных периодизации исторического процесса в Японии. Дзиэн четко формулирует периодизацию по соотношению скрытых и явных правил, или принципов-дори, в седьмом свитке [8. С. 325–326]. Это наиболее известная периодизация Дзиэна, упоминаемая во множестве исследований [10. С. 92–103; 11], в том числе российских [12. С. 441–442]. На основе источниковедческого анализа мы реконструируем три другие периодизации. Рассмотрим подробнее предлагаемые периодизации.

1. Периодизация истории Японии по соотношению скрытых и явных правил, или принципов-дори.

При всей многозначности слова «принципы» у Дзиэна оно в основном означает факторы исторического процесса. Это слово применяется к явлениям разного порядка, что отражает связанность и иерархическую зависимость факторов, влияющих на ход истории у Дзиэна. *Дори* – это и главный «принцип» ухудшения кальпы, и соподчиненные ему правила на каждом отдельном этапе ухудшения кальпы. Результат взаимодействия *дори* определяет состояние общества в каждый из периодов. Самой главный «принцип» – развитие событий согласно законам времени внутри кальпы.

Дзиэн разделяет принципы-дори на скрытые и явные. Результат анализа текста «Гукансё» показывает, что скрытые «принципы» – это правила, обу-

¹ «Хронотоп буддийской культуры, опосредованный деятельностью живых существ», – это «три мира» («вертикальная пространственная организация мироздания») и «великая кальпа» («временный полный космический цикл») [9. С. 13].

словленные космическим миропорядком, а явные – мирскими властью и порядком.

На основании соотношения различных принципов-*дори*, понимания их людьми и следованию этим «принципам» Дзиэн различает в истории Японии семь периодов [8. С. 325–326]. На их протяжении прослеживается общая тенденция в развитии японской истории: в соответствии с буддийскими представлениями общество идет к ухудшению и разрушению на данном промежутке калпы. Семь периодов японской истории сменяют друг друга при общем векторе от начального состояния гармонии скрытых и явных «принципов» до их полного дисбаланса.

Однако мы имеем дело с японским буддизмом, в который инкорпорировано множество неиндийских идей, китайских и японских. Японские представления, органично воспринятые пришедшим в Японию в VI в. буддизмом, – это представления о местных духах и божествах *ками* [13. С. 116–117]. Именно деятельность местных божеств, в особенности покровительницы рода государей Аматаэрасу, определяет особенности японской истории у Дзиэна и частично обуславливает данную периодизацию. В ее основу положены космологические воззрения индийского буддизма, обогащенные японскими представлениями о божествах-*ками*. Эти синкретическая космология обусловила антропологическую составляющую данной периодизации: идею о неизбежности упадка и деградации с временными периодами улучшения.

Аматаэрасу, подвластная основному «принципу» ухудшения калпы, тем не менее, может устанавливать свои правила именно для японских островов. Она создала род государей, своих потомков, для исполнения своих правил-принципов на территории Японии и покровительствует этому роду. Решения Аматаэрасу (наряду с некоторыми буддийскими принципами «разрушение зла и создание добра» и др. [8. С. 327]) способствовали периодам временного улучшения. Дзиэн полагал, что стабилизация, и даже некоторые улучшения, происходили в третий и пятый периоды и, возможно, происходят в последний, седьмой период.

2. Эмпирическая периодизация.

Дзиэн сохраняет сложившуюся к моменту написания «Гукансё» традицию деления истории страны на три больших периода: древность, средние века и нынешнее время. Эта периодизация, отражающая эмпирический уровень знаний об истории, прослеживается в японских художественных произведениях.

По Дзиэну древность (*дзёко*) длилась от первого государя Дзимму до годов Кампё (889–898), средние века (*тёко*, досл. «средняя древность») – до годов Хогэн (1156–1159), нынешнее время (*има*) – до 1220-х гг.

3. По состоянию буддийского учения после отхода Будды Шакьямуни в нирвану.

Это известная периодизация буддийского учения: Периоды Истинного Закона, Подобия Закона и Последних дней Закона [12. С. 295]. Во времена Дзиэна в Японии были широко распространены представления о том, что страна живет в Период последних дней Закона, *маппо*. Дзиэн последовательно соотнес данную периодизацию буддийского учения с историческими событиями в Японии.

4. По формам правления в Японии.

Исследователи «Гукансё» не уделяли должного внимания данной периодизации. В результате текстологического анализа нами установлено, что Дзиэн выделяет четыре периода в истории Японии по формам правления, описанные в разных свитках:

- 1) единоличное правление государей,
- 2) правление государей при поддержке помощника, а затем регента из рода Фудзивара (при малолетнем государе)/канцлера (при взрослом государе),
- 3) правление отречшихся государей (сохраняется регент/канцлер из рода Фудзивара при действующем государе),
- 4) правление государей с помощью военных правителей *сёгунов* (и регентов / канцлеров).

Дзиэн понимает историю Японии как историю государева рода, который неизменно правит в стране. Однако это правление может осуществлять в различных формах, которые устанавливает божество-охранитель рода Аматэрасу по договоренности с другими божествами-предками. Эти божества – бодхисаттвы Хатиман (синкретическое божество, которое Дзиэн воспринимает как покровителя рода государей) и божества из святилища Касуга, родовые предков Фудзивара, дома регентов.

Устанавливая правление регентов, «Аматэрасу-омиками договорилась с пресветлым божеством из Касуга, Амэ-но Коянэ, что оно будет прислуживать в покоях государя и оберегать его» [8. С. 140]. Остальные формы правления также обусловлены волей Аматэрасу и ее договоренностью с родовыми божествами.

Формы правления – это принципы-*дори*, устанавливаемые божествами, т.е. факторы, определяющие исторические события на различных отрезках кальпы. Данная периодизация отражает необходимость и предопределенность перехода к новой форме правления – военного правления с помощью *сёгунов*.

Необходимость перехода к воинскому поправлению Дзиэн объясняет следующим образом:

Сейчас пришло время, когда всем воинам следует знать истинный принцип (正道). Нынешнему господину из Восточного дворца¹ и нынешнему *сёгуну*² сейчас всего два года. Несомненно, это произошло по замыслу божеств-покровителей... Двухлетние будущие государь и *сёгун* вырастут, и либо полностью разрушат страну, либо приведут ее к процветанию [8. С. 342].

Взаимосвязь четырех видов периодизаций

Предлагаемые классификации логически выдержаны, так как для каждой из них соблюдено правило «одинаковых оснований». Понимание этих оснований снимает кажущуюся противоречивость в описании исторического процесса в «Гукансё». Представления Дзиэна о направленности исторического процесса (конечный регресс, перемежающийся циклами улучшения) и его обусловленности определенными факторами (сочетанием принципов-*дори*) задают жесткую логику изложения материала. Это сказывается на тенденциозном подборе фактов и их интерпретации.

¹ Наследный принц Канэнари, будущий 85-й император Тьюкё (1218–1234). Стал наследным принцем в 2 года, в 1219 г., находился на троне менее года в 1221 г.

² Кудзё Ёрицунэ (1218–1256), 4-й сёгун Камакурского сёгуната, сын Фудзивара (Кудзё) Митииз.

Различные единицы в четырех периодизациях в «Гукансё» взаимосвязаны между собой как хронологически, так и по смыслу исторических событий. При этом исторические периоды освещены в «Гукансё» с различной полнотой. Дзиэн делает акцент на современность и более подробно описывает современные ему события периода «Последних дней Закона», наступившего после смуты годов Хогэн (1156–1159).

Соотношение четырех видов периодизации в «Гукансё»

1. Соотношение скрытых и явных принципов- <i>дори</i> , понимание их людьми	2. Традиционные периоды	3. Периоды по состоянию буддийского учения	4. Форма правления
Состояние гармонии, (первые 13 государей от Дзимму до Сэйму датировка затруднена)	Древность До годов Кампё (889–898) Средние века Годы Энги (901–923) – годы Хогэн (1156–1159)	Истинного Закона	Единоличное правление государей
Начинающийся дисбаланс, непонимание скрытых принципов (от Тюай до Киммэй, до 571 г.)		Подобия Закона	Государи при поддержке помощника, а затем регента/канцлера
Проявление дисбаланса, непонимание и невыполнение скрытых принципов (от Бидацу до Фудзивара Митинага (966–1027))			
Частичное осознание дисбаланса (от Фудзивара Ёримити до смерти бывшего государя Тоба в 1156 г.)		Последних дней Закона	Государи при помощи военных правителей сёгунов (и регентов/канцлеров)
Углубление дисбаланса: понимание принципов некоторыми правителями (до смерти Минамото Ёритомо в 1199 г.)			
Углубление дисбаланса, полное непонимание скрытых принципов (от правления бывшего императора Го-Сиракава в 1158–1198 до смерти Минамото Ёритомо в 1199 г.)	Нынешнее время После смуты годов Хогэн (после 1159)		
Углубление дисбаланса: принцип действия случайным образом (начало XIII в.)			

«Гукансё» – объемный труд, в котором описано огромное количество исторических событий. Различные периодизации используются с разными целями для отбора и систематизации этих событий.

Дзиэн пользуется традиционной периодизацией или периодизацией по состоянию буддийского учения при широких обобщениях, когда он ретроспективно оглядывает всю историю Японии и подчеркивает общее ухудшение калпы. Тонкая грань между применением этих двух периодизаций проходит там, где Дзиэн описывает современность и стремится подчеркнуть особенность нынешнего момента – период «Последних дней Закона». В таких случаях он прибегает к периодизации по состоянию буддийского учения, называя современный ему период «концом века» (*ё-но мацу*), где «век» – синоним времени, мира. При этом периодизация истории Японии в соответствии с состоянием буддийского учения не только систематизирует истори-

ческие знания, но также является методом исследования и дает объяснения причинам событий.

Периодизация по соотношению скрытых и явных принципов, их пониманию людьми также является инструментом для исследования процесса изменений в истории Японии. Данная периодизация позволяет выявить закономерности и причины исторических событий, истолковать их суть с точки зрения буддийского миропонимания. Циклическое понимание времени, сказывающееся в данной периодизации истории, у Дзиэна обусловлено буддийским (кальпа) и китайским (60-ленте циклы) пониманием времени. Это хорошо иллюстрирует следующая цитата:

Подытоживая, скажу: в трех странах, в Китае, Индии и Японии, как и на всем Южном континенте¹, в порядке вещей действие принципа «расцвет-упадок». Согласно ему после спада наступает расцвет, после расцвета – упадок. И постепенно жизнь людей сокращается до 10 лет, но к концу кальпы снова происходит улучшение, и жизнь людей достигает 80 000 лет. В наш период [ухудшения во второй половине малой кальпы] расцветы и упадки на протяжении ста правлений, направленность действия принципов-*дори* также подчиняются этому правилу [8. С. 148].

История у Дзиэна – это смена периодов «расцвета и упадка» при общей тенденции к полному разрушению общества. Два последних периода в истории Японии, шестой и седьмой, парадоксальным образом совпадают во времени. Дзиэн считал, что история Японии одновременно проходит через периоды действия «Принципа отклонения от принципов-*дори*» и «Принципа действия случайным образом». Если шестой период явно ведет к ухудшению, то во время седьмого периода возможны временные улучшения. Современная Дзиэну история – это время надежд. Пока еще неоформленное будущее может предрешить и определить некий мудрец, который поймет действие «принципов» и поведет страну по верному пути.

Периодизация по формам правления используется, когда Дзиэн описывает способы приспособления к особенностям данного отрезка кальпы с его своеобразным соотношением скрытых и явных «принципов». Различным историческим эпохам в ухудшающейся кальпе соответствует своя форма правления в Японии. Данная периодизация имеет практическое (политическое) измерение и важна для понимания того, как Дзиэн интерпретировал прошлое и настоящее Японии, какие прогнозы на будущее делал. Дзиэн обосновывает легитимность вновь возникшей власти воинов и согласовывает ее с давно оформившейся системой дуального правления государей и представителей рода Фудзивара в качестве регентов (*сэккан сэйдзи*).

Основания описанных выше четырех периодизаций различны, однако три из них созданы при едином методологическом подходе, обусловленном буддийской философией, буддийским пониманием мироздания и истории. При этом традиционное выделение трех периодов также включено в этот единый философский комплекс и привязано к другим видам периодизации, например, к периодам по состоянию буддийского учения. Подтвердим это следующей цитатой:

¹ Согласно буддийской космологии, Южный континент, Джамбудвипа, один из четырех континентов в мировом океане вокруг горы Сумеру.

Считается, что до [государя] Кампё была древность, конец периода Истинного Закона¹. [Государи] Энги и Тэнряку² правили в конце этого периода, в начале средних веков; тогда случилось много хорошего и замечательного. От Рэйдзэй и Энью до правления бывших государей Сиракава и Тоба³ сердца людей, кажется, оставались прежними. С конца правления Го-Сиракава⁴ произошло резкое ухудшение, и последние 10–20 лет стало совершенно невыносимо [8. С. 166].

Заключение

В «Гукансё» содержится четыре периодизации: 1) семь периодов, выделяемых по соотношению скрытых и явных принципов-*дори*; 2) три традиционно обозначаемых периода; 3) три периода, обусловленных состоянием буддийского учения; 4) четыре периода, зависящих от форм правления в Японии. Предлагаемые Дзиэном три периодизации обусловлены теоретическим анализом, традиционная периодизация – эмпирическим наблюдением. Собственные классификации Дзиэна созданы при едином методологическом подходе в контексте буддийской мысли. Основанием для них являются буддийские космологические представления или состояние буддийского учения. В японской исторической науке сохраняется классификация с выделением периодов правления регентов, отрекшихся государей, воинского правления, однако эти периоды уже не имеют буддийского обоснования. Наличие нескольких периодизаций у Дзиэна обусловлено фокусом рассмотрения исторических событий.

Принципы периодизации в «Гукансё» демонстрируют влияние буддийской философии на развитие исторической мысли в Японии. Исторический процесс у Дзиэна – это неотвратимый регресс, сочетающийся с цикличностью. Пестрые исторические события укладываются в тесное русло заранее созданной исторической теории. При этом каждая из периодизаций структурирует ход исторического процесса в Японии в целях обоснования легитимности воинского правления при верховной власти государя (и регента из рода Фудзивара при нем). Идея о неуклонной деградации в сочетании с циклами, общая для многих культур, уравнивается оптимистичной ноткой именно японского буддизма. Его особенности (инкорпорация представлений о местных божествах) позволяют обосновать исключительность истории Японии и ее политического управления: обеспечение божествами некоторых периодов улучшения и власть одного государева рода под патронажем Аматаэрасу.

Литература

1. Алаев Л.Б. Мировой исторический процесс: единство в многообразии // Многофакторный подход к изучению истории как проблема методологии: круглый стол в Московском государственном областном университете. М. : Изд-во МГОУ, 2012.
2. Гринин Л.Е. 2006. Методологические основания периодизации истории // Философские науки. 2006. № 8: 117–123; № 9: 127–130.
3. Алаев Л.Б. Проблематика истории Востока. М. : Ленанд, 2018.

¹ Государь Уда (правил в 887–897).

² Государи Дайго (правил в 897–930) и Мураками (правил в 946–967).

³ Государи Рэйдзэй (правил в 967–969) и Энью (правил в 969–984). Правление Сиракава и Тоба в качестве бывших государей – 1086–1156 гг.

⁴ Государь Го-Сиракава (правил в 1155–1158).

4. Васильев Л.С. История Востока: в 2. М. : Юрайт, 2013. Т. 6.
5. Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены. М. : Логос, 2002.
6. Семенов Ю.И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М. : Современные тетради, 2003.
7. Теория и методология истории / отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград : Учитель, 2014.
8. Дзизэн. Гукансё: (Мои личные выборы) / Нихон котэн бунгаку тайкэй (Собрание классической литературы Японии). Токио, 1967. Т. 86.
9. Категории буддийской культуры / ред.-сост. Е.П. Островская. СПб., 2000.
10. Brownly J. Political Thought in Japanese Historical Writing. From Kojiki (712) to Tokushi Yoron (1712). Waterloo : Wilfrid Laurier University, 1991.
11. Ishida I. Structure and Formation of Gukansho Though / Brown D., Ishida I. The Future and the Past A Translation and Study of the Gukansho, an Interpretative History of Japan Written in 1219. Berkeley : University of California Press, 1979. P. 420–451.
12. Бачурин А.С., Трубникова Н.Н. История религий Японии IX–XII вв. М. : Наталис, 2009.
13. Трубникова Н.Н. Учение об «исконной просветленности» и осмысление природы «родных богов» в японской философской мысли // Вопросы философии. 2009. № 12. С. 116–126.

Vladlena A. Fedianina, Moscow City University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: fedlada@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 117–125.

DOI: 10.17223/1998863X/61/13

JIEN'S PERIODIZATION OF THE HISTORY OF JAPAN: PHILOSOPHICAL UNDERPINNINGS

Keywords: periodization of history; criteria for periodization; Japanese Buddhism; *Gukanshō*

This study analyzes the philosophical underpinnings of the periodization of Japanese history proposed by the Tendai monk Jien (1155–1225) in the early 13th century within the framework of Japanese Buddhism. The research is based on the historiosophical writing *Gukanshō* (c. 1221). In *Gukanshō*, Jien linked the idea of historical causation to Buddhism cosmology and offered a periodization of his country's history in terms of Japanese Buddhism. It is well known among Japanologists that Jien divided Japanese history into seven periods according to invisible and visible principles – *dōri*. After a textual analysis of *Gukanshō*, the author has concluded that invisible principles are rules determined by the cosmic world order and visible principles are rules determined by the worldly power and order. The textual analysis allows distinguishing three other periodization schemes depending on various criteria: 1) three traditionally designated epochs (ancient times, recent ancient times, present days); 2) three periods corresponding to the three ages of the deterioration of the Buddhist Doctrine (The True Law, The Semblance Law, The Latter Day of the Law); 3) four periods due to the form of rulership (an emperor, an emperor and a regent, an ex-emperor, an emperor with a *shogun* and a regent). The author shows that the four classifications do not conflict with each other. They are closely interrelated and organize historical data to legitimize the supreme power of the imperial house, the Fujiwara regency and the military rule. The traditional periodization is a simple scheme reflecting empirical observation. The three other schemes are based on the theoretical framework and shaped by the Buddhist cosmological worldview and the theory of the three ages of Buddhism. These three classifications create a causative context for historical events. They reveal the up-and-down course of Japanese history working towards degeneracy. The four forms of rulership are ways of adjusting to different stages of the deteriorating half of the kalpa. The traditional tripartite periodization is included in this philosophical system by being grounded on the doctrine of the three ages of Buddhism.

References

1. Alaev, L.B. (2012) Mirovoy istoricheskiy protsess: edinstvo v mnogoobrazii [World historical process: unity in diversity]. In: Alaev, L.B. et al. *Mnogofaktornyy podkhod k izucheniyu istorii kak problema metodologii* [Multifactorial approach to the study of history as a problem of methodology]. Moscow: Moscow State Regional University.
2. Grinin, L.E. (2006) Metodologicheskie osnovaniya periodizatsii istorii [Methodological foundations of the periodization of history]. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 8. pp. 117–123.

3. Alaev, L.B. (2018) *Problematika istorii Vostoka* [Problems of the History of the East]. Moscow: Lenand.
4. Vasiliev, L.S. (2013) *Istoriya Vostoka: v 2 t.* [History of the East: in 2 vols]. Moscow: Yurayt.
5. Rozov, N.S. (2002) *Filosofiya i teoriya istorii* [Philosophy and Theory of History]. Vol. 1. Moscow: Logos.
6. Semenov, Yu.I. (2003) *Filosofiya istorii (Obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dney)* [Philosophy of History (General Theory, Main Problems, Ideas and Concepts from Antiquity to the Present Day)]. Moscow: Sovremennye tetrad.
7. Alekseev, V.V., Kradin, N.N., Korotaev, A.V. & Grinin, L.E. (eds) (2014) *Teoriya i metodologiya istorii* [Theory and Methodology of History]. Volgograd: Uchitel'.
8. Jien. (1967) Gukanshō. In: *Nihon koten bungaku taykey (Sobranie klassicheskoy literatury Yaponii)* [Collection of Japanese Classical Literature]. Vol. 86. Tokio: [s.n.].
9. Ostrovskaya, E.P. (ed.) (2000) *Kategorii buddiyskoy kul'tury* [Categories of Buddhist culture]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
10. Brownly, J. (1991) *Political Thought in Japanese Historical Writing. From Kojiki (712) to Tokushi Yoron (1712)*. Waterloo: Wilfrid Laurier University.
11. Ishida, I. (199) Structure and Formation of Gukansho Thought. In: Brown, D. & Ishida, I. *The Future and the Past A Translation and Study of the Gukansho, an Interpretative History of Japan Written in 1219*. Berkeley: University of California Press. pp. 420–451.
12. Bachurin, A.S. & Trubnikova, N.N. (2009) *Istoriya religiy Yaponii IX–XII vv.* [The history of religions in Japan in the 9th – 12th centuries]. Moscow: Natalis.
13. Trubnikova, N.N. (2009) Uchenie ob “iskonnoy prosvetlennosti” i osmyslenie prirody “rodnikh bogov” v yaponskoy filosofskoy mysli [The doctrine of “primordial enlightenment” and understanding of the nature of “native gods” in Japanese philosophical thought]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 116–126.

УДК 165.171

DOI: 10.17223/1998863X/61/14

А.С. Хромченко

РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ МАТЕМАТИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ У И. КАНТА И Г. ФРЕГЕ

Проводится дистинкция между эпистемологическим и логико-семантическим обоснованием математического знания. Соответственно данной дистинкции проводится сравнительный анализ трансцендентального подхода Канта и логицизма Фреге в контексте вопроса о природе математических суждений. Логицизм представляется как способ преодоления некоторых частных идей Канта, но в то же время как несопоставимый с трансцендентализмом метод решения проблемы природы математики.

Ключевые слова: логицизм, трансцендентализм, основания математики, априорное знание, аналитические и синтетические суждения

Работы Готлоба Фреге окончательно порывают с идеей связывать математические суждения и созерцания. В решении вопроса о природе математических суждений для него познавательная значимость понятийного мышления превалирует над познавательной значимостью созерцаний. Философски примечательным замечанием Фреге является его указание на то, что *чистое созерцание принципиально непередаваемо* [1. С. 167]. В поисках критерия объективности Кант обращается к разуму и находит условия объективности знания в трансцендентальных способностях последнего. Так, условием объективности нашего знания о внешних предметах опыта, согласно Канту, является пространство как априорная форма чувственности: «...кроме пространства, нет ни одного другого субъективного и относящегося к чему-либо внешнему представлению, которое могло бы считаться а priori объективным» [2. С. 70]. Но Фреге совершенно справедливо отмечает, что сопоставление образов, или созерцаний, принципиально невозможно, поскольку невозможен перенос субъективного опыта между индивидами. Однако нечто объективное в понимании пространства все же содержится «и объективным здесь является то, что закономерно, понятийно, *выразимо суждением*, что может быть выражено в словах» [1. С. 167]. Действительно, мы можем иметь совершенно различные и несопоставимые друг с другом представления и образы физических предметов, находящихся в пространстве, но в то же время иметь согласие относительно истинностной оценки одного и того же набора суждений о пространстве. Именно это позволяет Фреге сделать вывод о том, что понятийное мышление имеет большее право на объективность, нежели созерцание, даже если последнее мы понимаем в расширенном Кантом смысле трансцендентальных форм чувственности.

Согласно Фреге, увязывание математики с трансцендентальными формами чувственности, такими как пространство и время, оказывается нерелевантным вопросу о природе математических суждений. Последние в своем содержании ничего не говорят о времени, и обращение к внутреннему ощу-

щению времени есть лишь описание субъективных условий *понимания* математического знания. При этом предполагается принципиальная возможность такого понимания и без обращения к пространственному или временному созерцанию, поскольку, как пишет Фреге, число приложимо только к *понятию*, под которое уже подводится как пространственное и временное, так и непространственное и невременное [1. С. 189]. Именно поэтому, согласно Фреге, математика как строгая наука должна обращаться исключительно к анализу понятий, а не созерцаний, и указание на число должно содержать исключительно высказывание о понятии [1. С. 187].

Фреге различает вопрос о том, каким образом формируется содержание суждения, от вопроса о том, каким образом мы оправдываем его истинность. Такой шаг вполне закономерен в рамках той семантической структуры, которую выделяет Фреге. Вместе с отказом от идеи, что знак и обозначаемое тождественны друг другу, происходит осмысление того факта, что суждение в своей истинности не в меньшей степени, чем от собственного внутреннего содержания, зависит от других суждений, от контекста использования данного языкового выражения. В соответствии с этим различие априорного и апостериорного, аналитического и синтетического он относил именно к вопросу обоснования истинности суждения: «Когда предложение называют апостериорными или аналитическими в моем смысле, судят не о психологических, физиологических и физических обстоятельствах, которые делают возможным образование содержания предложения в сознании, а также не о том, как другой, возможно ошибочно, приходит к тому, что он считает его истинным, но о том, на чем в самых глубинных основаниях покоится оправдание признания за истинное» [1. С. 142]. Пол Бенацераф указывает, что Фреге помещает как различие априорного и апостериорного, так и различие аналитического и синтетического на стороне обоснования знания с той целью, чтобы решительно избавиться от возможности психологического объяснения природы математики [3. С. 266–277]. Безусловно, в приведенном выше отрывке Фреге акцентирует свое внимание на неправомерность психологического и исторического подходов в решении вопроса о природе знания. Однако вполне обоснованно его слова можно отнести и к кантовским попыткам объяснить природу математики с помощью обращения к трансцендентальным способностям нашего разума.

Трансцендентальный подход Канта предполагает обращение к внутренним мыслительным процессам, сопровождающим вынесение того или иного суждения. Однако Фреге подчеркивает различие между непосредственно знанием, которое может быть дано эксплицитно в виде определений и цепи выводов, которые приводят нас к убеждению в его истинности, и теми субъективными условиями, в которых происходит формирование, возникновение его содержания. Последнее не может касаться вопроса о природе знания, поскольку процесс формирования содержания знания не является частью самого знания. Уже однажды сформированное содержание знания остается таковым и не утрачивает своего значения даже без обращения к способу его формирования. Именно это Фреге имеет в виду, говоря об объективности понятия [1. С. 188]. Однако оценка или проверка знания на истинность может пролить свет на то, какую роль мы выделяем тому или иному суждению в контексте остального имеющегося у нас знания и в контексте нашего опыта.

Именно посредством обращения к цепи выводов мы в состоянии простроить те объективные (относящиеся к самому знанию), а не субъективные (относящиеся к способу его формирования или понимания) связи между суждениями, которые вынуждают нас принять суждение за истинное.

Как пишет исследовательница М. Тробок, следует различать эпистемологическое и логико-семантическое обоснование знания. Если первое проводится путем обращения к процессу мышления, к сознанию субъекта, то второе рассматривает объективные условия истинности суждений и преследует цель сделать истинность пропозиций максимально очевидной путем строгого логического доказательства последних. Для Фреге характерен второй способ обоснования знания. Для иллюстрации данной дистинкции М. Тробок приводит замечательную цитату Шапино, который обращает наше внимание на то, что центральной проблемой поиска оснований математики является вовсе не вопрос о том, каким образом мы знаем, что $5 + 7 = 12$. Мы знали эту арифметическую истину задолго до возникновения вопроса об основаниях математики. Как отмечает Шапино, наше знание, или скорее даже понимание, арифметики не нуждается в поиске его логико-семантического обоснования, в тех логических доказательствах и определениях, которые пытается проводить в своих работах Фреге. Интерес Фреге заключается исключительно в выявлении лежащих в основании математики *объективных* отношений между пропозициями [4. Р. 22–23]. Поэтому, как верно указывает М. Тробок, Фреге предлагает не объяснение того, как мы «схватываем» математические объекты посредством интуиции или созерцания, а решение вопроса о том, что именно обеспечивает строгость и точность математического знания [5. Р. 86]. Как пишет сам Фреге: «Не следует принимать описание того, как возникает представление, за определение, не следует принимать указание на душевные и телесные условия, приводящие предложение к сознанию, за доказательство, и не следует смешивать процесс, в котором предложение становится мыслимым, с его истинностью!» [1. С. 136].

Однако при проведении доказательства арифметических суждений для Фреге присуще стремление обращаться исключительно к законам логики. Поэтому сложно согласиться с мыслью, что исследование Фреге вовсе не имело эпистемологической мотивации. Зачем тогда искать основания арифметики в логических законах, откуда в работах Фреге идея редукции математики к логике? Объяснение математики через логику имеет свой эпистемологический мотив. Фреге надеется на то, что в своем основании математика будет иметь столь же ясный предмет, как и логика, а именно априорные законы мышления. Для Фреге логика представляет собой набор определений и правил, касающийся сугубо связи понятий и суждений друг с другом. Определения в логическом смысле лишь устанавливают значение выражения и при этом не утверждают никакой наблюдаемый факт. Соответственно этому, он осторожно, но прямо говорит о том, что логика представляет собой законы мышления, указывая на непсихологический характер последних [6. С. 28].

Логика для Фреге действительно является «третейским судьей», как пишет М. Тробок [5. Р. 86]. Редукция математических суждений к логике позволила бы ясно очертить область математики, а именно математика представлялась бы как априорный и истинный способ связи понятий и суждений друг с другом. Так, он пишет, что нет ничего невозможного в том, чтобы за-

коны чисел относились к ряду истин, которые обосновываются посредством одного лишь мышления [1. С. 158]. И в том случае, если бы удалось доказать, что арифметические суждения относятся к законам логики, «как теоремы относятся к аксиомам геометрии», пишет Фреге, «не удержалось бы широко распространенное пренебрежение аналитическими суждениями и сказка о непродуктивности чистой логики» [1. С. 159]. Очевидно, что Фреге идет дальше Канта, замечая необходимость *обоснования* априорной и аналитической природы математики. Однако несмотря на то, что данное обоснование Фреге решает провести путем поиска объективных оснований математики, корни этого решения лежат в эпистемологическом убеждении в априорной и аналитической природе логики. Идея редукции математики к логике появляется не как результат некоторой очевидности, что логика и математика в своем объективном содержании суть одно и то же, а в результате догматической интерпретации логики как априорных законов мышления. В случае, если бы технически удалось провести доказательство того, что математика является объективным продолжением логики, согласно Фреге, был бы получен ответ и на эпистемологический вопрос о природе математического знания.

В соответствии со всем вышесказанным становится очевидным, почему Фреге увязывает понятия априорности и апостериорности, аналитичности и синтетичности суждений со способом их доказательства: «Теперь это зависит от того, чтобы найти доказательство и свести математическую истину к первичным истинам. Если на этом пути наталкиваются только на общие логические законы и определения, то обладают аналитической истиной, причем предполагается, что при рассмотрении указаны также и предложения, от которых возможно зависит допустимость определения. Но если невозможно провести доказательство без использования истин, не имеющих общей логической природы, но относящихся к особой области науки, то предложение является синтетическим. Для того чтобы истина была апостериорной, требуется, чтобы ее доказательство не удавалось без ссылки на факты; т.е. на недоказуемые истины, не обладающие всеобщностью, которые содержат высказывание об определенных предметах. Если, наоборот, возможно провести доказательство всецело из общих законов, которые сами не способны и не нуждаются в доказательстве, то истина является априорной» [1. С. 142].

Необходимо заметить, что в данных определениях речь идет не просто о суждениях, как было в работах Канта, а об априорных, апостериорных, аналитических и синтетических *истинах*. Это в очередной раз подчеркивает те ограничения, которые накладывает Фреге на обсуждаемое проблемное поле. Для него априорная ошибка это такой же абсурд, как и голубое понятие [1. С. 142]. Как указывает Тайлер Бёрдж, Фреге в своих работах сфокусирован на дедуктивном доказательстве суждений из самоочевидных пропозиций, которое просто не может привести к ошибке [7. Р. 358]. Также Т. Бёрдж отмечает другое отличие в объяснениях понятия априорности у Фреге и Канта, заключающееся в том, что Фреге не упоминает в своем определении чувственный опыт, а характеризует априорность в терминах всеобщности посылок, из которых доказывается суждение [7. Р. 365]. Действительно, в его определении эксплицитно не указано, что априорное знание не зависит от чувственного опыта. Однако если обратиться к § 17 «Основоположений арифметики», то

станет очевидно, что дедуктивное доказательство суждений для Фреге означало обоснование последних посредством чистого мышления и вне зависимости от наблюдаемых фактов. В совокупности с замечанием Бёрджа о том, что, акцентируя свое внимание на понятии доказательства в определении априорных и апостериорных истин, Фреге имеет в виду дедуктивное доказательство, следует сделать вывод о том, что для Фреге так же, как и для Канта, априорное знание – это знание независимое от опыта.

Однако Тайлер Бёрдж очень тонко отмечает принципиальную разницу подходов Канта и Фреге в определении априорного знания. Эта разница заключается не только в том, что для Фреге понятие априорности эксплицируется в терминах доказательства и самоочевидных истин, а для Канта, вдобавок к этому, еще и с помощью обращения к трансцендентальным способностям разума. В работах Фреге априорность связывается исключительно с доказательством суждений из самоочевидных положений, истинность которых не зависит от сознания субъекта и содержится в пропозициях *сама по себе*. Даже догматическое убеждение Фреге в том, что логика представляет собой законы мышления, не противоречит такой интерпретации априорности, поскольку задача логики, с его точки зрения, заключается в обнаружении законов истинности, экспликации априорных правил для признания суждения истинным, но не объяснение природы самой истины. Истинность суждений полностью независима от сознания или мышления познающего субъекта, а быть априорно обоснованным в своем суждении для Фреге означает лишь следовать дедуктивному выводу с пониманием. В работах же Канта само доказательство математических суждений должно включать в себя обращение к субъекту и не может быть представлено в виде цепи умозаключений. Трансцендентальные формы чувственности позволяют проводить обоснование математических суждений с помощью обращения к созерцанию, которое принципиально не может быть выражено в виде набора пропозиций. Сама структура математического доказательства в интерпретации Канта содержит в себе существенную ссылку на априорные способности нашего разума. В то время как для Фреге доказательство представляет собой неизменную и объективную последовательность истин, фундаментально независимых от мышления субъекта [7. Р. 363–364]. Это замечание отчетливо перекликается с дистинкцией эпистемологического и логико-семантического обоснования знания, которую предлагает М. Тробок.

Что касается всеобщности посылок, из которых должно осуществляться доказательство априорных суждений, то Бёрдж в своей работе, посвященной понятию априорности у Фреге, пытается подчеркнуть, что Фреге рассматривает всеобщность в качестве универсальной квантификации [7. Р. 369]. Истина априорна в том случае, когда ее конечные основания, во-первых, выражены в форме суждения при помощи логического квантора всеобщности и, во-вторых, сами по себе являются самоочевидными истинами. Однако кажется достаточно сложным провести тонкую грань между формальным требованием использовать квантор всеобщности и неформальным объяснением всеобщности суждений, которое присуще работам Фреге. Так, в определении он использует понятие «общих логических законов», из которого не совсем ясно, что Фреге ограничивает область априорных истин именно суждениями с универсальной квантификацией. Всеобщность априорных истин, понимаемая

Фреге как независимость от фактов, вполне может быть сравнима с абсолютной всеобщностью Канта, которую он противопоставлял всеобщности случайной, эмпирической. Также слова Фреге об априорных истинах, которые «не нуждаются в доказательстве», можно интерпретировать схожим по смыслу с кантовским понятием необходимости образом. Получается, что ключевыми характеристиками априорных истин, несмотря на обращение Фреге не непосредственно к суждениям, а к способу их доказательства, остаются *необходимость* и *всеобщность* оснований, с помощью которых это доказательство проводится.

Однако определения аналитических и синтетических истин, выдвигаемые Фреге, сильно разнятся с определениями, которые дает Кант. В первую очередь Фреге обращается к критике кантовского определения априорных синтетических суждений, которое обозначает два отличающих признака последних: синтетические суждения являются *расширяющими* и основываются на априорном *созерцании* [2. С. 47–48]. Во-первых, Фреге выступает против понимания синтетических суждений как расширяющих изначальный смысл входящих в него понятий, поскольку аналитические суждения точно так же справляются с данной функцией: «То, что из них можно вывести, обозревается не с самого начала; при этом не просто из сундука снова извлекается то, что там схоронилось. Такие выводы расширяют наше знание, а поэтому, их, следуя Канту, нужно считать синтетическими; и все-таки их можно доказать чисто логически, и они к тому же аналитические. Действительно, они содержатся в определениях, но не как бревна в доме, а как растения в семенах. Часто несколько определений используется для доказательства предложения, которое, таким образом, не содержится в них по отдельности и все же вытекает из них всех в совокупности» [1. С. 222]. Как пишет Бёрдж, Кант понимал анализ как процесс разбиения понятия или суждения на составные части. Для Фреге же анализ представлял собой поиск канонического доказательства суждения из базовых логических аксиом. Поэтому Фреге отрицает понятие аналитичности, определяемое с помощью отсутствия содержания суждения, и в своем определении напрямую увязывает это понятие с логикой [7. Р. 356]. Во-вторых, если понимать синтетические суждения исключительно как суждения, основанные на созерцании, то Фреге готов согласиться с выводом Канта об априорной и синтетической природе некоторых *геометрических* положений. Но, безусловно, он не готов признать все математические суждения синтетическими истинами: «Если Кант и заблуждался относительно арифметики, то для его заслуг, я думаю, это не существенный ущерб. Дело в том, что существуют синтетические суждения а priori; а встречаются ли они только в геометрии или также и в арифметике менее значимо» [1. С. 223].

Мы можем выразить определения априорных и апостериорных, аналитических и синтетических истин Фреге следующим образом. Аналитические истины вытекают из общих логических законов и определений. Априорные истины вытекают из общих законов, которые не нуждаются в доказательстве, вне зависимости от того, являются ли они логическими или нет. Соответственно, все аналитические истины, согласно Фреге, являются априорными. При этом некоторые априорные истины не являются аналитическими. Так, истины геометрии являются априорными и синтетическими. Определения апостериорной и синтетической истин даются от обратного.

Обращая внимание на данные определения и проделанный сравнительный анализ подходов Фреге и Канта в решении вопроса о природе математического знания, можно сделать несколько выводов. В первую очередь стоит отметить, что работы Фреге действительно означают некоторую смену парадигм в рамках философского вопроса о природе математических суждений. Проблема природы математики переводится им из области эпистемологии в область логического доказательства математических суждений. В отличие от подхода Канта подход Фреге не предполагает обращения к субъективным условиям возможности познания, а выдвигает требование поиска объективных взаимосвязей пропозиций друг с другом. Однако неверно утверждать, что Фреге вовсе отказывается от философской интерпретации роли математики и логики в познании и оставляет вопрос о природе последних исключительно в сфере математического доказательства. Идея редукции математики к логике имеет свой эпистемологический мотив. Если для Канта в качестве априорного знания со всей очевидностью выступает математика, то для Фреге с той же непосредственной очевидностью в такой роли выступает логика. Его идея заключается в том, что математика аналогично логике применима исключительно к понятиям и является знанием о связи последних друг с другом. Применимость математики в описании физической реальности в таком случае объяснялась бы корректным подведением предметов опыта под математические понятия и не более того. Понятие аналитичности, которое напрямую увязывается Фреге с понятием общих логических законов, является следствием его эпистемологического и догматического убеждения в априорной и аналитической природе логики.

В связи с тем, что Фреге задает совершенно новый способ философского рассуждения над вопросом о природе математических суждений, можно говорить о том, что логицизм является равноценной трансцендентализму философской традиций. Поэтому неверно интерпретировать логицизм Фреге как преодоление трансцендентализма Канта. Трансцендентальный метод в рамках проблемы природы математики, вероятно, имеет место быть в качестве решения эпистемологического вопроса о том, каким образом мы познаем или понимаем математические суждения. Работы Фреге позволяют провести различие между проблемой природы математического знания и проблемой объективных оснований математики. Именно для последней характерно проведение логического доказательства математических суждений с целью эксплицировать объективные предпосылки последних. Очевидно, метод трансцендентальной философии в рамках такой узкой задачи оказывается неприменимым. Тем не менее, Фреге в своих работах проводит последовательный отказ от некоторых частных идей Канта. Его критика обоснования математического знания посредством пространства и времени и его требование обращения внимания на способ доказательства математических суждений, безусловно, видоизменяют и заменяют определения априорного, апостериорного, аналитического и синтетического знания, данные Кантом. Внимательная критика различных эпистемологических моделей, объясняющих природу математики, и убеждение в тесной связи логики и мышления вместе с новаторской идеей редукции математики к логике делают Фреге срединным персонажем в истории философии, который связывает между собой классическую и аналитическую традиции.

Литература

1. Фреге Г. Основоположения арифметики. Логико-математическое исследование о понятии числа // Логико-философские труды / пер. с англ., нем., франц. В.А. Суровцева. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 125–245. (Пути философии).
2. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М. : Изд-во «Э», 2016. 736 с. (Библиотека всемирной литературы).
3. Бенацераф П. Фреге: последний логицист // Логико-философские труды / пер. с англ., нем., франц. В.А. Суровцева. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 252–280. (Пути философии).
4. Shapiro S. Foundations of mathematics: Metaphysics, epistemology, structure // The Philosophical Quarterly. Vol. 54, № 214. Oxford Universities Press, 2004. P. 16–37.
5. Trobok M. Debating (Neo)logicism: Frege and the Neo-Fregeans // Between Logic and Reality: Modeling Inference, Action and Understanding (Logic, Epistemology, and the Unity of Science). Springer, 2012. P. 83–98.
6. Фреге Г. Логические исследования // Логико-философские труды пер. с англ., нем., франц. В.А. Суровцева. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 125–245. (Пути философии).
7. Burge T. Frege on Apriority // Truth, Thought, Reason. Essays on Frege. Oxford : Clarendon Press, 2000. P. 356–387.

Anna S. Khromchenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: annhs971017@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 126–134.

DOI: 10.17223/1998863X/61/14

DIFFERENCES IN CONCEPTIONS OF THE NATURE OF MATHEMATICAL PROPOSITIONS IN FREGE AND KANT

Keywords: logicism, transcendentalism, foundations of mathematics, a priori knowledge, analytical and synthetic judgments

The article presents a comparative analysis of the views of Frege and Kant on the nature of mathematical propositions. The author of the article puts the distinction between the epistemological and logico-semantic justification of knowledge as the basis for comparing Kant's transcendental approach and Frege's logicism. The first is carried out by referring to the process of thinking and to the subject's mind. The second considers the objective conditions for the truth of propositions and aims to make the truth of propositions as obvious as possible by the rigorous logical proof of the latter. In Kant's interpretation, the structure of the justification of mathematical knowledge contains an essential reference to the a priori faculties of our reason. Frege's interest lies in revealing the objective relations between propositions that lie in the foundation of mathematics. For Frege, the proof of mathematical propositions must be an invariable and objective sequence of truths that are fundamentally independent of the subject's thinking. However, Frege tends to refer exclusively to the laws of logic in the proof of arithmetic propositions. Such an explanation of mathematics through logic has its own epistemological motive. Frege hopes that mathematics, as well as logic, will have a priori laws of thought as its subject. If it were technically possible to prove that mathematics is an objective extension of logic, the epistemological question about the nature of mathematical knowledge would also be answered. Obviously, the method of transcendental philosophy is not applicable to such a narrow task. However, it is wrong to interpret Frege's logicism as overcoming Kant's transcendentalism. The transcendental method, within the framework of the problem of the nature of mathematics, probably has a place, but only as a solution to the epistemological question of how we know or understand mathematical judgments. Nevertheless, Frege's works consistently reject some of Kant's particular ideas. His criticism of the idea of justifying mathematical knowledge by appealing to space and time, and his demand to pay attention to the proof of mathematical propositions certainly modify and replace the definitions of a priori, a posteriori, analytical, and synthetic knowledge given by Kant.

References

1. Frege, G. (2008a) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and Philosophical Works]. Translated from English, German and French by V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo. pp. 125–245.
2. Kant, I. (2016) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Translated from German by N. Lossky. Moscow: E.

3. Benazerraf, P. (2008) Frege: posledniy logitsist [Frege: the last logicist]. In: Frege, G. *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and Philosophical Works]. Translated from English, German and French by V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo. pp. 252–280.
4. Shapiro, S. (2004) Foundations of mathematics: Metaphysics, epistemology, structure. *The Philosophical Quarterly*. 54(214). pp. 16–37.
5. Trobok, M. (2012) Debating (Neo)logicism: Frege and the Neo-Fregeans. In: Trobok, M., Mišćević, N. & Žarnić, B. (eds) *Between Logic and Reality: Modeling Inference, Action and Understanding (Logic, Epistemology, and the Unity of Science)*. Springer. pp. 83–98.
6. Frege, G. (2008b) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and Philosophical Works]. Translated from English, German and French by V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo. pp. 125–245.
7. Burge, T. (2000) *Truth, Thought, Reason. Essays on Frege*. Oxford: Clarendon Press. pp. 356–387.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.23

DOI: 10.17223/1998863X/61/

С.А. Батуренко

ФЕМИНИСТСКИЕ/АНТИФЕМИНИСТСКИЕ ИДЕИ М.М. КОВАЛЕВСКОГО

Рассматриваются феминистские и антифеминистские идеи русского историка и социолога М.М. Ковалевского, который внес вклад в разработку данного вопроса. Отражены результаты теоретического исследования, в ходе которого были проанализированы идеи ученого о положении женщины в обществе. Обозначены основные тенденции роста эмансипации женщины в связи с общей логикой движения общественного прогресса.

Ключевые слова: феминистская социология, женский вопрос, русская социология, равенство полов, социальное положение женщины, М.М. Ковалевский

Введение

Максим Максимович Ковалевский – известный русский ученый-социолог, историк, экономист и правовед, антрополог и общественный деятель. Он был профессором Московского, Санкт-Петербургского (Петроградского) и нескольких европейских университетов, преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах в Москве (1906–1916), участвовал в создании Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского, при его участии был создан Психоневрологический институт (1907). М.М. Ковалевский был действительным членом Российской академии наук, членом ряда научных обществ. В 1906 г. был избран в I Государственную Думу, являлся членом Госсовета, а также одним из ведущих публицистов журнала «Вестник Европы». Обладая энциклопедическими знаниями, Ковалевский сумел интегрировать в своем научном наследии почти все социогуманитарные науки [1, 2]. Современники называют его центральной фигурой духовной жизни России рубежа XIX–XX вв.

М.М. Ковалевский внес огромный вклад в развитие европейской и отечественной социологии, ее институционализацию [3–6]. Он является основателем особого направления в науке – генетической социологии. Вклад этого выдающегося ученого в развитие науки трудно переоценить. Творчество Ковалевского обширно и разнообразно, представлено более чем в 670 работах. В настоящее время научное наследие автора вызывает большой интерес, огромное количество трудов посвящено исследованию творчества этого известного русского ученого, имевшего широкий спектр интересов [7]. Ковалевский внес большой вклад в разработку не только самых разных социологических, но и политических проблем [8–10]. Вместе с тем ряду вопросов, на наш взгляд, в настоящее время уделено недостаточно внимания.

В числе наименее изученных остается проблематика положения женщины в обществе, учитывая известные заслуги ученого в области развития концепции эволюции семьи и семейных взаимоотношений.

М.М. Ковалевский: теория семьи и положение женщины в обществе

Огромный вклад вносит Ковалевский в разработку теории семьи, чему посвящен ряд трудов в этой области, среди которых можно особенно отметить работы «Очерк происхождения и развития семьи и собственности», «Современный обычай и древний закон» и второй том фундаментального труда «Социология. Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности». Ковалевский не был исключительно кабинетным ученым, он совершил несколько этнографических и археологических экспедиций на Кавказ в 1883, 1885, 1887 гг. Проявляя особый интерес к этнографии, участвуя в экспедициях, ученый стал первым русским социальным и культурным антропологом [11]. Опираясь на большое количество собранных данных, он и опубликовал такие работы, как «Первобытное право», «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении», «Закон и обычай на Кавказе» [12–14]. На основании анализа этих работ можно составить представление не только о процессах эволюции семьи и семейных взаимоотношений, но также и о положении женщины в обществе в исторической перспективе.

В 1895 г. была опубликована работа «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» [15]. Русский социолог и историк проводит глубокий анализ брачно-семейных отношений в разные периоды человеческого общества, начиная с древнейшей эпохи. Труд Ковалевского представляет огромный интерес для современной науки, поскольку он демонстрирует пример удачного сочетания конкретно-исторических исследований и социологического анализа. Одной из основных заслуг социолога оказалась осуществленная им возможность показать универсальность родового строя, матриархата, семейной и соседской общин. Вместе с тем чаще данная работа рассматривается исключительно с точки зрения вклада ученого в развитие теории семьи в рамках эволюционного подхода.

М.М. Ковалевский одним из первых сумел осуществить социологический анализ системы матриархата, возникновения системы патриархата и его воспроизводства. Русский ученый прочел серию лекций в Стокгольмском университете, посвященную всестороннему рассмотрению проблемы происхождения и развития семьи и собственности, опубликованную позже в специальном очерке. Данная работа логически взаимосвязана с другими известными трудами социолога: «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (1879), а также с серией его многочисленных статей, опубликованных в «Юридическом вестнике». На основании богатых этнографических, исторических и юридических данных русский социолог дает ответ на актуальные вопросы о существовании матриархата у арийцев, доказывает преемственность трех фаз развития матриархальной, патриархальной и индивидуальной семьи. Опираясь на примеры из жизни различных

народов в разные времена, социолог анализирует эти периоды развития, уделяя особое внимание причинам эволюции семьи и собственности.

М.М. Ковалевский подтверждает, что рассматриваемая эволюция совершается у народов, принадлежащих к разным расам и исповедующих разные религии. Ученый описывает медленное и постепенное установление власти мужа и отца в матриархальном обществе. Творчество Ковалевского в целом отличается универсальный подход к изучению общества. Следует отметить особенности исследовательского метода, выбранного социологом. Речь идет об использовании историко-сравнительного метода, ориентированного больше на выявление сходства, чем выделения различий изучаемого явления; этнографического метода, играющего вспомогательную роль по отношению к историческому; а также о необходимости использования так называемого метода переживаний, состоящего в изучении настоящего быта с целью открыть в нем следы прошлого. Третьему методу, методу переживаний, М.М. Ковалевский придает особое значение, поскольку он играет большую роль при исследовании древнейшего социального порядка и заполняет тем самым пробелы двух других принятых методов исследования, давая возможность восстановить все стороны общественной жизни на разных ступенях его развития, учитывая подробности, превращая социологические данные в наиболее точные.

Использование этих методов оказалось полезным эвристическим инструментом в том числе и в области изучения положения женщины в обществе. М.М. Ковалевский критикует, утвердившиеся на тот момент в науке представления о существовании в древние времена патриархальной семьи и показывает, что на ранних ступенях развития общества существовала матриархальная семья. При этом социолог указывает на объективные сложности познания предмета, учитывая, что социальное и интеллектуальное состояние современного человека является отличным, неспособным в должной мере понять истинный смысл первобытных цивилизаций. В первой лекции представленного курса М.М. Ковалевский утверждает, что «в начале человеческого общежития семья вовсе не была индивидуальной четой, какой она является в настоящее время. Она состояла из целой группы лиц, носивших одно и то же имя, вступавших в брак согласно принципам экзогамии и сообща обладавших своими женами» [15. С. 27]. Такую утробную и экзогамную семью, которая признает только групповой брак русский социолог называет матриархатом, составляющим первобытную фазу семейной организации, продолжением которой становится патриархат. Для такого типа семьи не характерен пожизненный брак, а также власть мужа и отца. Ученый отмечает необходимость обоснования матриархальной теории фактами из сравнительной истории права различных народов. Выводы о существовании матриархальной семьи заключаются в том, что неправомерно утверждать коренное различие развития семьи у наиболее цивилизованных представителей человечества и у дикарей или варваров. М.М. Ковалевский рассматривает причины разложения первобытной семьи и процесс самопроизвольного зарождения супружеской и отцовской власти. Проблема установления патриархата является одной из основных в современной теории феминизма. Рассматривая патриархальную систему как исторически первую структуру господства и

подчинения, теоретики феминизма называют ее наиболее фундаментальной структурой подавления, базовой моделью доминирования в обществе.

Ковалевский выделяет одну из важнейших особенностей индивидуальной семьи – власть над детьми принадлежит в ней не одному отцу, а обоим родителям. «Происхождение материнской власти тесно связано с высвобождением жены из-под власти мужа и с той все более и более заметной ролью, которую она начинает играть с самого зарождения индивидуальной семьи. В тот момент, когда муж перестал быть ей господином и сделался равным ей лицом, в отношениях между родителями и детьми должна была произойти глубокая перемена» [15. С. 117]. Автор отмечает, что начиная с XVI в. мы постоянно встречаем указания на равенство прав мужа и жены по отношению к детям.

Результатом многовекового прогресса семьи, по мнению русского ученого, является замена идеи неограниченной власти и абсолютного права мыслью о договоре и взаимной обязанности. «Ограничение отцовского и супружеского произвола, расширение прав жены и охрана детских интересов, отнюдь не служа к гибели семьи, лишь возвысили ее нравственный уровень. Повсюду она или уже сделалась, или стремится сделаться поприщем для проявления наших наиболее благородных и возвышенных чувств. Все более и более проникаясь духом свободы и равенства, она может обеспечить в настоящее время как той, так и другой стороне полное развитие ее способностей и даже дать им новый стимул для деятельности – чистую привязанность, основанную на обоюдном уважении, постоянном обмене услуг и нравственной солидарности» [15. С. 123].

В целом, рассуждая о положении женщины в обществе, Ковалевский не склонен был подчеркивать ее подчиненное или даже порабощенное положение, как это делали другие отечественные и зарубежные мыслители, например, А.П. Щапов, Л.И. Петражицкий [16, 17], Дж.Ст. Милль, хотя, безусловно, его исследования указывают на гендерное неравенство. Скорее, наоборот, ученый обращает внимание на относительную автономию женщины в процессе развития семьи. Главной тенденцией при этом является обретение женщиной все большей свободы, что связано с объективным ходом развития общества.

Вопрос женской эмансипации отражен также в других работах ученого. В четвертой главе второго тома фундаментального труда «Социология», которая называется «Исходные моменты в развитии человеческой семьи», с точки зрения генетической социологии, как науки о происхождении общественных институтов, рассматриваются возможные различия развития семьи и положения женщин в обществе «у наиболее цивилизованных представителей человечества и у дикарей или варваров» [18. С. 90].

Во-первых, автор подвергает сомнению распространенное мнение о том, что первобытному человеку было свойственно подчиненное положение женщины, даже если учитывать факт большего признания в это время физической силы. Ученый пишет: «То обстоятельство, что первобытному охотнику и рыболову нередко приходилось оставлять попечение об очаге матери своих детей, или жить в доме ее родителей, достаточно объясняет причину, по которой те права жизни и смерти, изгнания и продажи, какие принадлежали мужу по отношению к жене в эпоху совершенного упрочения патриархаль-

ной семьи, были неизвестны первобытным звероловам и рыболовам. Поэтому, я не могу согласиться с мнением Гроссе, что женщина у них не более, как домашнее животное» [18. С. 78]. В качестве доказательства приводятся многочисленные примеры из истории, собственного опыта сравнительных этнографических исследований, подтверждающие точку зрения ученого. Ковалевский доказывает, что часто у «дикарей... весьма распространена система считать родство не по отцу, а по матери, – обстоятельство, благодаря которому связь ребенка со старшим братом матери, иначе говоря, с материнским дядей теснее его связи с отцом. Имя, а иногда и имущество, передается от материнского дяди к племяннику, а не от отца к сыну» [18. С. 2]. Широко используются данные, полученные в ходе экспедиции на Кавказ. Русский ученый разрушает представление о семье дикарей-охотников, как о построенной на принципе единоженства, редко нарушаемого полигамией и связанного с совершенным бесправием супруги по отношению к мужу.

Во-вторых, социолог сравнивает процессы развития семьи у древних семитских народов и древнеарийских. Приводится множество исторических фактов, подтверждающих предположение автора о том, что и те и другие проходят идентичный путь развития. На основании своих наблюдений автор приходит к следующему выводу: «Семиты и арийцы следовали в своем общественном развитии по тому же пути, что и другие расы. Подобно Океанийцам и Краснокожим, они начали с матриархата, следы которых сохранились в их древнейшем праве и народном эпосе. По нашему мнению, должно оставить всякую мысль о коренном различии в развитии семьи у наиболее цивилизованных представителей человечества и у дикарей или варваров» [18. С. 90].

На основе указанных фактов можно сделать вывод о том, что изменение положения женщины в обществе, как и развитие семьи в целом в истории, проходило эволюционным путем и не имеет значительных отличий у древних семитских и древнеарийских народов. Кроме того, можно заметить, что в своих научных трудах положение женщины не рассматривалось ученым вне рамок семьи, а система патриархата, по его мнению, не является действующей и основной моделью доминирования в обществе.

М.М. Ковалевский и «женский вопрос» в Государственной Думе

В 1905 г. российское общество широко обсуждало идею национального парламента, передовые женщины России начали вести активную борьбу за право участвовать в выборах в I Государственную Думу. Женщины видели единственный путь решения «женского вопроса» путем получения возможности повлиять на принятие Государственной Думой справедливых законов. Самые известные женские организации того времени приняли участие в обширной дискуссии и выработке способов решения проблемы: Русское женское взаимно-благотворительное общество, Союз равноправности женщин (СРЖ), Женская прогрессивная партия [19].

М.М. Ковалевский оказался одним из депутатов высокого собрания, участвовавшим в обсуждении проблемы. Он был избран членом I Государственной Думы от Харьковской губернии. Депутаты Государственной Думы этого времени еще не имели достаточного опыта работы, они только начинали осмысливать принципы и порядок функционирования высокого собрания.

Историки отмечают недостаточную подготовку депутатов в области законодательного творчества и развития права, существовавшего наряду с осознанием необходимости активизации деятельности в области принятия решений государственного уровня. Участие русского ученого в Государственной Думе оказалось особенно ценным, поскольку он владел обширными знаниями в области истории и юриспруденции, а также способностью объяснять и убеждать слушателей. Выступления Ковалевского в Думе всегда были построены на богатом историческом материале, по всем возникающим вопросам он приводил известные ему примеры из истории действующего законодательства и опыта парламентаризма разных стран: Англии, Франции, Америки.

В июне 1906 г. состоялось заседание Думы, на котором одним из вопросов, вызвавших самые бурные дебаты, стал вопрос о политическом равноправии женщин. Ряд депутатов выступили за допуск женщин к получению образования, занятию государственных должностей, среди которых был один из известнейших русских правоведов Лев Ильич Петражицкий. Однако были и те, кто выступил против предоставления женщинам прав, равных тем, которыми обладали мужчины. Среди высказавшихся против оказались и правые депутаты, и некоторые политики, называвшие себя либералами. Против женской эмансипации выступил и профессор Ковалевский, бывший в это время лидером Партии демократических реформ. По мнению уважаемого ученого, равные права предполагают и равные обязанности, а поскольку женщины не несут воинскую повинность, они не могут рассчитывать на уравнивание в правах. В своем выступлении Ковалевский отметил: «Мы будем считаться с невыгодными последствиями признания принципа, что мужчины и женщины в правах равны. Ведь равные права предполагают равные обязанности. Сейчас же возникает поэтому вопрос о том, распространим ли мы на женщин и воинскую повинность, образуем ли мы корпус амазонок или нет? По всей вероятности, никто не собирается образовывать корпуса амазонок. Придется на этот счет сделать ту же поправку, которую англичане сделали со времен Елизаветы и первых кодификаторов общего земского права, в том числе судьи Кока. Англичане выражают это известным афоризмом: парламент все может сделать, но он не может обратить мужчину в женщину и женщину в мужчину» [20].

С Ковалевским были солидарны: Пётр Александрович Гейден – тайный советник и известный российский судебный общественный и политический деятель; Дмитрий Иванович Шаховский – князь, общественный и политический деятель, внук декабриста, член Конституционно-демократической партии, либерал; крестьянин, волостной судья, Филипп Александрович Кругликов, выступивший по вопросам всеобщего избирательного права и гражданского равенства и многие другие. Депутаты считали необходимым отложить решение вопросов, связанных с предоставлением избирательных прав для женщин. «Как заявил октябрист граф П.А. Гейден, надо сначала самим мужчинам привыкнуть к парламентской деятельности. Мнение основной массы российского крестьянства, „воплотившее в себе инерцию обывательского сознания“, выразил депутат от Воронежской губернии Кругликов: „Женщины у нас не для избирательного права. Женщины у нас для того, чтобы смотреть за хозяйством, чтобы смотреть за детьми и за печкой“» (цит. по: [19. С. 39]). Ф.А. Кругликов обратил внимание депутатов на их общую недо-

статочную осведомленность о жизни крестьян в целом, их быте и укладе крестьянской семьи. Депутат Гейден поддержал и развил объяснения Ковалевского относительно равных прав мужчин и женщин, указывая на особую важность и сложность проблемы, которая требует осторожного и основательного подхода, поскольку она связана с изменениями законодательства «девяти томов Российской Империи». Гейден и Ковалевский указывают на чрезвычайную сложность проблемы прав женщин, требующей пересмотра семейного права, права крестьянского имущества и других.

Как политик, Ковалевский не поддержал идею политического равноправия женщин, возможно считая принятие такого решения преждевременным. Русский ученый был солидарен с другими депутатами, отмечающими необходимость фундаментального пересмотра российского законодательства в целом для принятия решения о политическом равноправии женщин. Профессор высказывался за проведение в отечественном законодательстве такого равенства, однако это потребует, по его мнению, тщательной проработки законопроектов, включающих отмену сословности в Российской империи, уравнивание в правах национальностей, вероисповеданий и многое другое.

М.М. Ковалевский и женское образование: практика и публицистика

М.М. Ковалевский был известен не только в России, но и в Европе. До 1887 г. ученый читал лекции по конституционному праву в Московском университете, но ему запретили преподавать, и следующие 15 лет он был вынужден жить за границей, читал курсы в известных университетах Европы, в Париже, Оксфорде, Брюсселе, Стокгольме и других городах, сочетая преподавательскую деятельность с литературной и научной. Вернувшись через 15 лет в Россию, Ковалевский преподавал на Высших женских курсах, читал курс по истории демократических доктрин. Сохранились воспоминания выпускниц юридического факультета, поступивших в 1915 г., которые высоко ценили и уважали известного ученого, поэтому слушать его приходили курсистки разных факультетов, в результате чего залы, в которых проходили лекции, были переполнены желающими обучаться. Слушательницы чувствовали гордость и выражали почтение известному социологу, историку, юристу, общественному и государственному деятелю, выступающему перед ними.

Вопрос о женском образовании и особенно высшем на рубеже XIX–XX вв. стоял особенно остро [21, 22]. Во второй половине XIX в. проявляется активное стремление женщин к получению такого образования. Широкий спектр причин оказал влияние на это стремление, среди которых можно отметить экономические, психологические и демографические факторы. Историки и социологи достаточно хорошо изучили проблему формирования женского образования в России данного периода. Среди наиболее значимых факторов, сыгравших огромную роль в становлении этих процессов, оказались экономические, вызванные изменениями в хозяйстве страны, произошедшими во второй половине XIX в.

Многие русские мыслители поддерживали идею необходимости предоставления возможности для женщин получить образование, среди которых были не только ученые историки, правоведы, экономисты, философы, социологи, но также писатели, публицисты.

В 1908 г. была опубликована статья Ковалевского «Можно ли закрывать женщинам доступ в университеты?» [23]. В 1911 г. Ковалевский опубликовал статью «Высшее женское образование» в известном издании «Вестник Европы», которая была посвящена становлению высшего женского образования в России и европейских странах [24]. В своей статье автор анализирует состояние системы женского образования в Германии, приводит статистические данные по количеству обучающихся женщин, женщин, окончивших среднюю школу, гимназию, получивших ученую степень, количеству женщин, возглавляющих гимназии и множество других данных. Русский историк и правовед проводит сравнительный анализ состояния женских гимназий и высшего образования для женщин в России и разных государствах Германии, а также в Англии, Америке, Скандинавских странах, представив тем самым одно из первых международных сравнительных исследований, посвященных данной проблематике. М.М. Ковалевский поднимает широкий спектр проблем по организации высшего женского образования, в числе которых стоит вопрос о возможности совместного обучения мужчин и женщин в университетах, а также вопрос правового обеспечения образовательного процесса.

Автор статьи отмечает, что Россия в период царствования Александра II опережала страны Европы в своем отношении к высшему женскому образованию так же, как и в организации средней школы для женщин. Ковалевский прослеживает процесс становления женского образования в Германии по сравнению с Россией, проводя оценку качества этого образования. Автор пишет: «Руководящая роль в женских гимназиях и преподавание в старших классах долго оставались в руках мужчин; женщины занимали подчиненное положение и преподавали, как у нас, в одних младших классах. Только с 1876-го года замечен поворот в пользу предоставления им права преподавать и в старших классах» [24. С. 418].

Ковалевский отмечает тот факт, что Россия на рубеже XIX–XX вв. во многом опирается на опыт германских государств в области организации высшего образования для женщин. Вместе с тем, по его мнению, большего развития достигли Скандинавские страны, Англия, Америка, Франция. Иллюстрируя сложности в профессиональном продвижении женщин в России, он приводит в пример, в частности, одну из известных русских ученых, получившую степень профессора, доктора математики Софью Васильевну Ковалевскую, которая предпочла остаться работать в Стокгольмском университете. С.В. Ковалевская хотела посвятить себя преподаванию математики в русских женских гимназиях, однако в соответствии с российским законом ей разрешалось преподавать арифметику исключительно в младших классах российской гимназии [24. С. 421].

Ковалевский отмечает слишком осторожное отношение русского законодателя к решению проблемы высшего женского образования, поскольку в законопроекте, принятом Государственным советом, остался открытым вопрос о том, «к каким профессиям должна готовить женщин высшая школа», за исключением двух – врача и педагога. Кроме того, ученый замечает, что русский законодатель не ставит вопрос о том, где именно женщина может получить необходимый уровень образования для того, чтобы заниматься педагогической деятельностью и лечебным делом.

Автор приводит данные относительно отсутствия равенства в оплате труда учителей гимназии мужчин и женщин в Германии «Из немецких государств равенство вознаграждения учителей и учительниц существует только в Саксонии. В Пруссии жалование учительницы составляет 4/5 жалования учителя; в Баварии с 1903-го года – 5/6» [24. С. 424]. Новый закон, принятый в России, утверждал звание учительницы средних учебных заведений и устанавливал равенство в отношении оплаты труда мужчин и женщин, занимающихся одинаковым видом деятельности в этой области, а также принцип равенства устанавливался и по отношению к пенсиям. В современном обществе до сих пор наблюдается существенная разница в оплате труда мужчин и женщин, выполняющих одинаковые виды работ. Экономическая сфера – одна из областей, в которых гендерное равенство пока не достигнуто. По данным современных индексов гендерного неравенства, наиболее заметным остается гендерный разрыв в экономической и политической сферах [25].

Положение женщины и прогрессивное развитие общества в теории М.М. Ковалевского

Вопрос о положении женщины в обществе для Ковалевского был неразрывно связан с основной проблематикой, над которой работал ученый, – это учение о солидарности и концепция прогресса. Как известно, Ковалевский подверг критике однофакторные теории исторического процесса и предложил свою собственную концепцию социальных факторов, которую называют плюралистической концепцией социальной причинности. В соответствии с этой теорией социально-исторические изменения определяются большим количеством изменяющихся во времени факторов. Для отечественной социологии классического периода проблема прогресса была одной из центральных. Ковалевский стал одним из мыслителей, разработавших собственную теорию прогресса, выделяя в качестве движущей силы общий для всего человечества закон постепенного развития общественной солидарности, обусловленного ростом «эмансипации индивида» [26, 27]. Ковалевский рассматривал прогресс как объективное развитие общества, которое подчинено определенным законам, связывая с этим свое представление о ходе исторического процесса. В соответствии с данной точкой зрения историческое движение человечества объясняется им как постоянное возрастание солидарности. Ученый приходит к выводу о том, что прогресс солидарности проявляется в виде все более расширяющихся концентрических кругов замиренности, которые можно проследить от первобытного рода до современного общества. Замиренность означает рост солидарности в обществе, концепция социальной замиренности оказалась фундаментальным вкладом ученого в развитие социологии. «Комплексным практическим выражением названных процессов является расширение равенства и свободы, все более свободного самоопределения личности, признание за все большим числом лиц их человеческого достоинства» [28. С. 95].

Усматривая в расширении границ замиренности нормальный и естественный путь развития, Ковалевский описывает данную тенденцию во всех социальных институтах, начиная с возрастания замиренности на уровне семьи и распространяющуюся впоследствии на общину и этнос. По мнению ученого, мы можем говорить об уровне социального развития общества, эт-

носа, любой социальной группы, цивилизованности на основании того, насколько в них устранены конфликты. В основе оценки уровня развития общества лежит степень согласованности социальных отношений, отсутствие состояния борьбы. Цивилизованным обществом на основании этого можно считать общество замиренное, или общество, в котором воцарился мир. В работе «Дарвинизм в социологии» автор пишет: «Если материнский тотэм или агнатический род признать первой по времени общественной ячейкой, то весь последующий процесс развития более обширных территориально-политических союзов представится нам, с одной стороны, постепенным расширением замиренной среды, а с другой – столь же постепенным ограничением арены ничем не сдерживаемой борьбы за существование» [29. С. 155]. По мнению Ковалевского, всякая группа является замиренной средой, где преобладает солидарность, осознание общности и взаимозависимости ее членов. Рост солидарности идет во всех направлениях, включая внутренние и внешние аспекты жизни общества, социальных групп и развитие социальных институтов.

Заключение

В трудах русского ученого можно обнаружить как феминистские, так и антифеминистские идеи. Ковалевский одним из первых предпринял попытку исследовать возникновение патриархальной системы, опираясь на обширный исторический материал и используя новое сочетание методов в социологии. Одним из выводов ученого стало утверждение о том, что система патриархата не является действующей и основной моделью доминирования в обществе, устойчивой структурой подавления женщин. Вместе с тем Ковалевский исследовал ряд других вопросов, имеющих большое значение для современной феминистской теории: неравенство между мужчинами и женщинами в экономической и политической сферах.

По мнению ученого, эмансипация женщины включена в общий порядок социального развития. Следуя предполагаемой ученым логике движения общественного прогресса, положение женщины в обществе будет изменяться в русле общей тенденции роста эмансипации индивида. В своих научных трудах русский социолог оспаривал представление некоторых отечественных и зарубежных мыслителей о подчиненном положении женщины в обществе и указывал скорее на ее относительную автономию в процессе развития семьи, отмечая тенденцию обретения ей все большей свободы в будущем.

Являясь депутатом Государственной Думы, Ковалевский не поддержал идею политического равноправия женщин, он считал преждевременным принятие данного решения, очевидно осознавая отсутствие надежного фундамента в виде баланса гражданских прав и обязанностей для мужчин и женщин. Русский ученый видел поставленную проблему гораздо глубже. Он понимал неготовность общества и системы российского законодательства в целом для принятия подобных решений, а также прочную взаимосвязь проблемы гендерного неравенства с другими фундаментальными проблемами российского общества: с существующей сословной системой, национальным неравенством, религиозной системой и многими другими.

Большое внимание ученый уделял вопросу образования женщин в России. Проведя глубокий анализ системы высшего образования в разных стра-

нах, он фактически представляет одно из первых социологических исследований, посвященных данной проблематике. Ковалевский указывает на основные трудности, существующие в области женского образования, а также намечает пути преодоления выявленных проблем. Изменение положения женщины в обществе и обретение ей все большей свободы проходят эволюционным путем, что связано с объективным ходом развития общества.

Литература

1. Ковалевский М.М. Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии. Методы сравнительного изучения права // Сборник по общественно-юридическим наукам. СПб. : Изд. О.Н. Поповой, 1899. Вып. 1. С. 1–29.
2. Ковалевский М.М. Обоснование дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии. Сборник 4. Генетическая социология. СПб. : Образование. 1914. С. 84–108.
3. Ковалевский М. М. Современные социологи. СПб. : Изд. Л.Ф. Пантелеев, 1905.
4. Ковалевский М. М. Социология: в 2 т. Т. 1. Социология и конкретные науки в обществе. Исторический очерк развития социологии. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1910.
5. Ковалевский М.М. Н.К. Михайловский как социолог // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 192–212.
6. Ковалевский М.М. Современные французские социологи // Вестник Европы. 1913. № 7. С. 339–369.
7. Боронов А.О., Глотов М.Б. Ковалевский М.М. и русская школа социологии // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 97–105.
8. Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии: в 4 т. М. : Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1895–1899.
9. Ковалевский М.М. Национальный вопрос и империализм. Вопросы мировой войны : сб. ст. Пг. : Право. 1915. С. 549–561.
10. Ковалевский М.М. Международная война и ее вероятные последствия // История нашего времени (Современная культура и ее проблемы). Пг., 1917. Т. 8, вып. 31.
11. Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1905.
12. Ковалевский М.М. Первобытное право. Вып. 1: Род. Вып. 2: Семья. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1886.
13. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении: в 2 т. М. : Тип. В. Гатцук, 1886.
14. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Соч. в 2 т. М. : Тип. А.И. Мамонтова и К., 1890.
15. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М. : Кн. дом «Либроком», 2014.
16. Батуренко С.А. Развитие феминистских идей в рамках географического направления русской социологии XIX – начала XX века: А.П. Щапов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 196–203.
17. Батуренко С.А. Развитие феминистских идей в рамках неокантианского направления русской социологии XIX – начала XX века: Л.И. Петражицкий, В.М. Хвостов // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 66–73.
18. Ковалевский М.М. Социология: в 2 т. Т. 2. Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1910.
19. Патрикеева О.А. «Женский вопрос» в I Государственной думе российской империи // Вестник Московского государственного гуманитарного университета (МГГУ) им. М.А. Шолохова. Отечественная история. История и политология. 2012. № 4. С. 36.
20. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 2. СПб. : Государственная типография, 1906. Стб. 1050.
21. Патрикеева О.А. «Падчерицы русских университетов»: проблемы высшего женского образования в России в конце XIX – начале XX столетий // История России: экономика, политика, человек. 2011. № 5. С. 177–191.
22. Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. М. : Академия наук СССР, Институт истории СССР, 1991.

23. Ковалевский М.М. Можно ли закрывать женщинам доступ в университеты? // Союз женщин. 1908. № 7–8. С. 10–15.
24. Ковалевский М.М. Высшее женское образование // Вестник Европы. 1911. № 6. С. 416–425.
25. Global Gender Gap Report 2018. World Economic Forum. URL: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2018/> (accessed: 25.12.2020).
26. Ковалевский М.М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности. Интеллигенция в России : сб. ст. СПб., 1910.
27. Ковалевский М.М. Прогресс // Вестник Европы. 1912. № 2. С. 225–260.
28. Бразевич С.С. Концепция социальной замирности М.М. Ковалевского // Наследие. 2014. № 1 (4). С. 94–102.
29. Ковалевский М.М. Дарвинизм в социологии. Памяти Дарвина : сб. ст. М. : Научное слово, 1910.

Svetlana A. Baturenko, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: level_s@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 135–147.

DOI: 10.17223/1998863X/61/15

FEMINIST/ANTI-FEMINIST IDEAS OF MAKSIM KOVALEVSKY

Keywords: feminist sociology, women's issue, Russian sociology, gender inequality, social status of women, Maksim Kovalevsky

The article considers the feminist and anti-feminist ideas of the Russian historian and sociologist Maksim Kovalevsky. Domestic thinkers largely contributed to the emergence in Russia of feminism as a social phenomenon and the theory of feminism in the history of Russian social thought. The specifics of historical, cultural, legal, economic development influenced the understanding of many issues within the framework of social sciences, including the need to study the “female question” in sociology. The article reflects the results of a theoretical study in which Kovalevsky's ideas about the position of women in society were analyzed. The problem of the status of women in society was noticeably expressed at the turn of the 20th century. Kovalevsky is one of the most famous Russian classical sociologists who contributed to the development of this issue. He created the well-known theory of the family, in the framework of which the position of women in society was considered. In his works, Kovalevsky challenged the idea of some domestic and foreign thinkers about the subordinate position of a woman in society and rather pointed to her relative autonomy in family development, noting the tendency of her gaining more freedom in the future. As a deputy of the I State Duma, Kovalevsky participated in the discussion of the issue of civil equality and the provision of political equality for women. Professor Kovalevsky was directly involved in the organization of higher education for women and in teaching. For Kovalevsky, the question of the position of women was associated with the doctrine of solidarity and the concept of progress. According to the scientist, the emancipation of women is included in the general order of social development. Following the logic of the movement of social progress assumed by Kovalevsky, the position of women in society will change in line with the general trend of growth in the emancipation of the individual.

References

1. Kovalevsky, M.M. (1899) *Sravnitel'no-istoricheskoe pravovedenie i ego otnoshenie k sotsiologii. Metody sravnitel'nogo izucheniya prava* [Comparative historical law and its attitude to sociology. Methods of comparative study of law] In: Gambarov, Yu.S. (ed.) *Sbornik po obshchestvenno-yuridicheskim naukam* [Collection of Works on Social and Legal Sciences]. Vol. 1. St. Petersburg: O.N. Popova. pp. 1–29.
2. Kovalevsky, M.M. (1914) *Novye idei v sotsiologii. Sbornik 4. Geneticheskaya sotsiologiya* [New ideas in sociology. Collection 4. Genetic sociology]. St. Petersburg: Obrazovanie. pp. 84–108.
3. Kovalevsky, M.M. (1905a) *Sovremennye sotsiologi* [Modern Sociologists]. St. Petersburg: L.F. Pantelev.
4. Kovalevsky, M.M. (1910a) *Sotsiologiya. V 2-kh tomakh* [Sociology. In 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
5. Kovalevsky, M.M. (1913a) N.K. Mikhaylovskiy kak sotsiolog [N.K. Mikhailovsky as a sociologist]. *Vestnik Evropy*. 4. pp. 192–212.

6. Kovalevsky, M.M. (1913b) Sovremennyye frantsuzskie sotsiologi [Modern French sociologists]. *Vestnik Evropy*. 7. pp. 339–369.
7. Boronoev, A.O. & Glotov, M.B. (2017) Kovalevskiy M.M. i russkaya shkola sotsiologii [Kovalevsky M.M. and the Russian school of sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 6. pp. 97–105.
8. Kovalevsky, M.M. (1895–1899) *Proiskhozhdenie sovremennoy demokratii: v 4 t.* [The origin of modern democracy. In 4 vols]. Moscow: A.I. Mamontov.
9. Kovalevsky, M.M. (1915) *Natsional'nyy vopros i imperialism. Voprosy mirovoy voyny* [The national question and imperialism. Issues of World War]. Petrograd: Pravo. pp. 549–561.
10. Kovalevsky, M.M. (1917) *Mezhdunarodnaya voyna i ee veroyatnye posledstviya* [International war and its probable consequences]. In: Kovalevskiy, M.M. & Timiryazev, K.A. (eds) *Istoriya nashe-go vremeni (Sovremennaya kul'tura i ee problemy)* [The history of our time (Modern culture and its problems)]. Vol. 8(31). Petrograd: [s.n.].
11. Kovalevsky, M.M. (1905b) *Rodovoy byt v nastoyashchem, nedavnem i otdalennom proshlom* [Ancestral life in the present, recent and distant past]. St. Petersburg: Brokgauz-Efron.
12. Kovalevsky, M.M. (1886a) *Pervobytnoe pravo* [Primitive law]. Moscow: A.I. Mamontov.
13. Kovalevsky, M.M. (1886b) *Sovremennyy obychay i drevniy zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii: v 2 t.* [Modern custom and ancient law. The customary law of Ossetians in historical and comparative lighting]. Moscow: V. Gattsuk.
14. Kovalevsky, M.M. (1890) *Zakon i obychay na Kavkaze* [Law and Custom in the Caucasus]. Moscow: A.I. Mamontov.
15. Kovalevsky, M.M. (2014) *Ocherk proiskhozhdeniya i razvitiya sem'i i sobstvennosti* [Essay on the origin and development of the family and property]. Moscow: LIBROKOM.
16. Baturenko, S.A. (2017a) Development of the feminist ideas within the geographical direction of the Russian sociology of the 19th – early 20th century: Shchapov A.P. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 37. pp. 196–203. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/37/19
17. Baturenko, S.A. (2017b) Development of feminist ideas within the Neo-Kantian direction of the Russian sociology of the 19th – early 20th centuries: Lev Petrazhitsky, Veniamin Khvostov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 425. pp. 66–73. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/425/8
18. Kovalevsky, M.M. (1910b) *Sotsiologiya: v 2 t.* [Sociology. In 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
19. Patrikeeva, O.A. (2012) “Zhenskiy vopros” v I Gosudarstvennoy dume rossiyskoy imperii [“Women's question” in the First State Duma of the Russian Empire]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta (MGGU) im. M.A. Sholokhova. Otechestvennaya istoriya. Istoriya i politologiya*. 4. pp. 36–45.
20. The State Duma. (1906) *Stenograficheskie otchety. Sessiya pervaya* [Verbatim reports. First Session]. Vol. 2. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
21. Patrikeeva, O.A. (2011) “Padcheritsy russkikh universitetov”: problemy vysshego zhenskogo obrazovaniya v Rossii v kontse XIX – nachale XX stoletiy [“Stepdaughters of Russian universities”: the problems of higher female education in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Istoriya Rossii: ekonomika, politika, chelovek*. 5. pp. 177–191.
22. Ivanov, A.E. (1991) *Vysshaya shkola v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Higher education in Russia in the late 19th – early 20th century]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
23. Kovalevsky, M.M. (1908) *Mozhno li zakryvat' zhenshchinam dostup v universitety?* [Could women be denied access to universities?]. *Soyuz zhenshchin*. 7–8. pp. 10–15.
24. Kovalevsky, M.M. (1911) *Vysshее zhenskoe obrazovanie* [Higher education for women]. *Vestnik Evropy*. 6. pp. 416–425.
25. World Economic Forum. (2018) *Global Gender Gap Report 2018*. [Online] Available from: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2018/> (Accessed: 25th December 2020).
26. Kovalevsky, M.M. (1910c) *Vzaimootnoshenie svobody i obshchestvennoy solidarnosti* [The relationship of freedom and social solidarity]. In: Arseniev, K., Gredeskul, N., Kovalevskiy M. et al. *Intelligentsiya v Rossii* [Intelligentsia in Russia]. St. Petersburg: Zemlya.
27. Kovalevsky, M.M. (1912) Progress [Progress]. *Vestnik Evropy*. 2. pp. 225–260.
28. Brazevich, S.S. (2014) *Kontseptsiya sotsial'noy zamirennosti M.M. Kovalevskogo* [The concept of social pacification by M.M. Kovalevsky]. *Nasledie*. 1(4). pp. 94–102.
29. Kovalevsky, M.M. (1910d) *Darvinizm v sotsiologii. Pamyati Darvina* [Darwinism in sociology. In Darwin's memory]. Moscow: Nauchnoe slovo.

УДК 323.1(470.51):39

DOI: 10.17223/1998863X/61/16

В.С. Воронцов, Р.В. Зворыгин

СОВРЕМЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ И СОСТОЯНИЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг., разработанной во исполнение пункта 6 перечня Поручений Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г. № Пр.-71¹.

На основе результатов этносоциологического исследования, проведенного на территории Удмуртии в 2020 г., рассматриваются конфессиональные предпочтения жителей, прослеживается корреляция между социально-демографическими параметрами населения и уровнем религиозности. Определяется оценка респондентами состояния межконфессиональных отношений в республике. Обозначаются группы риска в межэтнических и межконфессиональных отношениях, с которыми органам власти предлагается более активно работать.

Ключевые слова: религиозная ситуация, Удмуртия, религиозность, конфессиональное пространство, идентификация, этнополитика

Повышение значимости религиозного фактора и религиозных идентичностей в современных социальных и политических практиках, включение религиозных смыслов в сферы публичной и международной политики предопределяют исследовательский интерес к рассмотрению религиозной ситуации в России [1. С. 161].

В Российской Федерации уровень религиозности и конфессиональная принадлежность граждан в переписях населения и официальных документах не фиксируются. В частности, данное обстоятельство связано с положениями статьи 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [2]. Вместе с тем почти каждое крупное общенациональное социологическое исследование сопровождается включением вопросов об отношении к религии. Так, научные сотрудники Института социологии РАН в своих аналитических и мониторинговых исследованиях, нацеленных на выявление устойчивых и меняющихся характеристик российского социума, уделяют серьезное внимание рассмотрению влияния религиозного фактора на ценностное сознание россиян [3, 4].

Крупные социологические центры (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр) также обеспечивают проведение исследований уровня религиозности россиян и их отношения к различным аспектам религиозной жизни [5–7].

¹ The study is supported by the Program of Fundamental and Applied Scientific Research on the topic “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity” (2020–2022).

Существенный вклад в развитие фундаментальных и прикладных научных исследований, в том числе связанных с изучением религиозной ситуации в России, вносит Институт этнологии и антропологии РАН и созданная на его базе Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов [8]. Они координируют работу Распределенного научного центра по изучению межнациональных и межрелигиозных проблем, представляющего собой «сетевое сообщество ведущих ученых и экспертов, осуществляющих исследования в области межнациональных и межрегиональных проблем и работающих в различных вузах и научных учреждениях ряда регионов» [9. С. 5]. Центром готовятся и публикуются экспертные доклады (в территориальном и проблемном разрезе), которые иллюстрируют происходящие в религиозной жизни регионов процессы и высвечивают наиболее спорные и проблемные ситуации [10, 11].

Весьма объемный пласт научной литературы представлен региональными исследованиями окружного и регионального масштаба. Эти работы особенно интересны приближенностью к локальным процессам и демонстрацией конкретных кейсов, являющихся подчас ярким отражением реальной ситуации «на местах», а также включенностью авторов в местный контекст и их хорошей осведомленностью [12–16].

Следует отметить, что общенациональные опросы и исследования не могут отразить в полной мере все разнообразие ситуаций в российских регионах, особенно отличающихся сложным этническим и конфессиональным составом населения. Удмуртия – одна из многоэтничных и поликонфессиональных республик России, на территории которой проживают представители более 120 национальностей, неверующие (атеисты, агностики) и последователи различных религиозных течений. В 1990 – начале 2000-х гг. в республике наблюдались бурный рост числа религиозных организаций и численности верующих, появление новых для региона религиозных деноминаций, острая борьба за паству и конфессиональное пространство, что нашло отражение в общественно-политическом дискурсе. Опыт прошедших десятилетий также показал, что недооценка органами власти роли религиозного фактора, запоздалое реагирование на межэтнические и межконфессиональные противоречия могут приводить к росту напряженности, а порой и к открытым конфликтам [17].

В статье будет проанализирована современная религиозная ситуация в Удмуртии. Для ее оценки необходимо выяснить количество религиозных организаций в регионе, уровень религиозности населения в целом, в национальных и иных группах, а также характер межконфессиональных отношений. Основу настоящего исследования составили результаты этносоциологического исследования, проведенного авторами в составе научного коллектива НОЦ «Современные этнополитические исследования» ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» в течение ноября – декабря 2020 г. (руководитель исследования д-р ист. наук А.Е. Загребин). Объем выборочной совокупности исследования составил 1 600 респондентов, репрезентирующих взрослое городское и сельское население республики в возрасте 18 лет и старше в разбивке по полу, возрастным когортам, уровню образования и типу населенного пункта (статистическая погрешность не превышает 3% при доверительной вероятности 0,95). Для сравнения в статье используются мате-

риалы республиканских опросов 2007, 2010, 2016 гг. (опрошено по 1 200 респондентов, руководитель исследований канд. ист. наук В.С. Воронцов), находящиеся в архиве Министерства национальной политики Удмуртской Республики.

Периодичность и преемственность методики исследований позволяют проследить динамику развития религиозных процессов и обеспечивать экспертное сопровождение деятельности республиканских органов власти в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Современный религиозный ландшафт Удмуртии

Конфессиональное пространство Удмуртской Республики за первые десятилетия постсоветского периода претерпело значительные изменения, обусловленные различными факторами внешнего и внутреннего характера. За период с 1991 по 2020 г. количество религиозных организаций, зарегистрированных в Удмуртской Республике, увеличилось более чем в 5 раз (с 57 до 306 организаций), а число конфессий – более чем в 3 раза (с 6 до 20).

По данным Управления Минюста России по Удмуртской Республике, на 1 января 2020 г. в республике зарегистрировано 306 религиозных организаций (2 централизованных, 301 местная, 3 монастыря и подворья). Православие является самой многочисленной в регионе конфессией, всего действует 218 православных религиозных организаций, в их число входят 206 организаций Русской православной церкви (Московский патриархат), 10 старообрядческих общин (9 относится к Русской православной старообрядческой церкви и одна – к Древлеправославной поморской церкви) и две организации Российской православной автономной церкви (Суздальская епархия).

Ислам в Удмуртии представлен 21 мусульманской организацией, в том числе одной централизованной (Региональное духовное управление мусульман Удмуртии в составе ЦДУМ России) и 20 местными общинами – махалля в городах и районах республики.

Государственную регистрацию также имеет 61 организация протестантов. В данном случае протестантизм определяется как совокупность многочисленных и самостоятельных течений (деноминаций), связанных своим происхождением с Реформацией (лютеранство, кальвинизм, унитариянство, меннонитство, англиканство, баптизм, методизм, квакерство, адвентизм, мормонизм, пятидесятничество и др.). В Удмуртии функционируют протестантские религиозные организации следующих течений: Христиане веры евангельской – пятидесятники (26 организаций), Евангельские христиане (21), Адвентисты седьмого дня (7), Евангельские христиане-баптисты (3), Лютеране (3), приверженцы Новоапостольской церкви (1).

По одной религиозной организации имеют последователи Армянской апостольской церкви, буддизма, иудаизма и вайшнаизма (Общества сознания Кришны). В республике также зарегистрированы две околехристианские религиозные организации – Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны) и Церковь Христа [18].

Помимо духовного окормления своей паствы, религиозные организации занимаются социально значимой деятельностью, проявляющейся главным образом в проведении благотворительных и семейно-ориентированных мероприятий. В последние годы расширяются сферы взаимодействия традицион-

ных религий с органами государственной власти и органами местного самоуправления. Религиозные организации играют важную роль в общественной и культурной жизни Удмуртии, участвуя во многих значимых для республики мероприятиях [11].

Сложная эпидемиологическая обстановка 2020 г. внесла коррективы и в религиозную жизнь. Религиозные организации сконцентрировались на организации работы по проведению благотворительных акций, оказанию помощи людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Особое внимание было уделено окормлению больных, поддержке медицинских работников, работающих в ковид-центрах.

Уровень религиозности и конфессиональная идентификация населения Удмуртии

В качестве одной из основных анализируемых переменных религиозного блока исследований 2002, 2007, 2010, 2016 гг. выступал «уровень религиозности» населения республики (исследования проводились по сопоставимым методикам и выборкам). Использование однотипных вопросов позволяло рассматривать религиозность населения в динамике. При ответе на вопрос «Ваше отношение к религии» респондент мог отнести себя к одной из шести групп (категорий) верующих либо неверующих (табл. 1).

По данным опроса 2016 г., к верующим отнесли себя более двух третей респондентов (68,7%), каждый пятый опрошенный отнес себя к неверующим (19,7%), 6,9% – колеблются между верой и неверием, 4,7% – затруднились с ответом. За период с 2002 по 2016 г. численность верующего населения выросла с 50,6 до 68,7%, в то же время число неверующих снизилось почти в два раза (с 37,1 до 19,7%). Обращаем внимание, что численность воцерковленных людей, т.е. верующих, соблюдающих религиозные обряды, выросла практически в два раза (с 8,2 до 16,3%).

Таблица 1. Уровень и типология религиозности населения Удмуртии

	2002 г.*	2007 г.**	2010 г.**	2016 г.**
Верующие, соблюдающие религиозные обряды	8,2	8,9	12,4	16,3
Верующие, не соблюдающие религиозные обряды	42,4	49,0	50,5	52,4
Колеблющиеся	8,3	10,4	6,7	6,9
Неверующие, индифферентные к религии	12,0	10,6	6,8	7,5
Неверующие, лояльные к религии	23,6	19,8	16,2	11,6
Неверующие, активные атеисты	1,5	0,8	0,6	0,6
Затруднились ответить	4,0	0,5	6,8	4,7

* В 2002 г. в Удмуртии под руководством д-ра ист. наук М.Н. Губогло и д-ра пед. наук С.К. Смирновой проведено этносоциологическое исследование по проекту «Электрокардиограмма социальных изменений» (опрошено 1 019 человек). См. Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Т. 9. Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. Москва ; Ижевск : Удмуртия, 2006. С. 660.

** Архив Министерства национальной политики Удмуртской Республики.

В ходе подготовки социологического опроса 2020 г. по рекомендации Федерального агентства по делам национальностей был использован другой инструментарий, многие вопросы, в том числе относящиеся к религиозному блоку, были изменены. Поэтому сравнение данных опроса 2020 г. по уровню и типологии религиозности населения Удмуртии с материалами предше-

ствующих опросов не всегда представляется возможным. По данным опроса 2020 г., к верующим себя отнесли более половины (57,4%) жителей Удмуртии, почти каждый четвертый (23,1%) опрошенный отрицает веру в Бога и каждый пятый (19,5%) затруднился с ответом, т.е. пока не определился со своим выбором (табл. 2, рис. 1).

Таблица 2. Вы считаете или не считаете себя верующим человеком? (здесь и далее % от числа опрошенных по массиву и в группах)

Вариант ответа	Всего	Национальность		
		Русские	Удмурты	Татары
Считаю	57,4	54,9	60,4	67,5
Не считаю	23,1	24,5	22,1	14,2
Затрудняюсь ответить	19,5	20,6	17,5	18,3

В национальных группах к верующим отнесли себя 54,9% русских, 60,4% удмуртов и 67,5% татар. Среди неверующих оказалось 24,5% русских, 22,1% удмуртов, 14,2% татар. Место проживания респондентов незначительно сказывается на определении своего отношения к религии: 55,8% городского и 60,8% сельского населения относят себя к верующим.

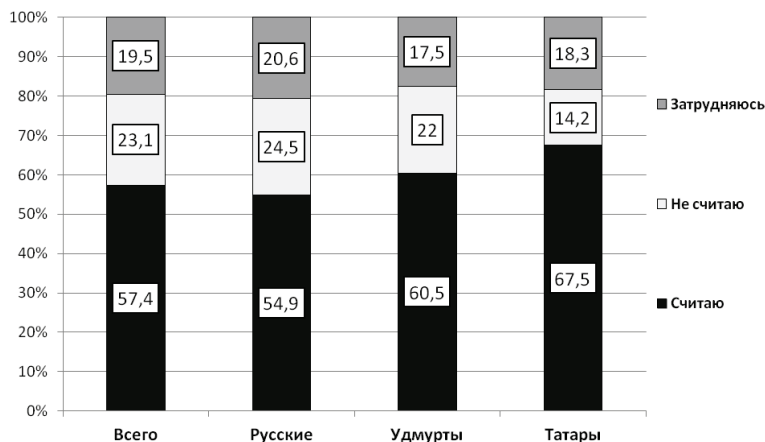

Рис. 1. Вы считаете или не считаете себя верующим человеком?

Советские исследователи религии в своих работах указывали на зависимость религиозности людей от уровня их образования – чем выше уровень образования, тем ниже уровень религиозности населения [19, 20]. Между тем некоторые зарубежные ученые приходили к противоположным выводам, полагая, что образованные люди зачастую более религиозны [21, 22].

Таким образом, различные исследователи приходят к противоположным выводам относительно указанной взаимосвязи, к тому же сохраняются значимые различия между народами и странами [23]. Поэтому большинство современных зарубежных и отечественных исследователей с осторожностью говорят о наличии корреляции между образованием и религиозностью, полагая, что при оценке религиозности населения следует принимать во внимание многие другие факторы: наличие либо отсутствие религиозных традиций в стране, правовое положение различных конфессий, разнородность и насыщенность конфессионального пространства, образ религии в общественном

сознании, характер отношений между различными конфессиями в прошлом и настоящем, наличие и распространенность религиозного образования и др.

Учитывая, что уровень образования респондентов довольно сильно увязан с их возрастом (например, 67,9% респондентов с высшим образованием относятся к возрастной когорте 30–59 лет), представляется затруднительным определить влияние уровня образования на отношение к религии (табл. 3). Тем не менее, по данным опроса, самая большая доля верующих зафиксирована в группе лиц с высшим и незаконченным высшим образованием (61%).

Таблица 3. Уровень религиозности в зависимости от образования респондентов

Вариант ответа	Всего	Образование		
		Среднее, неполное среднее	Среднее специальное	Высшее, незаконченное высшее
Считают себя верующими	57,4	53,8	56,8	61,0
Не считают	23,1	28,9	23,1	18,7
Затруднились ответить	19,5	17,3	20,1	20,3

В возрастных группах самая большая доля верующих наблюдается среди респондентов старших возрастных групп (60,7% – 30–59 лет и 61,2% – 60 лет и старше), самая малая – среди молодежи 18–29 лет (39,8%), соответственно в молодежной группе существенно выше и доля неверующих. Более высокий уровень религиозности наблюдается также среди женского населения: 64,6% против 48,5% у мужчин (рис. 2).

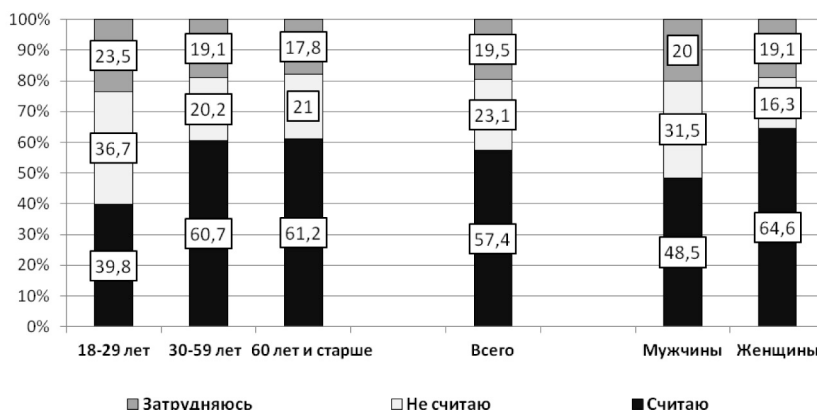

Рис. 2. Вы считаете или не считаете себя верующим человеком?

Если чисто механически сравнивать уровень религиозности населения Удмуртии за 2016–2020 гг., то окажется, что численность верующих снизилась на 11,3%, а число неверующих жителей увеличилось на 3,4%. В то же время число респондентов, затруднившихся с ответом, увеличилось более чем в 4 раза (с 4,7 до 19,5%). Однако уже в ходе первичной проверки заполненных анкет было выявлено, что часть респондентов, затруднившихся ответить на вопрос об отношении к религии, при ответе на вопрос о своей конфессиональной принадлежности выбирали одно из вероисповеданий. Можно предположить, что уточняющий вопрос о вероисповедании позволил части колеблющихся респондентов сделать свой идентификационный выбор в пользу одной из конфессий. Поэтому проанализировав ответы респондентов на вопрос «Если Вы считаете себя верующим человеком, то к какому вероис-

поведанию или религиозному течению себя относите?», можно получить более точные данные об уровне религиозности населения Удмуртии.

Среди всего массива опрошенных считали себя православными 56,9% респондентов, 5,6% – мусульманами, 1,1% – представителями других христианских течений, 1,1% – язычниками, 0,2% – буддистами, 7,4% отметили, что верят в высшие силы, но не относят себя к какому-то религиозному течению, еще 0,7% – не смогли точно назвать течение или вероисповедание (табл. 4).

Таблица 4. Если Вы считаете себя верующим человеком, то к какому вероисповеданию или религиозному течению себя относите? (% от числа опрошенных)

Вероисповедание	Всего
1. Православие	56,9
2. Другие христианские течения	1,1
3. Ислам	5,6
4. Буддизм	0,2
5. Иудаизм	0
6. Другая религия (язычники)	1,1
7. Не могу точно назвать, какое течение	0,7
8. Верю в высшие силы, но не отношу себя к какому-то религиозному течению	7,4
9. Неверующий	27,0

Суммирование полученных значений позволило получить следующие данные: верующими себя назвали 73% принявших участие в опросе (65,6% – отнесли себя к определенной конфессии, 7,4% – указали, что верят в высшие силы (космос, природа, инопланетные силы и т.д.), но не относят себя к какому-то религиозному течению), 27% респондентов посчитали себя неверующими (атеистами, агностиками).

Большая часть верующих респондентов отнесла себя к православию (78%), второй по популярности конфессией является ислам (7,6%), небольшая часть опрошенных отнесла себя к последователям других христианских деноминаций (1,5%) и языческих верований (1,5%), каждый десятый указал, что верит в высшие силы, но не относит себя к какому-то религиозному течению.

В национальных группах с православием идентифицируют себя в основном русские (86,1%) и удмурты (85,8%), с исламом – татары (77,6%). Разного рода религиозные течения, в том числе языческие верования, предпочли 1,2% русских, 1,8% удмуртов и 2% татар. Сторонники буддизма зафиксированы среди русских (0,2%) и татар (2%). Другие христианские течения (протестанты, униаты, баптисты и т.п.) пользуются популярностью у 1,4% русских, 1,5% удмуртов и 1% татар. Верят в высшие силы, но не относят себя к определенному религиозному течению 9,7% русских, 10,3% удмуртов и 11,3% татар (табл. 5).

Таблица 5. Если Вы считаете себя верующим человеком, то к какому вероисповеданию или религиозному течению себя относите? (в % от числа верующих)

Вероисповедание	Всего	Русские	Удмурты	Татары
1. Православие	78,0	86,1	85,8	6,1
2. Другие христианские течения	1,5	1,4	1,5	1,0
3. Ислам	7,6	0,2	0	77,6
4. Буддизм	0,3	0,2	0	2,0
5. Другая религия (язычники и др.)	1,5	1,2	1,8	2,0
6. Не могу точно назвать, какое течение	1,0	1,2	0,6	0
7. Верю в высшие силы, но не отношу себя к какому-то религиозному течению	10,1	9,7	10,3	11,3

Среди православных преобладают представители старших возрастных групп и женщины, среди мусульман большинство составляют молодые мужчины. В молодежной среде чаще распространены нетрадиционные деноминации, довольно большая группа молодых людей (16,6%) верит в высшие силы, но не относит себя к какому-то религиозному течению (табл. 6).

Таблица 6. Конфессиональная идентификация респондентов в зависимости от половозрастных характеристик, % от числа верующих

Вероисповедание	Всего	18–29 лет	30–59 лет	60+ лет	Мужчины	Женщины
1. Православие	78,0	66,2	78,2	83,2	73,3	81,3
2. Другие христианские течения	1,5	1,9	1,4	1,5	1,2	1,8
3. Ислам	7,6	8,9	7,9	6,4	9,7	6,2
4. Буддизм	0,3	1,3	0	0,3	0,2	0,3
5. Другая религия (язычники и др.)	1,5	3,2	1,3	1,0	3,1	0,3
6. Не могу точно назвать, какое течение	1,0	1,9	1,0	0,6	1,8	0,4
7. Верю в высшие силы, но не отношу себя к какому-то	10,1	16,6	10,2	7,0	10,7	9,7

Любопытно, что среди признаков, которые, по мнению респондентов, объединяют их со своим народом, религию назвали 35% татар и только 13,8% русских и 7,8% удмуртов. Фиксируется также различное отношение к межнациональным бракам в зависимости от конфессиональных ориентаций респондентов. Так, мусульмане чаще неодобрительно высказываются о межнациональных браках (11,2%), чем представители других конфессий (сравни: 4,7% православных и 5,6% представителей иных христианских конфессий).

Оценка населением межконфессиональных отношений в Удмуртии

Абсолютное большинство жителей (84,8%) положительно оценивают отношения между людьми различных вероисповеданий в Удмуртии (28,1% – как доброжелательные, бесконфликтные и 56,7% – как нормальные, мало-конфликтные), напряженными и конфликтными или взрывоопасными отношения назвали всего около 2% опрошенных, остальные затруднились с ответом (13,4%). При ответе на данный вопрос наблюдаются некоторые различия в национальных группах (табл. 7): татары реже затрудняются с ответом и более определенно обозначают свою позицию, кроме того, они чаще отмечают доброжелательный, бесконфликтный характер отношений между людьми различных вероисповеданий (сравни: 35% – татары, 27,2% – русские, 26,9% – удмурты), в то же время татары несколько чаще указывают на наличие конфликтов (татары – 3,3%, русские – 1,8%, удмурты – 1,6%).

Таблица 7. Каковы, на Ваш взгляд, отношения между людьми различных вероисповеданий в Удмуртской Республике?

	Всего	Русские	Удмурты	Татары
1. Доброжелательные, бесконфликтные	28,1	27,2	26,9	35,0
2. Нормальные, малоконфликтные	56,7	56,9	57,2	54,2
3. Напряженные, конфликтные	1,6	1,6	1,6	2,5
4. Взрывоопасные	0,2	0,2	0	0,8
5. Затрудняюсь ответить	13,4	14,1	14,3	7,5

По самооценке, подавляющее большинство респондентов не опасаются и не испытывают недоверие к представителям других религий или религиозных течений (78,7%), примерно каждый десятый респондент испытывает недоверие к иноверцам (2,1% – однозначно испытывают, 9,4% – скорее испытывают), остальные – затруднились ответить (9,8%). В национальных группах различия в ответах на данный вопрос минимальны (табл. 8).

Таблица 8. Некоторые люди с опаской или недоверием относятся к представителям других религий или религиозных течений. А Вы лично испытываете или не испытываете недоверие по отношению к представителям других религий?

	Всего	Русские	Удмурты	Татары
1. Однозначно испытываю	2,1	1,7	2,7	1,7
2. Скорее испытываю	9,4	10,0	8,1	8,3
3. Скорее не испытываю	33,5	33,4	36,1	34,2
4. Не испытываю	45,2	44,3	43,0	47,5
5. Затрудняюсь ответить	9,8	10,6	10,1	8,3

Как показал факторный анализ, более высокий уровень недоверия к иноверцам наблюдается среди молодежи (14%), у людей с невысоким уровнем образования (22,2%), респондентов, считающих свое материальное положение бедственным (24,5%), и опрошенных, испытавших по отношению к себе неприязнь из-за своей национальности (29,8%).

По мнению почти двух третей опрошенных (61,9%), конфликты на религиозной почве в Удмуртии невозможны или скорее невозможны, каждый пятый респондент полагает, что возникновение подобных конфликтов все-таки нельзя исключить (6,9% – возможны, 13,8% – скорее возможны), довольно заметная часть респондентов затруднились ответить (17,4%). В национальных группах различия в ответах незначительны (табл. 9).

Таблица 9. Как Вы считаете, возможны ли конфликты на религиозной почве в Удмуртии?

	Всего	Русские	Удмурты	Татары
1. Возможны	6,9	6,4	7,6	5,8
2. Скорее возможны	13,8	13,5	13,8	16,7
3. Скорее невозможны	45,4	46,1	42,7	43,3
4. Невозможны	16,5	16,9	16,1	14,2
5. Затрудняюсь ответить	17,4	17,1	19,8	20,0

Не вдаваясь в подробный анализ, выделим группы респондентов, которые чаще отмечают вероятность конфликтов на религиозной почве в Удмуртии, – это молодежь (33%), лица с невысоким уровнем образования (39,4%), респонденты, испытавшие по отношению к себе неприязнь из-за своей национальности (40,3%).

Выше отмечалось, что на вероятность возникновения конфликтов на религиозной почве в Удмуртии указал каждый пятый респондент (6,9% – возможны, 13,8% – скорее возможны). Между тем в течение последнего года лично не испытывали недоверия из-за своих религиозных или атеистических убеждений абсолютное большинство (86,6%) опрошенных жителей республики, о случаях дискриминации по данным признакам заявило всего 2,4% респондентов, каждый десятый затруднился ответить (11%). Данные табл. 10 наглядно демонстрируют отсутствие массовых дискриминационных проявлений применительно к основным этническим группам Удмуртии.

Таблица 10. Испытывали Вы лично или не испытывали в течение последнего года по отношению к себе недоверие из-за своих религиозных убеждений, вероисповедания или в связи с Вашими атеистическими убеждениями?

	Всего	Русские	Удмурты	Татары
1. Да, испытывал	2,4	2,6	1,8	2,5
2. Нет, не испытывал	86,6	86,6	87,6	82,5
3. Затрудняюсь ответить	11,0	10,8	10,6	15,0

Несколько чаще на случаи недоверия по отношению к себе из-за религиозных убеждений, вероисповедания или в связи с атеистическими убеждениями указывают люди, оказавшиеся в сложном материальном положении (6,1%), молодежь (6,4%) и испытавшие неприязнь из-за своей национальности (19,3%).

Следует отметить, что доброжелательный характер межконфессиональных отношений в Удмуртии, сохраняющийся на протяжении многих лет, подтверждают и другие мониторинговые исследования. Так, ежегодные социологические опросы Спецсвязи ФСО России, проведенные в 2013–2017 гг., показали, что доля жителей Удмуртии, положительно оценивающих состояние межконфессиональных отношений, выше среднего значения данного показателя по Российской Федерации (средние арифметические значения за 5 лет – 75,5% по России, 82,7% по Удмуртии) [24]. По оценкам экспертов Института этнологии и антропологии РАН, Удмуртия также продолжает входить в группу регионов с низким уровнем межнациональной и межконфессиональной конфликтности [25. С. 359].

Таким образом, несмотря на сложный этнический и религиозный состав населения, Удмуртия относится к числу регионов, где на протяжении многих лет сохраняется стабильная межконфессиональная ситуация. В республике отсутствуют конфликты на религиозной почве, большинство религиозных организаций находится в постоянном взаимодействии друг с другом, с органами государственной власти и местного самоуправления, выполняя ряд важных социально ориентированных функций. Для своих последователей и прихожан религиозные общины осуществляют важные функции не только экзистенциального, но и социального характера.

Общие показатели религиозности населения, в том числе в разрезе различных категорий населения, демонстрируют сохранение многолетних трендов и в целом соответствуют общестрановым характеристикам. Религиозный бум, наблюдавшийся в России в 1990-е – начале 2000-х гг., завершился. К середине 2010-х гг. религиозный ландшафт республики сложился, и каких-то значительных изменений вряд ли стоит ожидать. Если говорить об изменении количества верующих жителей республики, то в настоящее время можно констатировать фактическое исчерпание резервов для его дальнейшего роста. При этом качественные показатели, а именно степень вовлеченности в религиозную жизнь (посещение религиозных служб, соблюдение постов и исполнение религиозных обрядов), во многом будут зависеть от позиции религиозных лидеров. Сохранение курса отдельных религиозных организаций на установление тесной связи с государством, недостаточное высвечивание и обсуждение наиболее острых социальных проблем едва ли позволят обеспечить рост численности воцерковленных людей. Необходим

основательный пересмотр подходов к организации работы по ряду ключевых направлений.

Полученные данные позволяют предположить, что многие респонденты, причисляя себя к православным, мусульманам, буддистам, иудеям и т.д., в первую очередь отмечают свою принадлежность к данной этнокультурной среде. Иными словами, конфессиональная самоидентификация не только свидетельствует о религиозности индивида, но и выступает маркером культурной идентификации, формирующейся на основе соотнесения себя с определенным типом цивилизации, национальным образом жизни и культурой, которые в значительной мере сформировались под воздействием той или иной конфессии.

Факторный анализ материалов исследования позволил выделить группы риска в межэтнических и межконфессиональных отношениях. Жители региона с низким материальным достатком, невысоким уровнем образования и молодежь несколько чаще демонстрируют недоверие к представителям других конфессий и допускают возможность возникновения конфликтов на религиозной почве в Удмуртии. В этой связи органам государственной власти, органам местного самоуправления, религиозным и этнокультурным организациям следует более активно работать с данными категориями граждан. Учитывая вышесказанное, необходимо постоянно отслеживать религиозную ситуацию, проводить мониторинг межконфессиональных отношений, готовить научно обоснованные рекомендации и прогнозы для органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества.

Литература

1. *Этническое и религиозное многообразие России* / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. 2-е изд. исп. и доп. М. : ИЭА РАН, 2018. 561 с.
2. *Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.
3. *Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа* / отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М. : Весь мир, 2018. 384 с.
4. *Российское общество и вызовы времени* / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М. : Весь Мир, 2015. Кн. 1. 336 с.
5. *Вера в сверхъестественное* // Левада-центр: официальный сайт. 2020. 28 октября. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-v-sverhestestvennoe/> (дата обращения: 01.03.2021).
6. *Об оскорблении религиозных чувств* // ФОМ: официальный сайт. 2020. 17 ноября. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14494> (дата обращения: 01.03.2021).
7. *Православная вера и таинство крещения* // ВЦИОМ: официальный сайт. 2019. 14 августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnaya-vera-i-tainstvo-kreshheniya> (дата обращения: 01.03.2021).
8. *Религия в российском обществе. Традиционные религиозные и либеральные взгляды* / под ред. М.В. Романова, В.В. Степанова. М. : Общественная палата РФ, 2012. 98 с.
9. *Состояние научной экспертизы межэтнических и конфессиональных отношений в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад* / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Москва ; Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2013. 124 с.
10. *Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе: экспертный доклад* / под общ. ред. В.А. Тишкова. М. : ИЭА РАН, 2013. 98 с.
11. *Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе: экспертный доклад за 2019 год* / ред. В.В. Амелин, В.С. Воронцов, В.В. Степанов, Р.А. Старченко. Москва ; Оренбург : ИПК ОГУ, 2020. 176 с.
12. *Воронцов В.С., Черниченко Д.А.* Научно-образовательные ресурсы и опыт изучения межэтнических и межконфессиональных отношений в Удмуртии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. Т. 8, № 3. С. 116–126.

13. Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Т. 9. Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. Москва ; Ижевск : Удмуртия, 2006. 720 с.
14. *Татары и ислам в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и этничность* / рук. проекта и отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 348 с.
15. Чуракова Е.А. Этноконфессиональные отношения в Удмуртии на рубеже XX–XXI вв. Екатеринбург-Ижевск, 2012. 216 с.
16. *Этноконфессиональные процессы в регионах постсоветской России: общее и особенное*: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.Д. Надькин. Саранск, 2014. 145 с.
17. Воронцов В.С., Ильинский С.И., Семёнов Ю.В. Трансформация этноконфессионального пространства Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2010. Вып. 3. С. 121–129.
18. *Удмуртия в цифрах*. 2019 год: (стат. ежегод.) / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Удмурт. Респ.; [редкол.: Е.А. Данилов и др.]. Ижевск : Удмуртстат, 2020. 354 с.
19. Курочкин П.К. Эволюция современного русского православия. М. : Мысль, 1971. 270 с.
20. Лопаткин Р.А. Религиозность в социалистическом обществе // Религия и церковь в современную эпоху. М., 1976. С. 92–116.
21. Smith C. American Evangelicalism: Embattled and Thriving. Chicago : University of Chicago Press, 1998. 324 p.
22. Pippa N., Inglehart R. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 392 p.
23. Meisenberg G., Rindermann H., Rindermann H., Patel H. Is it smart to believe in God? The relationship of religiosity with education and intelligence // *Temas em Psicologia*. 2012. Vol. 20, № 1. P. 101–120.
24. Доля граждан, положительно оценивающих состояние межконфессиональных отношений (2013–2017 гг.) // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/50995> (дата обращения: 01.03.2021).
25. *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году: ежегодный доклад Сеги этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов* / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М. : ИЭА РАН, 2014. 643 с.

Vladimir S. Vorontsov, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation).

E-mail: vvorontsov@rambler.ru

Roman V. Zvorygin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: vatmana3@inbox.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 148–161.

DOI: 10.17223/1998863X/61/16

CURRENT RELIGIOUS SITUATION IN THE UDMURT REPUBLIC: THE CONFESSIONAL IDENTIFICATION OF RESIDENTS AND THE STATE OF INTER-CONFESSIONAL RELATIONS

Keywords: religious situation; Udmurtia; religiosity; confessional space; identity; ethno politics

The growing importance of the religious factor and religious identities in modern social and political practices, the inclusion of religious meanings in the spheres of public and international politics predetermine the research interest in examining the religious situation in Russia. Research on this topic is conducted in sociological, political, historical, philosophical and other contexts. At the same time, national polls and studies cannot fully reflect the entire variety of situations in Russian regions, which requires regional studies. In addition, the relevance of the issue is determined by the fact that the authorities' underestimation of the role of the religious factor, a belated response to interethnic and interfaith contradictions can lead to an increase in tension, and sometimes to open conflicts. The article analyzes the current religious situation in Udmurtia on the basis of an ethnosociological study conducted in November–December 2020. The sample size was 1,600 respondents representing the adult urban and rural population of the republic aged 18 years and older, broken down by sex, age cohorts, education level and type of settlement (the statistical error does not exceed 3% with a confidence level of 0.95). As a result of the study, the following conclusions were made. A stable inter-confessional situation remains in Udmurtia. The general indicators of the population's religiosity demonstrate the

persistence of long-term trends and generally correspond to the national characteristics. The number of believers changes insignificantly; there are no serious reasons for correcting this trend. The religious landscape of the republic has developed and any significant changes can hardly be expected. Religious organizations should adjust their activities in a number of key areas in order to increase the involvement of believers in religious life. The analysis shows that residents of the region with a low material income, low level of education and young people somewhat more often demonstrate distrust of representatives of other confessions and admit the possibility of conflicts on religious grounds in Udmurtia. In this regard, the authorities are encouraged to work more actively with these categories of citizens. In addition, it is necessary to constantly monitor the religious situation and monitor interfaith relations in the region.

References

1. Tishkov, V.A. & Stepanov, V.V. (eds) (2018) *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity of Russia]. Moscow: IEA RAN.
2. Russian Federation. (1997) Federal'nyy zakon ot 26.09.1997 g. № 125-FZ "O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyakh" [Federal Law № 125-FZ of September 26, 1997, "On freedom of conscience and on religious associations"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Collected Legislation of the Russian Federation*. 39. Art. 4465.
3. Gorshkov, M.K. & Petukhov, V.V. (eds) (2018) (eds) *Dvadsat' pyat' let sotsial'nykh transformatsiy v otsenakh i suzheniyakh rossiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Twenty-five years of social transformations in the assessments and judgments of Russians: the experience of sociological analysis]. Moscow: Ves' mir.
4. Gorshkov, M.K. & Petukhov, V.V. (eds) (2015) *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian society and the challenges of the time]. Vol. 1. Moscow: Ves' mir.
5. Levada. Ru. (2020) *Vera v sverkh"estestvennoe* [Belief in the supernatural]. 28th October. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-v-sverhestestvennoe/> (Accessed: 4th March 2021).
6. FOM (2020) *Ob oskorblenii religioznykh chuvstv* [Insulting religious feelings]. 17th November. [Online] Available from: <https://fom.ru/TSennosti/14494> (Accessed: 4th March 2021).
7. VCIOM (2019) *Pravoslavnaya vera i tainstvo kreshcheniya* [Orthodox faith and the sacrament of baptism]. 14th August. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/pravoslavnaya-vera-i-tainstvo-kreshcheniya> (Accessed: 4th March 2021).
8. Romanov, M.V. & Stepanov, V.V. (eds) (2012) *Religiya v rossiyskom obshchestve. Traditsionnye religioznye i liberal'nye vzglyady* [Religion in Russian society. Traditional religious and liberal views]. Moscow: Obshchestvennaya palata RF.
9. Tishkov, V.A. & Stepanov, V.V. (eds) (2013) *Sostoyanie nauchnoy ekspertizy mezhetnicheskikh i konfessional'nykh otnosheniy v Privolzhskom federal'nom okruge: ekspertnyy doklad* [The state of scientific expertise of interethnic and confessional relations in the Volga Federal District: an expert report]. Moscow; Izhevsk: Institute for Computer Research.
10. Tishkov, V.A. (ed.) (2013) *Mezhetnicheskie i konfessional'nye otnosheniya v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge: ekspertnyy doklad* [Interethnic and confessional relations in the North Caucasus Federal District: an expert report]. Moscow: IEA RAS.
11. Amelin, V.V., Vorontsov, V.S., Stepanov, V.V. & Starchenko, R.A. (eds) (2020) *Mezhetnicheskie otnosheniya i religioznaya situatsiya v Privolzhskom federal'nom ok-ruge: ekspertnyy doklad za 2019 god* [Interethnic relations and religious situation in the Volga Federal District: expert report for 2019]. Moscow; Orenburg: OSU.
12. Vorontsov, V.S. & Chernienko, D.A. (2014) Scientific and educational resources and experience in the study of inter-ethnic and inter-confessional relations in Udmurtia. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy – Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 8(3). pp. 116–126. (In Russian).
13. Guboglo, M.N. & Smirnova, S.K. (2006) *Fenomen Udmurtii* [The Phenomenon of Udmurtia]. Vol. 9. Moscow; Izhevsk: Udmurtia.
14. Musina, R.N. (ed.) (2014) *Tatary i islam v regionakh Rossiyskoy Federatsii: religioznoe vozrozhdenie i etnichnost'* [Tatars and Islam in the regions of the Russian Federation: religious revival and ethnicity]. Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History, AS RT.
15. Churakova, E.A. (2012) *Etноконфессиональные отношения в Удмуртии на рубеже XX–XXI вв.* [Ethno-confessional relations in Udmurtia at the turn of the 20th – 21st centuries]. Ekaterinburg; Izhevsk: [s.n.]

16. Nadkin, T.D. (ed.) (2014) *Etnokonfessional'nye protsessy v regionakh postsovetskoy Rossii: obshchee i osobennoe* [Ethno-confessional processes in the regions of post-Soviet Russia: general and special]. Saransk: Mordovia State Pedagogical Institute.
17. Vorontsov, V.S., Ilyinsky, S.I. & Semyonov, Yu.V. (2010) Transformatsiya etnokonfessional'nogo prostranstva Udmurtii [Transformation of the ethno-confessional space of Udmurtia]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 3. pp. 121–129.
18. Danilov, E.A. (ed.) (2020) *Udmurtiya v tsifrakh. 2019 god* [Udmurtia in numbers. 2019]. Izhevsk: Udmurtstat.
19. Kurochkin, P.K. (1971) *Evolutsiya sovremennogo russkogo pravoslaviya* [Evolution of modern Russian Orthodoxy]. Moscow: Mysl'.
20. Lopatkin, R.A. (1976) Religioznost' v sotsialisticheskom obshchestve [Religiosity in a socialist society]. In: *Religiya i tserkov' v so-vremennuyu epokhu* [Religion and Church in the modern era]. Moscow: [s.n.]. pp. 92–116.
21. Smith, C. (1998) *American Evangelicalism: Embattled and Thriving*. Chicago: University of Chicago Press.
22. Pippa, N. & Inglehart, R. (2011) *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Meisenberg, G., Rindermann, H., Rindermann, H. & Patel, H. (2012) Is it smart to believe in God? The relationship of religiosity with education and intelligence. *Temas em Psicologia*. 20(1). pp. 101–120.
24. Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS). (n.d.) *Dolya grazhdan, polozhitel'no otsenivayushchikh sostoyanie mezhekonsfessional'nykh otnosheniy (2013–2017 gg.)* [The share of citizens who positively assess the state of interfaith relations (2013–2017)]. [Online] Available from: <https://www.fedstat.ru/indicator/50995> (Accessed: 4th March 2021).
25. Tishkov, V.A. & Stepanov, V.V. (eds) (2014) *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sosedel'nykh gosudarstvakh v 2013 godu: ezhegodnyy doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [Ethnopolitical Situation in Russia and Neighboring States in 2013: Annual Report of the Ethnological Monitoring and Early Warning of Conflict Network]. Moscow: IEA RAS.

УДК 299; 174.4

DOI: 10.17223/1998863X/61/17

Д.Н. Емельянов

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЭТИКА РОССИЙСКИХ ДУХОВНЫХ ХРИСТИАН-МОЛОКАН В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

Описывается хозяйственная этика российских духовных христиан-молокан с целью анализа связи религиозных взглядов с экономическим поведением людей и использования их прогрессивного опыта при формировании новой хозяйственной этики современной России. Рассматриваются элементы хозяйственной этики молокан, основанной на библейских текстах.

Ключевые слова: субъект социальной жизни, секта, духовные христиане, молокане, хозяйственная этика, трудовая этика

Постановка проблемы

Каждая конкретная религия, конфессия, секта представляют собой самостоятельные субъекты социальной жизни, порой характеризующиеся большим своеобразием. Как писал немецкий социолог М. Шелер, религия в них принимает различные «социологические структурные формы» [1]. Причем один из основателей социологии Э. Дюркгейм считал: «по сути, нет ложных религий. Все религии по-своему истинны», поскольку «принципиальная установка социологии заключается в том, что человеческие институты не могут основываться на заблуждении и обмане» [2. С. 29].

Одним из элементов социальной жизни является хозяйственная этика, имеющая два уровня, которые соответствуют уровням трудовой деятельности человека. Первый уровень – трудовая деятельность сама по себе, здесь важны мотивы, которыми руководствуется человек в своем труде. Этому уровню соответствует трудовая этика. Второй уровень – внешние условия трудовой деятельности, связанные с организацией труда в рамках коллективов, с закупкой ресурсов, реализацией продукции, оплатой труда, уплатой налогов и т.п. Этому уровню соответствует предпринимательская этика.

Становление цивилизованных рыночных отношений в современной России предполагает повсеместное распространение новой хозяйственной этики – этики честного предпринимательства, добросовестного и эффективного труда, эмпатии и социального сотрудничества. Духовное возрождение России, обращение людей к утраченной в прошлом веке вере предков, создает возможности для использования религиозных убеждений в этом процессе.

Основные направления христианства – католицизм и православие – традиционно уделяли мало внимания вопросам хозяйственной этики, делая акцент на духовной жизни человека и рассматривая земную жизнь как подготовку к жизни вечной. Особое внимание в них обращалось на разработку различных догматических вопросов при сильном небрежении к проблемам земного бытия.

Зато в рамках западного протестантизма в XVI–XVII вв. формируется протестантская хозяйственная этика, анализ положительного влияния которой на развитие экономики был дан немецким социологом М. Вебером [3].

Политический деятель и историк начала XX в. П.Н. Милуков осуждал официальную церковную концепцию сектантства, согласно которой «истинно русский человек не может быть сектантом», а само оно является «каким-то чуждым наростом иностранного происхождения», и считал, что русское сектантство является «самобытным и национальным продуктом, коренящимся во внутренних условиях... развития» [4. С. 220–221]. Епископ Иоанн (в миру князь Д.А. Шаховской) писал: «Есть сектанты, которые горят духом и любовью к Богу и к ближним гораздо более, чем иные православные...» [5]. А лютеранский теолог Э. Трёльч в своей работе, посвященной средневековым сектам, отмечал: «...секты в силу их независимости от мира, их постоянной приверженности первоначальным идеалам чаще всего как раз и выражают особенно характерные и основные идеи христианства; они в наибольшей степени являются важным фактором в изучении развития социологических последствий христианской идеи» [6. С. 229].

До революции в народной среде бытовала поговорка «трудолюбив как молоканин», которая отражала важную особенность представителей этой религиозно-социальной группы населения. Поэтому их опыт для нас особенно интересен. Духовное христианство – молоканство, генетически связанное с западно-европейским протестантизмом, на рубеже XIX–XX вв. было массовым сектантским движением в России.

Об особенностях веры и жизни молокан в разное время писали многие авторы. Детальный анализ их веры был дан в труде Т. Н. Буткевича «Русские секты и их толки» (1910) [7. С. 262–356]. Однако никто из них не пытался детально систематизировать их хозяйственную этику. Лишь в последние годы в работах российских историков Е.В. Буянова [8] и Т.Б. Коваль [9] фрагментарно затрагивалась эта проблема.

Новизна нашей работы состоит в попытке систематизировать элементы хозяйственной этики духовных христиан-молокан и объяснить причины ее формирования с религиозной и социологической точек зрения в их взаимосвязи.

Истоки особенностей хозяйственного поведения молокан

Выдающийся русский философ, богослов и экономист С.Н. Булгаков замечал: «Религия... кладет свою определяющую печать и на „экономического человека“. В душе человеческой устанавливается внутренняя связь между религией и хозяйственной деятельностью, и раскрытие этой связи представляет собой одну из интереснейших страниц новейшей экономической науки» [10. С. 225].

Библия, как известно, является не экономическим, а в первую очередь духовным творением. Поэтому в ней отсутствует системное изложение хозяйственной этики. Но ее характерной чертой является универсальность. Она затрагивает все стороны человеческой жизни, в том числе и сферу экономических отношений, и дает ответы по многим аспектам хозяйственной деятельности людей.

Почему же при одинаковых библейских истинах, как опорных точках формирования хозяйственной этики для всех христиан, молокане выделялись на фоне православных своим трудолюбием и зажиточностью?

На формирование хозяйственной этики молокан, наряду с чисто религиозными особенностями, влияли и другие жизненные обстоятельства, тесно переплетавшиеся с первыми в силу того, что жизнь людей XVIII–XIX вв. и их поведение были тесно связаны с верой.

Во-первых, в православии, в отличие от протестантизма, физический труд человека занимает подчиненное место по отношению духовному труду, т.е. молитвам, а вся земная жизнь человека рассматривается как подготовка к спасению в жизни вечной. У молокан же мирской аскетизм не доминирует в мышлении.

Во-вторых, православие несет в себе долю мистицизма, предполагающего веру в чудо, зависящее от Божьего соизволения. Преломленный в народном сознании, он порой порождал неверное представление, что малыми трудовыми усилиями можно было получить многое от Бога, лишь веруя в него и соблюдая ритуалы: «...Православный ритуал во многом замещал у русского крестьянина экономическую рациональность» [11]. Молокане же, будучи рационалистической сектой, не склонны к религиозной мистике: «Религия Духовных Христиан – религия разума и знания, а не суеверий, фанатизма...», – утверждают они [12]. Отсюда склонность верить в свои силы и полагаться в первую очередь на себя.

Во-третьих, в прежние времена результаты аграрного производства сильно зависели от засух, наводнений, неурожаев. Неуверенность в завтрашнем дне была не лучшим стимулом работать эффективнее. Молокане же охотно сочетали аграрный труд с другими видами деятельности: различными ремеслами, извозом, мукомольным производством, лесозаготовками, торговлей и поэтому меньше зависели от «капризов» природы.

В-четвертых, крепостное право с подневольным трудом также мешало его эффективности. Среди молоканства же был высок удельный вес казенных крестьян и лично свободных ремесленников и купцов, имевших большие стимулы производительно трудиться. К тому же молоканские общины, в отличие от традиционных общин, не практиковали уравнилельное землепользование с периодическим переделом земли, что сдерживало хозяйственную инициативу.

В-пятых, поголовная безграмотность крестьянского населения России в сочетании с невозможностью приобрести и читать Библию. Ее основные духовные идеи оно узнавало лишь от приходских священников. До изложения хозяйственно-этических взглядов на службах и в проповедях дело, как правило, не доходило. Молокане же рассматривают обучение детей грамоте как их крещение, а последующее приобщение их к чтению Библии – как регулярное причащение. Сплошная грамотность молокан способствовала и внедрению ими более передовых агротехнологий, а также разнообразию видов деятельности.

В-шестых, молокане, будучи постоянно гонимыми, как представители «самой зловредной секты», не могли занимать государственные и общественные должности. Поэтому энергия деятельных людей из их среды могла найти себе применение только в производительном труде и предпринима-

тельстве, что давало им возможность добиться уважаемого положения в обществе, которого они в правовом плане были лишены.

В-седьмых, семьи молокан отличаются равноправием мужчины и женщины. По воспитанию молоканские семьи были близки, говоря словами М.О. Абрамовой, Е.В. Сухушиной, А.Ю. Рыкуна, к гендерно-нейтральной модели воспитания, когда в ребенке стремятся воспитать прежде всего личность [13. С. 189]. Родители-молокане примером своих отношений в семье, отличных от стереотипов патриархальной семьи, воспитывали своих детей во взаимном уважении разных полов. А опыт показывает, что правила поведения в семье часто более важны для ребенка, чем объективные факторы, например господствующий в обществе тип семьи [14. С. 81–82]. В вероучении молокан говорится: «...жена нам не вол яремный, а помощница и подпора, друг и сотоварищ в сей юдоли горькой» [15]. Любое насилие в браке у молокан рассматривается как прелюбодеяние, что допускает даже развод. В сочетании с запретом на употребление алкоголя это способствует более крепким семьям и лучшей работоспособности всех членов семьи.

В-восьмых, у молокан нет обязательных постов в отличие от православных, у которых продолжительность обязательных постных дней составляет более полугода. Однако резкие изменения структуры питания во время длинных постов являются сильными стрессами для организма, сопровождаясь резким ростом потребления углеводов и растительных белков за счет жиров и животных белков. Организм начинает недополучать необходимые питательные вещества и калории, и пытается это компенсировать за счет простого увеличения объема пищи, что понижает производительность труда. Это подтверждают и современные исследования. Так, например, по данным Международного бюро труда, плохая структура питания работающего населения снижает производительность труда на 20% [16. С. 17–18].

В-девятых, у православных было большое количество нерабочих праздничных дней, которые порой стимулировали безделье и пьянство. Молокане в большинстве общин отмечали всего семь основных праздников, причем без алкоголя.

В-десятых, еще В. Зомбарт отмечал положительное влияние переселений людей на развитие буржуазных отношений: «...Если... проследить деятельность эмигрантов... выясняется, что они повсюду принимали живейшее участие в строительстве капитализма...» [17]. Молокан вначале насильственно переселяли в южные губернии и Закавказье, затем шло их массовое добровольное переселение на восток страны и другие страны. И везде молоканская колонизация неосвоенных мест давала сильный толчок их развитию, становлению высокой культуры производства и новых, буржуазных, отношений.

И, наконец, многолетние гонения и преследования молокан вырабатывали у них привычку высокой адаптивности к меняющимся условиям и умения быстро наладить хозяйственную деятельность на новом месте.

Интересно, что ряд перечисленных факторов действовал и в отношении старообрядцев, из среды которых в XIX в. вышло немало богатых купцов и предпринимателей. Раскол стимулировал их обращение к самостоятельному всестороннему изучению Библии в поисках своей правоты, что привело и к формированию своей хозяйственной этики у части старообрядческого населения.

Библейские основы хозяйственной этики молокан

В основе элементов хозяйственной этики молокан лежит Библия. Для систематизации библейского материала воспользуемся известной схемой выделения четырех фаз воспроизводства: производства, распределения, обмена и потребления. Для фазы производства важны проблемы собственности и отношения человека к труду. Фаза распределения предполагает учет его результатов, принципы оплаты труда, проблемы бедности и природы богатства, отношения к деньгам. Для анализа фазы обмена важно понять сущность торговли и справедливого обмена, долгового процента. Наконец, в фазе потребления следует рассмотреть проблему аскетизма, расточительности и благотворительности.

Согласно Библии, природа труда двойственна. С одной стороны, это труд физический с целью удовлетворения своих материальных потребностей: «Трудящийся трудится для себя, потому что понуждает его к тому рот его» (Прит. 16:26). Физический труд человека вознаграждается его плодами: «трудящийся достоин награды за труды свои» (Лк. 10:7). Известный русский историк Н.И. Костомаров писал, что, по общему мнению молокан, труд «нужен человеку, как хлеб и воздух; он не только дает средства к жизни, но предотвращает от развращения и пороков, поэтому на труд молокане смотрят как на религиозную обязанность» [18]. С другой стороны, это труд духовный, который апостол Павел обозначает как «труд любви» (1 Фесс. 1:3). В Евангелии от Матфея Иисус развивает эту мысль: «Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:4). Поэтому молокане обязательно сочетают физический труд с изучением Библии, познавая через нее Бога.

Источник праведной частной собственности – это упорный труд: «трудолюбивые приобретают богатство» (Прит. 11:15). Но это невозможно без Божией помощи: «И если какому человеку Бог дал богатство и имущество... то это дар Божий» (Екк. 5:18). Знание этого ориентирует молокан на большое трудолюбие, которое требует от них Бог, награждая за это приращением собственности.

Оплата наемного труда должна быть своевременной и справедливой: «Плата наемника, который будет работать у тебя, да не переночует у тебя, а отдавай ее тотчас» (Тов. 4:14); «Горе тому, кто... заставляет ближнего своего работать даром и не отдает ему платы его» (Иер. 22:13). Поэтому молокане старались не обижать сезонных работников, оплачивая их труд, деля с ними и кров, и продукты. Так, Г.М. Эшер писал, что работники-землепашцы, нанимаемые молоканами, очень преданы своим хозяевам, потому что те обращаются с ними как с братьями. «„Мы кормим своих рабочих говядиной, потому что то, что вкусно для нас, вкусно и для них“, – говорил иностранцу один из молоканских нанимателей» [19. С. 372].

Добившиеся честным путем богатства заслуживают уважения: «Заговорил богатый, – и все замолчали и превознесли речь его до облаков; заговорил бедный, и говорят: „это кто такой?“» (Сир. 13:28–29); «Богатство прибавляет много друзей, а бедный оставляется и другом своим» (Прит. 19:4). Поэтому зажиточность в молоканской среде считается нормой жизни.

Библия осуждает лишь страсть к наживе: «...берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени (Лк. 12:15 – 21). «Никто не может служить двум господам... Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24). Молокане – ярые противники идолослужения, а Библия гласит, что «любостяжание... есть идолослужение» (Кол. 3:5). Поэтому они исповедуют принцип разумной достаточности.

Тем более Библия отвергает нечестные пути приобретения богатства: «Не надейтесь на грабительство и не тщеславьтесь хищением» (Пс. 61:11). Поэтому молокане считают, что свой достаток они должны обеспечить честным трудом.

Иисус также говорит, что богатство не гарантирует спасение: «...Трудно богатому войти в Царство Небесное... Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:23–24); «Ибо что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе?» (Лк. 9:25). Молокане знают из Библии, что истинным богатством являются Божья благодать и добрая слава: «Не собирайте себе сокровищ на земле... но собирайте себе сокровища на небе... ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:19–21). Поэтому молоканин должен богатеть не столько имуществом, сколько добрыми делами, обретая доброе имя среди людей.

Бедность саму по себе молокане не рассматривают как добродетель. Бедность по причине праздности и лени они осуждают, и сторонятся таких людей: «Кто возделывает землю свою, тот будет насыщаться хлебом, а кто подражает праздным, тот насытится нищетою» (Прит. 28:19); «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фесс. 3:10), – говорит апостол Павел. Осуждается ими бедность и по причине пьянства и сопутствующего ему образа жизни. У молокан существует строжайший запрет на употребление алкоголя как напитка, который затуманивает сознание и может довести до алкоголизма. Хотя в Библии нет запрета на употребление вина, молокане руководствуются теми фразами из Ветхого Завета, где пьянство осуждается как причина бедности: «...кто любит вино и тук, не разбогатеет» (Прит. 21:17); «...пьяница и пресыщающийся обеднеют, и сонливость оденет в рубище» (Прит. 23:20–21).

К деньгам у молокан отношение нейтральное. Грехом считается не использование денег и владение ими, а сребролюбие «корень всех зол есть сребролюбие» (1 Тим. 6:10).

А вот отношение к деньгам, даваемым в рост, в Библии неоднозначное. В Ветхом Завете запрещается брать процент с денег, одолженных представителям своего народа, но разрешается брать его с представителей других народов: «иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост...» (Втор. 23:19–20). Поэтому молокане считали, что можно брать умеренный процент за одолженные деньги, но только с представителей другой веры. Своим же единоверцам они их ссужали бескорыстно.

Идея аскетизма нетипична для Ветхого Завета, где считается, что человек лишь должен избегать крайностей: «...нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом, дабы, пресытившись, я не отрекся Тебя и не сказал: „кто Господь?“, и чтобы, обеднев, не стал красть и употреблять имя Бога моего всуе» (Прит. 30: 8–9). Но Новый Завет – основа христианства – буквально пронизан идеей аскетизма: «Не собирайте себе сокровищ на зем-

ле...» (Мф. 6:19); «...не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться.» (Мф. 6:25). Но поскольку для молокан важна вся Библия как неразрывное целое, стремление к аскетизму не приобрело в их среде доминирующего влияния.

Однако они всегда охотно помогали пострадавшим от разных бед, руководствуясь указаниями как Ветхого Завета: «Если брат твой обеднеет и придет в упадок у тебя, то поддержи его... чтоб он жил с тобою» (Лев. 25:35–36), так и Нового Завета: «Бог же силен обогатить вас всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело... на всякую щедрость, которая через нас производит благодарение Богу» (2 Кор. 9:8–11). Ф.В. Ливанов отмечает, что молокане сеют особые десятины для неимущих и собирают урожай с них коллективным трудом. Когда же собирают деньги на помощь бедным, каждый член общины кладет под скатерть, сколько может. Скатерть скрывает сумму пожертвования, чтобы никому не было стыдно за более скромное подношение [20].

Заключение

Таким образом, мы видим, что в книгах Библии – содержатся советы практически по всем пунктам хозяйственной этики, но для того чтобы их усвоить, принять к сердцу и строить на их основе свою хозяйственную деятельность, необходимо прекрасно знать Библию, что в дореволюционной России было возможно лишь для небольшой части грамотного населения. Все эти ценностные установки молоканства – трудолюбие, умеренность, честность, трезвость, верность обещаниям, здоровые отношения в семье – опирались на хорошее знание ими Библии. Поэтому в рамках этой секты и сформировалась хозяйственная этика как целостная совокупность правильных взглядов на правильное ведение хозяйства. Все это привлекало в течение всего XIX в. все новых и новых сторонников в ряды молоканства.

Но Библия – это руководство к действию для всех христиан. В наше время она является общедоступным первоисточником веры для всех христиан и ее хозяйственные этические императивы универсальны для всех верующих. Тем не менее на их основе исторически сформировались в рамках более рационального религиозного мышления западно-протестантская (в разных вариантах), баптистская и молоканская хозяйственные этики, а в рамках ортодоксального религиозного мышления – старообрядческая хозяйственная этика. В начале XX в., начиная с работ С.Н. Булгакова, был дан мощный толчок формированию православной хозяйственной этики, прерванный революцией, но вновь обозначившийся в постсоветские годы. Духовное возрождение России, возможность глубокого осмысления всех идей Библии, независимо от принадлежности человека к конкретной религиозной конфессии или группе, создает предпосылки и для новой хозяйственной этики с использованием накопленного опыта, в том числе и молоканского.

Литература

1. Гараджа В. Социология религии. 2007. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/gar/01.php (дата обращения: 23.12.2020).
2. Дюркейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М. : Дело : РАНХиГС, 2018. 732 с.

3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
4. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М. : Прогресс : Культура, 1995. Т. 3. 491 с.
5. Иоанн (Шаховской) Сектантство в Православии и Православие в сектантстве. URL: <https://rbook.me/book/9212049/read/> (дата обращения: 23.12.2020).
6. Трёльч Э. Церковь и секта // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич М. : Аспект Пресс, 1996. URL: https://www.gumer.info/bogoslov/Buks/sekta/Article/trelch_sekt.php (дата обращения: 23.12.2020).
7. Буткевич Т.И. Русские секты и их толки. М. : Центрполиграф, 2018. 559 с.
8. Буянов Е.В. Трудовая деятельность духовных христиан-молокан в Амурской области во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 48. С. 36–41.
9. Коваль Т.Б. «Духовные христиане»: религиозное своеобразие и этика труда // Мир России. Социология. Этнология. 1993. № 1. С. 20–62.
10. Булгаков С. Православие и хозяйственная жизнь // Булгаков С. О Православии. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. 528 с.
11. О самобытности экономической этики в России. URL: <http://acathist.ru/en/novosti/item/537-o-samobytnosti-ekonomicheskoy-etiki-v-rossii> (дата обращения: 23.12.2020).
12. Гончаров Я.И. О духовном христианстве. URL: <https://сdxm.рф/wp-content/uploads/2017/12/Весть-4-2017.pdf> (дата обращения: 23.12.2020).
13. Абрамова М.О., Сухушина Е.В., Рыкун А.Ю. Базовые элементы построения моделей воспроизводства маскулинности (опыт практического исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 184–192.
14. Абрамова М.О., Сухушина Е.В., Рыкун А.Ю. Воспроизводство маскулинности: семья как основной агент социализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 80–89.
15. Каблиц И. И. (Юзов И.) Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. СПб., 1881. URL: <http://molokans.info/bibliography/books> (дата обращения: 23.12.2020).
16. Кобелькова И.В., Мартинчик А.Н., Кудрявцева К.В., Батулин А.К. Режим питания в сохранении здоровья работающего населения // Вопросы питания. 2017. Т. 86, № 5. С. 17–21.
17. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека. URL: https://royallib.com/book/zombart_verner/burgua.html (дата обращения: 23.12.2020).
18. Костомаров Н.И. Воспоминания о молоканах. URL: http://az.lib.ru/k/kostomarov_n_i/text_1860_vosp_o_molokanah.shtml (дата обращения: 23.12.2020).
19. Эшер Г.М. Молоканы или христиане-спиритуалисты Восточной России // Вестник Европы. 1879. Кн. 9 (Сентябрь). С. 368–384.
20. Ливанов Ф.В. Молоканский поп // Раскольники и острожники: очерки и рассказы. СПб., 1872. Т. 5, кн. 9–10 (сентябрь–октябрь). URL: <http://molokanin.ru/old/f/m0210.html> (дата обращения: 23.12.2020).

Dmitry N. Emelyanov, Ryazan State Medical University (Ryazan, Russian Federation).

E-mail: emelyanov62@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 162–171.

DOI: 10.17223/1998863X/61/17

ECONOMIC ETHICS OF RUSSIAN SPIRITUAL CHRISTIANS–MOLOKANS IN THE LIGHT OF MODERN REALITIES

Keywords: subject of social life; sect; Protestantism in Russia; spiritual Christians; Molokans; economic ethics; labor ethics

The author examines the features of the economic ethics of Russian spiritual Christians–Molokans, analyzes the connection between people’s religious views and economic behavior. The novelty of the work consists in an attempt to systematize the elements of the Molokans’ economic ethics, to explain the reasons for their formation from a religious and sociological point of view in their relationship, to show that the analysis of their progressive experience is useful in the formation of a new economic ethics in modern Russia. The author lists the factors that led to the formation of the Molokan economic ethics based on biblical texts. Among these factors, he singles out: the lack of

asceticism, rejection of religious mysticism and faith in oneself, the combination of agricultural labor with other types of activity, the predominance of the personally free population, the rejection of equal land use, the high level of literacy of the Molokans, the deprivation of many civil rights, the equality of men and women in the family, the lack of a mandatory fasting schedule and a large number of holidays, migrant activity, the habit of high adaptability to changing living conditions. The author explains why the Bible was a practical guide for the economic activities of the Molokans, but did not become one for the Orthodox population. He argues that the books of the Bible contain advice on almost all elements of economic ethics, but in order to put them into the basis of economic activity it was necessary to know the Bible perfectly, in pre-revolutionary Russia it was possible only for a small part of the literate population. Therefore, it was within the framework of this sect in Russia that economic ethics was formed as an integral set of views on the correct management of the economy. The author concludes that since in our time the Bible is the publicly available primary source of faith for all Christians and its economic recommendations are universal for the entire believing population, Christian economic ethics, due to the common source of faith, can only be one, despite the many dogmatic differences and contradictions between Christian confessions and sects.

References

1. Garadzha, V. (2007) *Sotsiologiya religii* [Sociology of religion]. [Online] Available from: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/gar/01.php (Accessed: 28th December 2020).
2. Durkheim, E. (2018) *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia]. Translated from French. Moscow: Delo.
3. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress.
4. Milyukov, P.N. (1995) *Ocherki po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. Vol. 3. Moscow: Progress, Kul'tura.
5. Shakhovskoy, I. (n.d.) *Sektantstvo v Pravoslavii i Pravoslavie v sektantstve* [Sectarianism in Orthodoxy and Orthodoxy in sectarianism] [Online] Available from: <https://rbook.me/book/9212049/read/> (Accessed: 28th December 2020).
6. Troeltsch, E.H. (1996) *Tserkov' i sekta / Religiya i obshchestvo. Khrestomatiya po sotsiologii religii* [Church and sect. Religion and Society. Reader on the sociology of religion]. Moscow: Aspekt Press. [Online] Available from: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/sekta/Article/trelch_sekt.php (Accessed: 28th December 2020).
7. Butkevich, T.I. (2018) *Russkie sekty i ikh tolki* [Russian sects and their varieties]. Moscow: Tsentrpoligraf.
8. Buyanov, E.V. (2010) *Trudovaya deyatel'nost' dukhovnykh khristian-molokan v Amurskoj oblasti vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov* [Labor activity of spiritual Christians-Molokans in the Amur region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 48. pp. 36–41.
9. Koval, T.B. (1993) "Dukhovnye khristiane": religioznoe svoeobrazie i etika truda ["Spiritual Christians": Religious Identity and Work Ethics]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya – Universe of Russia*. 1. pp. 20–62.
10. Bulgakov, S. (2002) *O Pravoslavii* [About Orthodoxy]. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub.
11. Acatist.ru. (2016) *O samobytnosti ekonomicheskoy etiki v Rossii* [On the originality of economic ethics in Russia]. [Online] Available from: <http://acathist.ru/en/novosti/item/537-o-samobytnosti-ekonomicheskoy-etiki-v-rossii> (Accessed: 28th December 2020).
12. Goncharov, Ya.I. (2017) *O dukhovnom khristianstve* [On Spiritual Christianity]. [Online] Available from: <https://sdkhm.rf/wp-content/uploads/2017/12/Vest-4-2017.pdf> (Accessed: 28th December 2020).
13. Abramova, M.O., Sukhushina, E.V. & Rykun, A.Yu. (2019) Basic Elements of Masculinity Reproduction Models (Practical Research Experience). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 52. pp. 184–192. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/52/17
14. Abramova, M.O., Sukhushina, E.V. & Rykun, A.Yu. (2018) Reproduction of masculinity: family as a pivotal agent of socialization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 41. pp. 80–89. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/41/10
15. Kabolic, I.I. (Yuzov, I.) (1881) *Russkie dissidenty: starovery i dukhovnye khristiane* [Russian dissidents: Old Believers and spiritual Christians] St. Petersburg: [s.n.]. [Online] Available from: <http://molokans.info/bibliography/books> (Accessed: 28th December 2020).

16. Kobelkova, I.V., Martinchik, A.N., Kudryavtseva, K.V. & Baturin, A.K. (2017) Diet pattern and health of working people. *Voprosy pitaniya – Problems of Nutrition*. 86(5). pp. 17–21.
17. Sombart, V. (1994) *Burzhua: etyudy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka* [Bourgeois: studies on the history of the spiritual development of a modern economic person]. Translated from German. [Online] Available from: https://royallib.com/book/zombart_verner/burgua.html (Accessed: 28th December 2020).
18. Kostomarov, N.I. (1860) *Vospominaniya o molokanakh* [Memories of Molokans]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/k/kostomarov_n_i/text_1860_vosp_o_molokanah.shtml (Accessed: 28th December 2020).
19. Ehsher, G.M. (1879) Molokany ili khristiane-spiritualisty vostochnoy Rossii [Molokans or Christian Spiritualists of Eastern Russia]. *Vestnik Evropy*. 9. pp. 368–384.
20. Livanov, F.V. (1872) *Raskol'niki i ostrozhniki: ocherki i rasskazy* [Dissenters and Gaol-Birds: essays and stories]. St. Petersburg: M. Khap. [Online] Available from: <http://molokanin.ru/old/f/m0210.html> (Accessed: 28th December 2020).

УДК: 316.35/316.62

DOI: 10.17223/1998863X/61/18

Д.П. Исаев

ОБРАЗЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДИНАСТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ СРЕДЕ

Рассматриваются проблемы изучения закономерностей и особенностей процесса конструирования образов профессиональной династии в современной российской научной среде. Отмечается, что идентификационные оценки, фиксирующие трансформации профессиональной династии как социального феномена, обусловлены действием таких факторов, как характерологические особенности членов семей, специфика научного творчества, психологическая основа социального взаимодействия.

Ключевые слова: профессиональная династия, научная среда, трансмиссия статуса, статусный капитал, транспрофессиональная мобильность

Введение

Научные династии являются устоявшимся объектом отечественного социогуманитарного знания. Многообразие подходов к их изучению позволяет предложить определенную градацию. Так, возможно, самым традиционным является подход, согласно которому акцент сосредоточен на демонстрации семейных достижений и вкладов той или иной династии в научную, шире, культурную и интеллектуальную жизнь общества [1, 2]. По сути, он выражает интерес к данному предмету сквозь призму исследования культуры как «элитарного» пространства, что является реализацией классической установки познания. Развитие данной стратегии было предложено в рамках социальной психологии науки, исследующей проблемы наследования дарований в научных семьях, так называемой социальной наследственности [3. С. 76–77]. Впрочем, ограниченность подхода, оправдываемого самим предметом изучения, приводила к акцентуации внимания только на благоприятном социально-психологическом климате занятий наукой.

Иной подход к изучению научных династий был предложен в рамках социологии профессий. Определение предмета познания как «профессиональной династии» позволило расширить пространство изучения социальных феноменов. Так, в поле зрения исследователей попадают проблемы профессионального выбора в семьях российских специалистов, где устойчивость воспроизводства профессиональных ценностей интересна не сама по себе, а в качестве своеобразного барометра современной трансформации профессиональных структур и социальной мобильности. Профессиональная преемственность, в том числе в научных династиях, оценивается в качестве стратегии смягчения нестабильности на рынке труда [4, 5]. Иначе говоря, династия рассматривается как конструктивный семейный проект, позволяющий накапливать социальный капитал, благотворно влияющий на социальные процессы [6]. С другой стороны, учеными предлагаются характеристики профессиональной династии как архаической модели закрепления преимуществ в социальной конкуренции, что позволяет выделять и деструктивные социальные

эффекты династийности [7]. В частности, на примере научной среды показываются проблемы социальной монополии, приводящей к закрытости научного сообщества [8].

Таким образом, сегодня очевиден комплексный взгляд на изучаемый феномен, в котором важность приобретают не только «объективные» параметры социальной группы, но прежде всего коммуникативное поле актуализации и передачи социального и культурного опыта, через которое и проявляются указанные выше социальные эффекты. В развитие подхода мы ставим проблему конструктивного/деструктивного потенциала династий в пространстве сознания, обратившись к образным характеристикам династии в семьях современной российской научной среды. Соответственно, задачами исследования выступают выявление «идентификационных» особенностей проектирования положительного и отрицательного образов династии членами семей, сосредоточение на процессуальной стороне и факторной обусловленности создания ими ретроспективного образа своей семьи как профессиональной династии. Поскольку речь идет о сфере порождения смыслов в рассматриваемой реальности, наше исследование находится в русле интерпретативной социологии, принимая методологическую установку об изучении конструируемой реальности через представления о ней.

Результаты эмпирического исследования

Эмпирическую базу исследования научных династий составляют интервью в 20 семьях с респондентами – гражданами РФ, полученными в рамках реализации проекта «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе». Участие в опросе принимали представители разных научных направлений: естественно-научного (7), гуманитарного (8) и медицинского (5). Треть интервью проходило в формате face-to-face из-за неблагоприятной эпидемиологической обстановки; остальные проведены в онлайн-формате. Временной интервал – весна-лето 2020 г. Выявленные в ходе опроса профессиональные династии насчитывают 3–4 поколения. География информантов – Москва, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Таганрог, Томск. Гайд предложенного нарративного интервью состоял из трех блоков: автобиографический рассказ; роль семьи и социального окружения в профессиональном становлении; субъективные оценки, интерпретации и восприятие феномена династийности.

Исследование, представляющее обработку первичных эмпирических данных, закономерно начинается с аналитики ответа на вопрос об образе профессиональной династии как таковой: «Если мы говорим „профессиональная династия“, что первое (какие ассоциации, образы, мысли, ощущения) приходит Вам в голову в связи с этим словом?» Исходя из общих представлений о понятии и опираясь на личностный опыт, респонденты конструируют соответствующий образ. Встречаются следующие вариации: «семейный труд, общее дело, передача знаний, поддержка родных» (м., 42 года, химик)¹; «преемственность поколений, развитие, эстафета» (м., 42 года, правовед). В основном дается попытка «объективистского» определения династии как

¹ Здесь и далее в кавычках даются выдержки из собранных интервью, находящихся в личном архиве автора.

социальной категории, существующей независимо от представлений о ней. Кроме того, соответствующий образ рисуется, исходя из внутреннего опыта нахождения в династии. Иными словами, ее ощущение внутри семьи предопределяет набор внутренних признаков.

Связанный с особенностями этих представлений следующий аспект касается возможных преимуществ и недостатков династийной принадлежности. Среди преимуществ респонденты выделили микроклимат и благоприятную культурную среду; (ментальную) связь с предками; возможность раннего интеллектуального развития; приобщение к профессиональному развитию, ранний профессиональный опыт; помощь в профессиональном выборе; доступ к ресурсам; социальную стабильность; подпитку идеями со стороны молодых членов династии. Данные суждения логично исходят из воображаемой прямой связи между поколениями, в первую очередь относятся к последнему звену династии. В интервью в качестве необходимых элементов династийности присутствуют прародители респондентов, которые определенным образом влияли на воспитание внуков, поддерживали семейный микроклимат и т.д. Выделение информантами такого преимущества, как доступ к ресурсам, наоборот, скорее вытекает из практики взаимодействия родителей и детей. И здесь поясним, что, в отличие от предпринимательской среды [9], применительно к научной сфере уместно говорить не о финансовых капиталах, а о родительском опыте, конвертируемом в экономическую ценность.

Симптоматичны суждения трех информантов, сомневающих в преимуществах, которые могут предложить династии сегодня. Во-первых, по мнению респондентов, сейчас вообще не требуется трансляция профессиональных ценностей при профессиональном выборе. Аргументом служит то, что «сейчас жизнь меняется настолько быстро, что ты должен уметь не столько держаться какой-то профессиональной позиции, сколько переключаться на то, что предлагает жизнь» (ж., 62 года, социолог). Во-вторых, если и признавать династические ценности, то «для определенного рода профессий, которые требуют передачи опыта и мало модифицируются с годами» (м., 40 лет, физик), например, военных. А, к примеру, в гуманитарной научной сфере династической ценностью сегодня можно считать лишь сформированную благоприятную культурную среду. Эти суждения имеют «диагностический» характер и отсылают к болезненной проблеме для династии в современных условиях – проблеме самоидентификации индивида, процесс которой З. Бауман считает принципиально «нефинальным», поскольку «ни условия жизни, ни набор возможностей, ни природа угроз никогда не перестают меняться» [10].

В качестве недостатков принадлежности к династиям выделены: «насильственный» факт погружения в профессиональную среду; возможность «агрессивного» влияния; необходимость продвижения семейных идей, которые не разделяешь; навязанный и неподходящий индивидуально профессиональный выбор; завышенные ожидания; дополнительные обязательства и ответственность, предвзятое отношение к молодому поколению со стороны общества. Налицо интерпретация определенного семейного опыта, когда, к примеру, респонденты приводят факты из жизни своих родственников в качестве доказательства указанных недостатков. Любопытно, что «предвзятое отношение» было предложено представителями молодого поколения (до 40 лет), хотя стал-

кивалось с ним, как следует из собранных интервью, большее количество информантов. Объясняется это, скорее всего, тем, что в силу возраста еще свежи в памяти факты подобных проявлений со стороны профессионального сообщества, влияющие на процесс профессионализации личности. Наблюдения того, что противоречия династийной принадлежности явственно обнаруживаются изнутри, соотносятся с выводом И.П. Поповой о том, что профессиональная преемственность способствует большему пониманию внутренней структуры профессии [5. Р. 189].

Следующий проблемный блок связан с темой восприятия своей семьи как профессиональной династии и своего места в ней. Ответы конструируют «ретроспективный» образ семьи, наделяя его индивидуальными характеристиками. Полученные данные мы условно разделили по «эмоциональному» признаку. И здесь интересны скорее не количественные параметры (три группы с примерным равенством по 6–7 человек), а сам процесс и контексты порождения смыслов, обусловившие данное восприятие. Первая группа прозрачно конструирует безусловно положительный образ семьи как династии. Информанты рассказывают о соответствующей домашней атмосфере, которая формировала устойчивые традиции (например, разговоры на профессиональные темы), интеллектуальное развитие. Члены этих семей гордятся принадлежностью к династии, фиксируют высокую профессиональную репутацию, довольны профессиональным выбором, полагают, что оправдали ожидания своих родителей. Бережно относятся к своему вкладу в указанный статус династии, пусть и в некоторых случаях оцениваемый как скромный. Наконец, признаются, что принадлежность к династии помогла проложить эффективный жизненный путь, преодолеть трудности, получать связи и ресурсы. Именно в данной группе наблюдается «закономерное» превалирование молодого поколения (4 из 6), что требует своего объяснения. Так, в силу возраста в процессе профессионального становления личности в семьях соответствующего типа на данном этапе в большей мере играет роль профессиональная преемственность [11. С. 182].

Представители второй группы эмоционально более спокойно описывают свою семью как профессиональную династию. Они согласны с тем, что у них есть положительная профессиональная репутация. Отмечается гордость за династическую принадлежность, указывается, что это помогало в профессиональном становлении. Но здесь информанты чаще признаются, что, возможно, не до конца оправдали ожидания родственников, родителей. Неслучайные оговорки, типа «куча обязательств» (ж., 46 лет, историк) или «когда пишешь статью, не думаешь о профессиональной репутации» (м., 42 года, правовед), дают нам право выделения данной группы, в которой восторженность уступает место трезвым размышлениям.

Интерес вызывает третья, «скептическая» группа, где респондентами не отрицается наличие самой династии, но иное значение они придают своему месту в ней. Фактически каждый из данной группы тем или иным образом высказался не в пользу династийности: не было профессионального выбора, отсюда нелюбовь к работе; вынужденная принадлежность к профессиональной династии; отличие от родственников; отсутствие гордости и др. В этой связи неслучайны признания о возможном и действительном уходе из профессии и прекращении династии, высказанные двумя информантами. Это

позволяет сделать вывод, что данная группа более подвержена таким вариантам статусной трансмиссии субъектов, как социальная инерция и уход из профессии [7. С. 79].

Безусловно, на подобные оценки могли повлиять разные причины, формирующие особенности жизненной траектории опрашиваемых. Во-первых, некоторые попросту не связывают успехи в профессии с принадлежностью к династии. Отсюда сосредоточенность на личных усилиях и соответственно их оценка (например, «иногда я забываю, что есть профессиональная династия» (м., 35 лет, социолог)). Во-вторых, критическая рефлексия над своими способностями, успехами в сравнении со старшими поколениями мешает респондентам ставить себя в один ряд с ними и чувствовать себя достойными продолжателями семейного дела. Наконец, имеет место внутренняя неудовлетворенность своей профессиональной реализацией, отсюда сосредоточенность на отрицательных сторонах династичности, возможным образом когда-либо сказавшихся при «судьбоносном» выборе. В этом случае мы можем видеть противоречивость «семейного проекта», реализующего модель прямого наследования, основанную на трансляции прежних представлений, которая, с одной стороны, обеспечивает устойчивость профессиональных позиций членов семей [4], а с другой – провоцирует так называемые биографические кризисы [12. С. 246–247].

Выводы

Ментальный образ династии в семье может живо поддерживаться и ощущаться, но в многочисленных оттенках, несущих за собой индивидуальный опыт участников. Каждый нарратив содержит описание случайностей, предопределивших тот или иной профессиональный выбор, видение жизненных траекторий членов семей и себя в контексте династии. Это позволяет выделить социально-психологические факторы, обуславливающие данные процессы и состояния.

Во-первых, характерологические особенности членов семей. Очевидно, что на профессиональный выбор молодого человека зачастую влияло мнение родителей. Неслучайно на соответствующий вопрос интервьюера респонденты отвечали часто утвердительно, рассказывая семейные истории о том, как проходили совместные обсуждения выбора вуза и т.д. При этом неизбежно в ходе беседы всплывали характеристики старших членов семьи. Достаточно редко в беседах встречаются «авторитарные» субъекты. Полагаем, что определенная «свобода маневра», получаемая молодыми членами семей и иногда работающая не в пользу профессиональной преемственности, компенсировалась добровольно усваиваемым «семейным проектом».

Во-вторых, научное творчество как специфический вид занятий. Культура умственного труда предполагает наличие определенных индивидуальных талантов и качеств. Что фиксируют и респонденты, отмечая в качестве необходимых признаки типа «упорство... трудолюбие, интерес к своей деятельности, интерес к твоей теме научных интересов» (м., 30 лет, политолог). С другой стороны, ясно, что научная среда не является гомогенной, где успешное выстраивание карьеры не определяется лишь научными достижениями и открытиями. Так, в типологическом анализе мотивации научного труда Л. Зубова выделяет 7 групп мотиваций в науке с характерной для каж-

дого типа моделью поведения. Важно, что каждый тип в этой классификации обладает своей спецификой в выстраивании семейной стратегии профессионализации и передаче социального капитала, где только два первых используют такой вариант трансмиссии статуса, как активная преемственность в плане научного творчества [13. С. 47–49]. Отметим, что профессиональная научная деятельность наших респондентов дифференцирована такими вариантами, как преподавание, лабораторные исследования, врачебная практика, бизнес-проекты. Согласно этому они продемонстрировали достаточное разнообразие в суждениях о профессиональном интересе, оценках своей и династической успешности в науке.

В-третьих, это особенности социального взаимодействия внутри семей с точки зрения психологических установок. Рассмотрим данную проблему в зеркале теории транзактного анализа Э. Берна. В ее основе лежат «метафорические» категории Родителя, Взрослого и Ребенка как психологические состояния, характерные для поведения любого человека. Первая отсылает к усвоенным образцам поведения родителей, вторая ориентирована на рациональную и логичную оценку реальности и своего поведения, третья же – это эмоциональность, спонтанные творческие и интуитивные способности, ближе к детским ощущениям [14. С. 278–280]. С помощью понятия «транзакции» как общения между индивидами – носителями указанных состояний в поле определенных психологических позиций предлагается анализировать межличностное взаимодействие. Интересующая нас психологическая реальность «Взрослого» характеризуется такими поведенческими установками, как независимость, деловитость, аналитичность, что позволяет индивиду решать задачи самоопределения, планирования действий «hic et nunc». В семьях с многопоколенными профессиональными традициями ребенок с детства получает значительный заряд по усвоению соответствующих культурных, интеллектуальных, профессиональных норм, которые должны транслироваться и в будущие поколения. Однако, осваивая позицию «Взрослого», члены данных семей также вынуждены принимать решения, элементарно являющиеся жизненно необходимыми. Отсюда роль случайности в выстраивании профессиональной карьеры. Шесть респондентов на определенном жизненном этапе уходили в другие профессиональные области, временно покидая «семейное» поле деятельности или осваивая смежные сферы занятости, реализуя при этом транспрофессиональную мобильность (например, прикладные исследования, связанные с бизнес-проектами). Таким образом, позиция «Взрослого», осваиваемая субъектами действия, оказывает трансформирующее воздействие на его восприятие династических ценностей.

Литература

1. Андрейченко Г.В., Сапрыкина Е.В. Семейные традиции в истории российской науки // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 18–22.
2. Левочкина А.В. Вклад научных династий в развитие культуры // Аналитика культурологии. 2013. № 1 (25). С. 102–113.
3. Карцев В.П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М.: Наука, 1984. 312 с.
4. Popova I.P. Professional choice: the influence of the cultural resources of the families of Russian specialists // Russian Education and Society. 2014. № 56 (10). P. 3–23.
5. Popova I.P. Professional Continuity in Career Strategies of Russian Scientists // Europe and beyond: boundaries, barriers and belonging. View from Russia: collected papers European Sociologi-

cal Association 14th Conference “Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belongin” (Manchester, GB, August 20–24, 2019) / ed. V. Mansurov. Moscow : 2019. P. 182–191.

6. *Kolesnikova E.M.* Professional Dynasties as a Resource of Social Mobility // Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication: Proceedings of the Middle-Term Conference RC04 Sociology of Education International Sociological Association (ISA), Moscow, 24–26 July 2019. Moscow : RUDN, 2019. P. 103–109.

7. *Мостовая И.В., Посухова О.Ю., Клименко Л.В.* Методологические аспекты исследования профессиональных династий в российском обществе // Гуманитарий Юра России. 2019. Т. 8, № 6. С. 70–82.

8. *Посухова О.Ю.* Роль профессиональных династий в академической среде российского общества // Власть. 2018. № 7. С. 89–95.

9. *Dunn T., Holtz-Eakin D.* Financial capital, human capital, and the transition to self-employment: Evidence from intergenerational links // Journal of labor economics. 2000. Vol. 18, № 2. P. 282–305.

10. *Bauman Z.* Migration and Identities in the Globalized World. Reset dialogues on civilization. 2013. URL: <https://www.resetdoc.org/story/migration-and-identities-in-the-globalized-world> (дата обращения: 3.12.2020).

11. *Шаманин Н.В.* Психологические особенности трансформаций специфических феноменов профессионального самоопределения в различных типах семей (на материале династий) // Экономика образования. 2012. № 4. С. 181–184.

12. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения : учеб. пособие. М. : Академия, 2004. 304 с.

13. *Зубова Л.Г.* Мотивация научного труда: результаты типологического анализа // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 1998. № 2. С. 47–53.

14. *Берн Э.* Познай себя. О психиатрии и психоанализе – для всех, кто интересуется. Екатеринбург : Литур. 1999. 368 с.

Dmitry P. Isaev, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

E-mail: disaew@mail.ru, dpisaev@sfnedu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 172–179.

DOI: 10.17223/1998863X/61/18

IMAGES OF A PROFESSIONAL DYNASTY IN THE MODERN RUSSIAN SCIENTIFIC ENVIRONMENT

Keywords: professional dynasty; scientific environment; status transmission; status capital; transprofessional mobility

The present study focuses on academic dynasty as implementation of the concept of “professional dynasty”. It states that, in modern socio-humanitarian science, the approach focusing not on the descriptiveness of academic dynasties’ achievements, but on the investigation of the problems of sustainability in professional values reproduction within the sociology of professions and in the context of professional structures transformation, with emphasis on not only constructive, but also destructive social effects of a dynasty, is becoming relevant. Within this approach, the author sets the problem of studying the patterns and features of the constructing of images of a professional dynasty in the modern Russian scientific environment. This will allow applying some “objective” parameters of the existence of academic dynasties as a social group to an imaginary identity. According to the empirical data obtained during interviews, the objectives are set to identify the features of positive and negative dynasty image design by members of the interviewed families, and to focus on the procedure and factors for the creation of retrospective and perspective images of their families as professional dynasties. The author draws a connection between the constructed image of a professional dynasty in general (its advantages and disadvantages as such) and the perception of oneself as a real participant in family dynasty strategies. In the latter case, it is possible to classify the obtained data into three groups, approximately equal in quantitative terms, in line with the “emotional” attribute – positive, neutral and skeptical. Of these, the first two form a fairly stable and effective image of dynastic ties in professional trajectories. It is also noted that the “skepticism” of the respondents’ interpretations (group 3) derive from these three factors: concentration on personal efforts in the profession, underestimation of their own contribution to family achievements, and either complete or partial failure of professional self-realization. The author also notes that the various evaluations that account for the transformations of the professional dynasty as a social phenomenon are attributable to the action of socio-psychological

factors, such as characteristics of family members affecting the productivity of interpersonal interaction within the dynasty, the specificity of scientific creative activities as a special social environment, and the psychological basis of social interaction.

References

1. Andreychenko, G.V. & Saprykina, E.V. (2014) Family dynasties in the history of Russian science. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanities and Law Studies*. 2. pp. 18–22. (In Russian).
2. Levochkina, A.V. (2013) Vklad nauchnykh dinastiy v razvitie kul'tury [The contribution of scientific dynasties to the development of culture]. *Analitika kul'turologii*. 1(25). pp. 102–113.
3. Kartsev, V.P. (1984) *Sotsial'naya psikhologiya nauki i problemy istoriko-nauchnykh issledovaniy* [Social psychology of science and problems of historical and scientific research]. Moscow: Nauka.
4. Popova, I.P. (2014) Professional choice: the influence of the cultural resources of the families of Russian specialists. *Russian Education and Society*. 56(10). pp. 3–23.
5. Popova, I.P. (2019) Professional Continuity in Career Strategies of Russian Scientists. In: Mansurov V. (ed.) *Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging. View from Russia*. Moscow: RSS; FCTAS RAS. pp. 182–191.
6. Kolesnikova, E.M. (2019) Professional Dynasties as a Resource of Social Mobility. In: *Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication*. Proc. of the Middle-Term Conference RC04 Sociology of Education International Sociological Association (ISA), Moscow, July 24–26 2019. Moscow: RUDN. pp. 103–109. DOI: 10.22363/09669-2019-103-109
7. Mostovaya, I.V., Posukhova, O.Yu. & Klimenko, L.V. (2019) Methodological Aspects of Professional Dynasties Research in Russian Society. *Gumanitarniy Yuga Rossii – Humanitarians of the South of Russia*. 6. pp. 70–82. (In Russian).
8. Posukhova, O.Yu. (2018) The Role of Professional Dynasties in the Russian Academic Environment. *Vlast' – The Authority*. 7. pp. 89–95. (In Russian).
9. Dunn, T. & Holtz-Eakin, D. (2000) Financial capital, human capital, and the transition to self-employment: Evidence from intergenerational links. *Journal of Labor Economics*. 18(2). pp. 282–305. DOI: 10.1086/209959
10. Bauman, Z. (2013) *Migration and Identities in the Globalized World. Reset dialogues on civilization*. [Online] Available from: <https://www.resetdoc.org/story/migration-and-identities-in-the-globalized-world> (Accessed: 3rd December 2020).
11. Shamanin, N.V. (2012) Psychological features of specific phenomena of transformation professional self in different types of families (on the basis of dynasties). *Ekonomika obrazovaniya – Economics of Education*. 4. pp. 181–184. (In Russian).
12. Klimov, E.A. (2004) *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Moscow: Akademia.
13. Zubova, L.G. (1998) Motivatsiya nauchnogo truda: rezul'taty tipologicheskogo analiza [Motivation of scientific work: the results of a typological analysis]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2. pp. 47–53. (In Russian).
14. Bern, E. (1999) *Poznay sebya. O psikhii i psikhooanalize – dlya vseh, kto interesuetsya* [Know yourself. About Psychiatry and Psychoanalysis – for Anyone Interested]. Translated from English by A.A. Gruzberg. Ekaterinburg: Litur.

УДК 316.74

DOI: 10.17223/1998863X/61/19

А.В. Матецкая

ОСОБЕННОСТИ ПОСТСЕКУЛЯРНОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-011-00400.

Исследуется постсекулярное общество в России. Полагается, что российское постсекулярное общество имеет ряд специфических черт, не присущих европейской модели постсекулярности. Эти черты обусловлены характером советской секуляризации, а также социально-политическим и культурным контекстом, в котором осуществлялся переход российского общества к постсекулярному состоянию.

Ключевые слова: секуляризация, постсекулярное общество, десекуляризация, политическая религия, модернизация

Появление концепций постсекулярного общества и десекуляризации свидетельствует об изменении прежней исследовательской оптики, заданной парадигмой секуляризации. Если предложенное П. Бергером [1] понятие десекуляризации указывает на процесс, обратный секуляризации, – возрождение религии, то понятие постсекулярного общества, введенное в научный оборот Ю. Хабермасом, указывает не столько на «возврат» религии и отмену результатов секуляризации, сколько на переосмысление религиозной ситуации в секулярных обществах в эпоху позднего модерна. Понятие постсекулярного общества получило широкое распространение и различные интерпретации [2]. Однако в данной статье мы будем исходить из определения постсекулярного общества, предложенного самим Хабермасом, использовавшим его «для описания современных обществ, которым приходится считаться с продолжающимся существованием религиозных групп и сохраняющейся актуальностью различных религиозных традиций, даже если сами общества в значительной степени секуляризованы... я называю „постсекулярным“ не само общество, а соответствующее изменение сознания в нем» [3].

Хабермас не рассматривал концепцию секуляризации как полностью ошибочную, он подвергал критике ее прогностический аспект и претензии на универсализм. Даже в рамках западных обществ секуляризация осуществлялась по-разному. В частности, американская религиозность не вписывалась в классическую секуляристскую парадигму, демонстрируя невозможное в ее рамках сочетание сильной религиозности с дистанцированием религии от государства и высокими показателями социально-экономического развития. Феномен «аномальной» американской религиозности стал предпосылкой формирования «новой парадигмы социологии религии» [4], за точку отсчета принимающей не европейское, а американское общество. Если нельзя говорить об универсальной и единообразной секуляризации даже применительно к Западу в целом, то еще сложнее говорить об общей модели, свойственной всем модернизирующимся обществам, где можно обнаружить как отсутствие

заметных проявлений секуляризации, так и попытки подавления религии. Пример последнего демонстрирует модель секуляризации, осуществленная в СССР.

Как полагал Хабермас [3], концепция «множественных современностей», предложенная Ш. Эйзенштадтом [5], дает возможность пересмотреть парадигму секуляризации с учетом вариативности перехода к современности, обусловленной культурной спецификой и историческим наследием конкретных обществ. Разнообразие моделей модернизации должно подразумевать и различные модели секуляризации. То же самое справедливо и для десекуляризации и постсекулярности. В частности, специфика советской секуляризации обусловила и пути религиозной динамики в постсоветский период. Анализируя эту динамику, можно использовать и понятие десекуляризации, и понятие постсекулярного общества. Они обозначают различные, хотя и связанные феномены. Десекуляризацию можно рассматривать как один из факторов, предопределяющий переход к постсекулярности. Десекуляризация (как «возвращение религии») в постсоветской России имеет зримый и очевидный характер. Возросшее присутствие религии, особенно православия, можно наблюдать на всех уровнях социальной реальности. Опросы показывают, что подавляющее большинство россиян идентифицирует себя как православных. Но опросы фиксируют и низкий уровень реальной, практической религиозности большинства россиян, называющих себя православными. «Уже в исследованиях начала 90-х гг., проведенных фондом „Общественное мнение“ и ВЦИОМ, был выявлен глубокий разрыв между религиозной самоидентификацией и религиозной практикой» [6]. Эта тенденция сохранилась. Так, согласно данным опроса ФОМ (2018), к православным себя причисляют 63% россиян, при этом 15% православных не ходят в церковь вообще, 29% посещают церковь лишь один-два раза в год, а 54 % православных никогда не причащаются [7]. Противоречие между заявленной и реальной религиозностью можно рассматривать как проявление специфики российской десекуляризации, и она связана с особенностями российского постсекулярного общества.

Проблема специфики российской секуляризации и постсекулярности уже привлекла внимание исследователей (Д. Цыплаков, С. Коначева, К. Штекль, А. Кырлежев, Д. Узланер, А. Шишков, Б. Кнорре и др.). Практически все авторы, касавшиеся темы советской секуляризации, отмечают, что ее модель существенно отличалась от западной и подразумевала не постепенный процесс социокультурной дифференциации, в результате которого религия обособлялась от других социальных институтов, а систематически осуществляемое государством подавление религии и насаждение атеизма, сопровождавшиеся репрессиями по отношению к духовенству и верующим.

Кырлежев и Шишков [8] отмечают, что репрессивная политика по отношению к религии включала институциональные и организационные ограничения, а также криминализацию и психологизацию (медиализацию) религиозности. Вытеснение религии из пространства легальной культуры выражалось в негативной интерпретации роли религии в истории, редуцировании религиозности к невежеству и отсталости, замалчивании или критицизме в отношении религиозно-философской мысли и др.

Репрессивность и целенаправленность советской секуляризации были следствием тотальной идеологии, для которой религия выступала мировоззренческим конкурентом. Эта идеология рассматривается рядом исследователей как политическая религия. Термин «политическая религия» имеет долгую историю, но не является общепринятым. Он используется для обозначения тотальных идеологий, на основе которых в XX в. сформировались тоталитарные режимы. Следует отметить, что сегодня термин «политическая религия» часто применяется и к политизированным традиционным религиям – чаще всего говорят о политическом исламе, в отечественных исследованиях используется термин «политправославие» или «политическое православие» [9]. Поскольку в понятие политической религии вкладывается разный смысл, следует уточнить, в каком значении этот термин используется в данной статье. Речь идет об определении, данном Э. Джентиле, современным исследователем этого феномена. Джентиле полагал, что политические религии являются одним из видов «секулярных», «светских» религий: «Этот термин используется для описания более или менее развитой системы верований, мифов, ритуалов и символов, которые создают ауру священного вокруг феноменов, принадлежащих этому миру, превращая их в объект поклонения, культа... Но применительно к политике термин „светская религия“ часто используется как синоним гражданской или политической религии» [10. Р. 1]. Джентиле отмечает, что авторство термина «политическая религия» обычно приписывают австрийскому философу Э. Фёгелину, опубликовавшему «Политические религии» в 1938 г., однако термин существовал и раньше.

Политические религии сакрализуют имманентные феномены – государство, класс, нацию, партию, вождя. Политические религии не терпят конкуренции, не допускают свободомыслия. Эти религии формируют свою систему ритуалов и свою догматику, создают аналог жречества. Политические религии конструируют целостную картину реальности, задающую обязательные идейные ориентиры для всех областей социально-культурной деятельности, не ограничиваясь сферой политического. Поэтому применительно к советскому обществу говорить о дифференциации культурных содержаний, сопровождавшей дифференциацию социальной структуры в западных обществах, можно только с учетом всепроникающего присутствия единого мировоззрения, задающего общую идейную рамку даже таким разным видам деятельности, как искусство и наука. Характеризуя специфику «взрывной» советской секуляризации, Цыплаков отмечает, что в ходе советской секуляризации вертикальная трансцендентность была заменена «культом личности» [11], хотя культ личности не исчерпывал собой все содержание советской политической религии.

В ходе ослабления репрессивного характера советского режима становятся возможными попытки переосмыслить идеологические клише, хотя и в ограниченном масштабе. Следствием таких попыток стало, например, обращение к объектам религиозного наследия как к культурным ценностям, органической части национальной традиции. С этим процессом Кормина и Штырков [12] связывают начало десекуляризации советского общества, ставшей предпосылкой постсоветского религиозного возрождения, хотя начало десекуляризации точнее было бы отнести к легализации деятельности религиозных организаций в годы войны. Н. Митрохин отмечает: «Последо-

вавшее после 1943 г. сталинское „религиозное возрождение“ дало возможность воссоздания деятельности ряда традиционных для Российской империи религиозных общин» [13]. Следует отметить, однако, что это вынужденное и ограниченное «возрождение» не означало нормализации религиозной деятельности, советское государство не отказывалось от своей атеистической политики и идеологии, хотя методы борьбы с религией стали менее репрессивными.

Х. Казанова выделяет три основных значения термина «секуляризация» [14]: 1) социальная дифференциация, отделение религии от других социальных институтов», – собственно, само возникновение сферы «секулярного» как свободного от религии; 2) упадок религиозных верований и практик; 3) приватизация религии. Если обратиться к советской секуляризации, можно заметить, что различение секулярного и религиозного приняло здесь форму тотальной экспансии секулярного, в ходе которой некоторые элементы секулярного приобрели квазирелигиозные черты. В результате этой экспансии традиционные религиозные верования и практики действительно пришли в упадок, но они постепенно замещались квазирелигиозными верованиями и практиками, связанными с новой секулярной религией. В этих условиях приватизация религии едва ли была осуществимой, поскольку традиционная религиозность рассматривалась как форма девиации, а «приватное исповедание» официальной политической религии (например, самостоятельное чтение классиков марксизма) несло угрозу вольнодумства и тоже не приветствовалось.

Насаждение политической религии препятствовало свободе мировоззренческого выбора, являющейся одним из важнейших аспектов западной модели секуляризации. В советском обществе не получили распространения свобода совести и религиозный плюрализм. «Еретический императив» не был характерен для советского общества. Проявления мировоззренческого плюрализма, критической рефлексии, без которых невозможно представить общество модерна, в советском обществе систематически ограничивались. Последствия этого повлияли и на постсоветскую динамику российского общества, в том числе идеологическую и религиозную.

Советская секуляризация при всем размахе богоборчества не привела к полному уничтожению традиционных религий и не добилась тотальной атеизации населения. Легальные, нелегальные, полуправовые религиозные практики выживали на протяжении всей советской истории. Но советскому государству в его борьбе с «религиозным мракобесием» удалось почти полностью очистить пространство официальной культуры от присутствия традиционных религий, усложнить религиозную социализацию, фактически уничтожив религиозное образование и изгнав традиционные религии с их духовной проблематикой из повседневного существования большинства советских людей. В результате, после изменения отношения власти к религии, на исходе существования СССР Русская православная церковь (РПЦ) столкнулась с нехваткой подготовленных священнослужителей и религиозным невежеством большинства новых прихожан, не имевших за своими плечами религиозной традиции и религиозного воспитания. И в то же время православие оказалось востребованным в качестве нового мировоззрения и маркера коллективной идентичности в обществе, идейно и ценностно дезориентиро-

ванном после десятилетий существования в условиях мировоззренческого монизма, культивируемого и поддерживаемого государством. При этом само государство, власть, были сакрализованы в рамках советской политической религии, функционально и структурно не слишком отличавшейся от религии «настоящей».

Сакрализация власти в России имела глубокие культурные корни – в рамках православия Церковь и власть тесно связаны, что выражается в православной идее симфонии светской и духовной власти. Историческая специфика взаимодействия светской и духовной власти в России заключается в том, что в этом союзе доминировало государство. Сакральность светской, мирской власти оказалась связующим звеном между традиционным российским православием, советской политической религией и постсоветским постсекулярным обществом в России.

Как отмечают Б. Кнорре [15], А. Верховский [9], О. Морозов [16] и целый ряд других исследователей, православие стало важной составляющей консервативных идеологических построений постсоветской эпохи. РПЦ ассоциируется сегодня с идейной поддержкой государственной политики, как внутренней, так и внешней. Для части православных религиозное мировоззрение сливается с критикой современности и светского гуманизма, национализмом, антизападническими настроениями и даже особой конспирологией. Политическая и идеологическая активность РПЦ и части православных верующих, их стремление отстаивать свои позиции по широкому кругу проблем, особенно тех, которые касаются ценностей и морали; проникновение религии в массовую культуру, образование и науку – все это может рассматриваться как свидетельство того, что российское общество является постсекулярным. Но эта постсекулярность отличается от западной рядом особенностей.

1. Предпосылки перехода к постсекуляризму в российском обществе отличаются от выделенных Хабермасом для обществ европейских. Согласно Хабермасу [17], предпосылками перехода к постсекулярному состоянию послужили: изменение европейского общественного сознания под влиянием преподносимой медиа информации о религиозных конфликтах в мире, приток в европейские общества иммигрантов из стран с традиционной культурой и рост публичной активности религиозных организаций в самих европейских обществах. Переход России к постсекулярному состоянию был обусловлен иными факторами: сменой политики власти по отношению к религии, переходом от подавления и контроля к религиозной свободе (сменившейся позже политикой поддержки традиционных религий и ограничения всех прочих); падением советского режима и его политической религии; формированием нового государства и проблемой его легитимации; anomией и ценностным кризисом в обществе, привыкшем к наличию мировоззрения, которое поддерживается и насаждается государством. Эти факторы, как и характер советской секуляризации, предопределили важную роль доминирующей религии в постсоветском обществе и специфику функций, в которых она оказалась наиболее востребованной обществом и властью.

2. Религия возвращается и возрождается в России не столько для выполнения функций, связанных с проблематикой спасения души, сколько для решения вполне мирских задач. Религия становится важной составляющей

национальной идентичности большинства россиян, что не сопровождается ростом личной религиозности (по крайней мере в ее православной форме). Православие нередко рассматривается как основание цивилизационной специфики России, важнейшая составляющая российской культуры. Православие является элементом консервативных идеологических построений и специфической мифологии, связанной с верой в особую духовную миссию России в мире. Преобладание в массовом сознании россиян идеологического, культурного и политического аспектов религии над ее духовным аспектом показывают результаты социологического опроса «Образ Русской Православной Церкви», проведенного исследовательской службой «Среда» в 2013 г. [18].

Авторы опроса изучили мнения респондентов о реальных и желаемых характеристиках РПЦ и пришли к следующему выводу: «При сопоставлении „выраженных“ и „невыраженных“ (отсутствующих или слабо представленных в образе характеристик желательного образа Церкви) становится заметно, что этот образ оказывается достаточно секулярным. Церковь представляется решающей социальные задачи. Духовность, мистическая жизнь Церкви... не имеет значимости в глазах россиян. Интересно, что это относится не только к мнению россиян в целом, но и к мнению прихожан» [18]. О секулярности образа церкви в массовом сознании говорит преобладание среди ответов таких ее характеристик, как «приверженность традициям» (30%), «социальная работа» (30%), «великолепие обряда» (22%), «важная часть российской государственности» (17%). Сущностную же функцию, то, для чего церковь создавалась изначально, – «духовную жизнь», обнаруживает в реальной РПЦ лишь 5% , а желательной эту характеристику считают 3% респондентов.

3. Для российского постсекулярного общества характерно сближение государства и религии, в первую очередь доминирующего православия. Это сближение приобретает разные формы: от демонстрируемой публично приверженности православию представителей элиты до поддержки и защиты государством интересов традиционных религий в ущерб принципу свободы совести. В западных обществах постсекулярная активизация публичной активности религиозных организаций не означает усиления связи между государством и какими-либо религиозными группами, религии не используются в качестве инструмента легитимации политического курса, религиозная риторика практически отсутствует в официальном политическом дискурсе (за исключением США, но в США это традиция, связанная с особой американской гражданской религией). В западных обществах именно религиозная индифферентность власти служит гарантией религиозной свободы и плюрализма. Хотя в условиях постсекулярного повышения значимости религий усложняется поиск компромисса между верующими и неверующими, а также между приверженцами разных религий государство сохраняет нейтралитет. В России же наблюдается иная ситуация. Власть и Церковь поддерживают друг друга, при этом общество считает такую ситуацию нормальной. Сходную модель отношений можно наблюдать в других обществах с православной традицией [19]. По данным Исследовательского центра Пью (Pew Research Center), приблизительно треть или большая часть респондентов из православных стран полагают, что государство должно поддерживать распростра-

нение религиозных ценностей и верований: так, в Армении доля сторонников этой точки зрения составляет 59%, в Грузии – 52% [20]. В России такой точки зрения придерживается 42% респондентов, на Украине – 36%, в Греции – 34%. При этом уровень практической религиозности довольно низок. Так, по данным этого же опроса, 50% россиян считают, что государство должно оказывать финансовую поддержку церкви, при этом посещают храмы лишь 7%.

4. Для российской постсекулярности характерна острота полемики, связанной с вопросом присутствия религии в традиционно секулярных сферах. Кырлежев [21] отмечает, что российский секуляризм идеологичен – зачастую он исключает рефлексию своих собственных оснований. Православные верующие также порой не демонстрируют стремления к компромиссам. В результате в российском постсекулярном обществе чаще наблюдается не столько диалог носителей секулярного и религиозного мировоззрений, о котором говорил Хабермас, сколько противостояние, которое осложняется явным или неявным вмешательством государства. В качестве примера можно сослаться на спорные ситуации, связанные с «оскорблением чувств верующих». Отсутствие нормального диалога может рассматриваться как проявление привычки к мировоззренческому минимизму, связанной с долгим доминированием государственной идеологии.

5. Парадоксальность российской постсекулярности заключается в том, что постсоветское православие все больше напоминает религию светскую, секулярную, черты которой были отмечены выше. Советская секуляризация, принявшая форму насаждения политической религии, оттеснила на обочину культуры трансцендентное сакральное и привела к сакрализации имманентного. Сохраняющийся ценностный приоритет имманентного оказывает воздействие на восприятие традиционных религий даже верующими, а не только сторонними наблюдателями и объясняет низкий уровень практической православной религиозности при массовости православной идентификации. «Политическое» (или «культурное») православие не является единственным источником имманентного сакрального. Другим источником выступает комплекс идей, связанных с отечественной историей, особенно историей Великой Отечественной войны. Формируется гибридная мифология, соединяющая элементы православия и относительно позднего советского культа Победы. По мнению О. Морозова [16], можно говорить и о специфической исторической политике РПЦ. И Церковь, и государство занимаются конструированием приемлемого образа прошлого российского общества.

Хабермас полагал, что постсекулярное общество не перестает быть секулярным. В полной мере этот парадоксально звучащий тезис применим и к современному российскому обществу. Присутствие традиционных религий в публичном пространстве не означает заметной десекуляризации культуры и частной жизни, о чем свидетельствуют и данные социологических опросов. Однако доминирующей религиозной организации, Русской православной церкви, удалось занять важное место в конструировании постсоветской национальной идентичности.

Литература

1. Berger P. The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Ed. P.L. Berger. Grand Rapids : William B. Eerdmans Publishing Company, 1999.

2. *The Routledge Handbook of Postsecularity* / Edited by J. Beaumont. London ; New York : Routledge, 2019. 447 p.
3. *Habermas J.* A postsecular world society?: An interview with Jürgen Habermas (2010). URL: <https://mronline.org/2010/03/21/a-postsecular-world-society-on-the-philosophical-significance-of-postsecular-consciousness-and-the-multicultural-world-society/> (accessed: 20.03.2021).
4. *Руткевич Е.Д.* Новая парадигма в социологии религии: Про и Contra // Вестник Института социологии. 2012. № 6. С. 208–231.
5. *Eisenstadt S.N.* Multiple Modernities // *Daedalus*. Winter. 2000. Vol. 129, № 1. URL: http://blog.wbkolleg.unibe.ch/wp-content/uploads/Eisenstadt_Multiple-Modernities.pdf (accessed: 24.03.2021).
6. *Коначева С.А.* Религиозная ситуация в постсоветской России: особенности процесса секуляризации // Трансформация идентификационных структур в современной России. Серия: Научные доклады. М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 82–105.
7. *Раскол в православной церкви* // Сайт Фонда «Общественное мнение» (ФОМ). URL: <https://fom.ru/TSennosti/14128> (дата обращения: 23.03.2021).
8. *Kyrlezhnev A., Shishkov A.* Postsecularism in Post-Atheist Russia. URL: https://www.academia.edu/5812716/Postsecularism_in_post_Atheist_Russia (accessed: 29.09.2020).
9. *Верховский А.М.* Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты. М. : Центр «Сова». 2003. 316 с.
10. *Gentile E.* Politics as Religion. Princeton, N.J. : Princeton University Press, 2006. 168 p.
11. *Цыплаков Д.А.* К вопросу об изучении российской постсекулярности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18, № 3. С. 234–244.
12. *Кормина Ж.В., Штырков С.А.* «Это наше, исконно русское и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. СПб. : Изд-во Европейского университета, 2015. 280 с.
13. *Митрохин Н.* Советская интеллигенция в поисках чуда: религиозность и паранаука в СССР в 1953–1985 годах // Новое литературное обозрение. 2020. № 3 (163).
14. *Казанова Х.* Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4 (36). С. 143–174.
15. *Кнорре Б.К.* Российское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти, политики и права // Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко, С. Филатова. М. : РОССПЭН, 2014. С. 42–102.
16. *Морозов О.* Легенды и мифы российской истории: историческая политика руководства Русской православной церкви в начале XXI в. // Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко, С. Филатова. М. : РОССПЭН, 2014. С. 255–323.
17. *Хабермас Ю.* Постсекулярное общество – что это? // Российская философская газета. 2008. № 4 (18). С. 1–3.
18. Образ Русской Православной Церкви // Сайт исследовательской службы «Среда». URL: <http://sreda.org/2013/04-07-13-obraz-russkoj-pravoslavnoy-tserkvi/25144> (дата обращения: 1.10.2020).
19. *Ghodsee K.* Symphonic Secularism: Eastern Orthodoxy, Ethnic Identity and Religious Freedoms in Contemporary Bulgaria // *Anthropology of East Europe Review*. 2009. № 27 (2). P. 227–252.
20. Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе (2017). URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (дата обращения: 23.03.2021).
21. *Кырлежев А.И.* Секуляризм и постсекуляризм в России и в мире // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). URL: <https://strana-oz.ru/2013/1/sekulyarizm-i-postsekulyarizm-v-rossii-i-v-mire> (дата обращения: 10.10.2020).

Anastasiya V. Matetskaya, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation).
E-mail: tojgar@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 180–189.

DOI: 10.17223/1998863X/61/19

SPECIFIC FEATURES OF THE POSTSECULAR SOCIETY IN RUSSIA

Keywords: secularization; postsecular society; dесеcularization; political religion; modernization

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00400.

The author believes that the postsecular society in Russia has a number of features that distinguish it from the European model. The specifics of the postsecular society in Russia are determined by the form of Soviet secularization and the cultural and sociopolitical context within which the transition to postsecularity was taking place. The author considers Soviet secularization through the concept of political religion, the essence of which is the sacralisation of social and political phenomena and the replacement of the transcendental sacred with the immanent. The results of Soviet secularization were different from those of Western secularization. In particular, legal worldview pluralism, which had become the norm for Western secular societies, was not possible in Soviet society, no “market of religions” emerged, etc. The weakening and collapse of the Soviet regime determined the context in which Russian society was transitioning to a postsecular state, and this context was different from that in Europe. The author identifies the following features of the postsecular society in Russia. (1) Acute polemics related to the presence of religion in secular spheres (education, science, army, etc.). More often, there is no dialogue between the bearers of secular and religious worldviews, but their confrontation, which is complicated by explicit or implicit government intervention. (2) Convergence between the state and the dominant religious organisation, the Russian Orthodox Church. In Western societies, the postsecular activation of religious organisations does not lead to a stronger connection between the state and any religious groups. (3) Religion has been revived in Russia not so much to perform its own religious function – to save the soul, but to solve a number of worldly tasks – ideological, cultural and identificational. The postsecular Russian Orthodoxy reminds a secular religion. (4) Russia’s transition to a postsecular state was due to: a change in the policy of the authorities towards religion; a transition from suppression to religious freedom, which was later replaced by a policy of supporting traditional religions and restricting all others; the fall of the Soviet regime and its political religion; the formation of a new state and the problem of its legitimisation; anomie and a crisis of values in society, which is used to having the only official worldview supported by the state. These factors, along with the legacy of Soviet secularization, predetermined the form of religious revival and the characteristics of the Russian postsecular society.

References

1. Berger, P. (1999) *The Desecularization of the World: A Global Overview*. In: Berger, P.L. (ed.) *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company.
2. Beaumont, J. (ed.) (2019) *The Routledge Handbook of Postsecularity*. London; New York: Routledge.
3. Habermas, J. (2010) *A postsecular world society?: An interview with Jürgen Habermas*. [Online] Available from: <https://mronline.org/2010/03/21/a-postsecular-world-society-on-the-philosophical-significance-of-postsecular-consciousness-and-the-multicultural-world-society/> (Accessed: 20th March 2021).
4. Rutkevich, E.D. (2012) *Novaya paradigma v sotsiologii religii: Pro i Contra [A new paradigm in the sociology of religion: Pro and Contra]*. *Vestnik Instituta sotsiologii – Bulletin of the Institute of Sociology*. 6. pp. 208–31.
5. Eisenstadt, S.N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*. 129(1). [Online] Available from: http://blog.wbkolleg.unibe.ch/wp-content/uploads/Eisenstadt_Multiple-Modernities.pdf (Accessed: 24th March 2021).
6. Konacheva, S.A. (2001) *Religioznaya situatsiya v postsovetsoy Rossii: osobennosti protsessy sekulyarizatsii [The religious situation in post-Soviet Russia: features of the secularization process]*. In: Stefanenko, T.G. (ed.) *Transformatsiya identifikatsionnykh struktur v sovremennoy Rossii. Ser. Nauchnye doklady [Transformation of identification structures in modern Russia. Ser. Scientific reports]*. Moscow: Moscow Public Science Foundation. pp. 82–105.
7. The Public Opinion Foundation (FOM). (n.d.) *Raskol v pravoslavnoy tserkvi [Schism in the Orthodox Church]*. [Online] Available from: <https://fom.ru/TSennosti/14128> (Accessed: 23.03.2021).
8. Kyrlezhev, A. & Shishkov, A. (n.d.) *Postsecularism in Post-Atheist Russia*. [Online] Available from: https://www.academia.edu/5812716/Postsecularism_in_post_Atheist_Russia (Accessed: 29th September 2020).
9. Verkhovsky, A.M. (2003) *Politicheskoe pravoslaviye: russkie pravoslavnye natsionalisty i fundamentalisty [Political Orthodoxy: Russian Orthodox Nationalists and Fundamentalists]*. Moscow: Tsentr “Sova”.

10. Gentile, E. (2006) *Politics as Religion*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
11. Tsyplakov, D.A. (2017) On the question of learning Russian postsecularism. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii (RKhGA) – Review of the Russian Christian Academy for the Humanities (RHGA)*. 18(3). pp. 234–244. (In Russian).
12. Kormina, Zh.V. & Shtyrkov, S.A. (2015) “Eto nashe, iskonno russkoe i nikuda nam ot etogo ne det'sya”: predystoriya postsovetsoy desekulyarizatsii [“This is ours, primordial Russian, and we can't get away from it”: the prehistory of post-Soviet desecularization]. In: Kormina, Zh.V., Panchenko, A.A. & Shtyrkov, S.A. (eds) *Izobretenie religii: desekulyarizatsiya v postsovetском контексте* [Invention of religion: desecularization in the post-Soviet context]. St. Petersburg: European University.
13. Mitrokhin, N. (2020) Sovetskaya intelligentsiya v poiskakh chuda: religioznost' i paranauka v SSSR v 1953–1985 godakh [Soviet intelligentsia in search of a miracle: religiosity and parascience in the USSR in 1953–1985]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3(163).
14. Casanova, J. (2018) Exploring the Postsecular. Three Meanings of “the Secular” and Their Possible Transcendence. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion, Church in Russia and Abroad*. 4(36). pp. 143–174.
15. Knorre, B.K. (2014) Rossiyskoe pravoslaviye. Postsekulyarnaya institutsionalizatsiya v prostranstve vlasti, politiki i prava [Russian Orthodoxy. Postsecular institutionalization in the space of power, politics and law]. In: Malashenko, A. & Filatov, S. (eds) *Montazh i demontazh sekulyarnogo mira* [Installation and Dismantling of the Secular World]. Moscow: ROSSPEN. pp. 42–102.
16. Morozov, O. (2014) Legendy i mify rossiyskoy istorii: istoricheskaya politika rukovodstva Russkoy pravoslavnoy tserkvi v nachale XXI v. [Legends and myths of Russian history: the historical policy of the leadership of the Russian Orthodox Church in the early 21st century]. In: Malashenko, A. & Filatov, S. (eds) *Montazh i demontazh sekulyarnogo mira* [Installation and Dismantling of the Secular World]. Moscow: ROSSPEN. pp. 255–323.
17. Habermas, J. (2008) Postsekulyarnoe obshchestvo – chto eto? [Post-secular society – what is it?]. *Rossiyskaya filosofskaya gazeta*. 4(18). pp. 1–3.
18. “Sreda” Research Service. (n.d.) *Obraz Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [The image of the Russian Orthodox Church]. [Online] Available from: <http://sreda.org/2013/04-07-13-obraz-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi/25144> (Accessed: 1st October 2020).
19. Ghodsee, K. (2009) Symphonic Secularism: Eastern Orthodoxy, Ethnic Identity and Religious Freedoms in Contemporary Bulgaria. *Anthropology of East Europe Review*. 27(2). pp. 227–252.
20. Pew Research Center. (2017) *Religiya i natsional'naya prinadlezhnost' v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope* [Religion and nationality in Central and Eastern Europe]. [Online] Available from: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (Accessed: 23rd March 2021).
21. Kyrlezhev, A.I. (2013) Sekulyarizm i postsekulyarizm v Rossii i v mire [Secularism and post-secularism in Russia and in the world]. *Otechestvennye zapiski*. 1(52). [Online] Available from: <https://strana-oz.ru/2013/1/sekulyarizm-i-postsekulyarizm-v-rossii-i-v-mire> (Accessed: 10th October 2020).

УДК 316.77

DOI: 10.17223/1998863X/61/20

У.С. Швиндт

СТРИТ-АРТ И ЕГО ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Рассматривается стрит-арт как социально-коммуникативный жанр современного искусства. Выделяются его ключевые особенности: противопоставление музейному и галерейному искусству, максимально широкий коммуникативный охват и эфемерность существования в городском пространстве. На основе эмпирического материала по результатам проведенных экспертных интервью автор более подробно анализирует и делает выводы о необходимости принятия эфемерности стрит-арта и возможностей ее преодоления.

Ключевые слова: стрит-арт (уличное искусство), коммуникация, эфемерность, реставрация работ стрит-арта, музеефикация стрит-арта

В настоящее время существует множество определений стрит-арта¹, представляющего собой важный глобальный социально-культурный феномен. Как отмечает исследователь визуальной культуры Ули Бланш, на данный момент невозможно дать окончательное определение стрит-арту, поскольку он является предметом продолжительной научной дискуссии [1. Р. 33]. Тем не менее Бланш предлагает общий взгляд на понимание этого феномена, заключающий в себе перечисление ключевых его свойств: стрит-арт санкционируется только самим художником (то есть, как правило, он не согласует свои работы с какими-либо институциями; если же это происходит, то речь идет о паблик-арте); он привязан к городскому публичному пространству и взаимодействует с ним; стрит-арт – это способ коммуникации с самой широкой аудиторией, с наибольшим числом лиц, в связи с чем уличный художник часто в своих работах прибегает к философским, социальным и политическим сюжетам, заставляющим задуматься о какой-то проблеме; стрит-арт обладает таким свойством, как недолговечность существования произведений, или эфемерность [1. Р. 33]. Кроме того, понятия «стрит-арт» и «граффити» не тождественны, поскольку основу граффити составляет тэг – написанный особым авторским шрифтом псевдоним граффитчика. Граффити выполняют функцию коммуникации членов узкого сообщества – представителей субкультуры.

Стрит-арт – это феномен, который неизбежно инициирует социальное взаимодействие акторов в городском пространстве. Его экспансивное развитие влечет за собой появление разных социальных практик, например: проведение фестивалей, организации экскурсий по произведениям, паблик-токов и дискуссий, внимание к нему со стороны горожан и городских СМИ. «Этот феномен, несмотря на относительную кратковременность своего существования, уже «прошел путь от модной городской новинки до прочной позиции в

¹ В данной работе понятия «стрит-арт» и «уличное искусство» (как перевод первого) тождественны и взаимозаменяемы.

официальных туристических путеводителях по городам и отдельным районам (таким, как берлинский Кройцберг, парижский Бельвиль, лондонский Шордич, нью-йоркский Вильямсбург и т.д.)» [2. С. 12].

Возрастающая популярность стрит-арта касается и научного поля, где можно заметить, что он все чаще становится предметом исследовательского фокуса. «В течение последних пятнадцати лет <...> появилось немало публикаций о стрит-арте и его отношениях с другими уличными изображениями: о преемственности и размежевании с граффити, о политических возможностях трафаретов (стенсиллов), о борьбе стрит-арта с рекламой („брендализм“)» [2. С. 12]. При этом всю научную литературу по теме стрит-арта мы можем классифицировать в зависимости от основного исследовательского фокуса или, иными словами, той стороны этого культурного явления, на которой автор в большей степени сосредоточивает свое внимание [3]. Это, во-первых, работы, рассматривающие стрит-арт как одну из разновидностей современного искусства, которая имеет свои характерные художественные приемы и техники создания произведений, и описывающие историю его возникновения и развития в глобальном или локальном контексте [4–8]. Во-вторых, это исследования, где делается акцент на способах взаимодействия стрит-арта с городским пространством, где проводится анализ того, как произведения уличного искусства способны дополнять или, наоборот, выделять окружающее городское пространство [9–13]. Также можно выделить работы, посвященные изучению протестного потенциала стрит-арта; в них на первый план, как правило, выходит уличный художник как активист, преобразующий мир и стремящийся донести нечто важное, пролить свет на волнующие его проблемы и болезни общества [14–17]. И, наконец, можно выделить еще одну, последнюю, разновидность исследований стрит-арта, в которой он, прежде всего, рассматривается как форма коммуникации между художником и зрителем – городским прохожим [18–21]. В таких работах акцент делается на организацию инициируемого художником социального взаимодействия, в процессе которого он заставляет горожанина по-другому посмотреть на свои стереотипные маршруты. Иными словами, вовлекая прохожего в диалог, стрит-арт стремится сформировать у него новое *впечатление* о рутинизированном городском пространстве.

Музей vs улица: коммуникативный аспект

Вне зависимости от того, какую сторону стрит-арта рассматривать более детально, необходимо учитывать, что это весьма специфичное направление современного искусства. Это объясняется несколькими обстоятельствами, но их общий, неизменный фундамент – в принципиальном противопоставлении стрит-арта музейному и галерейному искусству. Очевидная данность заключается в том, что стрит-арт существует на улице, в городском пространстве, в отличие от искусства музейного. Важно, однако, учесть, что улица должна быть именно контекстом существования произведения. Как утверждает исследователь Н. Риггл, к стрит-арту неприменимо выражение «искусство на улице» [22. Р. 245]. Мы можем, имея в виду соответствующее понятие, употребить словосочетание «уличное искусство», но ни в коем случае не «искусство на улице», потому что в таком случае мы сводим контекст существования феномена к простому физическому расположению на улице. Уличное

искусство сложнее; оно не просто находится на улице, оно *использует* ее как средство своего художественного выражения, а потому обязательно лишается части своего символического капитала при попытке перенести или просто представить его в иной локации [22. Р. 245–246]. Улица – наиважнейшее базовое условие стрит-арта.

Этот контраст с музейным определяет всю онтологическую сущность стрит-арта. Помимо различий в контекстах (улица ≠ музей), он обуславливает *коммуникативную составляющую* процесса социально-культурного взаимодействия художника со зрителем. Ее ядром выступает тезис о том, что уличные художники создают свои работы для широкого городского населения. Социолог Д. Данко отмечает, что стрит-арт, локализуясь на улице, ставит своей целью демократизировать доступ населения к современному искусству [23]. Стрит-арт – искусство для всех, кто осуществляет практики мобильности в городе. Отсюда вывод: в отличие от галерейного искусства, стрит-арт обладает обязательным для своей аудитории характером, он навязывает ей свое существование. Так, если посетители музея приходят познакомиться с художественными произведениями, как правило, потому, что они изначально заинтересованы в этих работах или творчестве художника, т.е. таким образом делают сознательный выбор, то аудитория стрит-арта лишена этого выбора: объекты уличного искусства уже существуют как данность в городском пространстве. Стрит-арт ставит прохожего перед фактом. Из этого вытекает еще одна особенность коммуникативной составляющей уличного искусства: оно обращается к неподготовленному зрителю. Посещая музей, человек готов к просмотру произведений, эмоциональной нагрузке и рефлексии; улица же, напротив, с этой точки зрения выступает более «неожиданным» контекстом экспонирования искусства.

Еще одной важной особенностью протекания социальной коммуникации, обуславливающей различие между уличным и музейным искусством, является *эфемерность* существования первого. Н. Риггл связывает недолговечность уличного искусства с контекстом его существования – городской средой: «Обращаясь к улице как к средству выражения своего творческого замысла, уличный художник готов к многочисленным угрозам, с которыми может столкнуться его произведение, – его могут украсть, испортить, уничтожить, куда-то переместить, видоизменить или присвоить авторство. Это не означает, что все уличные художники ожидают, что созданные ими произведения обязательно окажутся недолговечными. Это означает, что, обращаясь к улице, они отказываются от любых притязаний на неприкосновенность своего произведения или отдельной его части» [22. Р. 245].

Постановка проблемы и описание контекста

Как утверждает Н. Риггл, недолговечность стрит-арта – это то, что уличный художник должен принять как должное, но все-таки нам видится крайне необычным данное принимаемое обстоятельство: когда ты что-то создаешь, вне зависимости от локации, ты рассчитываешь, чтобы это просуществовало как можно дольше. Кроме того, уличный художник изначально стремится познакомить со своей идеей как можно большее число людей, сделать охват инициируемого им социального взаимодействия максимально широким. Чтобы прояснить это противоречие, нами была проведена серия интервью с экс-

пертами в области уличного искусства. В период июля 2020 г. было в общей сложности проведено восемь интервью, и при этом в беседе со всеми экспертами, за исключением одного, удалось в той или иной степени затронуть вопрос эфемерности уличного искусства. Тем не менее далее мы увидим, что их мнения по данной теме различаются – где-то незначительно, где-то более существенно.

Важный вопрос – кого можно назвать экспертом по вопросам, связанным с уличным искусством? Это люди, чей образ жизни, профессия или хобби так или иначе касаются стрит-арта. В наших интервью, таким образом, приняли участие уличная художница и бывший граффитчик, три куратора разных фестивалей стрит-арта, арт-директор галереи современного искусства и экскурсовод по произведениям стрит-арта. Стоит также отметить, что все эксперты проживают в Екатеринбурге, где и были проведены интервью. Однако, несмотря на то что часть вопросов гайда действительно предполагала обращение именно к местному контексту, блок вопросов, связанных с эфемерностью уличного искусства, был освящен информантами наиболее общо, без отражения локальной специфики. В связи с этим не будем останавливаться на слишком подробном описании локации, а отметим несколько основных тезисов, характеризующих стрит-арт Екатеринбурга. Во-первых, как указывают эксперты в интервью, в этом городе сформировано свое уникальное сообщество уличных художников, чьи работы отличаются особой остротой, злободневностью и актуальностью. Как отметила в интервью информантка, это «сообщество достаточно большое и сильное» и состоит из художников, которые «этим занимаются осознанно и профессионально, а не потому что у них в руках случайно оказался баллончик или банка с краской». Во-вторых, в дискурсе СМИ, как и среди части населения, Екатеринбург негласно представлен как «столица российского стрит-арта»¹. И, наконец, как отметили информанты, местное население Екатеринбурга «активно интересуется стрит-артом и воспринимает его как одну из городских достопримечательностей»: *«Люди начинают воспринимать, что город у нас должен своим уличным искусством просто козырять. Когда вы видите, что работа из вашего города просто пробивает все показатели цитируемости в мире в артистической среде, это, конечно, людей очень сильно радует. И тогда они такие говорят: „Екатеринбург – столица уличного искусства“»* (организатор екатеринбургского стрит-арт фестиваля).

Эфемерность уличного искусства как коммуникативная составляющая

Прежде всего, проясняя коммуникативные особенности уличного искусства, мы хотели уточнить, насколько это верно – утверждать, что аудитория стрит-арта и музея отличается по своему масштабу. Информанты (по крайней мере те, с кем это обсуждалось) признали, что стрит-арт охватывает максимально широкую аудиторию – все городское население: *«Стрит-арт по определению для широкой аудитории, для горожан. Это люди, которые хо-*

¹ См., например, URL: <https://itsmycity.ru/afisha/2019-08-14/lekciya-pochemu-ekaterinburg--stolica-stritarta-v-rossii>; <https://rtvi.com/oh-my-art/ekaterinburg-neofitsialnaya-stolitsa-rossiyskogo-strit-arta-/>; <http://xn--80atdujec4e.xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/articles/677/i283099/>; <https://rg.ru/2019/04/16/reg-urfo/kak-ekaterinburg-stanovitsia-stolicej-strit-arta.html>; <https://66.ru/news/columnists/232030/>

дят по улице, люди, которые специально не подготовлены. <...> С другой стороны, музей – это всегда подобранная аудитория. То есть я, вот, не пошла в музей по какой-то причине, а могла бы. Стрит-арт он для паблика, т.е. он для всех, хочешь ты этого или не хочешь» (куратор паблик-арт-фестиваля); «Стрит-арт типа для всех» (уличная художница); «Ну как для кого стрит-арт? Для общества, наверное, все равно первоначально. Стрит-арт он же масштабный, он для максимально широкого населения. Но все равно, наверное, есть противники этого всего движения. Не сомневаюсь даже в этом» (бывший граффити-райтер). Стрит-арт, таким образом, не может быть создан для нескольких отдельно взятых людей, он предполагает взаимодействие с населением в самом широком смысле. При этом, что тоже подтвердили наши информанты, уличный художник обращается, во-первых, к неподготовленному зрителю («это люди, которые ходят по улице, люди, которые специально не подготовлены»), а, во-вторых, эта коммуникация имеет обязательный для зрителя характер («хочешь ты этого или не хочешь»; «наверное, есть противники этого всего движения. Не сомневаюсь даже в этом»).

Кроме того, нужно понимать, что, когда говорится про масштабность охвата стрит-арта, по большей части имеются в виду такие его разновидности, как небольшие изображения, муралы, инсталляции, плакаты и др., но не граффити. Причина проста: каллиграфия граффити, как правило, совершенно нечитающа для обывателя, никак не связанного с этой субкультурой. Об этом упомянули и наши информанты: «Ну, вот эти тэги же не для общества. По сути, только для художника и для этого маленького сословия граффитистов, допустим. А стрит-арт уже масштабный, и, понятно, что он уже для общества получается» (бывший граффити-райтер); «Для обычных людей чаще всего граффити – это что-то непонятное. Тут очень сложно так четко классифицировать – что и для кого создается. Но если грубо говорить, то, я думаю, что граффити – это такая субкультурная история, а стрит-арт типа для всех» (уличная художница).

Далее в интервью непосредственно стоял вопрос об эфемерности уличного искусства. Мы попытались выяснить у информантов, как они относятся к этой особенности стрит-арта. В первую очередь нас, конечно, интересовало мнение тех экспертов, кто имел опыт создания объектов, потому что они непосредственно могли рассказать о том, что они чувствовали, когда/если их работу уничтожали (или она исчезала по любым другим обстоятельствам). На наш вопрос «Как уличные художники относятся к тому, что их работа может просуществовать очень недолго?», эксперты отметили следующее: «Художник точно понимает, что это временно, потому что он идет на улицу. <...> С другой стороны, понятно, что, когда ты вкладываешься в какую-то работу, ты несешь какой-то месседж, ты хочешь, чтобы она прожила подольше, потому что ее тогда тоже увидит больше людей. Ну, и в целом среди наших работ, например, я считаю, есть такие, которые являются как бы улучшением городской среды. И, соответственно, ты хочешь, чтобы она оставалась. И когда, там, дяденьки из коммунальной службы это все закрашивают, вот эти баффы¹ делают, и им кажется, что стало лучше, но по

¹ От англ. «to buff» – закрашивать куски; в граффити-сленге под баффами понимаются отличающиеся по цвету «заплатки», оставляемые коммунальными службами на домах после закрашивания работы.

факту чаще наоборот. Они что-то красивое зачеркивают чем-то некрасивым. Поэтому да, художник знает, на что он идет, но да, ему, конечно, хочется, чтобы это жило подольше» (уличная художница). Похожие рассуждения мы заметили и в интервью с другим художником: «Когда я рисовал, было иногда жалко, когда ты старался-старался, а потом – хлоп, и через неделю этого рисунка нет. Ну, также есть в подростковом возрасте вражда между группировками. Кто-то друг друга закрасит, т.е. поверх твоего тэга пишет свой. <...> Но если бы, допустим, я сейчас рисовал, то когда бы закрасили, я бы не расстроился. Отношение изменилось. Ну, ты нарисовал, грубо говоря, на электричке, а потом мы едем на две станции дальше и ждем, пока она поедет, чтобы ее сфотографировать, работу. Через два часа этот вагон загонят в отстойник и перекрасят, и работы не будет, все. То есть она закончится. И, грубо говоря, ты нарисовал, сфоткал, и дальше уже работа не твоя. То есть, приходя в граффити, тебя, может быть, это сильно задевает, а через какое-то время ты уже об этом сильно не переживаешь» (бывший граффити-райтер). Информант высказал интересную мысль: когда художник создает работу, она автоматически перестает принадлежать ему, а переходит во владение улице, что подтверждает замечание Н. Риггала о том, что художник изначально вынужден «отказаться от любых притязаний на неприкосновенность своего произведения». По-видимому, такая передача своего права собственности и понимание этого обстоятельства и его неизбежности – своего рода способ справиться и компенсировать факт эфемерности стрит-арта. Эту неизбежность данного свойства подчеркнула и еще одна информантка: «Понятно, что работы разрушаются и как-то видоизменяются. Ну, грубо говоря, просто штукатурка со стен осыпается, и часть работ теряется. В принципе сами художники говорят, что даже этот кусок штукатурки, который осыпался, он становится частью работы. То есть уличное искусство оно на то и уличное, что оно быстро видоизменяется и недолго живет в принципе. Оно вписано в контекст улицы. И это нормально» (экскурсовод по произведениям уличного искусства Екатеринбург).

Способы преодоления эфемерности: за и против

Однако не все готовы «справляться» с эфемерностью уличного искусства. Несмотря на то что сами уличные художники довольно спокойно принимают факт недолгого существования своих работ, некоторые институции, связанные с уличным искусством, ищут способы продлить жизнь отдельным работам. Речь идет об инструментах сохранения уличного искусства, среди которых фото- и видеодокументирование, реставрация объектов, а также их музеефикация. Документирование лишь частично позволяет именно сохранить работу, оно скорее направлено на то, чтобы как можно больше людей имели возможность с ней познакомиться. Сами художники нередко выкладывают фотографии и видео своих работ в социальные сети: «Соцсети и вообще в целом Интернет – это важная история, потому что ты, таким образом, делишься не только с теми, кто лично это увидит, вживую, но и с теми, кто это онлайн сможет увидеть. Это, как высказывание, все равно работает. И как раз, скорее всего, в онлайн это увидит больше людей, чем вживую» (уличная художница).

Реставрация и музеефикация произведений – это уже более существенные способы именно «законсервировать» стрит-арт. В наших интервью мы подробнее спросили об этих инструментах и, самое главное, постарались узнать, как к ним относятся наши эксперты. Их мнения разделились. Например, одна информантка высказалась довольно категорично против самой идеи сохранения как таковой: *«Ни в коем случае. Сохраненное есть зло. Вот, например, в любимом городе Берлине, там очень высокое качество стрит-арт работ. В Кройцберге были очень известные работы. Например, изображение человека в галстуке. Но их же все. Их больше нет. Они есть во всех энциклопедиях, учебниках, подборках. Ну да, это их судьба. Ну, люди же тоже меняются, уходят. Поэтому и среда должна меняться»* (куратор паблик-арт-фестиваля).

Дальше мы отдельно спрашивали у информантов про каждый из двух способов сохранения стрит-арта. Реставрация – это довольно специфическая практика работы с уличным искусством, которая мало кем проводится (даже если брать самый глобальный контекст). В Екатеринбурге, однако, этим занимается фестиваль «Стенография». Его организаторы и координаторы связывают необходимость реставрации и восстановления стрит-арта с тем фактом, что он является одной из значимых достопримечательностей Екатеринбурга: *«Нас часто обвиняют, что мы восстанавливаем наши работы и поэтому мы как-то принципы уличного искусства не уважаем. Мы считаем, что, да, погода и любые внешние условия могут влиять на работу, но есть объекты, которые крайне важны для жителей города, которые для них много значат, у которых они ходят фотографироваться и которые изменяют вокруг себя среду. И мы считаем важным сохранять то наследие, которое мы генерируем, потому что мы вложили в это очень много сил, ресурсов, много времени своей жизни. <...> Это такая серьезная, важная институциональная работа, которую, вот, мы запускаем и планируем ее продолжать, выводя искусство, которое мы создаем на улицах, немного на другой уровень понимания и на другой уровень какого-то качественного восприятия»* (координатор фестиваля «Стенография»).

Остальные информанты по-разному оценили необходимость реставрации работ. Кто-то поддерживает и не видит в ней нарушение «кодекса» уличного искусства: *«Реставрацию, я думаю, надо делать, это хорошо. Но опять же, мне кажется, не всех работ. Но хотя то, что создавалось в рамках „Стенографии“, мне кажется, всех. Ну, мне многие работы очень нравятся»* (экскурсовод по произведениям уличного искусства Екатеринбурга) и *«Если работа глубокий смысл имеет, ну, допустим, такой, как память войны, например, я думаю, что такие надо сохранять. Может быть, в этом случае должна быть и реставрация. Но, я думаю, что она не особо будет интересна художникам. Проще нарисовать какую-то новую работу, чем реставрировать. Возможно, в будущем когда-то пройдет 15 „Стенографий“, и организаторы скажут: „А давайте замутим ‘Стенограффию-реставрацию’ наших работ“. Это будет хорошо»* (бывший граффити-райтер). Понятно, что проект, который информант обозначает как «Стенография-реставрация», уже существует и реализуется, поэтому нет необходимости в проведении «15 „Стенографий“». Другие информанты высказались против восстановления и реставрации стрит-арта: *«Все течет. Это*

нормально, что работы исчезают. Те, кому это было важно, видели и запомнили. Не надо точно никакими способами пытаться сохранить то, что этому не подлежит» (куратор паблик-арт-фестиваля) и «Мне кажется, что это неправильно. Городская среда меняется. И, мне кажется, что самый легитимный способ восстановления – это если ее так полюбили жители города, что они сами вышли с ведрами краски и начали ее сами восстанавливать. Вот это вот действительно знак укорененности, органичного внедрения, органичного взаимодействия с человеком. Это все для человека на самом деле. А когда мы искусственно поддерживаем то, что вообще-то изначально не придумано для того, чтобы существовать вечно, то в этом есть тоже какой-то перегиб. То есть вот у нас художник Сергей Рожин своих черепашек сделал (рис. 1), ее же несколько раз эту надпись воровали, и он писал в соцсетях, что „ребята, если вы хотите восстановить, давайте объединимся“. <...> И то, что люди выходили восстанавливать, это признак того, что они полюбили и хотели бы, чтобы это осталось» (арт-директор галереи современного искусства).

Рис. 1. Работа Сергея Рожина, которую упоминает информантка. (Источник: Инстаграм-аккаунт художника <https://www.instagram.com/p/BhVwVMCgWc-/?igshid=1qm6bp2k4rt8s>)

Эта любопытная мысль о том, что сами горожане должны решать судьбу работ, поскольку стрит-арт – однозначно ориентированный на зрителя вид искусства, заставила нас продолжить тему эфемерности в разговоре с экспертом. Мы спросили: «Все-таки были ли случаи, когда какая-то работа у нас в городе исчезала, и Вас это как-то расстроило?», на что информантка ответила быстро и не раздумывая: «Да. Это Макаровский мост. Это домино Тимы Ради (рис. 2). Я даже подходила и пыталась понять, что случилось. И мне грустно, да, что работа разрушается. Но я к этому спокойно отношусь. Если как бы люди соберутся и пойдут восстанавливать, будет здорово. Если Тима Радя ночью придет ее восстанавливать, это, наверное, неправильно. И это будет странно, если это произойдет».

Эта работа была сделана Тимофеем Радей больше 10 лет назад, она имеет сильную философию и стала одной из достопримечательностей города.

Так или иначе, то, что здесь отмечает информантка, в какой-то степени дублирует ту амбивалентность, которую мы видели ранее в рассуждениях уличных художников и граффитчиков: да, уличное искусство – недолговечный феномен; да, иногда случается, что «ты, как равнодушный горожанин, проникаешься к отдельным работам и тебя расстраивает, когда они исчезают по любым причинам»; но тем не менее предыдущий пункт не является поводом для каких-то более или менее насильственных действий с работами стрит-арта, в том числе и для реставрации, носящей *неестественный* для данного вида искусства характер.

Рис. 2. Работа «Твой ход», которую упоминает информантка. (Источник: веб-сайт художника <http://move.t-radya.com/2/>)

К музеефикации как способу сохранения стрит-арта наши информанты, напротив, отнеслись более лояльно. Одна информантка, правда, призналась, что не очень понимает процесс ее реализации: *«А это как Вы себе представляете? Я механику не представляю. Если это фотографии работ, то, мне кажется, что это не очень интересно. Ты можешь посмотреть в Интернете, погуглить адреса работ и просто пойти по маршруту. <...> Тем более „стрит-арт“, в самом его названии уже заключено, что это уличное искусство»* (экскурсовод по произведениям уличного искусства Екатеринбурга). Другие, с кем удалось «выйти на эту тему», выразили одобрение: *«У нас же был в городе музей уличного искусства. Он сам был частью вот этой стрит-арт культуры. Это было просто такое сосредоточение вот этих вот каких-то объектов, которые, может быть, на улице по каким-то причинам не вышли, но могли бы. Это было отличное место тусовки, такой Дом культуры»* (куратор паблик-арт-фестиваля); *«Да, думаю, это хорошо, это должно быть. Не зря эти музеи стрит-арта существуют»* (бывший граффити-райтер); *«Я хорошо к этому отношусь – и к галереям и к музеям. Музеи же, по сути, они фиксируют время. И я понимаю, что сейчас такое время, когда стрит-арт – это просто офигенная иллюстрация нашего времени, это такой художественный стиль нашего времени. Неизвестно, что с ним случится через 20 лет, через 100 лет, через 300 лет. И сохранить это важно и прикольно, потому что потом об этом будут показывать и рассказывать в художественных вузах на лекциях. <...> В идеале в музеях должны быть какие-то задокументированные работы, именно имеющие отношение к диалогу уличному. Но в том числе это могут быть артефакты и холсты, кото-*

рые созданы уличными художниками специально для музейного пространства» (уличная художница). Здесь информантка как раз объясняет механику процесса музеефикации стрит-арта, которую, как мы ранее отметили, не понимают некоторые эксперты. Действительно, существует всего два способа, как можно представить стрит-арт в виде галерейной экспозиции: во-первых, через документацию произведения (это могут быть фотографии или даже фрагмент вырезанной стены/штукатурки) или, во-вторых, через дублирование художником произведения, которое было изначально сделано для уличного пространства. Это не очень популярная практика, тем не менее можно привести несколько примеров: Музей стрит-арта в Санкт-Петербурге, Музей современного искусства «Гараж» в Москве, который довольно часто экспонирует стрит-арт, а также, конечно, галерея «Свитер» в Екатеринбурге, которая, несмотря на то что закрылась несколько лет назад, просуществовала почти три года. Один из наших информантов (уличная художница) по совместительству является и организатором галереи «Свитер». Данный факт, конечно, объясняет ее положительное отношение к музеефикации стрит-арта. Мы подробнее спросили у нее про «Свитер», и собеседница рассказала следующее: *«У нас выставлялись художники со всей России. <...> И основной посыл был в том, что приходит зритель, который со стрит-артом живет в одном городе, но ниче в этом не понимает. Но приходя к нам в галерею и на экскурсии, человек задумывается, возможно, первый раз в жизни, о том, что, оказывается, художник что-то хотел этим сказать и, возможно, там есть какой-то смысл, который может зацепить. И, соответственно, на выходе из галереи он уже начинает смотреть на улицы в целом и на какие-то уличные работы новыми глазами. Он более открытым становится. <...> То есть тут важная миссия была не столько про сохранение каких-то объектов, сколько про то, чтобы донести огромному количеству людей вот эту идею и привлечь больше людей, которые в обычной жизни никогда бы не пошли в музей, потому что это же „фу, современное искусство“». Цель галерей уличного искусства, таким образом, как правило, заключается в распространении масштаба потенциального взаимодействия художника со зрителем. Если на улице коммуникация между этими двумя сторонами ограничена теми прохожими, которые пройдут и заметят работу, то галерейное пространство предполагает включение дополнительной аудитории. Это вносит вклад и в качество взаимодействия: по словам эксперта, у зрителя, посещающего музей стрит-арта, может радикально измениться отношение к этому виду искусства, так что, выйдя на улицу, он и в новой локации откроет для себя нечто новое.*

Заключение

Своеобразие уличного искусства обусловлено его онтологическим противопоставлением искусству музейного и галерейного пространства. Данное обстоятельство разводит, прежде всего, коммуникативные рамки существования и того, и другого вида. Охват коммуникации, инициируемой уличным художником, однозначно больше, потому что стрит-арт «по определению для широкой аудитории, для горожан», «для людей, которые ходят по улице» или «для общества».

Из контекста существования уличного искусства проистекает и еще одна его неотъемлемая коммуникативная особенность – эфемерность. Улица – это коллективное пространство, представленное самыми разными акторами со своими правами, интересами и желаниями. Эти акторы не всегда могут быть согласны с идеей или эстетикой отдельно взятого произведения, равно как и уличного искусства в целом. Стрит-арт существует по законам улицы, отсюда – его недолговечность, с которой вынужден мириться каждый художник, вышедший в уличное пространство.

Проблема, рассмотренная в настоящей статье, заключается в появлении и развитии способов, призванных «продлить жизнь тому, что вообще-то изначально не придумано для того, чтобы существовать вечно». В случае со стрит-артом это может быть либо реставрация (или полное восстановление) утраченных работ, либо выход произведений в музейное пространство. Данная проблема вызывает закономерный вопрос – как относиться к этим формам преодоления эфемерности феномена? С одной стороны, это довольно позитивные практики: реставрация продлевает жизнь объектам, которые «крайне важны для жителей города, у которых они ходят фотографироваться и которые изменяют вокруг себя среду», а музеефикация позволяет расширить аудиторию стрит-арта и изменить ее отношение к этому противоречивому явлению современной культуры. С другой стороны, при этом произведения уличного искусства «выходят из своих привычных рамок» и заключаются в среду, неестественную для своей природы; стрит-арт лишается своих фундаментальных свойств – контекстуальности и эфемерности. Мнения экспертов в сфере стрит-арта разделились, что указывает на разнообразие возможного отношения к способам преодоления эфемерности феномена: часть экспертного сообщества описывает их в позитивных коннотациях, а другие, напротив, отрицают необходимость их существования. Анализ способов сохранения произведений уличного искусства не призван дать готовых ответов, он скорее заставляет задуматься о его природе и сформировать свое собственное отношение к ним и этому уникальному социально-культурному феномену.

Литература

1. *Blanché U.* Street Art and related terms – discussion and attempt of a definition // *Street & Urban Creativity. Scientific Journal.* 2015. Vol. 1, № 1. P. 32–40.
2. *Самутина Н.В., Запорожец О.Н.* Стрит-арт и город // *Laboratorium: журнал социальных исследований.* 2015. Т. 7, № 2. С. 11–17.
3. *Швиндт У.С.* Стрит-арт: подходы к изучению феномена в социальных и гуманитарных науках // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2020. № 23 (1). С. 125–158.
4. *Семенов Д.Ю.* Стрит-арт в панораме современного искусства // *Восточно-Европейский научный вестник.* 2015. № 3–4. С. 58–60.
5. *Великая Н.М., Голосеева А.А.* Актуальное искусство в культурном пространстве современной России // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение.* 2013. № 2 (103). С. 29–44.
6. *Lievrouw L.A., Pope J.T.* Contemporary art as aesthetic innovation: Applying the Diffusion Model in the Art World // *Science Communication.* 1994. № 15 (4). P. 373–395.
7. *Акунина Ю.А.* Арт-активизм как актуальная форма протеста: социокультурный анализ // *Вестник МГУКИ.* 2014. № 1 (57). С. 79–85.
8. *Кирсанова Е.А.* Социально-философский анализ концепций стрит-арта: генезис и подходы к определению феномена // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2017. № 38. С. 121–129.
9. *Цыгина Н.А.* Контекстуальность как основополагающее свойство уличного искусства // *Вестник МГХПА.* 2014. № 1. С. 295–305.

10. Forte F., Paola de P. How Can Street Art Have Economic Value? // Sustainability. 2019. Vol. 11, № 3.
11. Perera P.J. Urban art scene in Madrid: How can contemporary art be used for tourism? // Enlightening Tourism. 2019. Vol. 9, № 1. P. 1–37.
12. Rowe M., Hutton F. 'Is your city pretty anyway?' Perspectives on graffiti and the urban landscape // Australian & New Zealand Journal of Criminology. 2012. Vol. 45, № 1. P. 66–86.
13. Tchistiakova M.G. Change space – Change life: social and anthropological contexts of street art // Tyumen State University Herald. 2013. № 10. P. 140–144.
14. Bacharach S. Finding your voice in the streets: street art and epistemic injustice // The Monist. 2018. № 101. P. 31–43.
15. Debras C. Political graffiti in May 2018 at Nanterre University: A linguistic ethnographic analysis // Discourse & Society. 2019. Vol. 30, № 5. P. 441–464.
16. Trubina E. Street art in non-capital urban centres: between exploiting commercial appeal and expressing social concerns // Cultural Studies. 2018. Vol. 32, № 5. P. 676–703.
17. Tsilimpounidi M. "If these walls could talk": street art and urban belonging in the Athens of crisis // Laboratorium. 2015. Vol. 7, № 2. P. 18–35.
18. Егорова А.А. Коммуникативные стратегии стрит-арт (на примере практик екатеринбургских художников) // Известия УрФУ. 2016. Т. 147, № 1. С. 137–147.
19. Заславская А.Ю., Серова М.М. «Стрит-арт» или искусство уличных интервенций // Градостроительство и архитектура. 2012. № 1 (5). С. 11–16.
20. Hansen S. "Pleasure stolen from the poor": Community discourse on the 'theft' of a Banksy // Crime, Media, Culture. 2016. Vol. 12, № 3. P. 289–307.
21. Thor T. #banksyinstockholm – The politics of street art and spatiality // Observatorio (OBS*). 2015. Special Iss. P. 23–46.
22. Riddle N.A. Street Art: The Transfiguration of the Commonplaces // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 2010. № 68. P. 243–257.
23. Danko D. Wenn die Kunst vor der Tür steht // Ansätze zu notwendigen Differenzierungen des Begriffs "Kunst im öffentlichen Raum". 2009. URL: <http://edoc.hu-berlin.de/kunsttexte/2009-1/danko-dagmar-0/PDF/danko.pdf>

Uliana S. Shvindt, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: uliana_s@list.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 190–203.

DOI: 10.17223/1998863X/61/20

STREET ART AND ITS FUNDAMENTAL COMMUNICATION FEATURES

Keywords: street art; communication; ephemerality; restoration of street art works; street art museumification

Street art is an important global sociocultural phenomenon which is of interest to many researchers in the social sciences and humanities. Street art is a specific way of communication since street artists, through their topical social and political works, involve audience in a dialogue. In this regard, this article discusses street art from the perspective of its communication features. The first fundamental communication feature of street art is its location in the street and, as a consequence, its contraposition to museum and gallery art. In this respect, communication initiated by a street artist is able to cover potentially more people than a museum that addresses a limited audience. Street artists create artworks for all city residents. From this point of view, street art contributes to the democratization of contemporary art. Secondly, street art is of mandatory nature for the audience since it initially exists in the urban context and thus takes away the choice from the audience. Thirdly, street art appeals to an unready viewer, and, from this point of view, it also opposes museum art since visiting a museum is determined by a person's willingness to interact with artworks. Finally, the street artist's message is extremely ephemeral. The author of the article examines this last feature in more detail and refers to data collected from a series of expert interviews. The author explores experts' attitudes and opinions on ephemerality as one of street art's communication features. In addition, the author analyzes current methods of overcoming street art's impermanence. Among these methods are the restoration of eradicated and time-worn street artworks and the museumification of street art, that is its inclusion into the museum and gallery space. Often, museumification concerns those street art pieces that for various reasons have disappeared from city surfaces. The author explores experts' attitudes towards these instruments of street art conservation. The attitudes are highly controversial: some experts highly appre-

ciate the methods of overcoming street art's ephemerality because they mainstream street art for the urban population, while others, on the contrary, deny the necessity of these instruments because they radically change the nature of street art. The author comes to the conclusion that currently there is no consensus in the expert community on the issue of street art's ephemerality and the necessity to conserve it.

References

1. Blanché, U. (2015) Street Art and related terms – discussion and attempt of a definition. *Street & Urban Creativity. Scientific Journal*. 1(1). pp. 32–40.
2. Samutina, N.V. & Zaporozhets, O.N. (2015) Strit-art i gorod [Street art and a city]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy – Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 7(2). pp. 11–17.
3. Shvindt, U.S. (2020) Street Art: Approaches to Studying the Phenomenon in Social Sciences and the Humanities. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 23(1). pp. 125–158. (In Russian). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.1.5
4. Semenov, D.Yu. (2015). Strit-art v panorame sovremennogo iskusstva [Street art in the panorama of contemporary art]. *Vostochno-Evropeyskiy nauchnyy vestnik*. 3–4. pp. 58–60.
5. Velikaya, N.M. & Goloseeva, A.A. (2013) Aktual'noe iskusstvo v kul'turnom prostranstve sovremennoy Rossii [Actual art in the cultural space of modern Russia]. *Vestnik RGGU – The Herald of RSUH*. 2(103). pp. 29–44.
6. Lievrouw, L.A. & Pope, J.T. (1994) Contemporary art as aesthetic innovation: Applying the Diffusion Model in the Art World. *Science Communication*. 15(4). pp. 373–395. DOI: 10.1177/107554709401500402
7. Akunina, Yu.A. (2014) Art-aktivizm kak aktual'naya forma protesta: sotsiokul'turnyy analiz [Art-activism as an actual form of protest: sociocultural analysis]. *Vestnik MGUKI – The Bulletin of Moscow State University of Culture And Arts*. 1(57). pp. 79–85.
8. Kirsanova, E.A. (2017) Socially-philosophical analysis of concepts of street art: the approaches to the definition and origin of the phenomenon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 38. pp. 121–129. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863y/38/12
9. Tsygina, N.A. (2014) Kontekstual'nost' kak osnovopolagayushchee svoystvo ulichnogo iskusstva [Contextuality as a fundamental feature of street art]. *Vestnik MGKHPA – The Herald of Moscow State Stroganov Academy*. 1. pp. 295–305.
10. Forte, F. & Paola, de P. (2019) How Can Street Art Have Economic Value? *Sustainability*. 11(3). DOI: 10.3390/su11030580
11. Perera, P.J. (2019) Urban art scene in Madrid: How can contemporary art be used for tourism? *Enlightening Tourism*. 9(1). pp. 1–37. DOI: 10.13189/aeb.2019.070203
12. Rowe, M. & Hutton, F. (2012) 'Is your city pretty anyway?' Perspectives on graffiti and the urban landscape. *Australian & New Zealand Journal of Criminology*. 45(1). pp. 66–86. DOI: 10.1177/0004865811431327
13. Tchistiakova, M.G. (2013) Change space – Change life: social and anthropological contexts of street art. *Tyumen State University Herald*. 10. pp. 140–144.
14. Bacharach, S. (2018) Finding your voice in the streets: street art and epistemic injustice. *The Monist*. 101. pp. 31–43. DOI: 10.1093/monist/onx033
15. Debras, C. (2019) Political graffiti in May 2018 at Nanterre University: A linguistic ethnographic analysis. *Discourse & Society*. 30(5). pp. 441–464.
16. Trubina E. (2018) Street art in non-capital urban centres: between exploiting commercial appeal and expressing social concerns. *Cultural Studies*. 32(5). pp. 676–703. DOI: 10.1080/09502386.2018.1429002
17. Tsilimpounidi, M. (2015) “If these walls could talk”: street art and urban belonging in the Athens of crisis. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 7(2). pp. 18–35.
18. Egorova, A.A. (2016) Street Art Communicative Strategies (The Case of Contemporary Yekaterinburg City Street Art). *Izvestiya UrFU – Izvestia Ural Federal University Journal. Series I. Issues in Education, Science and Culture*. 147(1). pp. 137–147. (In Russian).
19. Zaslavskaya, A.Yu. & Serova, M.M. (2012) Street art or the art of street interventions. *Gradostroitel'stvo i arkhitektura – Urban Planning and Architecture*. 1(5). pp. 11–16. (In Russian). DOI: 10.17673/Vestnik.2012.01.2
20. Hansen, S. (2016) “Pleasure stolen from the poor”: Community discourse on the ‘theft’ of a Banksy. *Crime, Media, Culture*. 12(3). pp. 289–307. DOI: 10.1177/1741659015612880

-
21. Thor, T. (2015) #banksyinstockholm – The politics of street art and spatiality. *Observatorio (OBS*)*. Special Iss. pp. 23–46.
 22. Riggle, N.A. (2010) Street Art: The Transfiguration of the Commonplaces. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 68. pp. 243–257. DOI: 10.1111/j.1540-6245.2010.01416.x
 23. Danko, D. (2009) *Wenn die Kunst vor der Tür steht. Ansätze zu notwendigen Differenzierungen des Begriffs "Kunst im öffentlichen Raum"*. [Online] Available from: <http://edoc.hu-berlin.de/kunsttexte/2009-1/danko-dagmar-0/PDF/danko.pdf>

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.51: 7.049.2

DOI: 10.17223/1998863X/61/21

Г.Л. Денисова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ПОРАЖЕНИЕ ЗАХВАТЧИКА* В КАРИКАТУРАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Выясняется, как карикатуристы в 1941–1945 гг. выводят адресата карикатуры на концепт ПОРАЖЕНИЕ ЗАХВАТЧИКА, опираясь на ассоциативные связи концептов в русской языковой картине мира и возможности разных приемов визуализации. Было выяснено, что для репрезентации концепта ПОРАЖЕНИЕ ЗАХВАТЧИКА в карикатурах 1941–1945 гг. активно используются концепты ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА, КУЛАЧНЫЙ БОЙ, ИГРА В КАРТЫ и СМЕРТЬ. В карикатурах проявляется тенденция вывода адресата на серьезные политические вопросы через область житейских и бытовых представлений.

Ключевые слова: политическая карикатура, концепт, ассоциативные связи концептов, русская языковая картина мира, визуализация концепта, фоновые знания, Великая Отечественная война

Введение

Понятие ‘поражение’ определяется в толковом словаре С.Ю. Ожегова и Н.Ю. Шведовой как ‘неудачи в войне’, ‘наносить поражение’ [1. С. 564]. Вторая дефиниция, которая имеет направленность на противника, конкретизирует рассматриваемую область в русской языковой картине мира. Вероломное нападение и причины к ведению военных действий со стороны командного состава немецко-фашистской армии дают основание для уточнения наименования рассматриваемого концепта как ПОРАЖЕНИЕ ЗАХВАТЧИКА. Ориентируясь на дефиницию в толковом словаре С.Ю. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, мы сделали выборку карикатур, представляющих концепт ПОРАЖЕНИЕ ЗАХВАТЧИКА, который определяет область в русской языковой картине мира, очерчиваемую идеями ‘наносить поражение’ и ‘неудачи в войне’. Последняя идея традиционно конкретизируется понятиями ‘потери в живой силе’, ‘лишение ресурсов’, ‘изгнание’. В данном исследовании выясняется, как карикатуристы выражают перечисленные идеи, опираясь на ассоциативные связи концептов в русской языковой картине мира и возможности разных приемов визуализации.

В качестве материала для анализа были использованы политические карикатуры Великой Отечественной войны, которые размещены на сайте www.davno.ru и принадлежат кисти разных художников. В качестве иллюстраций приводятся карикатуры авторского коллектива Кукрыниксов, в который входили советские графики и живописцы, действительные члены Академии художеств СССР (1947), народные художники СССР (1958): Куприянов Михаил Васильевич, Крылов Порфирий Никитич и Соколов Николай Александрович.

В политической карикатуре взаимодействуют коды разных семиотических систем, каждая из которых имеет свои особенности, что обуславливает необходимость обращения к разным методам в ходе исследования. В работе применяются дефиниционный, семантический, контекстуальный анализ и элементы когнитивного анализа.

Результаты исследования

В ходе изучения призывов на плакатах и подписей к карикатурам Великой Отечественной войны была выявлена группа высказываний, в которых позицию объекта действия занимает обозначение противника. Обозначение противника указывает на лицо, на которое направлено действие [2. С. 279], или, если использовать термины семантических ролей актантов, представляет пассив – «актант, отражающий одушевленного участника ситуации, пассивный объект влияния с чьей-либо стороны» [3. С. 68]. Анализ сделанной выборки позволил установить, что организующим центром таких высказываний являются следующие лексемы:

(1) глагол бить: Били мы врага копьем, били мы врага ружьем и теперь стальным оружием бьем врага, где обнаружим! (Кукрыниксы, 1941; автор стихов В. Катаев); Бей немецких зверей! (Климашин, 1943);

(2) существительное удар: Уборка урожая – грозный удар по врагу! (Кукрыниксы, 1941) Удар в сердце (Кукрыниксы, 1945);

(3) глаголы разгромить и уничтожить: Беспощадно разгромим и уничтожим врага! (Кукрыниксы, 1941);

(4) глагол добивать: Что б нам дышать и жить – зверя добить! (Дени, 1944). Врага на вражьей территории – в его берлоге мы добьем! (Кукрыниксы, 1944);

(5) существительное смерть: Смерть немецким оккупантам! (Ефимов, 1942).

В вышеприведенных высказываниях с многозначным глаголом *бить* (1) он выступает в значении '*разить, наносить поражение*' [1. С. 48]. Выделяется и другое значение данного глагола '*ударяя, причинять боль кому-нибудь*' [1. С. 48] / '*наносить кому-нибудь удары, колотить кого-нибудь*' [4], '*наносить удары*' [5. С. 67], которое отличается более конкретной семантикой. Последние определения эксплицируют ассоциативную связь глагола *бить* с существительным *удар* (2), которое может реализовать значение '*стремительное нападение, атака*' или '*короткое и сильное движение, непосредственно направленное на кого-нибудь*' [1. С. 48].

Следует отметить, что второе значение глагола *бить* '*наносить кому-нибудь удары, колотить кого-нибудь*' и второе значение существительного *удар* '*короткое и сильное движение, непосредственно направленное на кого-нибудь*' наглядно представляемы. Результаты ситуаций, для обозначения которых могут использоваться лексемы в вышеприведенных значениях – появляющиеся у объекта действия синяки и шишки, – также можно передать изобразительными средствами. Обращение к приему визуализации отвлеченного понятия '*наносить поражение*' с опорой на наглядно представляемые результаты действий, обозначаемых глаголом *бить*, наблюдаем в карикатуре «Пышки и шишки», 1943 г. (рис. 1).

Рис. 1

Начало истории (ретроспективная ссылка), о которой сообщается в карикатуре, представлено в верхней ее части, где Гитлер и его союзники, вооруженные вилками и ножами, с наслаждением думают о пышных булочках. Пышные булочки, безусловно, представляют для них *лакомое блюдо / лакомый кусок* 'что-либо заманчивое, привлекательное, соблазнительное' [6. С. 218; 7. С. 369]: блаженно улыбаясь, они не в силах оторвать от них глаз. Пышки, которые предметно представляют города и области СССР (Москву, Сталинград, Кавказ, Баку, Ленинград, Донбасс, Украину и Кубань), изображены в облачке над их головами (в филактере), обозначая их намерение, которое можно эксплицировать русской поговоркой *Лакомый кусок, только бы попал в роток*.

В нижней части рисунка отражен момент настоящего, который совпадает с моментом речи: Гитлер и его союзники, жестоко избитые, покрытые синяками и шишками, вынуждены отказаться от своих планов. Рассказанная художником история подтверждает верность русской пословицы *Кому пышки, а кому синяки и шишки* 'Кому хорошее, а кому – одни неприятности / неудачи'.

Шишки, подписанные названиями областей, в которых военные действия армии Гитлера потерпели неудачи, украшают его голову и на карикатуре «Красная Армия шельму метит. Годовой итог», 1944 г. (рис. 2). Тема карикатуры раскрывается с опорой на прием визуализации, основание которого образует зримое представление внутренней формы лексической единицы [8. С. 292–293], а именно глагола *метить* в значении 'ставить на ком-нибудь *отличительный знак, метку*' [1. С. 353].

Рис. 2

Позицию подлежащего при глаголе *метить* замещает указание на агентив – «актант, отражающий активного одушевленного участника ситуации, сознательно и целенаправленно действующего в некоторой ситуации и оказывающего какое-либо воздействие на некоторый объект с определенной целью» [3. С. 68]. Телесные повреждения, которые Гитлер удрученно рассматривает в зеркале, – результат боев с Красной Армией. Неудачи в ведении военных действий получают в карикатуре интерпретацию в представлениях о телесных повреждениях, получаемых в ходе кулачного боя (осмысление некоего аспекта одного концепта в терминах другого определяется как когнитивная метафора [9. С. 31]): *набить шишку, поставить синяк, разбить / расквасить (разг.) нос, оторвать ухо, выбить зубы, свернуть / сломать челюсть*. Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что для русской языковой личности выход на представление о неудачах в ходе военных действий между государствами возможен через соответствующую область концепта КУЛАЧНЫЙ БОЙ.

Дефиниционный анализ лексем *разгромить, уничтожить, добить и смерть* показывает, что высказывания (3), (4) и (5) выводят на представление о лишении жизни, которое находится в ассоциативном поле концепта СМЕРТЬ: *разгромить – ‘громя, полностью победить или уничтожить’* [1. С. 645]; *уничтожить – ‘прекратить существование кого-нибудь, истребить’* [1. С. 834]; *добить – ‘убить того, кто ранен, подстрелен’* [1. С. 169]; *смерть – ‘прекращение жизнедеятельности организма’* [1. С. 735]. Указанный факт подтверждает наблюдения исследователей концепта ВОЙНА, которые отмечают, что в сознании русского человека война ассоциируется со смертью [10. С. 189, 196; 11; 12. С. 50].

В карикатурах Великой Отечественной войны, темой которых является отступление и потери захватчика в живой силе, обнаруживаются изображения, ассоциативно связанные в сознании русского человека со смертью: *скелет / череп, крест, гроб, могила*. В карикатуре 1942 г. «Гитлер и смерть: осмелюсь доложить – линия фронта выровнена» оперативную сводку о ходе военных действий Гитлеру докладывает скелет в форме генерала немецкой армии. В карикатуре 1941 г. «На подступах к Ленинграду» генералы немецко-фашистской армии пытаются рассмотреть в бинокль Ленинград с вершины горы, которая сложена из человеческих черепов, отмеченных знаком свастики. Карикатура сопровождается стихами С.Я. Маршака: «– *Ах, генерал, гораздо выше / Нам эту гору сделать надо / Чтобы рассмотреть в тумане крыши / Домов и фабрик Ленинграда*». В основании способа представления темы карикатуры «Потери в живой силе захватчика на подступах к Ленинграду» лежит отношение по смежности, прием визуализации подобный «метонимическому переносу в естественном языке, при котором обозначение части может использоваться для представления целого» [8. С. 292].

На плакате 1944 г. «Гёббельсова дуга» (рис. 3) линию фронта обозначает ряд крестов над могилами павших немецких солдат, что позволяет считать, что в основании визуализации названия карикатуры лежит метафора, подкрепленная символическим значением могильного креста (заместительная и объяснительная функция символа подробно рассматривается Н.А. Красавским [13. С. 72–81]).

В Прибалтике он отступил,
 Ушел он из Парижа
 И линию своих могил
 Подтягивает ближе.
 Но повторяет на бегу
 Все тот же бред собачий:
 «Я снова выпрямил дугу,
 Я справился с задачей!»
 На всех фронтах фашистов бьют.
 Громят их дни и ночи.
 А Дитмар с Геббельсом поют:
 «Зато наш фронт короче!»
 Что ж сокращать – так сокращать
 До самого Берлина.
 Мы можем фронт вам обещать
 Длинною в три аршина!

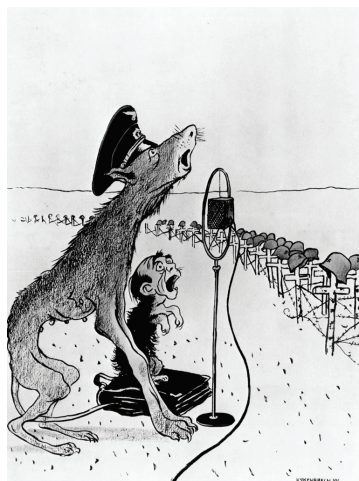

Рис. 3

Карикатура сопровождается стихами С.Я. Маршака. Основная идея вербальной составляющей карикатуры эксплицируется в первых двух строках «В Прибалтике он отступил, ушел он из Парижа» глаголом *отступить*, который в контексте сообщения о положении дел на фронте актуализирует значение «*отойти назад под напором наступающего неприятеля*» [1. С. 481].

Ассоциативная связь темы сообщения, конкретного примера военных неудач немецко-фашистской армии, с концептом СМЕРТЬ поддерживается в вербальной части употреблением словосочетаний с ранее рассмотренными глаголами *бить* и *громить* (*бить фашистов, громить их*) и лексемы *могила* «*яма для погребения тела умершего, а также насыпь на месте погребения*» [1. С. 361]. На последнее представление намекает и словосочетание *фронт... длиною в три аршина* в последних двух строках стихотворения: аршин, старая русская мера длины, равен 0,71 см., т.е. речь идет о 2 м и 13 см земли.

На ассоциативную область концепта СМЕРТЬ проецируется также лексема *петля* в значении «*сложенная кольцом и затягивающаяся веревка, жгут как орудие казни, повешения, а также сама такая казнь*» [1. С. 515]. Указанная ассоциативная связь находит подтверждение в сочетаемостных возможностях лексемы *петля* и значениях фразеологических единиц с лексемой *петля* в их составе: (1) примеры сочетаемости: *Виселица с петлей. Разбойника ждет петля.* [1. С. 515]; (2) интерпретация фразеологических единиц: *из петли вынуть кого-нибудь* «*избавить от верной гибели, опасности*» [1. С. 515]; *лезть в петлю* «*заведомо рисковать жизнью; идти на смерть, гибель*» [6. С. 224]; *петля плачет по ком-нибудь* «*кто-либо заслуживает того, чтобы его повесили*» [6. С. 319]; *совать / сунуть голову в петлю* «*предпринимать что-либо заведомо рискованное, опасное для жизни, карьеры*» [6. С. 444].

Как отмечается в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, лексема *петля* развивает переносное значение «*очень тяжелое, безнадежное, безвыходное положение*» [1. С. 515], которое включает в себя представление о неудаче / неудачах в ходе военных действий. Последнее обстоятельство объясняет обращение художников к представлению о петле в карикатуре «Дона излучина крепко закручена», 1943 г. (рис. 4), в которой

идет речь о результатах Острогожско-Россошанской операции Красной Армии на Верхнем Дону.

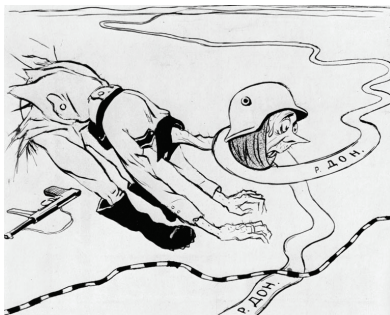

Рис. 4

Основание для визуального представления сложившейся ситуации – река стягивается на шее вражеского солдата петлей, из которой он, бросив автомат, судорожно, но безуспешно пытается освободиться, – образует ассоциативная связь переносного значения слова *петля* ‘очень тяжелое, безнадежное, безвыходное положение’ с его прямым значением ‘сложенная кольцом и затягивающаяся веревка, жгут как орудие казни, повешения’. То есть в основе визуализации темы карикатуры лежит отношение прямого и переносного значений слова *петля*.

В карикатурах 1944–1945 гг. с целью сообщения о военных неудачах захватчика художники обращаются к представлениям, группирующимся в ассоциативном поле концепта ИГРА В КАРТЫ. Карикатура «Пиковое положение» (1944 г.) сопровождается стихами С.Я. Маршака: *Картежный плут и шулер ловкий, / Играл он черной мастью пик. / Войну он начал с пикировки, / А под конец, зайдя в тупик, / Попал он в положенье «пик»*. В стихах интенсивно используются слова и словосочетания из языка игроков в карты (*пиковое положение, битая карта, картежный плут, шулер, масть пик*). Часть из них закрепилась во фразеологическом фонде русского языка в переносном значении. Словосочетание, вынесенное в заголовок карикатуры, закрепилось в словарном фонде русского языка в значении ‘затруднительное положение’ [1. С. 517]. Д.Н. Ушаков отмечает, что формирование данного значения «идет от гадания на картах, где пиковая масть означает несчастье» [4].

Стихотворение озаглавлено словосочетанием *битая карта*, которое восходит к фразеологизму *карта бита* со значением ‘расчеты не оправдались’ [1. С. 761]. Последняя строчка стихотворения «*попал он в положенье „пик“*» представляет собой трансформацию фразеологизма *оставлять /остаться /оказываться при пиковом интересе* со значением ‘оставаться без того, на что рассчитывал, надеялся, чего добивался’ [6. С. 186].

Анализируя дефиниции данных фразеологизмов, можно констатировать пересечение областей их значений с областью значения лексемы *неудача*, что позволило карикатуристам иллюстрировать отвлеченное значение последнего, опираясь на предметные представления, соотносимые с прямыми значениями лексем, которые входят в состав фразеологических словосочетаний.

На карикатуре Гитлер изображен в роли короля пик. В левой верхней части рисунка под знаком «пики» обозначен год (1941), на голове Гитлера –

золотая корона. Функцию его державы выполняет земной глобус, на который он положил правую руку, в левой руке он держит золотой скипетр, который венчает голова Муссолини. Нижняя часть карты, обозначенная 1944 г., разорвана, а изображенный на ней персонаж находится в явно неудобном, низвергнутом положении. Он выглядит потрепанным, корона и держава – потеряны, а скипетр сломан. Визуализация осуществляется с опорой на внутреннюю форму словосочетания *битая карта*.

В карикатуре «Конец игры» (1945 г.) немецкие генералы играют в карты, на кон поставлены немецкие города: Кенигсберг, Дрезден и Франкфурт. В контексте сообщения лексема *конец* в заголовке карикатуры реализует значение *‘предел, последний момент чего-нибудь, протекающего во времени’* [4]. Примечательно, что в игре принимают участие только немецкие генералы, т.е. в карикатуре получает развитие идея об отношении командного состава немецко-фашистской армии к ведению военных действий как к игре. Последнее позволяет считать, что в основании визуализации лежит сравнение, которое ведет к конкретизации представлений об ощущениях и оценках [14. С. 13–16]. Оценка отношения командного состава немецко-фашистской армии к ведению военных действий давалась художниками и ранее, к примеру, в карикатуре «Доигрались (молниеносная война)» (1943 г.). В название карикатуры вынесен глагол *доиграться* (*‘легкомысленным, неосторожным поведением довести себя до неприятностей’* [1. С. 172]), который является однокоренным с существительным *игра*. То, что немецкие генералы проигрывают, проявляется в их эмоциональных реакциях, обозначенных невербальными средствами в изобразительной части карикатуры¹: один из них в отчаянии обхватил голову руками, другой готов застрелиться, кто-то упал в обморок или залез под стол, остальные озадаченно или со страхом устали в свои карты.

Анализ выборки карикатур обнаружил, что с целью сообщения о военных неудачах захватчика художники также обращаются к представлениям, которые группируются в ассоциативном поле концепта ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА, особенно к той его части, где группируются представления, связанные с бегством армии Наполеона из России. На эту область проецируется, к примеру, поговорка *«Пропал, как француз в Москве»* (*о бесследно исчезнувшем, погибшем человеке*), которая восходит ко времени войны русских с французами 1812 г. [7. С. 725]. К памяти о бое при Бородино, как важном событии, которое положило начало исходу французов из России в 1812 г., апеллируют художники в карикатуре «Недаром помнит вся Россия про день Бородина» (1942 г.), которая посвящена начальному периоду Московской битвы по Можайской линии обороны.

К этому же событию отсылают изобразительные вехи в карикатуре «Ты сидишь у камина», 1943 г. (рис. 5). На каминной полке стоит бюст Гитлера: он запечатлен в наполеоновской треуголке со скрещенными на груди руками. Поза, в которой изображен главный персонаж карикатуры, и мрачное выражение его лица вызывают в памяти картину В.В. Верещагина «Наполеон на Бородинских высотах».

¹ О возможности обозначения эмоций невербальными средствами пишет Н.А. Красавский [13. С. 64–69].

Гитлер: – Брр! ...Холодно!
Подкинь угля в камин.
Гebbельс: – К сожалению, могу
подкинуть только вот эту бумагу.

Рис. 5

Реплика Гитлера начинается с междометия *брр*. Принимая во внимание результаты исследований междометий [15. С. 509–516], отмечаем, что междометие *брр* представляет собой эмоциональную реакцию на ощущения, которые испытывает субъект. Хотя можно говорить о том, что в данном междометии намечено и некоторое интеллектуальное значение: междометие несет отрицательную прагматическую оценку испытываемого субъектом ощущения. В контексте рассматриваемой ситуации, являясь эмоциональной реакцией на низкую температуру окружающей среды, междометие отмечает начало цепочки прямых и косвенных обозначений референта *холод*.

Прямым наименованием данного референта является краткое прилагательное *холодно* ('об ощущении холода' [1. С. 866]) в реплике Гитлера. К косвенным указаниям на данный референт можно отнести изображение Гитлера, с головой кутающегося в теплый плед, и одетого в пальто с меховым воротником Гebbельса, который пытается согреться, потирая одну ногу другой. Причину отсутствия угля в камине поясняет название «бумаги», которую принес Гebbельс: это сводка об оставлении Донбасса, Донецкого угольного бассейна (тема карикатуры – потеря стратегических топливных ресурсов, на которые рассчитывал захватчик). Вместе с тем в контексте намеченной художниками исторической параллели с событиями Отечественной войны 1812 г. сообщение о холоде выполняет функцию проспективной ссылки, является предсказанием дальнейшего развития событий, которое приобретает четкую форму в карикатуре «Обратный путь», 1944 г. (рис. 6). На карикатуре изображена растянувшаяся в снежной пустыне цепочка немецких солдат с Гитлером во главе (идея 'изгнание / отступление захватчика'), которая завершается рядом крестов (идея 'потери в живой силе'), отмечающих уже проделанный путь.

В снегу – разбитая военная техника и трупы немецких солдат, запорошенные снегом, захватчиков преследует русский солдат. При ходьбе немецкие солдаты глубоко про-

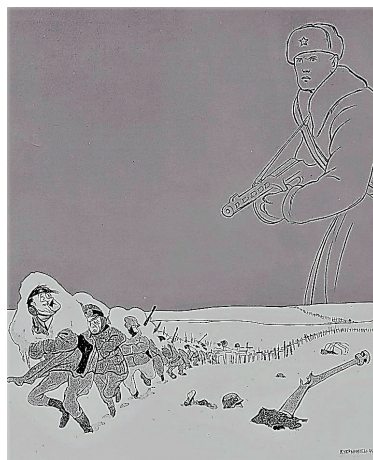

Рис. 6

валиваются в снег, их головы и плечи покрывают снежные сугробы, они засунули руки в рукава, пытаясь сохранить тепло, одеты они явно не по погоде. Изображение вызывает в памяти ассоциативный ряд лексем: *пронизывающий / ледяной ветер, сильный / трескучий мороз, мороз пробирает до костей, собачий холод, посинеть от холода*. Похожая картина изображена в письменных свидетельствах французских офицеров армии Наполеона и на художественных полотнах, посвященных отступлению французской армии из России в 1812 г. (к примеру, на картине Л. Потта «Отступление французской армии из России в 1812 году» или на картине Б.П. Виллевалде «Отступление французов из России»). Климатический фактор (поддержка «генерала Мороза») в совокупности с действиями защитников Отечества рассматривается как одна из причин победы русской армии в Отечественной войне 1812 г. [16, 17]. В сводках Совинформбюро Великой Отечественной войны обращается внимание на органические дефекты в области планирования войны в работе германского командования, которое надеялось завершить войну к началу зимы [18. С. 10]. Однако действия защитников Отечества перечеркнули планы Гитлера. Указанное обстоятельство позволило художникам в качестве основания для визуализации темы карикатуры «Обратный путь» использовать сравнение с событиями 1812 г. Ситуация, сложившаяся для армии Наполеона в 1812 г., повторилась по отношению к немецко-фашистским захватчикам, подтвердив верность наблюдения, которое нашло отражение в русской поговорке «*Что русскому [человеку] хорошо, то немцу¹ смерть*», и вывода другой русской поговорки «*Нажил немец беду в 41-м году*», темой которой стали неудачи немецко-фашистской армии в 1941–1945 гг.

Заключение

В заключении следует отметить, что, сообщая о поражении захватчика, художники опираются на предметно представляемые образы, которые имеют ассоциативные связи с обсуждаемыми, как правило, отвлеченными идеями. Карикатуристы выводят адресата (рядового гражданина) на серьезные внешнеполитические вопросы через области концептов из ближайшего к нему круга, т.е. через область житейских и бытовых представлений: желание полакомиться пышками → вынашивание идеи о захвате территории; отсутствие тепла в помещении → лишение топливных ресурсов; шишки и синяки → поражение.

Выход на концепты осуществляется как с опорой на вербальные средства, так и посредством обращения к разным приемам визуализации, основание которых образуют: 1) метафорический перенос, 2) отношение по смежности, подобное метонимическому переносу в естественном языке, 3) сравнение, 4) внутренняя форма языковой единицы, 5) отношения между значениями многозначного слова.

Для репрезентации концепта ПОРАЖЕНИЕ ЗАХВАТЧИКА художники обращаются к концептам КУЛАЧНЫЙ БОЙ, ИГРА В КАРТЫ и ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА (в той его части, где группируются представления, связанные с изгнанием армии Наполеона из России). Идея

¹ В XIX в. слово *немец* употребляется в качестве синонима к слову иностранец, обычно как пренебрежительное название иностранца [5. С. 435].

‘потери захватчика в живой силе’ представляется с опорой на элементы, которые входят в ассоциативное поле концепта СМЕРТЬ: *скелет / череп, крест, гроб, могила, петля*.

Выбор опорного концепта может быть продиктован заложенным в него потенциалом к выражению оценки. К примеру, идея об отношении командного состава немецко-фашистской армии к ведению военных действий как к игре формируется через ассоциативную область концепта ИГРА В КАРТЫ.

Лаконичность сообщений обеспечивает опора на знания адресата сообщения об истории своего народа, на его знания о значениях единиц фразеологического фонда русского языка, базу которых образует житейский опыт, наблюдения и выводы, которые закрепились в пословицах, поговорках и фразеологических словосочетаниях.

Иносказательная форма карикатуры удерживает внимание адресата и облекает серьезную информацию в привлекательную для него форму, воздействуя на его эмоциональную составляющую. Имеющиеся в сообщениях вербальные и изобразительные опоры, привязанные к реалиям времени, позволяют современникам, которые располагают достаточной фоновой информацией, правильно декодировать сообщения в форме политической карикатуры.

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М. : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. 944 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
3. Николаева Т.Г. Осложненно-подчиненные предложения в современном английском языке. Самара : Офорт, 2019. 180 с.
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Терра, 2007.
5. Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / Академия наук СССР. Институт русского языка ; под ред. А.П. Евгеньевой. Л. : Наука, 1970. Т. 1. 678 с.
6. Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И., Федоров А.И. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М. : Советская энциклопедия, 1968. 543 с.
7. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6 000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М. : Астрель : АСТЖ Люкс, 2005. 926 с.
8. Денисова Г.Л. Обозначение отвлеченных понятий в карикатурах Вальтера Ханеля // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: К 80-летию профессора Людмилы Ивановны Корниловой; VI Международная научная конференция (Тольятти, 11–12 октября 2018 года) : сб. материалов / отв. ред. Ю.И. Горбунов. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2018. С. 290–296.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск : ТетраСистемс, 2004. 256 с.
11. Венедиктова Л.Н. Концепт «Война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 24 с.
12. Потапчук М.А. Концепт «Война» в русском языке и культуре // Челябинский гуманитарий. 2011. № 4 (17). С. 48–52.
13. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М. : Гнозис, 2008. 374 с.
14. Денисова Г.Л. Когнитивный механизм сравнения: текстовый потенциал (на материале немецкого языка). Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 316 с.

15. Кривоносов А.Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания (Философские основы теоретической грамматики). Москва ; Нью-Йорк : ЧеРо, 2001. 845 с.

16. Никифорова А.М. Газета «Le moniteur universel» о «генерале Морозе» // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 3 (35). С. 13–15. DOI 10.17223/19988613/35/2

17. Миронова Д.А. Климатический фактор как одна из причин победы русской армии в Отечественной войне 1812 года: проблемы историографии // Славянский мир: письменность, культура, история : материалы междунар. науч. конф. 2015. С. 120–123.

18. Наши удары по врагу. Разгром немецких войск под Москвой. М. : Военное изд-во народного комиссариата обороны СССР, 1942. 64 с. // Сайт «Военная литература». URL: militera/lib.ru/prose/russian/razgrom_pod_moskvoy/02.html (дата обращения: 05.05. 2019).

Galina L. Denisova, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation).

E-mail: g.denisova@tltstu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 204–215.

DOI: 10.17223/19988613X/61/21

REPRESENTATION OF THE CONCEPT AGGRESSOR'S DEFEAT IN CARTOONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Keywords: political cartoon; concept; associative relations between concepts; Russian language world picture; concept visualization; background knowledge; Great Patriotic War

The article studies how cartoonists link the addressee of the cartoon (an average citizen of the Union of Soviet Socialist Republics) to the concept AGGRESSOR'S DEFEAT in 1941–45, making use of associative relations between concepts in the Russian language world picture and possibilities of different visualization methods. In political cartoons, codes of different semiotic systems cooperate, each of them has its own features. This fact implies that, during the study of political cartoons, different methods are employed: definitional, semantic, contextual, and elements of cognitive analysis. The study demonstrates that cartoonists link the addressee of a message to complex political questions with the help of everyday occurrences and notions from the addressee's nearest area, for example: 'desire to regale oneself with buns' → 'have an idea to grab somebody else's lands'; 'lack of heat from the fireplace in the room' → 'deprivation of fuel resources'; 'be beaten black and blue' → 'suffer a defeat'. The link to political questions is established with the help of both verbal and iconic means. Visual presentation of abstract notions is based on different visualization methods (1) metaphor, (2) association by contiguity, (3) comparison, (4) usage of the bridge meaning of the language unit, (5) usage of interrelation between meanings of a polysemous word. The analysis of cartoons created in 1941–45 proves that the notion 'suffer a defeat' is represented by elements which group in the associative field of the concepts PATRIOTIC WAR OF 1812 (e.g. retreat of Napoleon's army, cold weather) and FIST FIGHT (e.g. bruise, give smb a bloody nose). The notion 'loss of life' is represented by elements which group in the associative field of the concept DEATH: skeleton, cross, coffin, grave. The choice of a concept which refers to an element in the associative field of the concept AGGRESSOR'S DEFEAT can be caused by its capability to develop a certain connotation. For example, the German fascist's command staff perception of warfare is evaluated with the help of notions which group in the associative field of the concept CARD GAME. Taking into consideration the addressee's background knowledge about the history of their country, Russian folk observations fixed in proverbs and popular sayings, and the addressee's knowledge of Russian phraseological units which base on knowledge of life, cartoonists save on verbal means, ensure laconism of the message in the form of a political cartoon. The roundabout form of the message catches the eye of the addressee and gives an attractive form to political information. Verbal and visual supports related to the situation under discussion give contemporaries informed about the state of things an opportunity to decode and understand the message in the form of a political cartoon.

References

1. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2003) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: ITI TEKhNOLOGII.
2. Akhmanova, O.S. (2004) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistics Terms]. Moscow: URSS.

3. Nikolaeva, T.G. (2019) *Oslozhnenno-podchinennye predlozheniya v sovremennom angliyskom yazyke* [Complicated subordinate clause in Modern English]. Samara: Ofort.
4. Ushakov, D.N. (2004) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4-kh tomakh* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols]. [s.l.]: BIZNESSOFT.
5. Evgenieva, A.P. (1970) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: v 2 t.* [Dictionary of Russian synonyms: in two vols]. Vol. 1. Leningrad: Nauka.
6. Voynova, L.A., Zhukov, V.P., Molotkov A.I. & Fedorov, A.I. (1968) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian language]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
7. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2005) *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskiy slovar'* [Russian phraseology. Historical-etymological dictionary]. 3rd ed. Moscow: Astrel'.
8. Denisova, G.L. (2018) Oboznachenie otvlechennykh ponyatiy v karikaturakh Val'tera Khanelya [Imaging of abstract notions in Walter Hanel's cartoons]. In: Gorebuniv, Yu.I. (ed.) *Aktual'nye problemy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki i optimizatsiya prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Topical problems of theoretical and applied linguistics and optimization of teaching foreign languages]. Togliatti: Togliatti State University. pp. 290–296.
9. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors we Live by]. Translated from English by A.N. Baranov. Moscow: Editorial URSS.
10. Maslova, V.A. (2016) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow: Flinta.
11. Venediktova, L.N. (2004) *Kontsept "Voyna" v yazykovoy kartine mira (sopostavitel'noe issledovanie na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [Concept "War" in the language picture of the world: a comparative study based on English and Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen.
12. Potapchuk, M.A. (2011) Kontsept "Voyna" v russkom yazyke i kul'ture [Concept "War" in the Russian language and culture]. *Chelyabinskiy gumanitarniy – The Chelyabinsk Humanitarian Journal*. 4(17). pp. 48–52.
13. Krasavskiy, N.A. (2008) *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguo-culture]. Moscow: Gnozis.
14. Denisova, G.L. (2013) *Kognitivnyy mekhanizm sravneniya: tekstovyy potentsial (na materiale nemetskogo yazyka)* [Cognitive mechanism of comparison: text potential (based on the German language)]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing.
15. Krivososov, A.T. (2001) *Sistema klassov slov kak otrazhenie struktury yazykovogo soznaniya (Filosofskie osnovy teoreticheskoy grammatiki)* [System of words classes as reflection of language consciousness structure (Philosophical bases of theoretical grammar)]. Moscow; New York: CheRo.
16. Nikiforova, A.F. (2015) Newspaper "Le Moniteur universel" about "General Frost". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(35). pp. 13–15. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/35/2
17. Mironova, D.A. (2015) Klimaticheskii faktor kak odna iz prichin pobedy russkoy armii v Otechestvennoy voyne 1812 goda: problemy istoriografii [Climatic factors as a cause victory of Russian army in the Patriotic war of 1812: problems of historiography]. *Slavyanskiy mir: pis'mennost', kul'tura, istoriya* [Slavic World: Writing, Culture, History]. Proc. of the International Conference. pp. 120–123.
18. Anon. (1942) *Nashi udary po vragu. Razgrom nemetskikh voysk pod Moskvoy* [Our blows at the enemy. The defeat of German troops near Moscow]. Moscow: Military publishing house of the USSR People's Commissariat of Defense. [Online] Available from: [militera/lib.ru/prose/russian/razgrom_pod_moskvoy/02.html](http://militera.lib.ru/prose/russian/razgrom_pod_moskvoy/02.html) (Accessed: 5th May 2019).

УДК 321.02

DOI: 10.17223/1998863X/61/22

А.П. Кочетков

АДМИНИСТРАЦИЯ БАЙДЕНА И ВОЗРАСТАНИЕ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ СО СТОРОНЫ США

На основе анализа стратегических внешнеполитических подходов пришедших к власти в США демократов рассматриваются перспективные направления развития российско-американских отношений при новой американской администрации Байдена с точки зрения национальной безопасности России. Акцентируется внимание на сходстве и отличиях политики демократов и республиканцев в этом вопросе. Как показывает настоящее исследование, тотальной конфронтации по всем направлениям развития российско-американских отношений в ближайшие годы ожидать не приходится. Там, где это выгодно, США будут стараться путем переговоров обеспечивать свои интересы.

Ключевые слова: Россия, США, администрация Байдена, российско-американские отношения, национальная безопасность

Введение

Национальная безопасность России, защита нашей страны от внешних угроз во многом зависят от грамотной внешней политики, от умения выстроить партнерские отношения с ведущими мировыми державами, и особенно с США. Отношения России и США оказывают решающее влияние не только на национальную безопасность нашей страны, но и на устойчивость и безопасность всего мирового порядка. При этом Россия должна выстраивать российско-американские отношения исходя, прежде всего, из своих национальных интересов. Сегодня, несмотря на ряд серьезных осложнений, российско-американское сотрудничество необходимо для контроля за нераспространением атомного оружия, предотвращения гонки вооружений на новом технологическом уровне, эффективной борьбы с международным терроризмом, наркобизнесом, для совместного исследования Арктики, мирного освоения космоса, для решения других глобальных проблем.

Российские и зарубежные политологи уделяют значительное внимание российско-американским отношениям. Исследованию этой проблемы посвятили свои работы Д. Дмитриев [1], А. Картунов [2], А. Кузнецов [3], Е. Красовская [4], Т. Лепина [5], А. Тарелин [6], О. Сугак [7], Д. Тренин [8], А. Уткин [9], Найджел Гулд-Дэвис [10], Брайана Клаули [11], Дина Спеклер [12], Брет Стивенс [13], Нэйтан Ходж [14] и др. Вместе с тем перспективы развития российско-американских отношений при новой американской администрации Байдена исследованы недостаточно. Целью данной статьи является анализ стратегии политики администрации Байдена в отношении России и определение угроз национальной безопасности России со стороны США в ближайшие годы.

Многие российские и иностранные эксперты сходятся во мнении, что новое американское руководство во главе Дж. Байденом считает Россию

главным врагом и поэтому станет уделять отношениям с ней первостепенное внимание. Например, Найджел Гулд-Дэвис – старший научный сотрудник по России и Евразии Международного института стратегических исследований убежден: «Ни одна другая страна (как Россия. – *А.К.*) не угрожает более широкому спектру американских интересов и ценностей, как внешних, так и внутренних» [10]. Он отмечает четыре особенности, которые будут влиять на взаимоотношения России и США.

Во-первых, Россия – единственная страна, способная уничтожить США, и наоборот. Обе страны признают, что их уникальные отношения как двух крупнейших ядерных держав должны рассматриваться с особой осторожностью. Их общая заинтересованность в том, чтобы избежать ядерной войны и, по возможности, дестабилизирующей и дорогостоящей гонки вооружений, вынуждает хотя бы к минимальной степени сотрудничества.

Во-вторых, сегодня российско-американские отношения достигли наихудшей точки с начала 1980-х гг. Россия теперь видит в Соединенных Штатах своего главного противника и стремится бросить вызов американским интересам и ценностям на международной арене.

В-третьих, по мнению Гулд-Дэвиса, Россия, якобы своим вмешательством во внутренние дела США, в частности в президентские выборы 2016 г., попытками дискредитировать нового президента США Дж. Байдена, дестабилизирует политический процесс в США.

В-четвертых, при попустительстве Трампа за последние четыре года США проводили противоречивую политику в отношении России. С одной стороны, Трамп отказывался критиковать Россию за ее действия, с другой – Конгресс настаивал на решительных действиях в ответ на агрессивную политику России [10].

Из этих четырех фактов, считает Гулд-Дэвис, вытекают четыре следствия. Во-первых, продление договора СНВ-3 на какой-то срок лишь отсрочит, а не решит проблему предотвращения новой гонки вооружений. Поддержание стратегической стабильности в любом случае будет представлять собой растущую проблему по мере разработки и развертывания гиперзвукового оружия нового поколения. Необходим диалог России и США по мерам укрепления доверия – как минимум для обеспечения деконфликтации на таких театрах военных действий, как Сирия.

Во-вторых, для противодействия России администрация Байдена попытается восстановить прежние альянсы и институты. Политика по конкретным вопросам будет меняться в нежелательных для России направлениях, в частности на Украине, которую, по словам Байдена, сделает приоритетной.

В-третьих, администрация Байдена, в отличие от Трампа, создаст независимую, беспартийную комиссию для изучения и борьбы с российской угрозой политическому процессу США. С этой целью будут реформированы внутренние институты и практика США.

Аналогичным образом Соединенные Штаты будут стремиться реформировать внутреннюю практику – как в США, так и в других странах. Кроме того, полагает Гулд-Дэвис, новая администрация согласует новые международные нормы, препятствующие отмыванию коррупционных денег через западные страны с помощью подставных компаний, анонимного бенефициар-

ного владения и связанной с этим практики, что настроит крупный бизнес в России против власти.

В-четвертых, даже если победа Байдена не принесет демократам большинства в обеих палатах Конгресса, в ближайшее время произойдет переход к более бескомпромиссной политике в отношении России со стороны демократов и республиканцев в Конгрессе [10].

Другой эксперт, директора московского центра Карнеги Дмитрий Тренин, справедливо полагает, что администрация Байдена продолжит политику Трампа, который, вопреки широко распространенному мнению, не разрушил Североатлантический альянс и не был сторонником России. Именно при Трампе были введены самые жесткие санкции против нашей страны, НАТО продолжило расширяться на востоке, а Америка сохранила статус ключевого центра принятия решений в НАТО [1, 8].

Можно согласиться с рядом положений, высказанных данными экспертами. Действительно, Байден сформировал опытную команду, хорошо знающую Россию и настроенную в основном антироссийски. Это Энтони Блинкен, госсекретарь США; Джейк Салливан, советник по национальной безопасности; Эврил Хейнс, директор ЦРУ; Виктория Нуланд, заместитель государственного секретаря по политическим вопросам; Андреа Кендалл-Тейлор, старший директор по делам России и Центральной Азии; Кэтлин Хикс, первая женщина-заместитель главы Пентагона; Шанти Калатил, координатор по правам человека и демократии, и др. [15, 16].

По нашему мнению, в противовес администрации Трампа новое политическое руководство США не станет выделять Китай как главную для себя угрозу, а, скорее, будет в равной степени проводить политику сдерживания и противоборства в отношении России и Китая. При этом давление на Россию при новой администрации значительно возрастет, так как в отличие от своего предшественника Байден и те финансово-политические круги, которые стоят за ним, считают Россию главным геополитическим конкурентом, от которого исходит угроза американскому гегемонизму в современном мире. Поэтому США в ближайшем будущем попытаются инициировать новые и реанимировать старые конфликты по всему периметру российских границ, чтобы создать вокруг России зону постоянных угроз и нестабильности, заставить ее заниматься исключительно нейтрализацией этих угроз, отвлекая внимание от решения наиболее важных внутренних, социально-экономических и международных проблем. Так, по мнению Брайана Клаули, еще будучи вице-президентом в администрации Обамы, Байден был одним из главных сторонников так называемой Европейской инициативы сдерживания, специально предназначенной для наращивания военного присутствия США и НАТО вокруг границ России. Этого подхода, как полагает Клаули, он будет придерживаться и будучи президентом США [11]. Таким образом, Байден и его сторонники попытаются ослабить влияние России в решении главных мировых проблем. На постсоветском пространстве новая администрация США и Россия будут противостоять друг другу, прежде всего, на Украине, в Беларуси и Грузии. Безусловно, в среднесрочной перспективе Россия будет помогать Белоруссии как своему союзнику в создании жизнеспособной политической системы и преодолении социально-экономического кризиса, что вызовет негативную реакцию администрации Байдена, которая продолжит поддержку

белорусской оппозиции с целью свержения режима Лукашенко посредством «цветной» революции.

Анализ развития ситуации на постсоветском пространстве указывает на возможность возрастания кризисных процессов в СНГ, которые пройдут в результате расширения масштабов вмешательства США во внутренние дела постсоветских республик. На Украине продолжится падение рейтинга Зеленского, увеличится риск возобновления войны на Донбассе и ухудшится экономическое положение населения и бизнеса. В результате усилятся война олигархических кланов и их противостояние попыткам США накинуть на них узду, что, возможно, даст новый импульс сепаратистским тенденциям в регионах. Так, вполне вероятно возрастание угрозы венгерского сепаратизма в Закарпатье по аналогии с Донбассом. Все это вместе с отказом Украины от нейтрального статуса, а значит и от гарантий России и США по поддержанию этого статуса, только ослабляет украинскую государственность и возникает реальная угроза распада страны.

Для подрыва системы безопасности России в Крыму Западом будут использоваться гибридные методы – информация, военное давление, разведоперации и диверсии, экономика, энергетика, дипломатия. Для борьбы США с Россией на Черном море кроме Болгарии, Румынии и Турции будут привлечены Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия.

Однако в отношении Донбасса и Крыма новая администрация США заинтересована скорее не в эскалации, а в поддержании напряжения вокруг конфликтов в этих регионах. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что, увеличивая санкционное давление на Россию из-за Крыма и Донбасса, США не будут переходить линии, из-за которых возможна существенная эскалация конфликта в этом регионе. Они будут участвовать в переговорах по поводу Донбасса и Крыма, но не более того [4].

Вместе с тем России нужно быть готовой к использованию против нее проблемы Приднестровья, поскольку последнее окружено недружественными государствами и легко может быть заблокировано невоенными методами, активировать которые США могут путем непубличных договоренностей. В этом случае Киев и мировая общественность должны знать, что Россия считает себя вправе проложить в небе над Одесской областью гуманитарный воздушный коридор, в функционирование которого никому лучше не вмешиваться.

В прошедшие годы США не удалось подавить Россию санкциями и гонкой вооружений. Поэтому прежний механизм санкций, работавший с 2014 по 2020 г., в 2021 г. будет расширен и видоизменен. В этом отношении в США могут действовать по плану, включающему в себя следующие шаги:

1. Начать мощную пропагандистскую кампанию под девизом «80 лет лендлизу». Пропаганда будет развернута через сеть городов-побратимов в России. Цель кампании – закрепить в массовом сознании россиян решающую роль США в советской победе над гитлеровской Германией.

2. Усилить работу с российской молодежью в направлении пропаганды свободы собраний и оппозиционной активности через грантовые программы для натаскивания оппозиционных лидеров и продвижения «американских свобод» в различных социальных сегментах – женщины, этнические меньшинства, инвалиды, бедные, так называемые «россияне в зоне риска» – в об-

щем, все потенциально проблемные и недовольные социальные группы. Программа так и называется: «Делясь Америкой с Россией».

3. Под предлогом «облегчить доступ молодежи к информации» развивать тему «Медиа и информация в России» с целью сбора компромата под видом журналистских расследований и ведения пропаганды в интернете.

4. Развивать грантовую программу «Одна планета» – о вреде освоения Арктики, помощи глубоководным животным и народам Севера и т.д., как средство борьбы с конкурентами.

5. Всячески пропагандировать проект «Америка работает в России», в котором будут широко рекламироваться позитивная деятельность американских университетов и вклад ТНК в развитие экономики России.

6. Через раскрутку темы «Угроза русских ядов» формировать имидж России как страны-отравителя. Для этого привлечь в странах СНГ как можно больше авторов, пишущих о случаях отравления российскими властями оружием массового поражения людей, аналогично историям со Скрипалями и Навальным. Оказывать давление на политиков стран, где размещены американские химико-биологические лаборатории, с целью обвинения России в попытках нарушить работу биологических лабораторий в Восточной Европе. Под видом усиления работы по определению ядов развить подразделения по их разработке и применению.

Под прикрытием заявления Госдепартамента США об уверенности в том, что у России есть секретные химико-биологические военные программы, потребовать от фармацевтических компаний прекратить поставки в Россию химических субстанций-прекурсоров, патогенов и технологий двойного фармацевтического назначения [17].

Весьма вероятно, что антироссийские пиар-компании будут носить глобальный характер и станут проводиться в Европе, Азии и Африке с целью не только сдерживания России и расширения американского влияния, но и создания поводов для введения против России новых санкций. В настоящее время на Ближнем Востоке происходит перегруппировка сил и дальнейший ход событий во многом будет определяться противостоянием Израиля и Ирана. Израильская сделка с Саудовской Аравией способствует укреплению отношений Ирана и Китая, что может привести к усилению противостояния в Сирии между Россией и США с участием Израиля и Турции. Для России ситуация осложнится изменением политики Турции в отношении проливов. Порт Тартус так не был передан России в долгосрочную аренду.

Новая администрация США не будет препятствовать развитию некоторых процессов, импульс которым дала администрация Трампа. Так, например, американский ВПК успешно конкурирует с Россией на рынке ВТС; ТЭК нейтрализует ряд российских инициатив с помощью санкций и прочего.

Что касается антироссийских санкций со стороны США, то они наверняка будут видоизменяться, усиливаться, станут более точечными, направленными против высшего политического руководства России. Наиболее очевидно появление новых ограничений по таким принципиальным для команды Байдена вопросам, как нарушение прав человека и продвижение интересов России на постсоветском пространстве.

Велика вероятность того, что новые ограничения затронут «Северный поток-2», что даст возможность США доказать всему миру, что они продол-

жают контролировать мировую арену. По мнению директора Московского центра Карнеги Дмитрия Тренина, несмотря на большие финансовые выгоды проекта для ФРГ, Германия и Америка могут достигнуть компромисса, по которому данный проект либо не будет завершен, либо не будет функционировать [1].

Вместе с тем можно лишь частично согласиться с директором Российского совета по международным делам Андреем Кortunовым, который уверен, что Байден не будет усиливать санкции в отношении России, поскольку жесткие ограничения для российского нефтегаза по примеру Ирана или вытеснение России из мировой финансовой системы создают слишком большие политические и экономические риски для самих США [1, 2]. Санкции слишком выгодный для США инструмент, чтобы не воспользоваться им против России в тех областях, которые существенно не затрагивают американские интересы. Конечно, тотальной экономической войны между Россией и США не будет еще и потому, что у новой американской администрации есть вопросы, такие как договоры о сокращении вооружений и стратегической безопасности и заключение новой ядерной сделки с Ираном, по которым она хотела бы активизировать сотрудничество с Россией.

Тем не менее России необходимо подготовиться к долгой игре в «санкции-контрсанкции» и проводить самостоятельную эффективную экономическую политику, которая включала бы реальные процессы импортозамещения, формирование конкурентной среды на внутреннем рынке, в том числе – ТЭК, конвертирование рубля с привязкой его к золотому стандарту или к совокупности природных богатств России. И, наконец, России необходимо дать юридическую оценку распаду СССР и предъявить претензии к бывшим его республикам, отказавшихся выплачивать союзную внешнюю задолженность.

Эффект от введения санкций, по нашему мнению, не даст США желаемых результатов и приведет к полному или частичному разрушению международных институтов (ВТО, системы коллективной безопасности, ООН). Поэтому наши «западные партнеры» будут изыскивать иные способы воздействия на Россию, более эффективные, чем санкции. Вполне вероятно, речь пойдет о «внешнем локдауне», вернее – попытке его осуществить (отключение SWIFT, нефтяное и газовое эмбарго, запрет отдельных категорий товаров и даже «закрытие западных рынков» для России).

В то же время американская правящая элита не может не признавать необходимости сотрудничества с Россией в вопросах контроля над вооружением. Контроль над вооружением необходим: доверие между США и Россией кануло в лету, и наши страны вышли из соглашений, предназначенных для сокращения риска военных ошибок, способных привести к апокалиптическим последствиям [14].

Команда Байдена и хотела бы ввести новые санкции, но она вынуждена была пойти на продление договора СНВ-3, так как этот договор американцам нужен, пока экономика США как минимум не оправилась от пандемии. В условиях значительного падения американской экономики из-за пандемии у США нет денег на модернизацию ядерного потенциала после выхода из СНВ-3. Согласно сентябрьскому докладу 2020 г. бюджетного управления конгресса, выход из этого договора обойдется Америке почти в 500 млрд долларов на протяжении 10 лет [18].

Такого же мнения придерживается профессор политологии Блумингтонского университета Индианы Дина Спеклер, которая выразила уверенность, что после продления договора СНВ-3 Россия и США продолжат переговоры о новом договоре, а также будут обсуждать иранскую ядерную программу. Иран будет одним из приоритетов американской внешней политики, где взаимодействие с Россией также неизбежно [12].

Однако вопрос, который действительно является для администрации Байдена первостепенным в отношениях между США и Россией, касается внутренней политики последней. По мнению Брета Стивенса, обозревателя *The New York Times*, Джо Байден во внешней политике сделает ставку на диссидентов, так как диссиденты стратегически важны для США для продвижения американского понимания демократии в мире и укрепления через такой подход внешнеполитических позиций, морального лидерства США [13].

Поэтому несомненно активизируется работа новой американской администрации с российскими НКО, направленная на то, чтобы усилить противостояние российского гражданского общества. Стратегически новая американская администрация сделает ставку на мягкую силу, попытается путем массовой пропаганды изменить враждебный образ США в глазах российской общественности, внушив ей мысль, что США является последовательным защитником прав человека, для обеспечения которых и вводятся американские санкции против России. Администрация Байдена организовала широкомасштабную пропагандистскую кампанию не только в США, но и во многих странах мира, с целью оказать давление на власти России и добиться освобождения Навального, стремясь представить его арест не просто как нарушение прав человека, а оскорбление российского народа, который хочет, чтобы его голос услышали [14].

Заключение

Проведенное исследование показало, что стратегически Россия постоянно будет оставаться в поле зрения новой администрации США. Учитывая планы Байдена, отношения с Россией, с одной стороны, так и останутся конфронтационными, а с другой – может возобновиться диалог по некоторым общим для двух стран вопросам, решение которых в настоящее время выгодно США. Политика Байдена в отношении России будет сочетать в себе черты сотрудничества и конфронтации.

Тем не менее новая американская администрация усилит давление на Россию по линии прав человека; ужесточит под различными предлогами санкции, особенно в сфере экономики; будет поддерживать, и раздувать конфликты по всему периметру наших границ, создавая постоянную угрозу российской национальной безопасности; предпримет попытку организовать в нашей стране очередную «цветную» революцию. Все это диктует необходимость усиления внимания политического руководства России вопросам национальной безопасности, решение которых приобретает сегодня первостепенное значение.

Литература

1. Дмитриев Д. «США ждет перезагрузка». Эксперты из России и США – о приоритетах администрации Байдена. 2021. URL: https://news.rambler.ru/conflicts/45671601/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 26.05.2021).

2. Kortunov A. Thirteen Points on Joe Biden and Russia. 2020. URL: <https://russian-council.ru/en/analytics-and-comments/analytics/thirteen-points-on-joe-biden-and-russia/> (accessed: 26.05.2021).
3. Кузнецов А.А. Ядерная политика США в 2009–2016 гг. : дис. ... канд. истор. наук. М., 2019. 270 с.
4. Красовская Е. При президентстве Байдена ситуация на Донбассе не изменится. 2021. URL: <https://golos.ua/news/ekspert-rasskazal-kak-prezidentstvo-bajdena-povlyuaet-na-uregulirovanye-konflikta-na-donbasse/> (дата обращения: 26.05.2021).
5. Лепина Т.В. Российский вектор внешней политики США в контексте избирательного сотрудничества : дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. 182 с.
6. Тарелин А.А. Подходы политико-академического сообщества США к отношениям с Россией в начале XXI века : дис. ... канд. полит. наук. М., 2012. 210 с.
7. Сугак О.А. Формирование и развитие внешней политики США в отношении России : 1991–2008 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2015. 300 с.
8. Trenin D. Joe Biden's foreign policy and Russia. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/comments/joe-biden-s-foreign-policy-and-russia/> (accessed: 26.05.2021).
9. Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. М. : Логос, 2000. 270 с.
10. Nigel Gould-Davies. Russia Policy Priorities for a Biden Presidency. 2020. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2020/10/30/russia-policy-priorities-for-a-biden-presidency-a71885>
11. Cloughley B. Biden, Europa and no prospect of detente with Russia. 2020. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2020/11/17/biden-europe-no-prospect-of-detente-with-russia/> (accessed: 26.05.2021).
12. Expert names main directions of US foreign policy under Biden. 2021. URL: <https://en.news-front.info/2021/01/25/expert-names-main-directions-of-us-foreign-policy-under-biden/> (accessed: 26.05.2021).
13. Stephens B. Dissidents First: A Foreign Policy Doctrine for the Biden Administration. 2021. URL: <https://www.nytimes.com/by/bret-stephens> (accessed: 26.05.2021).
14. Ходж Н. Путин для Байдена – это головная боль размером с Россию. 2021. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210125/248973825.html> (дата обращения: 26.05.2021).
15. How Biden era could kickstart coordinated approach to Russia. 2021. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/jan/18/how-biden-era-could-kickstart-coordinated-approach-to-russia>
16. Ким В. Почти вся команда Джо Байдена перед назначением проходила собеседование у Джорджа Сороса. 2021. URL: <https://www.eg.ru/politics/1025279-pochti-vsya-komanda-djo-baydena-pered-naznacheniem-prohodila-sobesedovanie-u-djordja-sorosa/> (дата обращения: 26.05.2021).
17. Итоги 2020 года: все только начинается. 2021. URL: <https://russtrat.ru/analytics/8-yanvaryay-2021-0036-2634>
18. Американист спрогнозировал политику администрации Байдена в отношении РФ. 2021. URL: <https://iz.ru/1114390/2021-01-21/amerikanist-sprognoziroval-politiku-administracii-baidena-v-otnoshenii-rf> (дата обращения: 26.05.2021).

Alexander P. Kochetkov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: apkoch@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 216–224.

DOI: 10.17223/1998863X/61/22

THE BIDEN ADMINISTRATION AND THE GROWING THREATS TO RUSSIA'S SECURITY FROM THE UNITED STATES

Keywords: Russia; United States; Biden administration; Russian-American relations; national security

Based on the analysis of strategic foreign policy approaches of the Democrats that came to power in the United States, the article examines the promising directions of the development of Russian-American relations under the new Biden administration in terms of Russia's national security. The article focuses on the similarities and differences between the policies of the Democrats and the Republicans on this issue. As the study shows, we cannot expect a total confrontation in all areas of the development of Russian-American relations in the coming years. Where it is profitable, the United States will try to ensure its interests through negotiations. At the same time, according to the author, in the post-Soviet space, in the most important regions of the world, the United States will take all measures to put pressure on Russia, strengthen confrontation in relations with it in order to prevent the

strengthening of Russia's position and influence in the modern world. Under the pretext of fighting for human rights in order to destabilize the domestic political situation and change the political regime, the Biden administration will try to organize a color revolution in our country.

References

1. Dmitriev, D. (2021) "*SShA zhdet perezagruzka*". *Eksperty iz Rossii i SShA – o prioritetaх administratsii Baydena* ["The United States is waiting for a reset". Experts from Russia and the United States about the priorities of the Biden administration]. [Online] Available from: https://news.rambler.ru/conflicts/45671601/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Accessed: 26th May 2021).
2. Kortunov, A. (2020) *Thirteen Points on Joe Biden and Russia*. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/thirteen-points-on-joe-biden-and-russia/> (Accessed: 26th May 2021).
3. Kuznetsov, A.A. (2019) *Yadernaya politika SShA v 2009–2016 gg.* [Nuclear policy of the USA in 2009–2016]. History Cand. Diss. Moscow.
4. Krasovskaya, E. (2021) *Pri prezidentstve Baydena situatsiya na Donbasse ne izmenitsya* [Under Biden's presidency, the situation in the Donbas will not change]. [Online] Available from: <https://golos.ua/news/ekspert-rasskazal-kak-prezydentstvo-bajdena-povlyayet-na-uregulirovaniye-konfliktov-na-donbasse> (Accessed: 26th May 2021).
5. Lepina, T.V. (2010) *Rossiyskiy vektor vneshney politiki SShA v kontekste izbiratel'nogo sotrudnichestva* [Russian vector of US foreign policy in the context of electoral cooperation]. Political Science Cand. Diss. Moscow.
6. Tarelin, A.A. (2012) *Podkhody politiko-akademicheskogo soobshchestva SShA k otnosheniyam s Rossiei v nachale XXI veka* [Approaches of the US political and academic community to relations with Russia in the early 21st century]. Political Science Cand. Diss. Moscow.
7. Sugak, O.A. (2015) *Formirovaniye i razvitiye vneshney politiki SShA v otnoshenii Rossii: 1991–2008 gg.* [Formation and development of the US foreign policy towards Russia: 1991–2008]. History Cand. Diss. Krasnodar.
8. Trenin, D. (2020) *Joe Biden's foreign policy and Russia*. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/comments/joe-biden-s-foreign-policy-and-russia> (Accessed: 26th May 2021).
9. Utkin, A.I. (2000) *Amerikanskaya strategiya dlya XXI veka* [American Strategy for the 21st Century]. Moscow: Logos.
10. Gould-Davies, N. (2020) *Russia Policy Priorities for a Biden Presidency*. [Online] Available from: <https://www.themoscowtimes.com/2020/10/30/russia-policy-priorities-for-a-biden-presidency-a71885>
11. Cloughley, B. (2020) *Biden, Europa and no prospect of detente with Russia*. [Online] Available from: <https://www.strategic-culture.org/news/2020/11/17/biden-europe-no-prospect-of-detente-with-russia/> (Accessed: 26th May 2021).
12. En.news-front.info. (2021) *Expert names main directions of US foreign policy under Biden*. [Online] Available from: <https://en.news-front.info/2021/01/25/expert-names-main-directions-of-us-foreign-policy-under-biden/> (Accessed: 26th May 2021).
13. Stephens, B. (2021) *Dissidents First: A Foreign Policy Doctrine for the Biden Administration*. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/by/bret-stephens> (Accessed: 26th May 2021).
14. Hodge, N. (2021) *Putin for Biden is a headache the size of Russia*. [Online] Available from: <https://inosmi.ru/politic/20210125/248973825.html>
15. Wintour, P. (2021) *How Biden era could kickstart coordinated approach to Russia*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/jan/18/how-biden-era-could-kickstart-coordinated-approach-to-russia>
16. Kim, V. (2021) *Almost all of Joe Biden's team was interviewed by George Soros before his appointment*. [Online] Available from: <https://www.eg.ru/politics/1025279-pochti-vsyakomanda-djorjdja-sorosa/> (Accessed: 26th May 2021).
17. Russtrat.ru. (2021) *Itogi 2020 goda: vse tol'ko nachinaetsya* [Results of 2020: everything is just beginning]. [Online] Available from: <https://russtrat.ru/analytics/8-yanvary-2021-0036-2634>
18. *Izvestiya*. (2021) *Amerikanist sprognoziroval politiku administratsii Baydena v otnoshenii RF* [Americanist predicted the Biden administration's policy towards the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://iz.ru/1114390/2021-01-21/amerikanist-sprognoziroval-politiku-administratsii-baydena-v-otnoshenii-rf> (Accessed: 26th May 2021).

УДК 323.1(470+571)

DOI: 10.17223/1998863X/61/23

Е.Г. Маклашова

**РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ
В ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ
(ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))**

Благоприятные межнациональные отношения, этнокультурная поддержка малых этнических групп напрямую связаны с деятельностью органов местного самоуправления. Анализируется степень приоритетности для местных органов деятельности по реализации государственной национальной политики России в этнокультурно дифференцированных локальных территориях. Установлено, что муниципальные органы подходят к решению инерционно и ситуативно, за исключением национальных локальных территорий.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, гармонизация межнациональных отношений, коренные малочисленные народы Севера, государственная национальная политика России, Республика Саха (Якутия)

Введение

Локальный (местный) срез опыта и проблем реализации государственной национальной политики в наименьшей степени освещается в статьях отечественных ученых. Ввиду наибольшей актуальности для науки исследований, направленных на выявление общих закономерностей социального и политического развития, частные аспекты слабо рефлексированы учеными по разным причинам, в том числе в связи с узкоспециализированной направленностью таких исследований. При этом известно, что настроение населения в сфере межнациональных отношений зависит как от общей обстановки в регионе, так и от опыта, полученного непосредственно в личном общении, обусловленного прежде всего ситуацией на локальной территории.

Значимость изучения локальных управленческих практик обусловлена функциональным предназначением местной власти, выступающей первоисточником процесса регулирования межнациональных отношений в локальных сообществах, взаимоотношения в которых сказываются на общей оценке межнациональной ситуации и характере восприятия полиэтнического пространства.

Безусловно, что культурные особенности предопределяют управленческую специфику и любая управленческая практика весьма уникальна для каждой территории, в перспективе сравнительный срез локальных исследований позволит выработать оптимальные управленческие стратегии в тесной взаимосвязи с этносоциальными трендами. Однако для этого необходимо активизировать отечественные исследования по данной теме. Целью статьи является определение степени значимости деятельности органов местного самоуправления по реализации задач государственной национальной политики России (ГНП) на примере Республики Саха (Якутия) (РС (Я)), приоритет-

ных и второстепенных направлений при использовании возможных сопоставительных частей материала по организации деятельности в сфере гармонизации межнациональных отношений на местном уровне в Свердловской области, как наиболее подходящего сравнительного исследования в числе немногочисленных подобных публикаций.

Обзор литературы

Местное самоуправление (МСУ) с точки зрения его включенности в работу по реализации ГНП рассматривается в аспекте проблем оптимизации, совершенствования деятельности органов местного самоуправления.

Особое внимание у исследователей занимают вопросы оценки деятельности органов местного самоуправления местным сообществом [1–3]. Определяется первостепенность работы и местных, и государственных органов власти, связанной с повышением общего социального благополучия населения и разработкой эффективных мер взаимодействия в системе «принимающее сообщество – мигранты» [2]. Представляются для анализа и дальнейшего обсуждения опыт и предложения по укреплению межнациональной солидарности на местном уровне [4–7]. Внимание уделяется проблемам активизации общественного самоуправления в работе органов МСУ, сотрудничества с некоммерческими организациями, повышения квалификации муниципальных служащих по реализации ГНП [6–11]. В целях совершенствования работы в сфере реализации ГНП предлагается разработка субрегионального атласа межнациональных и межэтнических отношений в муниципальных образованиях [12].

Тема соотношения государственной политики и политики местных сообществ весьма популярна в зарубежных исследованиях и касается анализа политики мультикультурализма в контексте проблем расизма и дискриминации, антимусульманских предрассудков [13]; поддерживается идея, что члены этнических меньшинств будут более благосклонны идентифицировать себя с новой национальной идентичностью, если их этническая идентичность будет публично поддержана («гипотеза мультикультурализма») [14]. В условиях «суперразнообразия» ввиду ширококомасштабной миграции в европейских городах также актуальны вопросы соотношения национальной и местной политики, взаимодействия с мигрантами и активизации гражданского сообщества на местном уровне [15].

Материалы и методы

В своем исследовании мы исходим из теоретико-методологического задела Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН – ФНИСЦ РАН, прежде всего, инструменталистской методологии понимания этнических процессов и их циркуляции в обществе [16, 17]. Опираемся на теории конструирования социальной реальности и дискурса, с учетом существования агентов дискурса, где фактор этничности выступает инструментом и ресурсом для конструирования и коммуникации. Параллельно признаем: взаимосвязь культуры, институциональных процессов, социального развития [18]; существование особенностей регулирующего воздействия на сферу межнациональных отношений, этнокультурное многообразие в конкретном региональном сообществе [19].

Анализ сделан по данным социологического исследования автора: «Особенности реализации государственной национальной политики в РС (Я)» (2016 г.) с использованием метода экспертного опроса ($n = 18$, программа утверждена в секторе этносоциологических исследований ИГИИ-ПМНС СО РАН). Экспертами выступили представители МСУ, в обязанности которых вменена деятельность по реализации ГНП, а именно заместители глав муниципальных образований. В рамках данного исследования использованы результаты экспертного опроса блока № 3: «МСУ в системе управления по реализации государственной национальной политики», где предлагалось оценить уровень приоритетности тех или иных направлений работ по пяти-балльной системе (5 баллов – деятельность имеет высокий приоритет, а 1 балл – низкий приоритет, также предоставлялись варианты: «работа не ведется или отсутствует» и «затрудняюсь ответить»). Для получения аналитических данных произведен перевод в трехуровневую систему оценки: низкая значимость (от 1 до 3 баллов); средняя (3 балла); высокая значимость (от 4 до 5 баллов) и отдельно выделена оценка «деятельность не ведется» (0). В качестве ориентира для определения необходимого комплекса мероприятий органов власти по формированию комфортной среды межэтнического взаимодействия использованы ключевые задачи ГПН, закрепленные в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.

Результаты исследования

РС (Я) представляет собой типичный полиэтнический регион, где этническая структура региона и ее районов находится в движении, сообразно этапам освоения северной территории. По нашему мнению, этноструктура является одной из составляющих комплекса детерминантов состояния межнациональных отношений, движение которой предопределяет динамику уровня межнациональной солидарности и напряжения. По республике доля якутов за последнюю перепись имеет тенденцию роста и по данным ВПН-2010 составляет 48,66%, тогда как доля русского населения снижается и составляет 36,89%; доля представителей коренных малочисленных народов Севера (эвенки, эвены, долганы, юкагиры и чукчи, далее – КМНС) также имеет тенденцию роста – 4,14%. Помимо двух доминирующих групп (якуты и русские) наиболее многочисленными являются: украинцы, татары, буряты, киргизы, армяне, узбеки. Анализ этнического состава районов Якутии показывает, что они весьма дифференцированы и могут быть типизированы: южный тип (доминирование русских), центральный (доминирование якутов), арктический (доминирование представителей КМНС), смешанный (фиксируется примерно равная и пропорциональная доля трех основных групп населения), восточный (отличается наличием в этноструктуре большинства русских и растущей долей представителей коренных народов Якутии) и общереспубликанский (столичный) тип (этническая структура района соответствует пропорциям этнонационального состава в целом РС (Я)).

Наличие разных типов этноструктуры в Якутии обуславливает разный уровень вероятности межэтнического взаимодействия, ввиду чего территорию республики можно сгруппировать (классификация экспериментальная):

– зона с высокой степенью вероятности межэтнической коммуникации (в нашем исследовании это г. Якутск, Аллаховский, Булунский, Нижнеколымский, Усть-Янский, Оймяконский, Усть-Майский районы);

– зона со средней степенью вероятности (в нашем исследовании представлена Анабарским национальным (долгано-эвенкийским), Эвено-Бытантайским национальным, Мирнинским, Алданским и Хангаласским районами, также к этой зоне можно отнести Оленекский эвенкийский национальный, Вилуйский и Среднеколымский районы);

– зона с низкой степенью вероятности (применительно к данной работе это Нюрбинский, Намский, Горный районы).

Гипотетически, исходя из разной вероятности межнационального взаимодействия и особенностей движения этноструктуры, должна выстраиваться система управления гармонизацией межнациональных отношений и укрепления общегражданского единства на муниципальном уровне. Необходим баланс деятельности по таким ключевым задачам, обеспечивающий низкий уровень напряженности и высокий уровень солидарности, как поддержка этнокультурного многообразия/гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений/адаптация внешних мигрантов/поддержка русского языка и языкового многообразия (прежде всего языков КМНС)/укрепление единства и российской нации/реализация конституционных прав граждан в сфере ГНП (прежде всего прав КМНС)/выявление экстремистских организаций.

Основная нагрузка по реализации ГНП на местном уровне возложена на главу или его заместителя, при этом специалистов по решению таких задач в большинстве районов не имеется, что существенно ограничивает активность муниципальных служащих в решении задач ГНП.

Установлено, что независимо от контрастности этнической структуры, вероятности межнационального взаимодействия в анализируемых районах РС (Я) органы МСУ, несмотря на ограниченные кадровые ресурсы, проводят работу по поддержке этнокультурного многообразия, гармонизации межнациональных отношений, повышению общероссийского единства и по укреплению патриотизма населения. То есть на уровне МСУ в условиях высокого влияния этнического фактора на общественные процессы реализуется дуальная концепция национальной (этнической) политики России, в основе которой заложено соблюдение принципа сохранения единства и многообразия.

Детальное изучение результатов экспертного опроса показывает, что на местном уровне в регионе с высокой степенью значимости национального (этнического) самосознания и вероятности межэтнической коммуникации работе по реализации задач ГНП уделяется недостаточное внимание. Так, разброс оценок значимости для органов МСУ комплекса деятельности по реализации ГНП в среднем составил от 3,9 до 2,6 балла (напомним, что высокий уровень приоритета той или иной работы составлял 5 баллов). Исходя из этого, выделим приоритетные и второстепенные направления деятельности органов МСУ в сфере реализации ГНП. Приоритетные: 1) работа со СМИ; 2) поддержка национально-культурных объединений; 3) организация смотров-конкурсов, фестивалей; 4) укрепление патриотизма; 5) создание межэтнических общественных объединений и профилактика конфликтов среди населения. Второстепенные направления: 1) укрепление статуса русского языка; 2) мониторинг деятельности религиозных организаций; 3) адапта-

ция внешних мигрантов; 4) развитие этнотуризма; 5) интеграция с научными учреждениями.

Обобщение экспертных оценок и средних балльных значений актуальности той или иной деятельности в области реализации ГНП в муниципальных образованиях национального региона позволило установить приоритетные и периферийные направления работ органов МСУ (таблица).

Оценка приоритетности деятельности по реализации задач ГНП для органов МСУ РС (Я)

Направления деятельности с расшифровкой	Уровень приоритетности			
	Высокий	Средний	Низкий	Отсутствует или затруднились определить
	Районы			
Поддержка этнокультурного многообразия (развитие этнотуризма, сохранение поликультурности и поликонфессиональности, поддержка национально-культурных организаций)	Намский, Оленекский, Оймяконский, Усть-Янский, Эвено-Бытантайский	Алданский, Аллаиховский, Вилюйский, Мирнинский, Нижнеколымский, Нюрбинский, Якутск	Анабарский, Булунский, Горный, Усть-Майский, Хангаласский	Среднеколымский
Гармонизация межнациональных отношений (профилактика конфликтов на предприятиях и среди населения; мониторинг локальной ситуации; работа по гармонизации ситуации посредством сотрудничества со СМИ; организация смотров-конкурсов, фестивалей и выставок, национальных и государственных праздников)	Алданский, Оленекский, Оймяконский, Эвено-Бытантайский	Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Вилюйский, Горный, Мирнинский, Нижнеколымский, Нюрбинский, Усть-Янский, Якутск	Намский, Среднеколымский, Усть-Майский, Хангаласский	
Адаптация внешних мигрантов	Алданский, Аллаиховский, Оймяконский	Булунский, Вилюйский, Мирнинский, Нюрбинский, Усть-Янский	Анабарский, Горный, Намский, Нижнеколымский, Усть-Майский, Хангаласский, Эвено-Бытантайский, Якутск	Оленекский, Среднеколымский
Укрепление статуса русского языка	Булунский, Горный, Оленекский, Оймяконский, Среднеколымский	Алданский, Аллаиховский, Вилюйский, Мирнинский, Нюрбинский, Усть-Янский	Анабарский, Намский, Нижнеколымский, Усть-Майский, Хангаласский, Якутск	
Поддержка языкового многообразия (деятельность по развитию языков КМНС)	Булунский, Намский, Нижнеколымский, Оленекский, Оймяконский, Среднеколымский, Усть-Янский	Алданский, Аллаиховский, Нюрбинский, Усть-Майский, Хангаласский, Эвено-Бытантайский, Якутск	Анабарский, Вилюйский, Горный, Мирнинский	

Окончание таблицы

Направления деятельности с расшифровкой	Уровень приоритетности			
	Высокий	Средний	Низкий	Отсутствует или затруднились определить
	Районы			
Укрепление единства и российской нации (тиражирование идей единства и общей истории; укрепление российской нации и патриотизма)	Алданский, Оленекский, Оймяконский, Среднеколымский, Эвено-Бытантайский	Аллаиховский, Булунский, Вилюйский, Горный, Мирный, Нижнеколымский, Нюрбинский, Усть-Янский	Анабарский, Намский, Усть-Майский, Хангаласский, Якутск	
Реализация конституционных прав граждан в сфере ГНП (защита прав КМНС, поддержка и развитие традиционной хозяйственной деятельности)	Алданский, Булунский, Намский, Оленекский, Оймяконский, Усть-Янский, Эвено-Бытантайский	Аллаиховский, Вилюйский, Мирнинский, Нижнеколымский, Нюрбинский, Среднеколымский, Хангаласский, Якутск	Анабарский, Горный, Усть-Майский	
Выявление экстремистских организаций	Алданский, Оленекский, Оймяконский, Усть-Янский, Эвено-Бытантайский	Аллаиховский, Булунский, Намский, Нюрбинский, Усть-Майский	Анабарский, Вилюйский, Горный, Мирнинский, Нижнеколымский, Хангаласский	

Как показывают данные таблицы, выделяются районы, где деятельности по реализации ГНП уделяется важное внимание: Оймяконский, Оленекский, Эвено-Бытантайский; в достаточной степени этой работой занимаются в Аллаиховском, Нюрбинском, Алданском районах. Отметим, что данные районы обладают разным уровнем погруженности в иносреду.

В целом, поскольку в статье устанавливается степень значимости для органов МСУ деятельности по реализации ГНП, проверим уровень влияния межнационального взаимодействия и этноструктуры на практику в разных локальных территориях. Анализируя данные таблицы, мы можем говорить, что степень вероятности межнационального взаимодействия и движение этноструктуры в районах не учитываются, т.е. данная работа выстраивается вне зависимости от действия этих факторов. Можно сказать, что баланс деятельности по гармонизации межнациональных отношений и укреплению общегосударственного единства на муниципальном уровне национального региона выстраивается по инерции и ситуативно. Более того, анализ показал достаточно высокую долю районов, где работа по реализации ГНП ведется как второстепенная, что повышает уровень риска межнациональной напряженности в целом в Якутии. К зоне риска можно отнести, по данным таблицы, районы с высоким уровнем межэтнического взаимодействия: Усть-Майский район и г. Якутск; средним уровнем: Анабарский и Хангаласский районы, низким уровнем: Горный район. В этих районах наблюдается не просто инертность, но и нарушение баланса в работе по укреплению единства и многообразия, а это главное условие сохранения межнациональной солидарности. Опрос показал, что некоторые органы МСУ придают слабое значение работе по поддержке поликультурности и совершенно низкое – укреплению единства, тогда как в условиях полиэтнического сообщества чрезвычайно важно поддерживать баланс национальной (этнической) и гражданской идентичности.

Во многих районах органы МСУ очень невнимательны к росту внешней миграции, а значит и движению этнической структуры: опрос показал наличие слабой активности по адаптации мигрантов.

Влияние этноструктуры, этничности на организацию работы МСУ наблюдается в районах со смешанным типом этноструктуры и/или доминированием представителей КМНС и проявляется в контексте поддержки этнических меньшинств: представители МСУ отдают высокий приоритет работе по вопросам сохранения языкового многообразия, а именно языков КМНС, защите их прав.

Итоги экспертного опроса органов МСУ Якутии сопоставимы с результатами опроса представителей муниципальных органов власти в Уральском государственном педагогическом университете, в котором фиксируется, что 74% муниципальных служащих на вопрос о том, как часто в рамках деятельности муниципалитета обсуждаются проблемы межнационального взаимодействия, ответили, что не видят таких проблем на своей территории, и только по мнению 26% проблемы в сфере межнациональной коммуникации возникают, но с разной частотой (как единично, так и постоянно) [11].

Опрос Р.А. Валиева, С.А. Минюровой, как пишут сами авторы, показал, что, с одной стороны, значимость вопросов межэтнического взаимодействия, в частности проблемы адаптации мигрантов, муниципальные служащие осознают и понимают, а с другой – на совещаниях чаще всего обсуждаются вопросы, связанные с проведением национальных праздников, различных культурных мероприятий [11]. Эту же ситуацию мы наблюдаем и в Якутии, когда приоритет отдается деятельности по организации фестивалей, смотров-конкурсов, выставок народного декоративно-прикладного творчества и ремесел, национальных и государственных праздников.

Спонтанное ведение работы по реализации ГНП обусловлено и пробелами в организационной деятельности МСУ. Аудит правовых норм показал, что муниципальные программы по реализации задач ГНП имеются только у ограниченного количества муниципальных образований Якутии. Согласно государственным программам РС (Я), принятым в целях реализации государственной национальной политики России в Якутии за последние 5 лет, может предусматриваться субсидирование местных бюджетов на проведение мероприятий, ориентированных на поддержку этнокультурного многообразия и укрепление единства российской нации, но при наличии соответствующей муниципальной программы. В связи с отсутствием во многих районах Якутии таких программ или подпрограмм, финансовая поддержка по реализации задач ГНП в районах Якутии затруднена. Результаты опроса показывают, что имеется стабильная связь между ответственным государственным органом Якутии и местными органами власти, тем не менее представители МСУ отметили нехватку конструктивного диалога и обмена опытом. По данным Р.А. Валиева, С.А. Минюровой, на местном уровне в Свердловской области также наблюдается нехватка информационно-консультативной и организационной поддержки (методическое сопровождение, составление программ, этнокарт, обучение персонала и т.д.) [11].

Стоит отметить, что среди ограниченной подборки статей по организации деятельности МСУ в сфере реализации задач ГНП имеются научные заключения, подчеркивающие пробелы соответствующей деятельности, при-

водящие к снижению ее эффективности, во многом схожие с нашими выводами. В частности, подчеркивается значимость методической разработанности форм, элементов и подходов к программированию на местном уровне с учетом специфики этнического состава населения, проживающего на конкретной территории, финансирования полномочий органов МСУ [6, 20]. Поднимаются проблемы, связанные с определением полномочий органов МСУ по реализации ГНП, разграничением компетенций внутри двухуровневой системы муниципального управления муниципальных районов, кадровой подготовкой специалистов [4].

Вышеуказанное наталкивает на заключение, что на местном уровне проявляется слабая активность по решению проблем межнационального взаимодействия и реализации задач ГНП, предпочтение отдается уже сформированному механизму с переложением работы на «плечи» местных культурно-массовых учреждений и/или государственной власти.

Обсуждение и заключение

Результаты исследования с учетом ограниченного количества статей по реализации ГНП на местном уровне показывают: органы МСУ отстраняются от активной работы в этом направлении; имеются проблемы в организации таких направлений деятельности, как разработка программ, методическое сопровождение, обмен опытом, эффективный механизм взаимодействия региональных и муниципальных органов власти по реализации ГНП и т.д.; отсутствует системный подход к решению задач ГНП, обуславливающий необходимость учета этнокультурных детерминантов при формировании управления этносоциальными процессами на местном уровне; слабым звеном в деятельности МСУ является работа по адаптации мигрантов. Кроме того, данный анализ (к сожалению, с опозданием) позволил установить, что анти-мигрантский митинг в г. Якутске в марте 2019 г. был вполне закономерен, что подтверждается результатами данного исследования, которые показали слабый уровень активности администрации г. Якутска и приграничных с ним районов (в нашем случае – Горный, Хангаласский районы) по гармонизации межнациональных отношений и адаптации мигрантов.

Важным заключением является то, что вопросы этнокультурного развития во многом ощущаются как первостепенные для районов преимущественного проживания КМНС, в особенности имеющих статус национальных (в нашем случае – Эвено-Бытантайский национальный и Оленекский эвенкийский национальный районы). Вопрос этничности и сохранения этнической идентичности сегодня носит мегафундаментальный характер для миноритарных этносов, чему способствует ГНП, которая отдельным направлением выделяет работу по устойчивому развитию коренных малочисленных народов России. Сохранение численности путем активного обозначения своей идентичности, отражающейся в переписи населения и активном использовании права на оформление вкладыша о национальности (по законодательству РС (Я)), – это также реакция на вынужденный, а иногда и насильственный, отказ от культурных корней в ходе советизации, в нашем случае якутизации малых народов Севера в этот период. К слову сказать, сегодня процесс по укреплению этнической самоидентификации представителей КМНС набирает обороты, вовлекая в эту деятельность прежде всего муниципальные органы вла-

сти, которые обладают возможностью продвигать и поддерживать «этнические права», национальный характер локальных территорий.

В условиях ограниченных финансовых и кадровых возможностей центральным звеном работы МСУ по реализации ГНП остается поиск новых инновационных механизмов решения поставленных задач, включая активное использование преимуществ цифровизации. Для повышения эффективности управленческой деятельности на местном уровне предлагаем: расширение блогосферы [21]; этот же механизм можно использовать по популяризации межкультурных коммуникаций, продвижению идей дружбы народов, интернационализма, российского единства, общероссийских ценностей и т.д.; активнее использовать потенциал гражданского общества: местный уровень, как наиболее мобильный, позволяет с успехом организовать взаимодействие между локальным сообществом и местной администрацией, усилить работу с молодежью, общественными организациями в этом направлении.

Результаты исследования, в том числе историографического обзора, актуализируют значимость научных изысканий, направленных на анализ российского и зарубежного опыта работы местных органов власти. Стоит подчеркнуть тот факт (установленный в том числе по итогам данного исследования), что в сфере гармонизации межнациональных отношений связь между муниципальной властью и научными институтами очень слабая, что необходимо кардинально менять.

В целом проведенное исследование и его результаты подчеркивают, что если на региональном и федеральном уровнях проводится работа в сфере ГНП, то местный остается в стороне от процесса укрепления общегражданской идентичности, этнокультурного многообразия и межнациональных отношений.

Литература

1. Курбатов В.И., Месхи Б.Б., Панфилова Ю.С., Степанов О.В. Население юга России о перспективах регулирования межэтнических отношений органами региональной власти и муниципального управления // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 6 (65). С. 61–67. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37382377_73933236.pdf (дата обращения: 10.09.2020).
2. Попков Ю.В. Межнациональные отношения на муниципальном уровне в оценках массового сознания (на примере города Новосибирска) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 40–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhnatsionalnye-otnosheniya-na-munitsipalnom-urovne-v-otsenakh-massovogo-soznaniya-na-primere-goroda-novosibirska> (дата обращения: 10.09.2020).
3. Маклашова Е.Г. Эффективность государственной национальной политики: оценка динамики межнациональных отношений в Якутии (по результатам исследований 2014–2017 гг.) // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 4 (81). С. 30–35. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42773170_46562173.pdf (дата обращения: 10.09.2020).
4. Разживин И.С. Некоторые вопросы предупреждения и регулирования межнациональных конфликтов на примере пермского муниципального района // Города и местные сообщества. 2016. Т. 1. С. 112–118. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27170454_29613015.pdf (дата обращения: 11.09.2020).
5. Рубан В.А., Цатурян Р.В. Анализ влияния государственной национальной политики на межнациональные отношения (на примере Новосибирской области) // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2020. № 3. С. 41–49. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43994506_94295022.pdf (дата обращения: 11.09.2020).
6. Мясникова К.И. Участие органов местного самоуправления в регулировании межнациональных и межконфессиональных отношений // Устойчивое развитие науки и образования. 2017. № 7. С. 224–228. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29821231_87038552.pdf (дата обращения: 11.09.2020).

7. Зевако Ю.В. Политико-административное регулирование межнациональных (межэтнических) отношений в городе Байконур: современное состояние и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15, № 4. С. 86–91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-administrativnoe-regulirovanie-mezhnatsionalnyh-mezhetnicheskikh-otnosheniy-v-gorode-baykonur-sovremennoe-sostoyanie-i> (дата обращения: 12.09.2020).
8. Мальковец Н.В. Задачи органов местного самоуправления по укреплению межнационального согласия // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2018. № 6–1. С. 60–65. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36647895_82447640.pdf (дата обращения: 12.09.2020).
9. Невеличко Л.Г. Сетевая структура местного сообщества в решении межнациональных проблем муниципального образования // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2013. № 1 (12). С. 116–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevaya-struktura-mestnogo-soobschestva-v-reshenii-mezhnatsionalnyh-problem-munitsipalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 12.09.2020).
10. Ивашкина Н.В., Ивашкина Д.В. Проблемы развития межнациональных отношений в полиэтническом регионе // Регионология. 2015. № 3 (92). С. 167–171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-mezhnatsionalnyh-otnosheniy-v-polietnicheskom-regione> (дата обращения: 12.09.2020).
11. Валиев Р.А., Минюрова С.А. Методика определения эффективности управления в сфере межнационального взаимодействия на муниципальном уровне // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 210–216. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22987035_79065225.pdf (дата обращения: 01.10.2020).
12. Нугматуллина Т.А. Субрегиональный атлас межнациональных и межэтнических отношений в муниципальных образованиях // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2016. № 4 (33). С. 13–18. URL: http://vestnik-bist.ru/wp-content/uploads/2016/12/VestnikBIST_4-2016_site.pdf (дата обращения: 01.10.2020).
13. Banting K., Kymlicka W. Canadian Multiculturalism: Global Anxieties and Local Debates // British Journal of Canadian Studies. 2010. Vol. 23, issue 1. P. 43–72. URL: https://www.academia.edu/37841566/Canadian_Multiculturalism_Global_Anxieties_and_Local_Debates_2010 (дата обращения: 10.10.2020).
14. Leach C., Brown L., Worden R. Ethnicity and Identity Politics // Encyclopedia of Violence, Peace, & Conflict. 2008. № 12. P. 758–768. DOI: 10.1016/B978-012373985-8.00063-5
15. Ambrosini M. Superdiversity, multiculturalism and local policies: a study on European cities. // Policy & Politics. 2016. Vol. 45, № 4. P. 585–603. DOI: 10.1332/030557316X14745534309609
16. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Mezhnazon_soglasie_2018.pdf (дата обращения: 01.10.2020).
17. Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. Вып. 7. 544 с.
18. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 356 с. URL: https://iphras.ru/uplfile/scult/analit/atlas_regionov.pdf (дата обращения: 01.10.2020).
19. Абрамова М.А., Костюк В.Г., Мадюкова С.А., Персидская О.А., Попков Ю.В. Региональные модели государственной национальной политики современной России. Новосибирск: Манускрипт, 2016. Ч. I. 176 с.
20. Себелева Е.В., Скворцов И.П. Опыт и проблемы деятельности муниципальных учреждений культуры по гармонизации межнациональных отношений (на примере муниципального образования город-курорт Геленджик) // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 1 (64). С. 98–102. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29390360_75371072.pdf (дата обращения: 10.10.2020).
21. Чеча А.П. Анализ эффективности взаимодействия органов МСУ и местных сообществ на примере Краснодарского края // Политический анализ. 2010. № 10. С. 130–140. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19419659_42060525.pdf (дата обращения: 10.10.2020).

Elena G. Maklashova, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North-Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation).

E-mail: maklashova@mail.ru

IMPLEMENTATION OF THE STATE ETHNIC POLICY OF RUSSIA AT THE MUNICIPAL LEVEL IN DIFFERENTIATED ETHNOCULTURAL LOCAL COMMUNITIES (EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))

Keywords: local self-government bodies; harmonization of interethnic relations; indigenous peoples of North; state national (ethnic) policy of Russia; Republic of Sakha (Yakutia)

The solving of the problems of harmonizing interethnic relations and strengthening Russian identity is directly related to the organizing of the management of Russia's state nationality policy (RSNP) implementation at the municipal level. The analysis of the local self-government (LSG) management in the field of RSNP implementation is becoming very relevant, and the issue of determining LSG's main and secondary activities in the field of RSNP implementation is a primary task, which became the aim of the article. The article is based on the data of the author's expert survey "Features of the Implementation of the State National (Ethnic) Policy in the Republic of Sakha (Yakutia)". The author used instrumentalist methodology, the theory of constructing social reality; in parallel, the existence of the relationship between culture, institutional processes, and social development is recognized. In view of the small number of domestic publications on the RSNP implementation at the local level, the author used works of R. Valiev, S. Minyurova about Sverdlovsk Oblast. The LSG of the national republic organizes activities for RSNP implementation very inertly. The author has found that, in practice, the specifics of the ethnic structure, the probability of interethnic interaction and people's immersion in a different environment are poorly taken into account. It would seem that the national character of the region actualizes work on harmonizing interethnic relations; nevertheless, it is not a priority for most of Yakutia's LSG, as well as for municipal authorities of other Russian regions, such as Sverdlovsk Oblast. At the same time, there is a certain dependence between LSG's activities and the importance of the problems associated with the rights of the indigenous peoples of the North. The territories of the minority peoples' predominant residence, in their practice, use means to support native languages and the traditional way of life more often and more actively. The comparative analysis of the experience of Yakutia and Sverdlovsk Oblast showed identical problems in RSNP implementing at the local level: weak interest in solving issues in the field of interethnic interaction; lack of integration with scientific institutions; weak horizontal and vertical interconnection in organizing the exchange of experience; a narrow range of mechanisms for harmonizing interethnic relations and strengthening unity. The limited financial and human resources of local authorities make the search for new forms of work, the importance of research, and the active development of digital technologies urgent. In general, the study and its results emphasize that, if the regional and federal levels have formed the basics of work in the field of RSNP, the local government remains aloof from the process of strengthening civic identity, ethnocultural diversity and interethnic relations.

References

1. Kurbatov, V.I., Meskhi, B.B., Panfilova, Yu.S. & Stepanov, O.V. (2017) Naselenie yuga Rossii o perspektivakh regulirovaniya mezhetnicheskikh otnosheniy organami regional'noy vlasti i munitsipal'nogo upravleniya [The population of the Russian south on the prospects for regulating interethnic relations by regional authorities and municipal government]. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kul'tura*. 6(65). pp. 61–67. [Online] Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37382377_73933236.pdf (Accessed: 10th September 2020).
2. Popkov, Yu.V. (2015) Interethnic Relations on the Municipality Level as Assessed by Mass Consciousness (The Case of Novosibirsk). *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 3. pp. 40–53. (In Russian). DOI: 10.17805/zpu.2015.3.4
3. Maklashova, E.G. (2020) Effectiveness of state national policy: evaluation of the dynamics of interethnic relations in Yakutia (research results of 2014–2017). *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo – Society: Politics, Economics, Law*. 4(81). pp. 30–35. [Online] Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42773170_46562173.pdf (In Russian). (Accessed: 10th September 2020).
4. Razzhivin, I.S. (2016) Some questions according to the prevention and regulation of the international conflicts on the example of the perm municipal district. *Goroda i mestnye soobshchestva*. 1.

pp. 112–118. (In Russian). [Online] Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27170454_29613015.pdf (Accessed: 11th September 2020).

5. Ruban, V.A. & Tsaturyan, R.V. (2020) Analysis of the influence of state national policy on international relations (the case of Novosibirsk Oblast). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment – BSU Bulletin. Economics and Management*. 3. pp. 41–49. (In Russian). [Online] Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43994506_94295022.pdf (Accessed: 11th September 2020).

6. Myasnikova, K.I. (2017) Participation of local governments in regulating interethnic and interfaith relations. *Ustoychivoe razvitie nauki i obrazovaniya*. 7. pp. 224–228. [Online] Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29821231_87038552.pdf pdf (Accessed: 11th September 2020)

7. Zevako, Yu.V. (2015) Political and administrative regulation of international (inter-ethnic) relations in the city of baikonur: current state and prospects. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya – Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 4. pp. 86–91. (In Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-86-91

8. Malkovets, N.V. (2018) The tasks of the local governments on strengthening of interethnic concord. *Sotsial'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v evraziyskom prostranstve – Social Integration and Development of Ethnocultures in the Eurasian Space*. 6-1. pp. 60–65. [Online] Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36647895_82447640.pdf (Accessed: 12th October 2020).

9. Nevelichko, L.G. (2013) Solving interethnic problems of municipality using net structure of the local community. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleykhema*. 1(12). pp. 116–124. (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevaya-struktura-mestnogo-soobshchestva-v-reshenii-mezhnatsionalnyh-problem-munitsipalnogo-obrazovaniya> (Accessed: 12th October 2020).

10. Ivashkina, N.V. & Ivashkina, D.V. (2015) Problems of the development of interethnic relations in a multiethnic region. *Regionologiya – Russian Journal of Regional Studies*. 3(92). pp. 167–171. (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-mezhnatsionalnyh-otnosheniy-v-polietnicheskom-regione> (Accessed: 12th October 2020).

11. Valiev, R.A. & Minyurova, S.A. (2014) Metodika opredeleniya effektivnosti upravleniya v sfere mezhnatsional'nogo vzaimodeystviya na munitsipal'nom urovne [Methods for determining the effectiveness of management in the field of interethnic interaction at the municipal level]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4(50). pp. 210–216. [Online] Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22987035_79065225.pdf (Accessed: 1st October 2020).

12. Nigmatullina, T.A. (2016) Sub-regional atlas international and interethnic relations in the municipalities. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologiy) – Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 4(33). pp. 13–18. (In Russian). [Online] Available from: http://vestnik-bist.ru/wp-content/uploads/2016/12/VestnikBIST_4-2016_site.pdf (Accessed: 1st October 2020)

13. Banting, K. & Kymlicka, W. (2010) Canadian Multiculturalism: Global Anxieties and Local Debates. *British Journal of Canadian Studies*. 23(1). pp. 43–72. DOI: 10.3828/bjcs.

14. Leach, C., Brown, L. & Worden, R. (2008) Ethnicity and Identity Politics. *Encyclopedia of Violence, Peace, & Conflict*. 12. pp. 758–768. DOI: 10.1016/B978-012373985-8.00063-5

15. Ambrosini, M. (2016) Superdiversity, multiculturalism and local policies: a study on European cities. *Policy & Politics*. 45(4). pp. 585–603. DOI: 10.1332/030557316X14745534309609

16. Drobizheva, L.M. (ed.) (2018) *Mezhnatsional'noe soglasie v obshcherossiyskom i regional'nom izmerenii. Sotsio-kul'turnyy i religioznyy konteksty* [Interethnic accord at all-Russian and Regional Dimension. Socio-cultural and religious contexts]. Moscow: RAS. [Online] Available from: https://www.isras.ru/files/File/publ/Mezhnatsion_soglasie_2018.pdf (Accessed: 1st October 2020).

17. Gorshkov, M.K. (2008) *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia is reforming]. Vol. 7. Moscow: Institute of Sociology RAS.

18. Lapin, N.I. (2016) *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy* [Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and sociocultural trends and problems]. Moscow: Ves' Mir. [Online] Available from: https://iphrrs.ru/uplfile/scult/analit/atlas_regionov.pdf (Accessed: 1st October 2020).

19. Abramova, M.A., Kostyuk, V.G., Madyukova, S.A., Persidskaya, O.A. & Popkov, Yu.V. (2016) *Regional'nye modeli gosudarstvennoy natsional'noy politiki sovremennoy Rossii* [Regional models of state ethnic policy in modern Russia]. Vol. 1. Novosibirsk: Manuskript.

20. Sebeleva, E.V. & Skvortsov, I.P. (2017) Experience and problems of activity of municipal cultural institutions at the harmonization of interethnic relations (on the example of municipal for-

mation resort city of Gelendzhik). *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 1(64). pp. 98–102. (In Russian). [Online] Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29390360_75371072.pdf (Accessed: 10th October 2020).

21. Checha, A.P. (2010) Analiz effektivnosti vzaimodeystviya organov MSU i mestnykh soobshchestv na primere Krasnodarskogo kraya [Analysis of the effectiveness of interaction between local government bodies and local communities on the example of the Krasnodar Territory]. *Politicheskiy analiz*. 10. pp. 130–140. [Online] Available from: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19419659_42060525.pdf (Accessed: 10th October 2020).

УДК 323.396; 37.035.91; 323.37; 353.2.
DOI: 10.17223/1998863X/61/24

А.И. Матюсова

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТЕЙ ГУБЕРНАТОРОВ-«СТАРОЖИЛОВ» В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИФИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГУБЕРНАТОРСТВА

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ и АНО ЭИСИ № 20-011-31386 «Современная российская элита в условиях вариативности траекторий политического развития: политико-психологический и статусно-ролевой анализ».

Анализируются личностные особенности губернаторов-«старожилов», благодаря которым они остаются в региональном корпусе руководителей не один десяток лет. По результатам проведенного политико-психологического исследования выделяется ряд типовых характеристик, которые связаны не только с личностным, но и профессиональным потенциалом регионального лидерства, позволяющим заключить, что, несмотря на особые условия функционирования института губернаторства периода 1990-х и 2000-х гг., личность губернатора оставалась немаловажным фактором его прихода к власти в регионе.

Ключевые слова: губернатор-«старожил», личностные особенности губернатора, институт губернаторства, мотивационно-потребностный профиль, политико-психологический анализ.

Введение

Сегодня в губернаторском корпусе происходит активное омоложение кадров [1. С. 254]. К власти приходят так называемые губернаторы-«технократы» – политики «нового типа», которым свойственен административный стиль управления. Начало таких кадровых перестановок было положено куратором внутренней политики России С.В. Кириенко в 2016 г. Стали появляться новые каналы рекрутирования политической элиты. Например, на федеральном уровне начал реализовываться кадровый конкурс управленцев «Лидеры России», позволивший оценивать личностный потенциал участников. Победителями становились в том числе и будущие губернаторы отдельных регионов, к ним предъявлялись требования определенных профессиональных и лидерских качеств. Можно также вспомнить о так называемой Школе губернаторов, созданной на базе РАНХиГС, ВШЭ и других образовательных центров, 36 выпускников которой стали руководителями российских регионов¹. Подобные центры дают потенциальным губернаторам необходимую подготовку, в том числе и компетенции личностного роста². Таким образом, можно предположить, что сегодня при отборе на должность губерна-

¹ Цифра приводится в соответствии со словами директора Высшей школы государственного управления А. Комиссарова на пресс-конференции в РИА Новости «Презентация доклада ЭИСИ „Губернаторы новой волны“». URL: <http://pressmia.ru/pressclub/20201215/953026177.html> (дата обращения: 15.12.2020).

² Доклад ЭИСИ «Губернаторы новой волны». URL: <https://regions.eisr.ru/analytics/> (дата обращения: 15.12.2020).

тора в приоритет ставятся и личностные качества. Среди личностных характеристик ценятся энергичность, работоспособность, образованность, самостоятельность, решительность и др. [1. С. 256]. Кроме того, соавторы доклада из ВЦИОМ выделяют такие важные качественные требования к новым губернаторам, как способность к эмпатии, умение общаться на равных, скромность и честность¹.

Однако в губернаторском корпусе до сих пор остаются политики, которых можно отнести к категории «старожилов» – тех, кто управляет регионом более двух сроков, и тех, кто имел непосредственное отношение к вверенному региону еще с 1990-х – начала 2000-х гг., но только завершает свой второй срок в качестве главы региона [2]. Таких на данный момент насчитывается 15 человек. Несмотря на то что в 2020 г. губернаторский корпус покинули еще двое «старожилов»², этот факт не ограничивает исследовательскую задачу, так как экс-губернаторы по-прежнему остаются в российской политике, но уже в другом качестве.

В данной статье предпринята попытка ответить на вопрос: что в большей степени помогло губернаторам-«старожилам» прийти к власти: незаурядные качества их личностей или иные причины: политический контекст, доверие Президента РФ, благополучная социально-политическая ситуация в регионе и др.? Благодаря каким личностным особенностям губернаторам «со стажем» удается столь долгий период удерживаться у власти? Чем определяется их политическое долголетие? Почему все же несмотря на свой авторитет в губернаторском корпусе в нынешних реалиях «старожилы» выходят из губернаторского корпуса?

Теоретические основания исследования

Изучением политической элиты занимается немало исследователей, среди которых Г.К. Ашин, О.В. Крыштановская, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Кынев и др. [3–6]. Ученые А.В. Дука, Д.В. Покатов, Е.Б. Шестопал и другие активно изучают вопросы ее рекрутирования и профессиональной карьеры [7–9], жизненный путь политиков [10] и сам вопрос, кого в современных российских реалиях можно отнести к политической элите страны [3–4, 11].

Поскольку в данной статье затрагивается личностный аспект изучения политиков, то следует вспомнить таких ученых, как Дж. Аткинсон, Д. МакКлеланд, Д. Уинтер, М. Херманн [12–14], которые исследовали мотивационный профиль политиков. Созданием «Я-концепции» занимался Р. Зиллер [15], в то время как Г. Лассуэлл и М. Херманн [16–17] сформировали типологии политических лидеров, основанные на особенностях их поведения. Л. Этеридж [18] изучал межличностные взаимоотношения политических лидеров. Среди российских исследователей можно выделить Э.К. Гиззатова [19] и его методику операционального кодирования, а также О.Ю. Малинову [20] и А.В. Селезневу [21], которые разработали модель анализа политических ценностей человеческого капитала российских элит.

¹ Губернаторы новой волны. Исследование ВЦИОМ. Декабрь 2020. Отчет по результатам социологического исследования. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2020/201215_Gubernatory_novoi_volny_Mamonov.pdf (дата обращения: 15.12.2020).

² Экс-губернатор Калужской области А.Д. Артамонов и экс-губернатор Белгородской области Е.С. Савченко.

Особо стоит отметить труды, в которых изучались личности губернаторов [9, 22–24]. Наконец, важно упомянуть ученых, которые занимаются изучением институциональных аспектов функционирования губернаторского корпуса: Р.Ф. Туровский, А.В. Понеделков, А.К. Магомедов, И.И. Кузнецов и др. [25–28].

Как видно, личность губернатора является объектом анализа во многих исследованиях, однако работ, посвященных отдельному изучению личностей губернаторов «со стажем», в научной среде почти нет, что обуславливает ценность данной статьи. Данный факт объясняется наличием небольшого пласта работ по изучению личностных особенностей всех групп губернаторов, а также и тем, что для исследователей больший интерес представляют именно губернаторы-«новички» вследствие реализации новой кадровой политики Администрации Президента РФ.

Характеристика исследования

Принимая во внимание региональный контекст (наличие разных типов регионов, в том числе национальных республик), для ответа на главный вопрос статьи был проведен политико-психологический анализ трех личностей губернаторов-«старожилов» именно центральных регионов России: экс-губернатора Калужской области А.Д. Артамонова, губернатора Ульяновской области С.И. Морозова и экс-губернатора Белгородской области Е.С. Савченко. Одна из причин выбора личностей указанных губернаторов в качестве объекта исследования заключается в том, что они имеют самый большой срок пребывания на своем посту среди остальных. Области, которые они возглавляют или возглавляли много лет, отличает стабильная социально-политическая обстановка, что по сути является одним из определяющих факторов нахождения у власти в качестве губернатора не один электоральный срок. Кроме того, в данных регионах довольно высоки уровень доверия руководителю области и степень поддержки федеральной власти в лице Президента РФ¹, что влияет на социальное самочувствие населения. Добавим, что текущая усталость от действующей власти² может задавать оптику восприятия региональным сознанием «старожилов» и со временем снижать процент их поддержки на выборах, однако стоит отметить, что массовые настроения напрямую зависят от социально-экономической стабильности территории [29. С. 183]. Так, рассматриваемые субъекты относятся к благоприятным с точки зрения социально-экономической обстановки регионам, что влияет, в свою очередь, на процент поддержки губернатора. В этом ракурсе феномен Савченко в Белгородской области является уникальным.

Личности этих губернаторов были рассмотрены в качестве сравнительного метода case study, поскольку они отражают типовые политико-психологические характеристики региональных руководителей-«старожилов».

¹ Поддержка Путина остается высокой в Центральной России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/05/2019/5ced105f9a7947ba5cdd2c82> (дата обращения: 03.01.2021).

² Русский народ устал от нынешнего президента РФ В. Путина, разберемся так ли это на самом деле. URL: <https://news.rambler.ru/other/44845149-russkiy-narod-ustal-ot-nyneshnego-prezidenta-rf-v-putina-razbermsya-tak-li-eto-na-samom-dele/> (дата обращения: 14.01.2021).

Исследование личностей «старожилов» состояло из двух блоков. Первый блок – это **изучение жизненной траектории** политика с помощью биографического метода и экспертных интервью. Второй блок – это **изучение психологического пути губернатора как личности** (создание **мотивационно-потребностного профиля**). В рамках этого блока изучались элементы трех уровней личности губернатора:

– **когнитивный уровень**: «Я-концепция» – представление человека о самом себе, которое характеризуется степенью сложности и адекватностью самооценки.

– **аффективный уровень**: устойчивость к стрессу.

– **поведенческий уровень**: мотивы, стиль принятия политических решений, стиль межличностных отношений.

Данные компоненты были изучены с помощью дистантной оценки – без непосредственного контакта с личностями губернаторов, но с применением специально разработанных методов качественного и количественного контент-анализа спонтанных текстов политиков, невключенного наблюдения и глубинного интервью с экспертами.

Эмпирической базой исследования послужили биографические данные о губернаторах в открытых источниках информации, материалы СМИ: интервью, комментарии и видеовыступления губернаторов.

Таким образом, изучение личностных особенностей представителей губернаторского корпуса – «старожилов» было произведено с применением одного набора методик, что позволило с некоторыми оговорками экстраполировать полученные данные на остальных «старожилов».

Губернаторы-«старожилы»: социально-демографические характеристики

Для создания группового социально-демографического портрета губернаторов-«старожилов» важно отметить законодательный критерий их прихода к власти. Так, большинство таких губернаторов прошли процедуру назначения, хотя некоторые ранее и были избраны населением (в 1990-х гг. и начале 2000-х гг.). Такая ситуация сложилась вследствие принятия в 2004 г. закона, в рамках которого происходило выстраивание вертикали власти в стране: Президент России В.В. Путин трансформировал институт губернаторства – он сам стал представлять кандидатуры на пост главы региона в законодательные органы субъектов РФ для их дальнейшего утверждения региональными legislatures. Таким образом, прямые выборы губернаторов были ликвидированы, и в сложившихся обстоятельствах стала цениться лояльность регионального курса проводимой политике федеральной власти. Вместе с тем в отношении рассматриваемых в данной статье губернаторов стоит отметить, что первый этап их политической карьеры был связан именно с выборами (а не назначением) в качестве глав регионов (для А.Д. Артамонова это 2000 г., для С.И. Морозова – 2004 г. (официально вступил в должность 06.01.2005 г.), для Е.С. Савченко – 1993 г.), что, вероятно, могло повлиять на их дальнейшее назначение в регион уже по представлению Президента РФ, ведь губернаторы, прошедшие через фильтр выборов, тем самым усилили свои позиции как среди местной элиты, так и среди населения региона. Иными словами, пройдя через выборы, они показали свою жизнеспособ-

ность в условиях конкурентной борьбы. Вероятно, на избрание «старожилов» повлияли и такие факторы, как теневи́зация, этни́зация, корпоративизация и др., что характерно для отечественного элитогенеза [30]. Несмотря на то что личностные особенности стали менее востребованными по сравнению с предыдущим электоральным циклом [6], они, вероятно, могли стать базисом, позволившим губернаторам-«старожилам» «выжить» в изменившихся условиях и продолжить находиться в политической повестке столь длительный период.

В настоящий момент среди «старожилов» губернаторского корпуса пост руководителя региона занимает одна женщина, она же единственная женщина среди всех губернаторов. Большинство «старожилов» родились в 1940–1950-е гг. – послевоенное поколение, первичная политическая социализация которого совпала с «оттепелью» и др. [31] Однако сохраняется и доля тех, кто родился позже: в 1960-е и 1970-е гг., первичное политическое созревание которых пришлось на эпоху позднего Л.И. Брежнева и ознаменовалось характерным для того времени неверием в коммунистические лозунги при отсутствии открытого протеста [31] (33 и 20% соответственно). Важно отметить, что в саму политику «старожилов» приходили уже в основном в период распада СССР, когда центральная власть была разобщена, а среди регионов наблюдалось экономико-политическое неравенство [2]. Такое положение давало губернаторам свободу действий при реализации своей политики в регионе, т.е. их роль не была «служебной», а деятельность не так сильно контролировалась федеральным центром, который только начинал выстраивать властную вертикаль в стране.

Больше половины «старожилов» родились в сельской местности, где и прошла их социализация. Сельская среда наложила свой отпечаток на нормы поведения, стереотипы, которые стали сопровождать политика и в дальнейшем, в том числе в управлении регионом, несмотря на диссонирующую ориентацию современной молодежи на урбанистические перемены.

Если говорить о карьерной траектории, то 73% «старожилов» – это выходцы из региональной элиты, остальные 27% – из федеральной. Образование, которое встречается чаще, имеет экономическую и инженерно-техническую направленность. Одно из основных требований к губернаторам как «новой волны», так и «старожилам» – это умение хорошо разбираться в экономике региона¹. Наличие профильного экономико-технического образования свидетельствует о том, что губернаторы-«старожилов» в полной мере соответствуют подобным требованиям. В основном все «старожилов» получили первое образование не в столичных, а в региональных вузах, и лишь 47% из них получили второе высшее образование – все по гуманитарным специальностям. В современных реалиях наличие подобного образования (по большей части управленческого)² является одним из многочисленных требований к губернаторам «новой» волны, в связи с чем губернаторы «со стажем» тоже стараются этим требованиям соответствовать. Среди «тяжеловесов» степень кандидата наук имеют 7 человек, а доктора наук – 3. Абсолютное большинство «старожилов» – члены партии «Единая Россия», а ос-

¹ Доклад ЭИСИ «Губернаторы новой волны». С. 7. URL: <https://regions.eisr.ru/analytics/> (дата обращения: 15.12.2020).

² Там же.

новой канал рекрутирования, позволивший им занять губернаторское кресло, – это бюрократический аппарат.

Исходя из изложенного, можно констатировать, что типичный губернатор «со стажем» – это мужчина, родившийся в сельской местности своего региона, получивший высшее (по преимуществу техническое) образование в региональном вузе и занявший должность губернатора благодаря службе в бюрократическом аппарате власти.

Для более детального описания корпуса губернаторов «со стажем» ниже представлены результаты политико-психологического анализа личностей трех «старожилов».

Результаты политико-психологического анализа

Жизненный путь и политическая социализация губернаторов-«старожилов»

Важно отметить, что у каждого проанализированного губернатора наличествует прямая связь с вверенным ему регионом: каждый из них не только там родился и провел свое детство и юность, но и начал строить там свою политическую карьеру, пройдя путь до губернаторского кресла. Как пишет Е.В. Реутов, «трудно предположить, что победить на выборах мог человек, никак не связанный с конкретным субъектом федерации – за исключением тех случаев, когда население региона полностью отчаялось в способности местных политических фигур вывести их территорию из депрессивного состояния» [32. С. 175].

Каждый из рассматриваемых в данной статье региональных политиков имеет свой собственный жизненный путь, свою карьерную траекторию во властных структурах.

Так, карьерная траектория экс-губернатора А.Д. Артамонова всегда была связана с Калужской областью, о чем он неоднократно говорил в своих интервью¹. Губернатор родился в селе Хвастовичи, что сформировало у него определенный тип мышления – «все должно быть под рукой, я могу распоряжаться своим хозяйством, как считаю нужным» (из личного экспертного интервью), который и был заложен в основу управления областью. Кроме того, губернатор всегда вспоминал о своих годах в деревенской школе, о традициях и ценностях деревенских семей [33. С. 3]. В студенческие годы был активистом, а через какое-то время избран первым секретарем райкома партии. Его активность не остановилась на институте, а продолжилась дальше, что можно отследить по партийному пути, с чего и началась его политическая социализация. В середине 1990-х гг. работал вице-губернатором региона, курировал социальную, финансовую сферы, а в 2000 г. был избран губернатором Калужской области, проработав на этой должности 20 лет. Такой карьерный путь говорит о том, что А.Д. Артамонов, прежде чем стать губернатором, имел хороший опыт руководства регионом, знал все его сильные и слабые стороны, а значит находился в более выгодном положении в сравнении со своими конкурентами. Он, как никто другой, смог применить свои административно-хозяйственные навыки, выстроив такую

¹ Анатолий Артамонов: я запретил произносить в Калужской области слово «кризис». URL: <https://tass.ru/interviews/4217883> (дата обращения: 30.11.2020).

политику в регионе, которая привела к настоящему инвестиционному буму. В настоящий момент является председателем одного из комитетов Совета Федерации РФ.

Если говорить о жизненном пути губернатора Ульяновской области С.И. Морозова, то он родился непосредственно в городе Ульяновске. Эксперт отмечает: *«Я думаю, что ему идет в плюс то, что он губернатор из того места, где он родился. Это, безусловно, в начале его губернаторской карьеры дало ему определенные плюсы и позволяло сохранять позицию губернатора долгие годы. Он знает территорию, его знают на территории»*. Профессиональный путь Сергея Морозова был связан со службой в МВД, что не могло не наложить определенный отпечаток на его характер, манеру держаться на людях, работать с подчиненными. В политику он пришел в начале 2000-х гг. в качестве мэра стратегически важного города области – Димитровграда, а уже в 2004 г. одержал победу на губернаторских выборах. Через два года был переназначен на новый срок Президентом В.В. Путиным. По сегодняшний день Сергей Морозов продолжает возглавлять Ульяновскую область. Карьерный путь С.И. Морозова свидетельствует о том, что до того, как стать губернатором, он хорошо разбирался во внутренней политике региона, в местных межэлитных расколах, что позволило ему занять определенную позицию на передовой региона.

Жизненный путь рекордсмена по времени пребывания в качестве губернатора Белгородской области Е.С. Савченко тоже был связан с родным регионом. Будущий губернатор родился в селе Красная Яруга в семье представителей сельской «элиты». Окончив Московскую сельхозакадемию, он вернулся в регион и начал трудовую деятельность в колхозе, затем стал директором совхоза, работал в советских и партийных органах районного и областного звена, в Министерстве сельского хозяйства и продовольствия РФ, в структурах АПК России. В 1993 г. был назначен губернатором Белгородской области в самый тяжелый период существования России и покинул свой пост лишь осенью 2020 г. На данный момент Евгений Степанович является членом Совета Федерации РФ от Белгородской области. Его карьерный путь демонстрирует путь уверенного в своих знаниях и силах человека. Е.С. Савченко некогда пришел руководить аграрным регионом, имея в данной отрасли хороший опыт, что и позволило ему вывести Белгородскую область на передовые позиции по сельскохозяйственным показателям.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что все три рассмотренные личности «старожилов» имели схожую карьерную траекторию: прежде чем быть назначенными на свои должности, они уже строили карьеру в органах власти, т.е. напрямую были аффилированы с властными структурами, что свидетельствует о том, что в то время на должность глав субъекта назначали или выбирали преимущественно лиц из органов власти. Кроме того, у них был накоплен определенный опыт руководства различными коллективами в разных структурах. Все они прекрасно разбирались во внутренней политике своего региона еще до своего избрания на пост главы региона. Однако есть и определенные отличия. Так, Евгения Савченко отличает наличие опыта работы на федеральном уровне, в то время как Анатолий Артамонов и Сергей Морозов работали в региональных органах власти.

Когнитивный уровень

На когнитивном уровне исследуемые в статье личности губернаторов-«старожилов» обладают, согласно типологии Р. Зиллера, высокой сложностью «Я-концепции». Их тип – это политики-«прагматики», которые наиболее удачливы в политике, поскольку прислушиваются к мнению других и модифицируют свое политическое поведение на основе обратной связи. Такой тип отчасти присущ и экс-губернатору Калужской области, однако его типаж скорее близок к «показательному» политику (термин был дополнительно введен в научный оборот И.И. Рогозарь-Колпаковой). Политиков такого типа отличает повышенная реакция на широкий круг социальных стимулов и успешное осуществление на деле собственной политики, что и наблюдается в процессе карьеры Анатолия Дмитриевича. Кроме того, ряд экспертов отмечали его особое стремление к демонстративности своих достижений не только в формате разговора с журналистами, но и во время общения с более высокопоставленными лицами и т.д. Как отмечает эксперт, *«Артамонов перешел из местячкового функционера в политика федерального уровня»*.

В общем и целом можно констатировать, что губернаторы-«старожилы» обладают высокой сложностью Я-концепции, благодаря которой они довольно чувствительно воспринимают мнение окружающих, их самооценка во многом зависит от одобрения или неодобрения их деятельности людьми, в том числе вышестоящими лицами, что подтверждает наличие у них мотива аффилиации.

Аффективный уровень

На данном уровне оценивалась **устойчивость губернаторов к стрессу**. Все трое из представленных «старожилов» довольно устойчивы к стрессу, что представляется логичным, ведь за период их управления регионами случались разные нестандартные ситуации, когда необходимо было не растеряться и принять решение. В случае с Сергеем Морозовым это, например, взрыв завода «Арсенал» в 2009 г., о чем сообщили даже мировые СМИ. Эксперт отмечает: *«Морозов в этих условиях был очень сосредоточен, невероятно спокоен, как сгусток энергии сел в БТР и выехал на место происшествия – в эпицентр взрыва. Он поставил задачу ликвидировать последствия. У людей были выбиты стекла, всем вставили стекла бесплатно в квартирах»*¹. Что касается двух других губернаторов, то среди их личностных черт можно отметить максимальную концентрацию в рамках стрессовых ситуаций, отсутствие растерянности и четкое видение того, как нужно дальше действовать. Этой эмоциональной устойчивостью также можно объяснить их политическое долголетие как руководителей своих регионов.

Таким образом, если рассматривать устойчивость губернаторов к стрессу, исходя из популярной психологической формулы реакции человека на стресс «Бей, беги, замри!», то для них скорее характерна манера поведения «Бей!», так как они принимают стресс в виде чрезвычайной ситуации в регионе как вызов (бегство в данном случае обозначает избегание для себя неприятных ситуаций). Кроме того, «старожилы» противостоят стрессовой ситуа-

¹ Дома Ульяновска восстанавливают после взрывов на заводе «Арсенал». URL: <https://vz.ru/news/2009/11/16/349191.html> (дата обращения: 21.12.2020).

ции, стараясь быстро ее решить, что подтверждается и публикациями в СМИ, касающимися подобных решений.

Поведенческий уровень

В **мотивационных профилях** губернаторов «со стажем» ярко выраженным является мотив достижения, что, вероятно, можно объяснить тем, что главы регионов сумели вывести подконтрольные им территории на передовые позиции в разных отраслях: для Белгородской области – это сельское хозяйство и др., для Калужской области – инвестиции в технологии, автомобилестроение и др., для Ульяновской – авиастроение, присвоение области звания «Культурная столица Поволжья» и др. Однако второй по значимости мотив отличается. У губернаторов Сергея Морозова и Евгения Савченко – это мотив аффилиации, что, вероятно, объясняется их стремлением вывести регионы из состояния депрессивных, – умение договариваться с партнерами, инвесторами. В случае с С.И. Морозовым это еще и умение регулировать постоянные возникавшие на тот момент недопонимания между муниципалитетами. Е.С. Савченко же, по мнению исследователей, «прекрасно вписался в новую реальность послереформенной России», ведь наличие подобного мотивационного профиля позволяет приспособиться к политике федерального центра, при этом успешно осуществляя политику достижений в своем регионе [32].

Исследователи Е.Б. Шестопал и А.В. Селезнева отмечают, что такое сочетание мотивов является наиболее подходящим для реализации поставленных политическую задач, учитывая, что стремление к созданию дружественных отношений с коллегами и партнерами – вполне адекватно для российской политики [34. С. 96].

У Анатолия Артамонова мотив аффилиации тоже проявился достаточно сильно в начале его губернаторской карьеры, однако во время активного периода его губернаторства слишком выраженным стал мотив власти. Это можно объяснить тем, что его позиции в губернаторском корпусе окрепли, он стал более уверенным, самостоятельным политиком, как уже говорилось выше, превратился в политика федерального уровня. На закате его карьеры в качестве губернатора, мы видим, как мотив власти стал уменьшаться по отношению к мотиву достижения. Губернатор неоднократно подчеркивал в интервью, как важно оставить после себя наследство, которым бы гордились люди. Стоит отметить, что превалирование мотива власти в личности политика способно создавать вокруг него конфликтные ситуации [34. С. 96].

Если говорить о мотиве власти губернаторов Е.С. Савченко и С.И. Морозова, то можно отметить, что он проявляется настолько, насколько позволяет осуществлять намеченные ими планы. В подтверждение слов можно привести их цитаты: «Миф создали – „диктатура“. Я считаю: первое – я не должен мешать тем, кто правильно развивается. А кто хочет выйти за периметр норм и приличий, тех надо поправлять. Вот вам и весь стиль»¹ (Е.С. Савченко) и «Не устал ли я работать? Нет, не устал и готов работать губернатором и

¹ Губернатор Белгородской области Евгений Савченко: «Приказывай без наглости, подчиняйся без унижения». Интервью газете «Культура». 25.09.2014. URL: <http://portal-kultura.ru/articles/person/62143-gubernator-belgorodskoy-oblasti-evgeniy-savchenko-priказыvay-bez-naglosti-podchinyaysya-bez-unizheni/> (дата обращения: 29.12.2020).

дальше. Богатый жизненный опыт позволяет мне идти на новые выборы губернатора в 2021 г. Если, конечно же, на то будет воля населения и поддержка нашего президента» (С.И. Морозов)¹.

Стиль принятия политических решений у всех губернаторов схож: они все отличные администраторы, при этом, безусловно, согласно типологии М. Херманн, являются знаменосцами своих регионов. Кроме того, им свойственно умение выгодно «продавать» свои идеи. Это можно проследить и в их публичной риторике: например, Анатолий Артамонов и Сергей Морозов постоянно в своих интервью подчеркивали факт наличия у инвесторов их личных номеров телефонов. Это же подтверждают и слова экспертов: *«Его (Морозов) жест, когда на встрече с инвесторами он положил свой телефон на стол и сказал звонить в любое время, когда проводил им экскурсию, показывал лучшие места области»*. А губернатор Е.С. Савченко не афишировал, а всем в регионе показывал делом, с кем он связан. Так, по мнению российского политолога Е.Н. Минченко, именно Е.С. Савченко заслужил звание оптимальной модели регионального руководства за почти три десятилетия управления им своей областью².

По **стилю межличностных отношений** все губернаторы однозначно являются экстравертами с высоким уровнем доминирования. Они лидеры с пробивными способностями хозяйственников, которые не останавливаются на достигнутом, о чем свидетельствует их положение в настоящее время – они до сих пор активные игроки в региональной политике, продолжающие оказывать влияние на вверенные ранее им регионы, но уже с других позиций. Кроме того, такие люди способны добиваться больших успехов, реализуя масштабные проекты, что как раз подходит руководителям-«старожилам» российских регионов [34. С. 96].

Сводная таблица по всем исследуемым характеристикам представлена ниже.

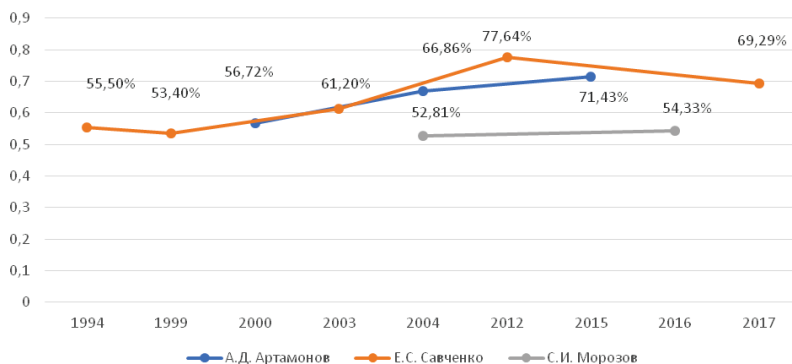
Политико-психологический профиль губернаторов-«старожилов»

Уровень	Показатель	А.Д. Артамонов	С.И. Морозов	Е.С. Савченко
Когнитивный	Сложность Я-концепции	Высокая сложность Я-концепции (показательный политик)	Высокая сложность Я-концепции (прагматик)	Высокая сложность Я-концепции (прагматик)
Аффективный	Устойчивость к стрессу	Устойчив к стрессу	Устойчив к стрессу	Устойчив к стрессу
Поведенческий	Мотивы (в порядке убывания)	Мотив достижения, мотив власти	Мотив достижения, мотив аффилиации	Мотив достижения, мотив аффилиации
	Стиль принятия политических решений	Администратор, знаменосец региона+торговец	Администратор, знаменосец региона+торговец	Администратор, знаменосец региона+торговец
	Стиль межличностных отношений (интроверт-экстраверт/уровень доминирования)	Экстраверт с высоким уровнем доминирования	Экстраверт с высоким уровнем доминирования	Экстраверт с высоким уровнем доминирования

¹ Сергей Морозов: «Я готов идти на выборы 2021 года!» Эксклюзивное интервью Губернатора Ульяновской области С.И. Морозова «Молодежной газете» и portalу misanec.ru. URL: <https://misanec.ru/2019/12/30/эксклюзивное-интервью-губернатора-у/> (дата обращения: 29.12.2020).

² После 27 лет работы ушел в отставку Евгений Савченко. Его называли лучшим губернатором России. URL: <https://lentachel-ru.turbopages.org/lentachel.ru/s/news/2020/09/18/posle-27-let-raboty-ushel-v-otstavku-evgeniy-savchenko-ego-nazyvali-luchshim-gubernatorom-rossii.html> (дата обращения: 12.01.2021).

Помимо представленных личностных особенностей, которые характерны для губернаторов «со стажем» и вполне могут являться основанием для длительного нахождения у власти, стоит также отметить и другой фактор – это дальнейшая поддержка губернатора населением области на выборах главы региона. Так, почти на всех последующих губернаторских выборах представленные в статье старожилы увеличивали процент набранных голосов (рисунок) без учета незначительных колебаний, что может свидетельствовать о выраженном населением доверии к данным политикам. Однако, как видно, процент набранных голосов у Евгения Савченко после 18 лет пребывания у власти начал постепенно снижаться, что может свидетельствовать о постепенно нарастающем эффекте усталости масс от политика.

Динамика политической поддержки на губернаторских выборах кандидатур «старожилов», представленных в статье

Заключение

По итогам проведенного политико-психологического исследования личностей губернаторов-«старожилов» можно резюмировать следующее.

Большинство губернаторов «со стажем» прошли процедуру назначения, хотя некоторые из них ранее получили электоральную поддержку на выборах, что являлось важнейшим фактором для их последующего переназначения и укрепляло авторитет в глазах местного населения. «Старожилы» также имеют непосредственную связь с вверенным им регионом. Тенденция назначения «своего» губернатора, а не «чужака» имеет место быть и при реализации новой кадровой политики за последние годы, несмотря на некоторые ее видоизменения, о чем свидетельствует и недавно опубликованный доклад ЭИСИ¹.

Анализ личностей губернаторов «со стажем» позволил выделить ряд их политико-психологических характеристик в зависимости от специфики их личностных черт. На когнитивном уровне у «старожилов» можно отметить высокую сложность «Я-концепции», что определяется сквозь призму их публичных выступлений, интервью и комментариев в СМИ, хотя личность А.Д. Артамонова скорее можно отнести к «показательным» политикам нежели к «прагматикам», как Е.С. Савченко и С.И. Морозова. Можно отметить,

¹ Данные из доклада ЭИСИ «Обновление. Два года новой кадровой политики». URL: <http://eisir.ru/projects-and-researches/obnovlenie-dva-goda-novoy-kadrovoy-politiki/> (дата обращения: 04.12.2020).

что именно такие политики могут оставаться в политической системе довольно долгое время [34. С. 96], что подтверждается не одним десятком лет их нахождения на посту губернатора региона.

На аффективном уровне все исследуемые личности губернаторов являются устойчивыми к стрессу и в рамках модели реакции на стрессовую ситуацию реагируют на него быстро, стараясь решать возникающие проблемы. Такая эмоциональная устойчивость может влиять на их политическое долголетие как руководителей своих регионов. На поведенческом уровне также отмечены общие личностные черты. Так, все три личности «старожилов» являются экстравертами с высоким уровнем доминирования, что является довольно востребованным при реализации крупных проектов и в сложившихся условиях пандемии коронавируса, когда на губернаторов была возложена дополнительная ответственность и полномочия в отношении ограничительных мер¹. Кроме того, можно констатировать, что одна из составляющих успеха для губернаторов-«старожилов» – это стремление к высоким показателям, т.е. преобладание в их личностях мотива достижения. Однако не стоит отрицать и тот факт, что эти люди оказались в нужное время в нужном месте: политическая конъюнктура на тот период времени оставалась немаловажной. Власти нужны были люди, способные улучшить качество жизни на территориях после лихих 1990-х гг. и после развала СССР (в случае с Е.С. Савченко).

Таким образом, отвечая на главный вопрос, поставленный в начале статьи, на основании полученных в ходе политико-психологического анализа данных можно сделать вывод о том, что и в период выборов, и в период назначений губернаторов-«старожилов» немаловажным оставались их личностные качества, а не только политический контекст, в котором им приходилось действовать (экономический кризис, политическая нестабильность и др.), или связи. Можно предположить, что личность главы региона определенным образом повлияла на трансформацию института губернаторства, что в дальнейшем привело к тому, что стала востребованной личностная модель при реализации кадровой политики: на сегодняшний день федеральный центр при «назначении» губернаторов руководствуется их опытом, наличием компетенций [1. С. 259], довольно часто не принимая во внимание их самостоятельность, что было характерно для губернаторов «со стажем». Так, в результате трансформации института губернаторства возросла управляемость федеральным центром «нового корпуса» глав регионов, несмотря на то что в 2020 г. на них возлагалась дополнительная ответственность за введение коронавирусных мер.

Кроме того, «старожилы» стараются соответствовать требованиям, выдвигаемым к новым губернаторам: становятся более открытыми – пытаются общаться с жителями напрямую через социальные сети, получают второе гуманитарное (управленческое) образование и др., умело балансируя между федеральным центром и возможностями самого региона.

Таким образом, несмотря на некоторое различие личностных характеристик губернаторов-«старожилов», сквозь призму их публичных выступлений между ними все равно прослеживаются общие черты. Схожесть личностных характеристик, большой срок исполнения обязанностей, благополучная соци-

¹ В Кремле оценили действия губернаторов во время пандемии. URL: <https://ria.ru/20200907/gubernator-1576867840.html> (дата обращения: 07.12.2020).

ально-политическая обстановка в регионе, адекватный уровень поддержки федеральной власти населением региона, стабильный уровень поддержки на губернаторских выборах у всех трех персон – все это позволяет предположить, что указанные личностные качества, а также перечисленные факторы способствуют тому, чтобы губернатор верно выстраивал политику региона и столь длительный срок оставался у власти.

Литература

1. Палитай И.С., Данилова А.С. Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 252–262.
2. Палитай И.С., Матюсова А.И. Губернаторский корпус РФ: сравнительный анализ механизмов отбора и каналов рекрутирования «новичков» и «старожилов» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4.
3. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. М. : МГИМО – Университет, 2010. 600 с.
4. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.
5. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005. 384 с.
6. Кынев А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2020. 1030 с.
7. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 2. С. 22–66.
8. Покатов Д.В. Рекрутирование современной российской политической элиты как ротация политической и административно-корпоративной элитных групп // Власть и элиты. 2019. Т. 6, вып. 1. С. 71–97.
9. Современная элита России: политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. М. : АГРАМАК-МЕДИА, 2015. 405 с.
10. Флягин А.М. Как изменился портрет российского губернатора: анализ биографий глав регионов 1991–2019 // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. № 1. С. 29–39.
11. Мохов В.П. Циркуляция элит: проблема критериев процесса // Власть и элиты. 2014. Т. 1. С. 8–18.
12. Atkinson J.W. An introduction to motivation. Princeton, N. J. : Van Nostrand, 1964.
13. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб. : Питер, 2007. 665 с.
14. Winter D., Hermann M., Weintraub W., Walker S. The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits, and Policy // Political Psychology. 1991. Vol. 12, № 2. P. 215–245.
15. Ziller R., Stone W., Jackson R., Terbovic N. Self-other orientations and political behavior // Psychological Examination of Political Leaders / ed. M. Hermann, T. Milburn. New York, 1977. P. 176–204.
16. Laswell H. Power and personality. New York, 1948. 135 p.
17. Hermann M.G. Ingredients of leadership // Political Psychology. Contemporary Problems and Issues. San Francisco, 1986. P. 167–187.
18. Etheredge L.S. Personality Effects on American Foreign policy, 1896–1968 // American Political Science Review. 1978. Vol. 78. P. 443–451.
19. Гиззатов Э.К. Когнитивные характеристики личности политического лидера в условиях кризисов : дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. 159 с.
10. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
21. Селезнева А.В. Основные подходы к анализу политических ценностей в современной России // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2007. № 1. С. 128–134.
22. Качанов А.А. Биографическая составляющая политико-психологического анализа губернаторского корпуса в современной России : дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. 170 с.
23. Добрынина Е.П. Политико-психологический анализ региональной власти: личность и роль губернатора : дис. ... канд. полит. наук. М., 2012. 276 с.

24. Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. М. : Российская ассоциация политической науки; Российская политическая энциклопедия, 2012. 342 с.
25. Туровский Р.Ф. Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // Полития. 2018. № 2. С. 23–49.
26. Понедельков А.В. Современные российские элиты: особенности генезиса. Взаимодействия и позиционирование во власти // Политическая наука. 2004. № 1. С. 138–159.
27. Магомедов А.К. Локальные элиты и идеология регионализма в новейшей России: сравнительный анализ. Ульяновск : Изд-во Ульянов. гос. техн. ун-та, 1998. 150 с.
28. Кузнецов И.И. Политические механизмы разделения властей в современной России. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2010. 359 с.
29. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб. : Питер, 2002. 368 с.
30. Соловьев А.И. Российский элитогенез: универсальное и специфическое // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Т. 3, № 3. С. 99–112.
31. Шестопал Е.Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2005. № 4. С. 48–69.
32. Реутов Е.В. «Назначение» губернаторов в России: итоги эксперимента // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, Политология. 2012. № 13 (123).
33. Артамонов А.Д. Вызовы и ответы. М. : Книжный мир, 2017. 94 с.
34. Шестопал Е.Б., Селезнева А.В. Психологический анализ российского политического класса // Вестник РГНФ. 2012. № 1. С. 91–98.

Anastasia I. Matiusova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: nmatyusova@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 238–253.

DOI: 10.17223/1998863X/61/24

FEATURES OF “OLD-TIMER” GOVERNORS’ PERSONALITIES IN THE CONTEXT OF THE SPECIFICS OF THE GOVERNORSHIP INSTITUTION FUNCTIONING

Keywords: “old-timer” governor; personal characteristics of governor; governorship institution; motivation-and-need profile; political and psychological analysis

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, Project No. 20-011-31386.

The aim of the study is to find an answer to the questions of what determines the political longevity of “old-timer” governors and what personal qualities help them to stay on the political arena for a long period of time. A political and psychological analysis of three “experienced” governors was carried out to achieve this aim. The results allowed extrapolating the data to the rest of the “old-timers” of the current governor’s corps, but with some reservations. The governors’ personalities were examined using a comparative case study method. The first block of research is associated with the study of the politician’s life path using the biographical method; the second part is linked with the construction of their motivation-and-need profile within three levels: cognitive, affective and behavioral. All the components of the levels were studied by remote assessment, but with the use of qualitative and quantitative content analysis of spontaneous texts of heads of regions, non-included observation and in-depth interviews with experts. The material for the analysis was publications in electronic mass media, analytical works of research institutes, materials of official websites of governors, Internet resources with biographical and other information about them. The high complexity of the Self-concept with the presence of low and adequate self-esteem was highlighted among the personal traits of “old-timer” governors. Resistance to stress is manifested at the affective level while extraversion with a high level of dominance and predominance of the achievement motive are on the behavioral level. These and other personal features remained important during the election period and during the appointment of governors. It is possible to assume that the personality of the head of the region in a certain way influenced the transformation of the institution of governorship, which led to the demand for a personal model in the implementation of the modern personnel policy. In turn, “old-timers” also try to meet the requirements for new governors: they become more open, receive a second humanitarian education, etc., skillfully balancing between the federal center and the capabilities of the region itself. The simi-

larity of personal characteristics, the long term in office, the prosperous sociopolitical situation in the region, adequate support of the federal government by the population of the region, stable support in governor elections of the three governors suggest that all this can contribute to the politicians' long-term service as governors of the region, despite the presence of the effect of fatigue in relation to other politicians.

References

1. Palitay, I.S. & Danilova, A.S. (2020) Regional Leaders of the New Generation: Results of a Political- Psychological Analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science*. 54. pp. 252–262. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/54/23
2. Palitay, I.S. & Matyusova, A.I. (2020) Governor's corps of the Russian federation: comparative analysis of selection mechanisms and recruitment channels for "newcomers" and "old residents". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Moscow Region State University*. 4. pp. 114–130. (In Russian).
3. Ashin, G.K. (2010) *Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost'* [Elitology: history, theory, modernity]. Moscow: MGIMO – Universitet.
4. Gaman-Golutvina, O.V. (2016) Political elites as an object of research in national political science. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 2. pp. 38–73. (In Russian).
5. Kryshchanovskaya, O.V. (2005) *Anatomiya rossiyskoy elity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov.
6. Kynev, A.V. (2020) *Gubernatory v Rossii: mezhdru vyborami i naznacheniymi* [Governors in Russia: Between Elections and Appointments]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya".
7. Bystrova, A.S., Daugavet, A.B., Duka, A.V., Kolesnik, N.V., Nevskiy, A.V. & Tev, D.B. (2019) Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and career. *Vlast' i elity – Power and Elites*. 6(2). pp. 22–66. (In Russian).
8. Pokatov, D.V. (2019) Recruiting of modern Russian political elite as political and administrative-corporate elite groups rotation. *Vlast' i elity – Power and Elites*. 6(1). pp. 71–97. (In Russian).
9. Shestopal, E.B. & Selezneva, A.V. (eds) (2015) *Sovremennaya elita Rossii: politiko-psikhologicheskii analiz* [The modern elite of Russia: political and psychological analysis]. Moscow: AGRAMAK-MEDIA.
10. Flyagin, A.M. (2020) How the portrait of the Russian governors has changed: analyzing biographies of the heads of Russian regions. 1991–2019. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya – Bulletin of Perm University. Political Science*. 1. pp. 29–39. (In Russian). DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-29-39
11. Mokhov, V.P. (2014) The circulation of elites: problem of the criteria of the process. *Vlast' i elity – Power and Elites*. pp. 8–18. (In Russian).
12. Atkinson J.W. (1964) *An introduction to motivation*. Princeton, N. J. : Van Nostrand.
13. McClelland, D. (2007) *Motivatsiya cheloveka* [Human Motivation]. St. Petersburg: Piter.
14. Winter, D., Hermann, M., Weintraub, W. & Walker, S. (1991) The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits, and Policy. *Political Psychology*. 12(2). pp. 215–245. DOI: 10.2307/3791463
15. Ziller, R., Stone, W., Jackson, R. & Terbovic, N. (1977) Self-other orientations and political behavior. In: Hermann, M. & Milburn, T. (eds) *Psychological Examination of Political Leaders*. New York: Free Pr. pp. 176–204.
16. Laswell, H. (1948) *Power and personality*. New York: W. W. Norton and Company, Inc.
17. Hermann, M.G. (1986) *Political Psychology. Contemporary Problems and Issues*. San Francisco: Jossey-Bass Inc Pub. pp. 167–187.
18. Etheredge, L.S. (1978) Personality Effects on American Foreign policy, 1896–1968. *American Political Science Review*. 78. pp. 443–451. DOI: 10.2307/1954103
19. Gizzatov, E.K. (2008) *Kognitivnye kharakteristiki lichnosti politicheskogo lidera v usloviyakh krizisov* [Cognitive characteristics of a political leader's personality under crises]. Political Science Cand. Diss. Moscow.
20. Malinova, O.Yu. (2015) *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti* [The actual past: Symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
21. Selezneva, A.V. (2007) Osnovnye podkhody k analizu politicheskikh tsennostey v sovremennoy Rossii [Basic approaches to the analysis of political values in modern Russia]. *Vestnik*

Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya – Bulletin of Perm University. Political Science. 1. pp. 128–134.

22. Kachanov, A.A. (2006) *Biograficheskaya sostavlyayushchaya politiko-psikhologicheskogo analiza gubernatorskogo korpusa v sovremennoy Rossii* [Biographical component of the political and psychological analysis of the governor corps in modern Russia]. Political Science Cand. Diss. Moscow.

23. Dobrynina, E.P. (2010) *Politiko-psikhologicheskiy analiz regional'noy vlasti: lichnost' i rol' gubernatora* [Political and psychological analysis of regional power: personality and role of the governor]. Political Science Cand. Diss. Moscow.

24. Shestopal, E.B. & Selezneva, A.V. (eds) (2012) *Chelovecheskiy kapital rossiyskikh politicheskikh elit. Politiko-psikhologicheskiy analiz* [Human capital of Russian political elites. Political and psychological analysis]. Moscow: Russian Association of Political Science (RAPN); ROSSPEN.

25. Turovskiy, R.F. (2018) Presidential Elections in Russia: Opportunities and Limits of Electoral Consolidation. *Politiya – Politeia*. 2. pp. 23–49. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-23-50

26. Ponedelkov, A.V. (2004) *Sovremennyye rossiyskie elity: osobennosti genezisa. Vzaimodeystviya i pozitsionirovaniye vo vlasti* [Modern Russian elites: features of their genesis. Interaction and positioning in power]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 138–159.

27. Magomedov, A.K. (1998) *Lokal'nye elity i ideologiya regionalizma v noveyshey Rossii: sravnitel'nyy analiz* [Local elites and the ideology of regionalism in modern Russia: a comparative analysis]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University.

28. Kuznetsov, I.I. (2010) *Politicheskie mekhanizmy razdeleniya vlastey v sovremennoy Rossii* [Political mechanisms of the separation of powers in modern Russia]. Saratov: Saratov State University.

29. Olshanskiy, D.V. (2002) *Psikhologiya mass* [The Psychology of the Masses]. St. Petersburg: Piter.

30. Soloviev, A.I. (2010) Russian elitogenesis: general and particular characteristics. *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovaniye – Problem Analysis and Public Administration Projection*. 3(3). pp. 99–112. (In Russian).

31. Shestopal, E.B. (2005) Political Socialization and Resocialization in Modern Russia. *Politiya – Politeia*. 4. pp. 48–69. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2005-39-4-48-69

32. Reutov, E.V. (2012) “Naznachenie” gubernatorov v Rossii: itogi eksperimenta [“Appointment” of governors in Russia: the results of the experiment]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya – Belgorod State University Scientific bulletin. Via in tempore. History and political science*. 13(123). pp. 174–180.

33. Artamonov, A.D. (2017) *Vyzovy i otvety* [Challenges and Responses]. Moscow: Knizhnyy mir.

34. Shestopal, E.B. & Selezneva, A.V. (2012) Psychological analysis of Russian political class. *Vestnik RGNF – Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation*. 1. pp. 91–98. (In Russian).

УДК 321.02

DOI: 10.17223/1998863X/61/25

Т.А. Подшибякина

ДИФФУЗИЯ ПОЛИТИКИ: ТЕОРИИ, ПОНЯТИЕ, ПРАКТИКИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-011-00906 А).

В статье приводится аналитический обзор публикаций по проблемам диффузии политики, широко представленных в мире и лишь незначительно в России. Целью работы является оценка современного состояния исследования политической диффузии и определение его перспективных направлений с позиций различных теоретико-методологических подходов, особых факторов российского случая. Результатом обобщения обзора станет определение особых условий распространения управленческих практик диффузии политики в России.

Ключевые слова: диффузия политики, политические инновации, теории инноваций

Введение

Как научить демократии? Вопрос не риторический. В российской истории инструментом конструирования демократического общества выступала модернизация, как правило, проводимая элитами «сверху», связанная с насилием, мобилизацией и принуждением. Распространение лучшего опыта демократических форм участия граждан в политике в так называемых развитых странах решается на принципиально иной, добровольной основе. Теоретическим обоснованием этих, чаще всего естественных, спонтанных процессов служат теории диффузии (распространения) инноваций, а в политической сфере – концепты «диффузии политики».

Россия в настоящее время переходит на качественно иной этап развития процесса демократизации на основе совершенствования сформированных правовых, политических и экономических институтов, и опыт западных стран именно такого свойства может оказаться не только интересным, но и полезным. Однако в России практически нет работ, релевантных теме диффузии политики, за исключением работы В.Я. Гельмана и Т.В. Ланкиной «Политические диффузии в условиях пространственно гибридного режима. Институциональное строительство и выборы мэров в городах России» [1], а также исследований А.Ю. Сунгурова диффузии инноваций в политической сфере [2] и политической инноватики на примере «фабрик мысли» [3], а также работы А.Н. Журавлева по проблеме диффузии политических нововведений [4]. В российских исследованиях понятие диффузии преимущественно связано с культурными, технологическими, идейными, правовыми инновациями. Ответить на вопрос об отсутствии социального запроса на политическую инноватику в России поможет аналитический обзор литературы, вышедшей за рубежом.

Целью работы является обзор публикаций по проблемам диффузии политики, анализ теоретико-методологических подходов, оценка современного

состояния исследования политической диффузии, определение его перспективных направлений и особых факторов российского случая.

Теоретико-методологическое обоснование диффузии политики

Направление диффузионизма объединяет несколько теорий инноваций (Э. Роджерс [5], Т. Хегерstrand [6], Д. Уокер [7]), общий смысл которых заключается в распространении ценностей, паттернов, образцов поведения из инновационных центров в иную культурную среду. Джек Уокер, один из основоположников направления политической инноватики, является автором трех наиболее цитируемых работ по теме диффузии инноваций в США, среди них самая известная его публикация «Распространение инноваций среди американских государств» [8]. Со времени появления программной статьи Д. Уокера было написано более 300 работ по теме политических инноваций в американской политике (Э. Грэм, Ч. Шипан, К. Волден, М. Ром, П. Петерсон, К. Шив, Р. Витмер, Ф. Бёмке, Э. Рюри, Б. Десмарайс, Д. Харден, А. Карч и С. Николсон-Кротти), и интерес к теме внедрения политических инноваций, как констатируют Фредерик Бёмке и Джулианна Пачеко, в настоящее время не снижается [9].

Политический диффузионизм, помимо теорий инноваций, опирается на собственные теоретические и концептуальные основания и представлен в основном публикациями, вышедшими в Швейцарии, Великобритании, Соединенных Штатах, Латинской Америке и Китае. Исследователи Швейцарии и Великобритании, наряду с учеными США, внесли основной вклад в обоснование понятия и выдвижение теорий диффузии политики, однако, по мнению Фабио Вассерфаллена, европейская государственная политика остается недостаточно изученной областью, хотя существуют идеальные условия для применения теорий и методов диффузии в отношении стран Евросоюза [10]. Основные темы, которым уделяется внимание в европейской литературе: являются ли попытки ЕС перенести свою политику и институты в присоединяющиеся и соседние страны устойчивыми и эффективными; в какой степени другие регионы мира подражают институциональным особенностям ЕС; каковы механизмы и условия их распространения [11]? Признавая необходимость интеграции литературы по европеизации в более широкую литературу по диффузии, Таня Берцель указывает на пределы диффузионных подходов, которые имеют тенденцию концентрироваться на институциональной конвергенции и изоморфизме, а не на вариациях институциональных результатов. Авторы констатируют определенное общее влияние ЕС на внутренние институциональные изменения в его соседстве и за его пределами, а также некоторое распространение институциональных моделей региональной интеграции ЕС во всем мире [12]. В Латинской Америке и Китае сложилась своя исследовательская традиция с акцентом на практическое применение концептов диффузии политики к анализу множества проблем (война, конфликты, демократия, нормы, политические идеи, предпочтения, экономические и социальные условия и различные виды политики).

Наибольшее число публикаций по проблеме диффузии политики вышло в США. В фокусе общей дискуссии находятся вопросы парадигмального характера: определение понятия, методов исследования, разработка теорий диффузии политики, а также применение теоретических подходов к анализу

сложившихся практик. Методология исследования диффузии различна по использованию научных подходов, сочетанию качественных и количественных методов, методик интерпретации полученных результатов. Фрэнсис Берри, и Уильям Берри предложили, опираясь на теорию организационных инноваций Мора, для объяснения нововведений правительства метод анализа истории событий (форма анализа объединенных временных рядов) [13]. Целый ряд работ посвящен концепции «*face to the bottom*» – гонки уступок таких авторов, как Э. Грэм, К. Шипан, К. Волден, М. Ром, П. Петерсон, Ф. Доббин, Б. Симмонс, Д. Гарретт. Брэди Бэйбек, Уильям Берри и Дэвид Сигел обосновали «стратегическую теорию распространения политики через межправительственную конкуренцию» [14].

Современное состояние исследования проблем диффузии политики

Наиболее проработанным и согласованным в научном дискурсе является понятие диффузии политики. Эрин Грэм, Чарльз Шипан и Крейг Волден в свое время задались вопросом: как происходит диффузия понятий, методологических подходов среди ученых, изучающих диффузию политики, ими было обобщено содержание 800 журнальных статей по этой теме в период с 1958 по 2008 г. Авторы выявили пять схожих терминов (диффузия, конвергенция, конкуренция, перенос политики, согласование) и констатировали, что в политической науке сложились свои термины, аналогичные понятию «диффузия политики», используется разная методология, что не позволяет ученым учиться друг у друга [15].

Чарльз Шипан и Крейг Волден в работе «Диффузия политики: семь уроков для ученых и практиков» на основе анализа более 1000 статей, включающих многочисленные эмпирические исследования, приводят следующее интегрированное определение диффузии политики: «В своей наиболее общей форме распространение политики определяется как выбор политики правительством, на который влияет выбор других правительств» [16. С. 788]. Что касается уроков диффузии политики, то они представлены авторами следующим образом: диффузия политики не является (просто) географической кластеризацией аналогичных политик; правительства конкурируют друг с другом; правительства учатся друг у друга; диффузия политики не всегда выгодна; политика и правительственные возможности важны для распространения; диффузия политики зависит от самой политики; децентрализация имеет решающее значение для распространения политики.

По мнению Фабрицио Жилярди, в научном дискурсе по темам диффузии политики уже «сложился определенный консенсус в отношении понятия «диффузия политики», и дальнейшее его совершенствование будет иметь не концептуальный, а схоластический характер. Реальная проблема, требующая изучения, – это операционализация понятия» [17. С. 5]. Операционализация диффузии политики, как выявил Фабрицио Жилярди путем мета-анализа литературы, проводится с использованием следующих индикаторов: географическая близость, совместное членство в организациях, успех политики, количество предыдущих последователей (адептов), торговые потоки [18]. Гэри Герц предложил соотносить индикаторы, полученные в результате операционализации понятия диффузии политики, с ее конкретными механизмами:

обучением, эмуляцией и конкуренцией [19]. Обсуждаются также критерии профессионализма, пола, идеологии, истории [13] и институциональных структур в качестве особых индикаторов. Практически исчерпавшими свой потенциал считаются пространственные показатели, широко применяемые ранее при исследовании международных отношений [20].

Одним из магистральных в политическом диффузионизме является направление, исследующее механизмы распространения политики и связанные с ними практики реализации [21]. В работе «Проблемы (и решения) в измерении механизмов распространения политики» Мартино Магgetti и Фабрицио Джиларди, проанализировав 114 публикаций, сгруппировали механизмы распространения политики в три большие категории: обучение, эмуляция и конкуренция [18]. Некоторые авторы, среди которых Фабрицио Жиларди [22], Фрэнк Доббин, Бет Симмонс и Джеффри Гарретт [23], называют еще одним механизмом диффузии политики принуждение, однако эта точка зрения не нашла широкой и безусловной поддержки в научном сообществе.

Отличительной чертой публикаций по политическому диффузионизму является широкое применение количественных и качественных эмпирических методов [24], приемов моделирования диффузных процессов [25] и, судя по динамике публикационной активности в этой области, эмпирические методы стали неотъемлемой частью апробирования и валидации теоретических выводов.

Направления дальнейшего исследования диффузии политики

Фабрицио Жиларди, один из самых авторитетных представителей политического диффузионизма, определил «четыре стратегии, которыми можно улучшить исследование распространения политики в политической науке: (1) последовательно использовать существующие концепции и улучшить их измерение, (2) прояснить, является ли целью улучшение понимания самой диффузии или использование исследований диффузии для объяснения других, (3) уделять больше внимания качеству дизайна исследования и (4) подробно обсуждать практические последствия диффузии. Взятые вместе, эти рекомендации прослеживают особый путь вперед для исследования распространения политики» [17. С. 8].

Перспективным направлением развития исследований в области диффузии политики может стать изучение каналов коммуникации, или сетевых механизмов распространения политики. Андрей Карч в области исследования диффузии государственной политики в качестве потенциальных выделяет следующие три основных вопроса, ждущих ответа. Во-первых, почему происходит распространение политики? Ответ на этот вопрос требует от ученых уделять больше внимания таким понятиям, как «имитация», «подражание» и «конкуренция». Во-вторых, какие политические силы способствуют или препятствуют распространению политики? Ответ на этот вопрос требует уделять больше внимания причинно-следственным механизмам заимствования политики. В-третьих, что распространяется? Ответ на этот вопрос требует более тщательно продумывать содержание государственной политики [26]. Распространение государственной политики иногда обозначают как вертикальную диффузию в процессе выработки политических решений или как механизм

выработки повестки дня [27]. Анелисса Лукас предлагает различать в диффузии государственной политики жесткие и мягкие инновации, механизмы принятия индивидуальных и коллективных решений [28].

Малоизученным является концепт «диффузных сетей», в качестве канала коммуникации обладающий собственными характеристиками и демонстрирующий определенные закономерности в своей динамике. Брюс Десмарайс, Джеффри Харден, Фредерик Бёмке [29] на примере распространения государственной политики США по диффузионным сетям, соединяющим штаты, провели анализ 187 политик и предложили модель распространения, позволяющую использовать эмпирические методы для установления динамической взаимосвязи между политическими акторами. Авторы предложили подход, рассматривающий диффузионные сети как самостоятельный фактор, имеющий свою структуру, состоящую из ассоциаций экспертов, чиновников, консультантов и ученых) [Там же]. Обособленной темой исследования является специфика региональных или профессиональных коммуникационных сетей, которые могут создавать отличительные диффузионные паттерны [30], социальных сетей [31], а также групп интересов [32].

Идеология всегда была привлекательной для исследователей диффузии политики, что нашло отражение во многих публикациях (Д. Батлер, К. Волден, А. Дайнс и Б. Шор [33], М. Тинг, Д. Карпентер [34], В. Круз-Асевес, Д. Маллинсон [35], Ф. Жилярди [22]). Будет ли государство копировать политику других государств во многом зависит от информации об идеологических предпочтениях государств – предыдущих последователей [36]; у идеологически подобных государств распространение идеологически ориентированной политики происходит через механизм обучения. Перспективным направлением исследования является поиск валидных и надежных способов измерения идеологической диффузии [35].

Формируется интерес к неинституализированным последователям распространяемой политики. Одним из малоизученных направлений исследования политической диффузии является рецепция как элемент модели диффузии в системе общественного мнения. Джон Заллер, исследовав политические аттитюды [37], предложил модель процесса, посредством которого политические взгляды распространяются через общественное мнение. Следуя работам Конверса и Макгуайра, он утверждает, что этот процесс зависит от вариаций индивидуального воздействия и восприятия информации как убедительной.

Заключение

Обзор литературы по проблеме диффузии политики позволяет сделать следующие выводы: ключевую роль в процессах диффузии политики играет принцип добровольности заимствований, проявляющийся в трех основных механизмах распространения – обучении, эмуляции, конкуренции. Особыми условиями востребованности исследования диффузии политики в России являются: зрелость объекта исследования – самостоятельности субъектов политики в выборе стратегий развития, что возможно лишь в условиях процесса дальнейшей демократизации в области политического управления; распространение практик диффузии политики как результат децентрализации в принятии политических решений. Власть в России всегда стремится контролировать даже свободные демократические процессы коммуникации, поэто-

му особое значение будут иметь принудительные механизмы диффузии политики. В качестве научной проблемы это может быть выражено через поиск обоснования способов управления политическими свободами, требующих перехода государственного управления от директивных форм на более сложный, опосредованный уровень взаимодействия с обществом.

Литература

1. Гельман В.Я., Ланкина Т.В. Политические диффузии в условиях пространственно гибридного режима. Институциональное строительство и выборы мэров в городах России // Политические исследования. 2007. № 6. С. 86–109.
2. Сунгууров А.Ю. Инновации и их диффузия: к возможности использования концепции в социально-политической сфере // Философские науки. 2010. № 1. С. 15–24.
3. Сунгууров А.Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. РОССПЭН, 2015. 283 с.
4. Журавлев А.Н. Диффузия политических нововведений как пространственный процесс : дис. ... канд. географ. наук. СПбГУ, 1993.
5. Rogers E.M. Diffusion of innovations. New York : Free Press, 2003. 551 p.
6. Hagerstrand T. Diffusion of innovation as the Aerial process. 1954.
7. Baumgartner F.R., Jack L. Walker Jr. 1969. "The Diffusion of Innovations Among the American States." American Political Science Review 63 (September): 880 – 99 Cited 482 times // American Political Science Review. 2006. Vol. 100, № 4. P. 672–672.
8. Walker J.L. The diffusion of innovations among the American states // American political science review. 1969. Vol. 63, № 3. P. 880–899.
9. Boehmke F.J., Pacheco J. Introduction to SPPQ Special Issue on Policy Diffusion. 2016.
10. Wasserfallen F. Policy diffusion and European public policy research // The Palgrave handbook of public administration and management in Europe. Palgrave Macmillan, London, 2018. P. 621–633.
11. Tanja A. Börzel & Thomas Risse. From Europeanisation to Diffusion: Introduction // West European Politics. 2012. 35:1. P. 1–19. DOI: 10.1080/01402382.2012.631310
12. Tanja A. Börzel & Thomas Risse. When Europeanisation Meets Diffusion: Exploring New Territory // West European Politics. 2012. 35:1. P. 192–207. DOI: 10.1080/01402382.2012.634543
13. Berry F.S., Berry W.D. State lottery adoptions as policy innovations: An event history analysis // American political science review. 1990. Vol. 84, № 2. P. 395–415.
14. Baybeck B., Berry W.D., Siegel D.A. A strategic theory of policy diffusion via intergovernmental competition // The Journal of Politics. 2011. Vol. 73, № 1. P. 232–247.
15. Graham E.R., Shipan C.R., Volden C. The communication of ideas across subfields in political science // PS: Political Science & Politics. 2014. Vol. 47, № 2. P. 468–476.
16. Shipan C.R., Volden C. Policy diffusion: Seven lessons for scholars and practitioners // Public Administration Review. 2012. Vol. 72, № 6. P. 788–796.
17. Gilardi F. Four ways we can improve policy diffusion research // State Politics & Policy Quarterly. 2016. Vol. 16, № 1. P. 8–21.
18. Maggetti M. and Gilardi F. Problems (and solutions) in the measurement of policy diffusion mechanisms // Journal of Public Policy. 2016. Vol. 36, № 1. P. 87–107. Available on CJO 2015. URL: <http://www.fabriziogilardi.org/resources/papers/Maggetti-Gilardi-JPP-2015.pdf> (accessed: 22.01.16).
19. Goertz G. Social Science Concepts. A User's Guide. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2006.
20. Desmarais B.A., Harden J.J., Boehmke F.J. Persistent policy pathways: Inferring diffusion networks in the American states // American Political Science Review. 2015. Vol. 109, № 2. P. 392–406.
21. Shipan C.R., Volden C. The mechanisms of policy diffusion // American journal of political science. 2008. Vol. 52, № 4. P. 840–857.
22. Gilardi F. Transnational diffusion: Norms, ideas, and policies // Handbook of international relations. 2012. Vol. 2. P. 453–477.
23. Dobbin F., Simmons B., Garrett G. The global diffusion of public policies: Social construction, coercion, competition, or learning? // Annu. Rev. Sociol. 2007. Vol. 33. P. 449–472.
24. Ward H., John P. Competitive learning in yardstick competition: Testing models of policy diffusion with performance data // Political Science Research and Methods. 2013. Vol. 1, № 1. P. 3–25.

25. Zhou S. *et al.* Understanding renewable energy policy adoption and evolution in Europe: The impact of coercion, normative emulation, competition, and learning // *Energy Research & Social Science*. 2019. Vol. 51. P. 1–11.
26. Karch A. Emerging issues and future directions in state policy diffusion research // *State Politics & Policy Quarterly*. 2007. Vol. 7, № 1. P. 54–80.
27. Karch A. Vertical diffusion and the policy-making process: The politics of embryonic stem cell research // *Political Research Quarterly*. 2012. Vol. 65, № 1. P. 48–61.
28. Lucas A. Public policy diffusion research: Integrating analytic paradigms // *Knowledge*. 1983. Vol. 4, № 3. P. 379–408.
29. Desmarais B.A., Harden J.J., Boehmke F.J. Persistent policy pathways: Inferring diffusion networks in the American states // *American Political Science Review*. 2015. Vol. 109, № 2. P. 392–406.
30. Gray V. Innovation in the states: A diffusion study // *American political science review*. 1973. Vol. 67, № 4. P. 1174–1185.
31. Mintrom M., Vergari S. Policy networks and innovation diffusion: The case of state education reforms // *The Journal of Politics*. 1998. Vol. 60, № 1. P. 126–148.
32. Garrett K.N., Jansa J.M. Interest group influence in policy diffusion networks // *State Politics & Policy Quarterly*. 2015. Vol. 15, № 3. P. 387–417.
33. Butler D.M. *et al.* Ideology, learning, and policy diffusion: Experimental evidence // *American Journal of Political Science*. 2017. Vol. 61, № 1. P. 37–49.
34. Volden C., Ting M.M., Carpenter D.P. A formal model of learning and policy diffusion // *American Political Science Review*. 2008. Vol. 102, № 3. P. 319–332.
35. Cruz-Aceves V.D., Mallinson D.J. Clarifying the Measurement of Relative Ideology in Policy Diffusion Research // *State and Local Government Review*. 2020. C. 0160323X20902818.
36. Grossback, Lawrence J., Sean Nicholson-Crotty, and David AM Peterson. Ideology and learning in policy diffusion // *American Politics Research*. 2004. Vol 32, issue 5. P. 521–545.
37. Zaller J.R. Diffusion of political attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 53, № 5. P. 821.

Tat'yana A. Podshibyakina, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation).
E-mail: tan5@bk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 254–262.

DOI: 10.17223/1998863X/61/25

POLICY DIFFUSION: THEORY, CONCEPT, PRACTICE

Keywords: policy diffusion; political innovation; theory of innovation

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-00906 A.

The article discusses the relevant problem of the spread of political innovation in world practice. The main research method is the analysis of publications on the problems of policy diffusion, widely represented in the world and only slightly in Russia. The work aims to review publications on the problems of policy diffusion, analyze theoretical and methodological approaches to its study, assess the current state of research on policy diffusion, determine its promising directions and special factors of the Russian case. The analysis of publications on policy diffusion shows that the focus of the general discussion is on issues of a paradigmatic nature: definition of the concept, research methods, development of theories of policy diffusion, and application of theoretical approaches to the analysis of existing practices. The most elaborated and coordinated in scientific discourse is the concept of policy diffusion, and the most significant problem that needs to be studied is the operationalization of the concept, taking into account the mechanisms of policy dissemination and related implementation practices. The directions of further research are the search for valid and reliable methods of measuring policy diffusion; the conceptualization of its practices; the study of its communicative mechanisms, such as “diffuse networks”; the study of non-institutionalized forms of policy reception. The generalization of the review allowed determining the special conditions for the demand for policy diffusion research in Russia: the maturity of the object of study, i.e., the independence of policy subjects in the choice of development strategies, which is possible only in the context of the further democratization in political governance; and the spread of policy diffusion practices as a result of decentralization in political decision-making. The authorities in Russia always strive to control even the free democratic processes of communication; therefore, mandatory mechanisms of policy diffusion will be of particular

importance. As a scientific problem, this can be expressed through the search for the justification of ways to manage political freedoms; these ways assume that public administration goes to a more complex level of interaction with society.

References

1. Gelman, V.Ya. & Lankina, T.V. (2007) Political diffusion under the conditions of a spatially mixed regime. Institution-building and election of city mayors in Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 86–109. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2007.06.09
2. Sungurov, A.Yu. (2010) Innovations and their Diffusion: To the Possibility of Using a Conception in the Social and Political Sphere. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 1. pp. 15–24. (In Russian).
3. Sungurov, A.Yu. (2015) *Kak vznikayut politicheskie innovatsii: “fabriki mysli” i drugie instituty-mediatori* [How political innovations arise: “thought factories” and other mediating institutions]. Moscow: ROSSPEN.
4. Zhuravlev, A.N. (1993) *Diffuziya politicheskikh novovvedeniy kak prostranstvennyy protsess* [Diffusion of political innovations as a spatial process]. Geography Cand. Diss. St. Petersburg.
5. Rogers, E.M. (2003) *Diffusion of Innovations*. 5th ed. New York: Free Press.
6. Hagerstrand, T. (1954) *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. [s.l., s.n.].
7. Baumgartner, F.R. & Walker, J.L.Jr. (2006) The Diffusion of Innovations Among the American States. *American Political Science Review*. 100(4). pp. 672–672.
8. Walker, J.L. (1969) The diffusion of innovations among the American states. *American Political Science Review*. 63(3). pp. 880–899.
9. Boehmke, F.J. & Pacheco, J. (2016) Introduction to SPPQ Special Issue on Policy Diffusion. *State Politics & Policy Quarterly*. 16(1) pp. 3–7. DOI: 10.1177/1532440015610366
10. Wasserfallen, F. (2018) Policy diffusion and European public policy research. In: Ongaro, E. & Van Thiel, S. (eds) *The Palgrave Handbook of Public Administration and Management in Europe*. London: Palgrave Macmillan.
11. Börzel, T.A. & Risse, T. (2012a) From Europeanisation to Diffusion: Introduction. *West European Politics*. 35(1). pp. 1–19. DOI: 10.1080/01402382.2012.631310
12. Börzel, T.A. & Risse, T. (2012b) When Europeanisation Meets Diffusion: Exploring New Territory. *West European Politics*. 35(1). pp. 192–207. DOI: 10.1080/01402382.2012.634543
13. Berry, F.S. & Berry, W.D. (1990) State lottery adoptions as policy innovations: An event history analysis. *American Political Science Review*. 84(2). pp. 395–415.
14. Baybeck, B., Berry, W.D. & Siegel, D.A. (2011) A strategic theory of policy diffusion via intergovernmental competition. *The Journal of Politics*. 73(1). pp. 232–247.
15. Graham, E.R., Shipan, C.R. & Volden, C. (2014) The communication of ideas across subfields in political science. *PS: Political Science & Politics*. 47(2). pp. 468–476.
16. Shipan, C.R. & Volden, C. (2012) Policy diffusion: Seven lessons for scholars and practitioners. *Public Administration Review*. 72(6). pp. 788–796. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2012.02610.x
17. Gilardi, F. (2016). Four ways we can improve policy diffusion research. *State Politics & Policy Quarterly*. 16(1). pp. 8–21. DOI: 10.1177/1532440015608761
18. Maggetti, M. & Gilardi, F. (2015) Problems (and solutions) in the measurement of policy diffusion mechanisms. *Journal of Public Policy*, [Online] Available from: <http://www.fabriziogilardi.org/resources/papers/Maggetti-Gilardi-JPP-2015.pdf> (Accessed: 22nd January 2016).
19. Goertz, G. (2006) *Social Science Concepts. A User's Guide*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
20. Desmarais, B.A., Harden, J.J. & Boehmke, F.J. (2015) Persistent policy pathways: Inferring diffusion networks in the American states. *American Political Science Review*. 109(2). pp. 392–406. DOI: 10.1017/S0003055415000040
21. Shipan, C. R., & Volden, C. (2008). The mechanisms of policy diffusion. *American Journal of Political Science*. 52(4). pp. 840–857. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2008.00346.x
22. Gilardi, F. (2012) Transnational diffusion: Norms, ideas, and policies. *Handbook of International Relations*. 2. pp. 453–477. DOI: 10.4135/9781446247587.n18
23. Dobbin, F., Simmons, B. & Garrett, G. (2007) The global diffusion of public policies: Social construction, coercion, competition, or learning? *Annual Review of Sociology*. 33. pp. 449–472. DOI: 10.1146/annurev.soc.33.090106.142507
24. Ward, H. & John, P. (2013) Competitive learning in yardstick competition: Testing models of policy diffusion with performance data. *Political Science Research and Methods*. 1(1). pp. 3–25. DOI: 10.1017/psrm.2013.1

25. Zhou, S., Matisoff, D. C., Kingsley, G.A. & Brown, M.A. (2019) Understanding renewable energy policy adoption and evolution in Europe: The impact of coercion, normative emulation, competition, and learning. *Energy Research & Social Science*. 51. pp. 1–11. DOI: 10.1016/j.erss.2018.12.011
26. Karch, A. (2007). Emerging Issues and Future Directions in State Policy Diffusion Research. *State Politics & Policy Quarterly*. 7(1). pp. 54–80. DOI: 10.1177/153244000700700104
27. Karch, A. (2012) Vertical Diffusion and the Policy-Making Process: The Politics of Embryonic Stem Cell Research. *Political Research Quarterly*. 65(1). pp. 48–61. DOI: 10.1177/1065912910385252
28. Lucas, A. (1983) Public policy diffusion research: Integrating analytic paradigms. *Knowledge*. 4(3). pp. 379–408. DOI: 10.1177/107554708300400303
29. Desmarais, B.A., Harden, J.J. & Boehmke, F.J. (2015) Persistent policy pathways: Inferring diffusion networks in the American states. *American Political Science Review*. 109(2). pp. 392–406. DOI: 10.1017/S0003055415000040
30. Gray, V. (1973) Innovation in the states: A diffusion study. *American Political Science Review*. 67(4). pp. 1174–1185. DOI: 10.2307/1956539
31. Mintrom, M. & Vergari, S. (1998) Policy networks and innovation diffusion: The case of state education reforms. *The Journal of Politics*. 60(1). pp. 126–148. DOI: 10.2307/2648004
32. Garrett, K.N. & Jansa, J.M. (2015) Interest Group Influence in Policy Diffusion Networks. *State Politics & Policy Quarterly*. 15(3). pp. 387–417. DOI: 10.1177/1532440015592776
33. Butler, D.M., Volden, C., Dynes, A.M. & Shor, B. (2017) Ideology, learning, and policy diffusion: Experimental evidence. *American Journal of Political Science*. 61(1). pp. 37–49. DOI: 10.1111/ajps.12213
34. Volden, C., Ting, M.M. & Carpenter, D.P. (2008) A formal model of learning and policy diffusion. *American Political Science Review*. 102(3). pp. 319–332. DOI: 10.1017/S0003055408080271
35. Cruz-Aceves, V.D. & Mallinson, D.J. (2020) Clarifying the Measurement of Relative Ideology in Policy Diffusion Research. *State and Local Government Review*. S. 0160323X20902818. DOI: 10.1177/0160323X20902818
36. Grossback, L.J., Nicholson-Crotty, S. & Peterson, D.A.M. (2004) Ideology and learning in policy diffusion. *American Politics Research*. 32(5). pp. 521–545. DOI: 10.1177/1532673X04263801
37. Zaller, J.R. (1987) Diffusion of political attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*. 53(5). p. 821. DOI: 10.1037/0022-3514.53.5.821

УДК 321.01; 323

DOI: 10.17223/1998863X/61/

А.И. Соловьев

КОНФЛИКТНЫЕ ГРАНИ КУЛЬТУРНОГО ПОЛЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Практикуемое правящим режимом привилегированное распределение общественных благ и ресурсов формирует новые источники культурной антитезы как ценностям демократии, так и нормам официального институализма. Одновременно в рамках традиционалистской субкультуры активизируются антропные механизмы этологического подчинения власти, разрушающие ее гуманистические основания. Эти тенденции подрывают целостность социума и общественную солидарность, обостряют конфликты в культурном поле политики и усиливают нелинейный характер будущего развития российского государства.

Ключевые слова: политическая культура, правящий режим, принятие государственных решений, демократия, механизмы этологического подчинения власти, общественная солидарность

Постсоветский генезис поля политики

Как известно, состояние массовой политической культуры позволяет надежно судить о потенциале и траекториях развития политического порядка. Особенно в условиях кризиса. Будучи весьма рутинным образованием, она формирует партийно-политические пристрастия людей, идентификационные модели, степень лояльности к действующим институтам, характер поддержки или оспаривания государственных решений и другие смыслозначимые интенции, покоящиеся на фундаменте ценностных ориентаций и верований, задающих понимание общественного и индивидуального опыта, прав и возможностей в сфере власти. Соотнесенные с течением всей человеческой жизнедеятельности, эти приоритетные для индивида «референтные рамки действий» (Т. Парсонс) и формируют тот внутренний ориентационно-деятельный каркас, который не меняется подчас даже под влиянием важных для его жизни событий.

Неудивительно поэтому, что, несмотря на мощные постсоветские трансформации, массовая политическая культура сохранила как свою внутреннюю интерференцию, так и основные разрывы между традиционалистскими (с их властечетричностью, ресентиментом, чванливой имперскостью, мессианством и склонностью к агрессивным формам защиты собственной «правды») [1. С. 21] и демократическими субкультурами, утверждающими приоритеты свободы и прав человека (см: [2–7]). На этом фоне подвижные состояния массового сознания (оценки реальной политики, запросы на перемены, проявления лояльности властям или же чувства стыда за проводимую ими поли-

тику и т.д.)¹ не только сохраняют неоднозначную корреляцию с политическим участием, но и оказываются неспособными изменить конфигурацию ценностных установок человека.

Однако несмотря на внутреннюю пластичность сочетания глубинных смыслов с обусловленными контекстом формами поведения, политическая культура сохраняет все возможности для саморазвития. Как свидетельствует ряд научных подходов (социокультурного институционализма, антропной гносеологии, биополитики и др.), поиск смыслов и выработка ценностных ориентиров в сфере политики (а равно и рекомбинация культурных параметров), прежде всего, обретают ту или иную динамику под влиянием властной (организационной) среды и характера политических коммуникаций, непосредственно обуславливающих выполняемые людьми функционально-ролевые нагрузки.

С этой точки зрения последние полтора десятилетия стали мощным импульсом порождения новых конфликтов и тенденций в культурном поле политики. Причем, как представляется, важнейшим источником культурных трансформаций стали конструкции правящего режима и, прежде всего, конституализация закрытой зоны принятия ключевых государственных решений, влияющих на «ход событий» и основные траектории общественного развития [8]. Наследуя ряд привычных для элитарных слоев тенденций (в том числе использование неформальных коммуникаций, которые так или иначе «противостоят государственному управлению» [9]), сетевые коалиции правящего класса в первое десятилетие нулевых окончательно сформировали локальную политико-административную структуру, использующую прерогативы и символы государства в целях распределения (перераспределения) общественных благ в интересах коррумпированных чиновников, политиков и аффилированных с властью крупных бизнесменов.

Перестроив основные финансово-экономические потоки (породившие беспрецедентную в истории страны социальную дифференциацию) и последовательно колонизировав публичные институты, сетевые коалиции не только изменили функционал последних (сведя их основные задачи к снижению транзакционных издержек распределительной политики и охране доминирующих сетей), но и вытеснили на периферию все формы гражданского контроля, лишив партии, гражданские структуры и механизмы онлайн-делиберации возможностей фактического влияния (оспаривания) на цели правительства. Став основным средством распределения общественных благ, межсетевые коммуникации правящей элиты (превратившей желания бенефициаров в императив политической целесообразности) оставили за разделением властей, самостоятельностью публичных институтов и особой ролью судебных органов лишь символические очертания. Даже представительные органы оказались встроенными в новые порядки, превратившись (вместе с системной оппозицией) в инструмент дополнительного давления власти на общество и продвижения интересов сетевых сообществ.

Одним словом, закрытая от общества (и даже многих административных органов) зона принятия ключевых решений, по сути, превратилась в механизм *отчуждения* общественных ресурсов в пользу узкого круга привилеги-

¹ См. например: <https://www.newsru.com/blog/28dec2020/isterika.html>; <https://www.inopressa.ru/article/28dec2020/wsj/putinnewyear.html> и др.

рованных группировок. Основным источником воспроизводства этого властно-распорядительного механизма были и остаются личные интересы доминирующей группы лиц, которые не хотят делиться с абстрактным «обществом» никакими ресурсами. И хотя СМИ пестрят материалами об умопомрачительной собственности политиков, чиновников и предпринимателей, работающих с государственными активами, у властей и судебных органов отсутствует воля для разбирательства этих фактов.

Существенным инструментом укрепления политического порядка, оказывающим влияние на все общество, является и информационная активность властей. Поддерживая имидж государства, сопереживающего проблемам населения, власти применяют разнообразные «контрриторические стратегии», направленные на умиротворение общества, отвлечение граждан от принципиальных вопросов социального развития, что в итоге снимает запрос общества на прозрачность политики, честность и справедливость правления [10]. Параллельно действуют и мощные пропагандистские центры, уверяя граждан в их непоколебимом суверенитете, но при этом дискредитируя несогласных, распространяя фальшивые ценности и используя фейки в целях «очернения оппонентов» и стремления «убедить... граждан в... необходимости следовать обозначенному... курсу» [11. С. 21]. Как полагает С. Холмс, для такой правящей элиты общество утратило статус доверяющей и контролирующей ее силы, в результате чего власть не управляет обществом, а просто игнорирует его запросы, занимаясь перераспределением благ в своих интересах [12].

Культурные следствия режимных трансформаций в российском обществе

Основные проявления сетевого механизма правления (институциональная коррупция, нарушение принципов социальной справедливости, избирательное правоприменение, ужесточение регулирования общественно-политической активности населения, сокращение прав граждан, ограничения общественных расследований злоупотреблений властью и т.д.) существенно изменили политико-организационную среду формирования культурных конструкций¹. Ряд ученых связывает это с «исчерпанием» общественного договора, (предполагающего «обмен экономической и политической стабильности на монопольное право властей на управление»), заключенного с властью в начале нулевых [14. С. 103]. Однако протестные акции 2011–2021 гг. показали, что катализаторами общественного напряжения становятся и реакция населения на недопредставленность интересов, потребность людей в граж-

¹ Показательно, что в исследованиях византийской культуры обнаруживается целый ряд черт политических порядков, отблески которых можно обнаружить и в нынешней политической системе России (например, жестко централизованную систему принудительного регулирования, при которой правящий класс объединяла лишь «императорская персона», а наибольшим влиянием обладали «ближайшие», т.е. «высшие чиновники», ответственные не перед законом, а перед императором; «взятничество», которое превратилось в норму «поведения... чиновников», а «господин и судья, богач и бедняк несли разные наказания за одни и те же преступления»; «неограниченное право» первых лиц «по отношению к каждому отдельному подданному» и где культ императора (являвшегося не только верховным судьей, но и высшим «законодателем, ...воплощенным законом») превращался в элемент «государственной религии», а его «коронация автоматически смывала все грехи...» и др.). [13. С. 12; 106; 107; 110; 123].

данском самоуважении, критическое отношение к несменяемости власти и праву последней самостоятельно проводить границу между законом и беззаконием. В таких условиях люди все больше убеждаются в том, что их жизнь становится похожа «на игру... в которой один из игроков... ведет себя, не раскрывая... карт», и потому «ненадежность становится перманентной», а жизнь в обществе «все меньше воспринимается как связанная... законами и соблюдающая законы» [15. С. 148].

Однако пренебрежение властями правами «бесполезной общественности» и незаинтересованность в поиске общественного консенсуса порождают неоднозначную реакцию населения, способствуя дальнейшей поляризации массовой политической культуры. Так, среди той части населения, которая выработала устойчивые антитела к демократическим ценностям и искренне считает, что «от нас ничего не зависит», нарастают пассивность, чувства «терпения-переживания», «выживания», «непротивления» [16. С. 123], разрастаются формы «терпеливого неравенства» [17. С. 60].

Однако под давлением «социально дозволенного» в этой культурной среде не только разрастается покорное восприятие «русской доли» с ее «гипертрофированным адаптивно-интеграционным началом», снижающим потребность людей в просвещении, индивидуальности, ответственности и гражданском самоуважении [18. С. 73]. Заметно актуализируются и действующие, помимо культурных норм, защитные механизмы социального существования человека – страх, агрессия и другие чувства, включающие механизмы прямого этологического подчинения и актуализирующие биологически заданные зависимости от центров доминирования. Иначе говоря, влияние «дисциплинирующей» среды разрывает внутреннюю «сцепленность» гуманистических, ментальных и витальных механизмов культуры, изменяя профиль ориентационных структур человека и создавая у него новые биосоциальные мотивационные ансамбли [19. С. 62].

По сути, «обучение» социума властной средой запускает в культурном пространстве традиционализма инверсионные механизмы, меняющие ментальные фильтры и систему кодирования общественного опыта человека в сторону уменьшения «родственного альтруизма», его внутренней кооперации с другими и усиления вовне направленной конкуренции (по отношению к носителям «другой» правды), свидетельствуя, таким образом, о его переходе на более автономные жизненные стратегии, сохраняющие приоритет врожденных форм активности [20. С. 16–17]. Эта редукция к биологическим основаниям защиты организма и увеличение витальных смыслов культурной активности не только сводят «суверенитет индивида до оснований его биологического существования» [20. С. 18] или модифицируют его идентификационные модели и поведенческие паттерны, но и трансформируют моральные ценности и даже травмируют рефлексивные механизмы (выдвигая на первый план – вместо соотнесения причин и следствий, индивидуального и коллективного опыта, рациональной интерпретации фактов – беспочвенные иллюзии и надежды).

Характерно, что такие культурные трансформации касаются и значительной части чиновников, которые будучи в большей степени приближены к центрам сетевого давления действуют уже не как «опосредующие власти» или «промежуточные тела» между государством и обществом (Ш. Мон-

тескье), а как группы, придерживающиеся «кодекса товарищества» и законов делового «братства», направляющих свою активность против «чужаков» и «конкурентов» [21. С. 93]. Руководствуясь биореакциями для защиты своих позиций (в виде формализма, угодничества, недоброжелательства, тщеславия, зависти и др.), они неизбежно отодвигают на второй план цели профессионального и продуктивного госрегулирования.

Одним словом, элитарные и массовые последствия дисциплинарного конструирования «биосоциальных» образований культурной активности не только оборачиваются разноликими формами «безответственного» правления. Можно видеть, как немалое число людей подделывает избирательные бюллетени, прикрывает лиц, совершивших противоправные поступки или нарушающих воинскую присягу; лжесвидетельствуют на политизированных судебных процессах; покорно позволяют «свозить» себя на проплаченные митинги и пассивно взирают на необоснованное насилие над мирно протестующими гражданами; сознательно распространяют фейки и дезинформацию и т.д. Такие факты свидетельствуют о результатах систематического растления людей, которым сетевые коалиции внушают нормы гражданской пассивности, преданности «своим» и циничного отношения к окружающим. В силу этого установка на самосохранение (вперемешку со страхом) на глазах превращается в фундаментальную ценность людей, отказывающихся и от своей индивидуальности, и от гуманистических норм и принципов жизнедеятельности в сложно организованном обществе.

Понятно, однако, что сетевая нормативистика провоцирует и иные изменения в культурном теле политики, отражающие актуализацию демократических ценностей и рост гражданской активности. Прежде всего, это заметно на примере самодостаточных групп граждан [22] и особенно молодежи¹, стремящихся, опираясь на собственные силы, защищать свое личное жизненное пространство от вмешательства государства. Активно используя инструменты «онлайн-солидарности» [23] и другие возможности публичного пространства, формирующие взаимные коммуникации помимо государства [24], эти группы населения демонстрируют потребность в активизации политической рефлексии и несогласии (что, впрочем, не исключает формирования различных контркультурных сообществ).

В результате общество сталкивается не с идейно-политическим разломом (сторонников либеральных, социалистических, национальных и прочих привязанностей или же ориентирами истеблишмента и основной массы населения), а с конфликтом субкультур, противостоящих друг другу в понимании более глубинных ценностей человеческой жизни. Покорности «русской доли» противостоит убежденность людей, отвергающих лекала властечетрич-

¹ Впрочем, надо иметь в виду, что эта активность обусловлена не только позициями той части молодежи, которая искренне впитала принципы свободы и демократии, но и ее универсальному стремлению выйти за рамки существующих (институциональных и организационных) ограничений с целью изменения различных параметров системы власти или же воспрепятствования различным изменениям в политических системах, в организации, обществе, культуре и даже в мировом сообществе, в которое она интегрирована [24]. К сожалению, власти слабо учитывают данный аспект, прочитывая активность молодежи лишь с точки зрения ее оппозиционного содержания. К примеру, бывший телеведущий, а ныне пресс-секретарь Роснефти М. Леонтьев считает, что в ближайшее время «Мы (государство. – А.С.) столкнемся с необходимостью лишить молодежь избирательных прав... Потому что иначе мы потеряем страну» [25].

ного общества и ориентированных на траектории самореализации, политически свободной жизнедеятельности. Так что если на рубеже веков социологи фиксировали наличие немалого числа людей, которые, чтобы «выжить... будут готовы адаптироваться к любому режиму и любой его перемене», то для новых поколений максима «жить трудно, но терпеть можно» показывает свои принципиальные ограничения [25. С. 174]. В этом смысле конфликт ценностей не желающих отказываться от своих прав поколений с ментальными конструкциями традиционалистского толка (соскальзывающими к антропным нормам жизнедеятельности) одновременно усугубляет разрыв между полюсами культурного поля и создает предпосылки для вытеснения гуманистических принципов за рамки политического пространства.

Неочевидные прогнозы

Чем и когда закончится спор несовместимых «культурных объектов», покажет жизнь. Пока же нарастающая между ними конфронтация провоцирует разрушение внутренней кооперации общества, тот «разрыв» социальной ткани (У. Бек), который разрушает общегражданскую солидарность, тот сакральный центр отечественной культуры и бытования, то «неразложимое единство» «мы», из которого вырастает «я» каждого россиянина [26. С. 159]. Причем попытки властей сплотить общество на фундаменте «национальной идеи» с использованием «образа (внешнего. – С.А.) врага» исключает позитивный потенциал для поддержания должного единства общества [27].

Поскольку в настоящее время не видно факторов, способных существенно изменить сложившийся стиль сетевого правления и принципы императивной координации, думается, в ближайшем будущем не стоит ожидать снижения в правящих кругах «безответственного» индивидуализма или покоящегося на принудительной лояльности «морального безразличия» людей и, как следствие, вытеснения из общественной жизни «публично-правовых отношений» [13. С. 122, 124]. Даже массовая депривация, обусловленная социально-экономическими проблемами, предопределяя известный уровень внутренней напряженности, скорее всего не будет иметь значимого для власти политического выхлопа.

Одним словом, сегодня «связанная с властью действительность», как и в прошлое историческое время, не расширяет демократические возможности и не создает «благоприятные условия для развития духовности человека» [28. С. 171]. И к этой оценке нельзя относиться как к абстрактной прокламации. Уместно вспомнить, что Т. Манн в разгар националистического угара в Германии писал, что немецкий народ пал жертвой «тотальной государственности» и «антидемократического отношения к политической и социальной сфере» в силу «высокомерного отношения к демократии» и «презрения к свободе», которая, сохранив в обществе «гибельный для культуры пробел», лишила его «гражданской и нравственной свободы» (цит. по: [29. С. 6–8]). К слову сказать, и сегодня европейские политики полагают, что к демократическим ценностям российские власти относятся как к «экзистенциальной угрозе» (Ж. Боррель).

Одним словом, сетевой характер применения власти, приучая людей к необходимости опираться на неформальные принципы предлагаемого порядка (причем даже там, где «сетевое влияние слабо, а ресурсы общедоступны»

[30. Р. 67]), формирует новые источники культурной антитезы не только принципам демократии и гуманистическим нормам, но и официальному институализму. Как итог – расширение пространства навязанного консенсуса, чреватого разрастанием напряженности и паттернов отчужденной культуры гражданственности. Однако в цифровом обществе не может повториться «кухонная» фронда советской эпохи. Так что культурные конфликты могут стать триггером политических испытаний.

Литература

1. Красиков С.А. Традиции в условиях нелинейного развития: фактор политического риска // Социология власти. М. : РАГС, 2008. № 5. С. 13–25.
2. Свобода. Неравенство. Братство. Социологический портрет современной России / под общ. ред. М.К. Горшкова. М. : ИСПАН, 2007. 414 с.
3. Готово российское общество к модернизации / под ред. М. Горшкова, Р. Крумма, Н. Тихоновой, М. : Весь мир, 2010. 344 с.
4. Глухова А.В. Постигание непостижимого (российская политика 2000-х годов в контексте глобальных и региональных процессов). Воронеж : ИСТОКИ, 2014. 411 с.
5. Латов Ю.В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Социс. 2019. № 2. С. 15–28.
6. Протестное движение в России в конце 2011 / Аналитический отчет Левада-центра. М., 2012. URL: <https://www.levada.ru/2012/11/18/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg-2012/>
7. Опрос Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ «Россияне в условиях пандемии: от кризиса и тревоги к настроениям „мирного“ времени» (2020). URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/399724982.html>
8. Zahariadis N. Setting the agenda on agenda setting: definitions, concepts and controversies // Handbook of Public Policy Agenda Setting / ed. by N. Zahariadis. Department of International Studies, Rhodes College, USA, Handbook of research on Public Policy, Cheltenham, UK, Northampton, MA. USA, 2016. P. 1–24.
9. Silke A., Kreisi H. The Network Approach // Theories of the Policy Process / ed. by P.A. Sabatier. Boulder : Westview Press. 2nd ed. 2007. P. 129–154.
10. Ibarra P.R., Kitsuse J.I. Claims-making discourse and vernacular resources // Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems / ed. by G. Miller, J.A. Holstein. Hawthorne, N.Y. : Aldine de Gruyter. 2003. P. 17–50;
11. Распопова С.С., Богдан Е.Н. Фейковые новости. М. : Аспект пресс, 2018. 112 с.
12. Holmes S. What Russia teaches us now: How weak states threaten freedom // The structure of the Soviet Union. Essays and documents / ed. by R.G. Suny. New York ; Oxford, 2003. P. 564–573.
13. Каждан А.П. Византийская культура. СПб. : Алетея, 2006. 280 с.
14. Петухов В.В. Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Полис. 2020. № 6. С. 103–118.
15. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. 148 с.
16. Яницкий О. Социология риска. М. : РАГС, 2003. 191 с.
17. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
18. Глебова И.И. Ранний постсоветизм в политико-историческом контексте. М. : ИНИОН, 2006. 259 с.
19. Олескин А.В. Биополитика. М. : МГУ, 2001. 423 с.
20. Алексеенкова Е.С. О когнитивной природе власти (или о том, как соотносятся власть и демократия) // Политика. № 4 (43). Зима 2006–2007. С. 6–21.
21. Бочаров В.В. Российская власть в политико-антропологической перспективе // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 92–103.
22. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40–53.
23. Юдина Е.Н., Алексеенко И.В. Солидарность в социальных сетях // Коммуникология. 2020. Т. 8, № 1. С. 114–127.
24. Сауткина В.А. Общественный запрос общества на солидарность: историческая ретроспектива и современная реальность // Южно-Российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 2. С. 70–85.

25. Левада Ю. От мнений к пониманию (социологические очерки 1993–2000 гг.). М. : Издатель Карпов, 2011. 506 с.
26. Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. 736 с.
27. Селезнева А.В. Ценностные основания национально-государственной идентичности // Вестник российской нации. 2017. № 4. С. 82–94.
28. Ильин И.А. Путь духовного обновления. Мюнхен, 1962. 267 с.
29. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М. : РОССПЭН, 2006. 167 с.
30. Ledeneva A.V. Can Russia Modernise ? Sistema, Pover Networks and Informal Governance. Cambridge University Press, 2013. 314 p.

Alexander I. Solovyev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: solovyev@spa.msu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 263–271.

DOI: 10.17223/1998863X/61/26

CONFLICT FACETS OF THE CULTURAL FIELD OF RUSSIAN POLITICS

Keywords: political culture; ruling regime; state decision-making; democracy; mechanisms of ethological subordination to power; public solidarity

The article reveals the relevant features of the Russian society's mass political culture dynamics. In this context, it is shown that, being an ordinary phenomenon, political culture transforms its value-oriented structures only under the influence of basic political transformations which determine the society's immediate environment. The restricted area of public administration, related to key policy decisions and dominated by interests affiliated with the government of the beneficiaries and corrupt practices, is considered to be the main factor shaping the social order and the organizational and political environment of the Russian population. Having become the most important means of resource allocation, network communications (supported by informational and symbolic means) have a systematic impact on the inhabitants of the country, trying to accustom people to informal methods of mastering public resources and to a cynical attitude to public requests. The proposed sociopolitical orders reinforce the basic value-orientation fractures of political culture. On the one hand, this contributes to the expansion of traditionalist, power-centric identification models that strengthen feelings of "patient inequality" and constantly slip to anthropic (activating fear, aggression, etc.) orientation mechanisms. These mechanisms evoke direct ethological subordination and biologically determined dependence on the centers of dominance. In the state bureaucracy, these mental changes give rise to many forms of irresponsible governance. On the other hand, the "disciplining" pressure of elite networks provokes an increase in the activity of young people and civil activists who are guided by the values of democracy and the priorities of human rights. As a result, the norms of network governance that corrupt people's consciousness and claim to be universal form new sources of cultural antithesis not only to the principles of democracy and humanism, but also to official institutionalism. As a result, social solidarity is declining in Russian society and the space of imposed consensus is expanding, which may lead to the growing tensions and patterns of an alienated civic culture.

References

1. Krasikov, S.A. (2008) Traditsii v usloviyakh nelineynogo razvitiya: faktor politicheskogo riska [Traditions in conditions of nonlinear development: the factor of political risk]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 5. pp. 13–25.
2. Gorshkov, M.K. (ed.) (2007) *Svoboda. Neravenstvo. Bratstvo. Sotsiologicheskii portret sovremennoy Rossii* [Freedom. Inequality. Brotherhood. Sociological portrait of modern Russia]. Moscow: IS RAS.
3. Gorshkov, M., Krumm, R. & Tikhonov, N. (2010) *Gotovo rossiyskoe obshchestvo k modernizatsii* [Russian society is ready for modernization]. Moscow: Ves' mir.
4. Glukhova, A.V. (2014) *Postizhenie nepostizhimogo (rossiyskaya politika 2000-kh godov v kontekste global'nykh i regional'nykh protsessov)* [Comprehension of the incomprehensible (Russian politics of the 2000s in the context of global and regional processes)]. Voronezh: ISTOKI.
5. Latov, Yu.V. (2019) Ideologicheskie vektory i skalyary deystviy storonnikov peremen [Ideological vectors and scalars of actions of supporters of change]. *So-tsis – Sociological Studies*. 2. pp. 15–28.

6. Levada. (2012) *Protestnoe dvizhenie v Rossii v kontse 2011* [Protest movement in Russia at the end of 2011]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2012/11/18/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg-2012/>
7. The Center for the Study of Civil Society and the Non-Profit Sector of the Higher School of Economics. (2020) *Opros Tsentra issledovaniya grazhdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora NIU VShE "Rossiyane v usloviyakh pandemii: ot krizisa i trevogi k nastroyeniym "mirnogo vremeni"* [Survey by the Center for the Study of Civil Society and the Non-Profit Sector of the Higher School of Economics "Russians in a Pandemic: from Crisis and Anxiety to Moods of a "Peaceful Time"]. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/news/expertise/399724982.html>
8. Zahariadis, N. (2016) Setting the agenda on agenda setting: definitions, concepts and controversies. In: Zahariadis, N. (ed.) *Handbook of Public Policy Agenda Setting*. Department of International Studies, Rhodes College, USA, Handbook of research on Public Policy, Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2016. pp. 1–24.
9. Silke, A. & Kreisi, H. (2007) The Network Approach. In: Sabatier, P.A. (ed.) *Theories of the Policy Process*. 2nd ed. Boulder: Westview Press. pp. 129–154.
10. Ibarra, P.R. & Kitsuse, J.I. (2003) Claims-making discourse and vernacular resources. In: Miller, G. & Holstein, J.A. (eds) *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems*. Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter. pp. 17–50.
11. Raspopova, S.S. & Bogdan, E.N. (2018) *Feykovye novosti* [Fake news]. Moscow: Aspekt press.
12. Holmes, S. (2003) What Russia teaches us now: How weak states threaten freedom. In: Suny, R.G. (ed.) *The structure of the Soviet Union. Essays and documents*. New York; Oxford: Oxford University Press. pp. 564–573.
13. Kazhdan, A.P. (2006) *Vizantiyskaya kul'tura* [Byzantine culture]. St. Petersburg: Aleteyya.
14. Petukhov, V.V. (2020) The Request for Change: Political and Value Dimension. *Polis – Polis. Political Studies*. 6. pp. 103–118. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.06.08
15. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [The Liquid Modernity]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
16. Yanitskiy, O. (2003) *Sotsiologiya riska* [Sociology of Risk]. Moscow: RAGS.
17. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the Way to Another Modernity]. Translated from German. Moscow: Progress-traditsiya.
18. Glebova, I.I. (2006) *Ranniy postsovetizm v politiko-istoricheskom kontekste* [Early post-Sovietism in a political and historical context]. Moscow: INION.
19. Oleskin, A.V. (2001) *Biopolitika* [Biopolitics]. Moscow: MSU.
20. Alekseenkova, E.S. (2006–2007) O kognitivnoy prirode vlasti (ili o tom, kak sootnosyatsya vlast' i demokratiya) [On the cognitive nature of power (or how power and democracy are related)]. *Politiya – Politeia*. 4(43). pp. 6–21.
21. Bocharov, V.V. (2011) Russian power in politico-anthropological perspective. *Polis. Politicheskije issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 92–103. (In Russian).
22. Petukhov, V.V. (2018) Dynamics of the Social Attitudes of the Russia's Citizens and Making of a Public Demand for Change. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 11. pp. 40–53. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250002784-5
23. Yudina, E.N. & Alekseenko, I.V. (2020) Solidarnost' v sotsial'nykh setyakh [Solidarity in social networks]. *Kommunikologiya*. 8(1). pp. 114–127.
24. Sautkina, V.A. (2019) Public Request for Solidarity: Historical Retrospective and Modern Reality. *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk – South-Russian Journal of Social Sciences*. 20(2). pp. 70–85. (In Russian). DOI: 10.31429/26190567-20-2-70-85
25. Levada, Yu. (2011) *Ot mneniy k ponimaniyu (sotsiologicheskie ocherki 1993–2000gg.)* [From Opinions to Understanding (sociological essays 1993–2000)]. Moscow: Izdatel' Karpov.
26. Frank, S.L. (1996) *Russkoe mirovozzrenie* [Russian worldview]. St. Petersburg: Nauka.
27. Selezneva, A.V. (2017) Tsenostnye osnovaniya natsional'no-gosudarstvennoy identichnosti [Value foundations of national-state identity]. *Vestnik Rossiyskoy natsii – Bulletin of Russian Nation*. 4. pp. 82–94.
28. Ilin, I.A. (1962) *Put' dukhovnogo obnoveniya* [The path of spiritual renewal]. Munich: [s.n.].
29. Pivovarov, Yu.S. (2006) *Russkaya politika v ee istoricheskom i kul'turnom otnosheniyakh* [Russian politics in its historical and cultural relations]. Moscow: ROSSPEN.
30. Ledeneva, A.V. (2013) *Can Russia Modernise ? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge University Press.

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 101.1

DOI: 10.17223/1998863X/61/27

П.Н. Барышников

МОЖЕТ ЛИ МАТЕМАТИКА БЫТЬ ПОДОБНОЙ ХОЛЕСТЕРОЛУ?¹

Рецензия на книгу: Хакинг Я. Почему вообще существует философия математики? / пер. с англ. В.В. Целищева. Сер. Библиотека аналитической философии. Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 400 с.

Работа представляет собой рецензию на книгу: Хакинг Я. Почему вообще существует философия математики? / пер. с англ. В.В. Целищева. Сер. Библиотека аналитической философии. – Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 400 с. Данная рецензия преследует несколько целей: остенсивную, экспликативную и интерпретативную: во-первых, рецензия призвана указать русскоязычному читателю, что благодаря талантливому переводу существует возможность соприкоснуться с необычным и крайне актуальным философским текстом. Во-вторых, в тексте описан структурный и тематический каркас книги, позволяющий разобраться в «лабиринте» авторских отсылок, примеров и сюжетных ответвлений. В-третьих, автор рецензии интерпретирует ключевые антагонистические пары, по сути соглашаясь авторским антропоцентрическим измерением онтологических проблем математики. Свободный стиль рецензии полностью соответствует тональности рассматриваемого текста. Ключевые слова: философия математики, платонизм, реализм, интуитионизм, конструктивизм, чистая математика, приложения математики

Перечитывая заголовок рецензии, я отдаю себе отчет, что такого рода название может вызывать читательские опасения по поводу академичности представляемого материала. Обычно парадоксальные игровые названия размещены на обложках книг в жанре научно-популярной или бизнес-литературы. Здесь же ситуация иная. Такой легкий ироничный стиль – неотъемлемая часть представленного в данной рецензии произведения. Полагаю, что читателя необходимо погрузить в стилистический контекст и общую тональность книги с первых же слов.

Из не очень обширных биографических источников известно, что Ян Хакинг (род. 1936) – канадский исследователь, профессор философии Университета Торонто, работавший во второй половине XX в. в различных университетах Европы и США. Я. Хакингу принадлежит ряд исследований по проблемам философии языка, модальной логики, философии математики и общей философии науки. Автор является обладателем множества академиче-

¹ В названии рецензии использована прямая цитата из книги: Хакинг Я. Почему вообще существует философия математики? / пер. с англ. В.В. Целищева. Сер. Библиотека аналитической философии. Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. С. 90.

ских премий и наград, а также первым англофоном в истории Collège de France, получившим пожизненную должность профессора. За работы в области философии науки Хакинга часто причисляют к членам «Стэнфордской школы», в то время как сам автор называет себя кембриджским аналитическим философом.

Если рассмотреть ряд работ Я. Хакинга, то можно увидеть условное стилистическое деление названий на два класса: строгие и плутовские. Например, строгие: «Логика статистического вывода» (1965), «Возникновение вероятности» (1975), «Введение в вероятность и индуктивную логику» (2001); плутовские: «Укрощение случая» (1975), «Переписывание души» (1995), «Сумасшедшие странники» (1998). Несомненно, работа «Почему вообще существует философия математики?» обозначена названием из второго класса. При этом плутовской тон несколько не умаляет серьезность поднимаемых проблем. В этом, на мой взгляд, проявляется легкость и сила авторского стиля мышления. Вместо тяжеловесного и скрупулезного выведения тезисов из аргументов Я. Хакинг создает «виртуальную» область из имен собственных и метафор, в которой и происходит быстрый переход с уровня на уровень от одной оппозиции к другой. Автор, говоря о символическом языке математики и об онтологических свойствах математических означаемых, приглашает читателя в свою собственную языковую игру. Поэтому уже в оглавлении читатель встречает очень специфичные и интригующие названия глав и параграфов, например: «Пирсы: отец и сын», «Нейробиологическая реторта», «Платон!», «Доказательство разжалованное», «Таким уж уродился» и т.п. Остается только догадываться о языковых преградах, которые пришлось преодолеть переводчику.

Переводчик (В.В. Целищев), обладая экспертными знаниями в области философии математики, в конце русскоязычного издания публикует послесловие, в котором дает широкий обзор рассматриваемых Хакингом проблем, что делает данную рецензию отчасти избыточной. Легкий эффект обманутых ожиданий я испытал, когда в послесловии переводчика не встретил ни слова о трудных местах для перевода. Учитывая количество ссылок на первоисточники и вставок в тексте на английском, французском и немецком языках, полагаю, что таких мест было в избытке. Но эта ремарка относится скорее к моим личным лингвистическим интересам, чем к характеристике книги. Из технических недочетов укажу лишь на некоторое количество опечаток и ошибочный перевод слова «теерее». В тексте «теерее» переведено как «юрта», в то время как юрта и типи — это два принципиально разных жилища кочевых народов. Хакинг, говоря о моделях жесткости, противопоставляет фиксированный каркас вигвама подвижной рамке типи. Юрта тоже обладает фиксированным каркасом. Так что при таком переводе авторское противопоставление смазывается. Разумеется, эти недочеты несколько не умаляют достоинства перевода всего удивительного текста.

Сам автор себя представляет как аналитического философа. Возможно, отсюда — страсть к прояснению значений языковых выражений. Вопрос, который вынесен в название книги «Почему вообще существует философия математики?», содержит в себе ключ (почти музыкальный), по которому организуется концептуальный анализ входящих в него имен: «почему» — причина; «вообще» — в платоновском смысле; «существует» — онтологическая

проблематика; «философия математики» – осмысление опыта математической деятельности.

Содержание книги – это многосложное обыгрывание семантических нюансов названия. Можно утверждать, что это «скольжение» по граням интерпретаций не выходит за тематические рамки традиции, заложенной поздними работами Витгенштейна, которая в свою очередь может быть включена в более широкое поле с заголовком «Философская антропология математики». Иными словами, автор, обладая широкой эрудицией, оперируя колоссальным количеством классических и современных источников, шаг за шагом выстраивает ответ на вопрос: как возможно математическое знание и с чем соотносится его содержание? Из-за некоторых повторов и постоянных авторских отсылок к «нижеизложенному» и «последующим параграфам» становится ясна причина мозаичности текста: книга собрана из лекций и статей, прочитанных и написанных в разное время, но по одному и тому же поводу.

Стоит отметить, что контраст между легкостью стиля (иногда тяготеющего к формату «разговора по душам») и сложностью обсуждаемых проблем приводит к неожиданному эффекту. Даже неискушенный читатель, не являющийся экспертом в области философии математики, через некоторое время чувствует себя вовлеченным в эмоциональную сферу противопоставлений философских концепций Декарта и Лейбница, Витгенштейна и Рассела, Куайна и Канта, Пифагора и Платона, Гауэрса и Конна, Кронекера и Дедекинда и многих других. Автор специально выстраивает текст на столкновении антагонистов. Причем бинарными, иногда полинарными оппозициями (в духе Леви-Стросса) становятся не только персоналии и их математические концепции, но и отдельные методы, разделы наук, стили мышления, значения слов и целые исторические эпохи. Сам Хакинг предпочитает балансировать в «сумеречной зоне», не проявляя собственных предпочтений и воздерживаясь от оценочных суждений. Очевидно, что работа на контрастах позволяет автору совершать переход от философских идей математики к исторической калейдоскопической перспективе. Красноречивый пример такого вращения калейдоскопа имеется в § 5.9 «Германский девятнадцатый век, представленный в афоризмах». Весь параграф – это гипертекстуальный узор. Для иллюстрации позволю себе обширную цитату:

«Вот одно из видений развития математического мира, от Гаусса до конца века:

Платон, согласно Плутарху, сказал, Бог вечно геометризирует. Гаусс сказал в первой половине девятнадцатого века: Бог арифметизирует (Ferreiros 2007:217f).

В своем знаменитом эссе 1888 г. «What are the numbers and what should they be?» («Что такое числа и какими они должны быть?») Дедекинд (1996) использовал в качестве своего девиза следующее: «Человек всегда арифметизирует» (Ferreiros 1999:215f).

А вот часто цитируемый афоризм Кронекера «Бог создал целые числа, а все остальное – творение рук человеческих» приписывается Генрихом Вебером (Weber 1893: 13) Кронекеру, произнесшему эти слова в лекции в 1886 г. О том, что Кронекер мог иметь в виду, см. §7.10.»¹

¹ Там же. С. 209

Стоит ли говорить, что § 7.10 называется «Против чего возражал Кронекер?». Такая контекстуальная насыщенность – особая черта всего текста. Удивительным является то, что текст легко воспринимается читателем, не имевшим ранее представления, к примеру, о том, что У. Томсон и П.Г. Тэйт – авторы классического британского учебника по викторианской физике и что атеист Дж.Р. Браун усматривает религиозные обертона, когда М. Штайнер адресует публике знаменитое замечание Е. Вигнера о чуде прикладной математики¹. Книгу Я. Хакинга можно читать так, как будто вы слушаете музыку в стиле фри-джаз. Если вы музыкант, то сможете распознать математические структуры, их симметрии и асимметрии, если нет – получите удовольствие от звучания и экспрессии исполнителей.

Центральная ось работы состоит из двух проблемных линий: 1) проблема доказательства – следование правилам вне необходимости при демонстрации аргументов; 2) проблема приложения – онтология фактов в так называемой чистой и прикладной математике. Сам автор называет свою книгу серией философских мыслей о доказательствах, применениях и прочих философских активностях. Из такой характеристики следует, что философам приходится прилагать усилия, чтобы указать математикам, где последние при решении своих задач заходят на территорию философии. По признанию самого автора в книге действуют три призрака: Платон, Кант и Витгенштейн. И для Хакинга важно вырваться из философских словарей этих призраков. Возможно, именно поэтому автор создает свой собственный ироничный словарь, который я бы назвал словарем «Вопросов и возгласов».

Центральные оси и историко-философские ответвления задают необычную структуру книги. Книга разбита на семь глав². И в каждой главе содержится идея, развитие которой разбивается на небольшое предисловие и два шага – А и В (исключением выступает глава 2). Каждый шаг включает в себя представление одной из сторон оппозиции. При этом читателю нужно быть готовым к нелинейному изложению материала. Например, при ответе на вопрос о приложениях математики Хакинг глубоко погружается в исторические контексты, приходя в итоге к выводу, что прикладная математика не является математикой. Автор рассматривает взаимовлияние различных традиций, школ и стилей мышления, от Платона, Ньютона, Канта и Гаусса до кембриджских апологетов чистой математики – Харди, Рассела и Уайтхеда. И здесь, чтобы показать очередную оппозицию чистой математики и инженерного приложения, Хакинг вполне предсказуемо использует противоречивую фигуру Витгенштейна. Эта цитата заслуживает внимания:

«В причудливом настроении я предположил, что было бы полезно взглянуть на Витгенштейна стереоскопически, с одним объективом, ориентированным на Вену, а другим на Кембридж. Через венский глаз каждый видит применение. Через Кембриджский глаз видна чистота»³.

¹ Скорее всего, речь идет о докладе Е. Вигнера «Непостижимая эффективность математики в естественных науках», прочитанном 1 мая 1959 г. в Нью-Йоркском университете на Курантовских математических лекциях.

² Особняком стоит раздел «Разглашение информации», в котором Хакинг в качестве примечаний приводит комментарии о цитируемых авторах, с большинством из которых у него были личные или профессиональные контакты.

³ Хакинг Я. Почему вообще существует философия математики? / пер. с англ. В.В. Целищева. Сер. Библиотека аналитической философии. Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. С. 222

Наиболее ценной мне видится классификация применений от App 0 «Математика в применении к математике» до App 7 «Причудливые применения». В семи приложениях (Applications) Хакинг представляет не только способы организации и использования математического знания, но органично вплетает приложения в исторический и даже политический контексты. Затем, разведя по разные стороны баррикад чистую математику и приложения, автор показывает, как смешиваются эти два типа в репрезентационно-дедуктивной модели. И теперь уже инженеры стремятся к радикальной идеализации, а математики – к реалистичному анализу. Иными словами, изначальные антагонисты (как в волшебной сказке) становятся временными союзниками.

В последних двух главах книги (по законам эпического жанра) сталкиваются два главных полюса философии математики – платонизм и антиплатонизм. В качестве действующих героев выступают Аллен Конн и Тимоти Гауэрс. В роли дополнительного персонажа – Андре Лихнерович как представитель структурализма в духе Бурбаки. Становится понятным, почему автор избегает вначале пар типа платонизм / интуиционизм или платонизм / номинализм. Обозначенные системы обладают целой сетью скрытых взаимодополнений, которые проявляются в зависимости от способа употребления. Для примера приводится «бледный» (или слабый – wan) платонизм У. Куайна, который проявился лишь из-за нескольких деталей его номиналистического подхода.

Далее мысль автора развивается очень стремительно. Конн в интервью утверждает существование математической реальности, предшествующей выведению концепций. Затем показывается важный, на мой взгляд, нюанс: структуралистский подход позволяет сделать вывод, что сущность чисел превосходит структурные и содержательные свойства определений чисел. Говоря о Гауэрсе, автор (в своей излюбленной манере) показывает, что Гауэрс отказался от «платонизма своего детства» по тем же причинам, по которым Гёдель к платонизму пришел. Рассматривая это противостояние в русле витгенштейновской денотационной семантики и параллельно давая «выжимку» из истории проблемы указания-референции-денотации, Хакинг переводит противостояние полюсов платонизма-антиплатонизма в антропологическую плоскость. Объяснение мировоззренческой позиции математика кроется в том, что он делает как математик. Я думаю, что в этом пассаже автор вновь не удержался и «смешал колоду» так тщательно разложенных «карт» чистой и прикладной математики. В итоге мы видим, что одни утверждают реальное существование математических абстракций, другие – указывают на бессмысленность таких утверждений. В книге канадского философа очень ясно показано, что это два разных дела – «утверждать» и «указывать». Остается открытым вопрос логической возможности противопоставления этих двух типов математической деятельности.

Полагаю, что приведенных примеров достаточно для общей иллюстрации способов конструирования текста, которые избрал Хакинг. Описывать балансирование автора между платонизмом / интуитивизмом и платонизмом / номинализмом было бы излишним. В последней главе обращает на себя внимание детальное прояснение терминов с разведением математического и философского типов структурализма. Если вы принимаете денотационную семантику, то выйти за рамки реализма (хотя бы и структурного) невозможно,

так как всегда должно существовать то, на что указываешь¹. Математическому структурализму удастся избежать этой онтологической ловушки.

После головокружительных восхождений по платоническим и контр-платоническим теориям автор в конце книги делает неожиданный с точки зрения хронологии ход – шаг назад к Пирсу. Кажется, что кантианский термин «гипостазирование», используемый Пирсом, – это решение для перевода номиналистической позиции в активное состояние. Если платонисты утверждают, что числа являются реальными, то для номиналистического гипостазера реальность чисел определяется действием над ними. Очевидно, что автору симпатична эта точка зрения, так как возвращает нас к витгенштейновской алхимии языка с символом Уробороса², требующей магии имени, способной продвигать человеческую культуру.

В последних параграфах автор коротко описывает собственную позицию в неразрешимых вечных вопросах математики, косвенно указывая на свою очарованность тайной соотношения математики и природы. В итоге философия математики существует потому, что существует человек и его математическое творчество, результаты которого требуют строго непротиворечивого дискурса. Философия математики обращена к зыбкой границе между созерцанием и артикуляцией.

В заключении еще раз укажу на то, что книга оставляет выбор читателю – делать титанические интеллектуальные усилия для понимания всех контекстуальных нюансов и интертекстуальных связей или получить удовольствие от легкого ироничного стиля изложения. Уверен, что в русскоязычной версии книги сохранение этого нарративного баланса – целиком и полностью заслуга переводчика. Работа будет полезной для специалистов в области истории и философии науки, философии математики, философии языка. Также можно рекомендовать эту книгу в качестве пособия для студентов старших курсов гуманитарных специальностей, работающих над совершенствованием стиля академического письма.

P.S.: И все-таки может ли математика быть подобной холестеролу?

Холестерол – жирорастворимый спирт, входящий в состав клеточных мембран всех живых организмов. Если задать вопрос «Что делает холестерол холестеролом?», то возможны номенклатурные ответы типа: C₂₇H₄₆O или (10R,13R)-10,13-диметил-17-(6-метилгептан-2-ил)-2,3,4,7,8,9,11,12,14,15,16,17-додекагидро-1Н-циклопент[а]фенантрен-3-ол. С математикой все сложнее. Не существует чего-то общего, на что указывает имя «математика» в пользовательских выражениях. Возможно, это авторский намек на то, что молчаливое математическое делание – самое красноречивое объяснение существования математики вообще.

Pavel N. Baryshnikov, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation).

E-mail: pnbaryshnikov@pglu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 272–278.

¹ Набрав это предложение, понимаю, что оказался под влиянием стиля Хакинга и бессознательно пытаюсь подражать.

² Уроборос – свернувшийся в кольцо змей, кусающий себя за хвост (древний мистический символ).

DOI: 10.17223/1998863X/61/27

CAN MATH BE LIKE CHOLESTEROL? (BOOK REVIEW: HACKING, I. (2020) *WHY IS THERE PHILOSOPHY OF MATHEMATICS AT ALL?* TRANSLATED FROM ENGLISH BY V. V. TSELISHCHEV. KANON+ ROOI “REHABILITATION”. 400 p.)

Keywords: philosophy of mathematics; Platonism; realism; intuitionism; constructivism; pure mathematics; applications of mathematics

The article reviews the Russian translation of the book *Why Is There Philosophy of Mathematics at All?* by Ian Hacking. The book discusses the fundamental problems of the philosophy of mathematics. The author being an analytic philosopher nonetheless refuses the academic analytical style of text presentation and creates a work extraordinarily saturated on the contextual and emotional levels. This review pursues several aims: ostensive, explicative and interpretive. It means, firstly, the review is designed to inform the Russian-speaking reader that, thanks to the talented translation, there is an opportunity to read an unusual and extremely relevant philosophical text. Secondly, the description of the structural and thematic framework of the book allows understanding the “labyrinth” of the author’s references, examples and narrative lines. Thirdly, the reviewer interprets key antagonistic pairs, in fact agreeing with the author’s anthropocentric measurement of ontological problems of mathematics. The free style of the review completely corresponds to the tonality of the considered text.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

STASIULIS Nerijus (СТАСИУЛИС Нерийус) – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania). Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса (г. Вильнюс, Латвия).

E-mail: nerijus.stasiulis@vilniustech.lt

АНДРУШКЕВИЧ Александр Геннадьевич – младший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (г. Томск); аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, философский факультет Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

БАТУРЕНКО Светлана Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: level_s@rambler.ru

БЕРЕСТОВ Игорь Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

E-mail: berestoviv@yandex.ru

БАРЫШНИКОВ Павел Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры исторических социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск).

E-mail: pnbaryshnikov@pglu.ru

ВОРОНЦОВ Владимир Степанович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (г. Ижевск).

E-mail: vvorontsov@rambler.ru

ГОНЧАРКО Оксана Юрьевна – кандидат философских наук, кафедра философии Санкт-Петербургского горного университета (г. Санкт-Петербург); научный сотрудник Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург).

E-mail: goncharko_oksana@mail.ru

ДЕНИСОВА Галина Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» Тольяттинского государственного университета (г. Тольятти).

E-mail: g.denosova@tltsu.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Дмитрий Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, права и управления здравоохранением Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова (г. Рязань).

E-mail: emelyanov62@yandex.ru

ЗВОРЫГИН Роман Викторович – аспирант кафедры управления в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: vatmana3@inbox.ru

ИСАЕВ Дмитрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Средних веков и Нового времени Института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

E-mail: disaew@mail.ru, dpisaev@sfnedu.ru

КОРНИЛАЕВ Леонид Юрьевич – кандидат философских наук, научный сотрудник Академии Кантианы, Балтийский федеральный университет имени И. Канта (г. Калининград).

E-mail: LKornilaev@kantiana.ru

КОЧЕТКОВ Александр Павлович – доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: apkoch@mail.ru

ЛОБОВИКОВ Владимир Олегович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург).

E-mail: vlobovikov@mail.ru

МАКЛАШОВА Елена Гавриловна – доктор социологических наук, заместитель директора Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск).

E-mail: maklashova@mail.ru

МАТЕЦКАЯ Анастасия Витальевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии религии и религиоведения Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

E-mail: tojgar@mail.ru

МАТЮСОВА Анастасия Игоревна – магистр политических наук, аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: nmatyusova@gmail.com

МЁДОВА Анастасия Анатольевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, институт социального инжиниринга (г. Красноярск); профессор кафедры музыкально-художественного образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (г. Красноярск).

E-mail: amedova@list.ru

МИХАЙЛОВ Игорь Феликсович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН (г. Москва).

E-mail: ifmikhailov@gmail.com. http://iph.ras.ru/igor_mikhailov.htm

НАУМОВА Екатерина Игоревна – доктор философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: naumova11@inbox.ru

ПЕТРЕНКО Валерия Владимировна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии, теории познания, социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск).

E-mail: vptomsk@mail.ru

ПЕТРОВ Юрий Львович – студент, отделение социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: creapp2010@mail.ru

ПЕТРОВА Галина Ивановна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); профессор кафедры культурологии, теории и истории культуры ИИК Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: seminar_2008@mail.ru

ПОДШИБЯКИНА Татьяна Александровна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

E-mail: tan5@bk.ru

РАХМАНИНОВА Мария Дмитриевна – доктор философских наук, кафедра философии Санкт-Петербургского горного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: nordseeinsel@yandex.ru

СОЛОВЬЕВ Александр Иванович доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: solovyev@sra.msu.ru

ФЕДЯНИНА Владлена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой японского языка Московского городского университета (г. Москва).

E-mail: fedlada@mail.ru

ФИЛИПЕНОК Станислава Андреевна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философских проблем творчества Института философии Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: Stanafil@mail.ru

ХЛЕБАЛИН Александр Валерьевич – кандидат философских наук, заместитель директора по научной работе Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail: sasha_khl@mail.ru

ХРОМЧЕНКО Анна Сергеевна – магистрант, кафедра философии и методологии науки, философский факультет Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: annhs971017@gmail.com

ЦЕЛИЩЕВ Виталий Валентинович – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail: leitval@gmail.com

ШВИНДТ Ульяна Сергеевна – аспирантка кафедры прикладной социологии, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: uliana_s@list.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2021. № 61

Редакторы *Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 28.06.2021 г. Дата выхода в свет 23.07.2021 г.
Формат 70х100^{1/16}. Печ. л. 17,63; усл. печ. л. 22,92; уч.-изд. л. 24,18.
Тираж 50 экз. Заказ № 4722. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru